

INSPIRIA

ТЫСЯЧА СВАДЕБНЫХ ПЛАТЬЕВ

БАРБАРА ДЭВИС

INSPIRIA

Annotation

ЧУВСТВЕННАЯ И ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О СПЛЕТЕНИИ СУДЕБ И ЧУДЕ.

ВЫБОР AMAZON В ЖАНРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА.

Долгие годы семья Солин Руссель держала в Париже салон свадебных платьев, где творилось настоящее волшебство. Невесту, надевшую платье от Руссель, ждало счастливое будущее. Но Вторая мировая война перевернула жизнь Солин... Потеряв веру в любовь, она спрятала свои воспоминания и разбитые мечты в коробку и оставила загадочное ремесло.

Проходят десятки лет. Бостонская художница Аврора Грант, чей жених несколько месяцев назад пропал в Африке, пытается пережить утрату. Она мечтает открыть художественную галерею, и поиски приводят ее к ветхому зданию, где когда-то располагался свадебный салон Солин. Обнаружив коробку с письмами и старым свадебным платьем, Аврора понимает, что все не случайно.

Знакомство Авроры и Солин становится началом большой истории, где есть место чуду и вере в себя...

Очаровательный роман о судьбе, вторых шансах и надежде, потерянной и обретенной. От автора бестселлера «Последняя из лунных дев».

«В книги Барбары Дэвис непременно влюбятся поклонники Кэтрин Райан Хайд и Люсинды Райли». – *Booklist*

«Этот роман дарит надежду на то, что всех нас рано или поздно ждет счастливый конец. Идеальное сочетание романтики и тайн с вкраплениями магии. Не пропустите!» – *Керри Энн Кинг*

«Интригующий роман, где сплетаются печаль, радость и загадки судьбы». – *Historical Novel Society*

«Как и свадебное платье, созданное с любовью, эта история пронизана романтикой и тайнами, которые очаруют... и заставят читателей поверить в магию». – *Кристин Нолфи, автор бестселлеров*

- [Барбара Дэвис](#)

-
-
-
- [От автора](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
-

Барбара Дэвис

Тысяча свадебных платьев

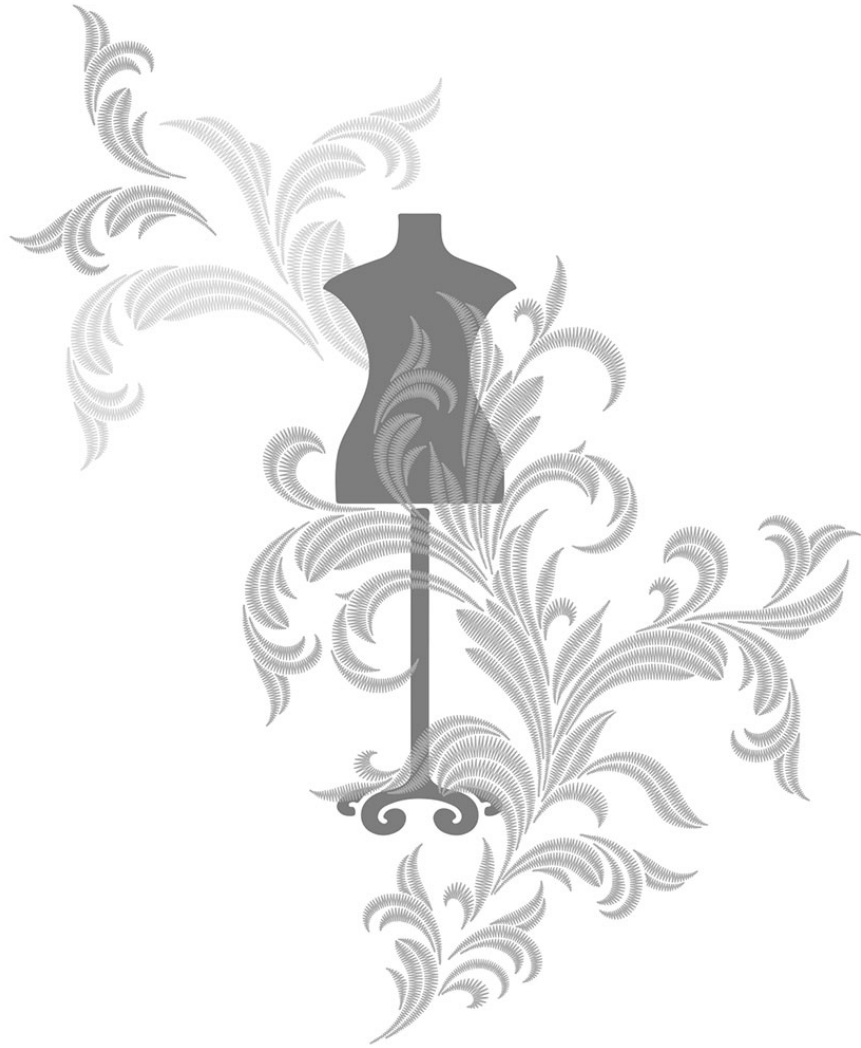
Barbara Davis
KEEPER OF HAPPY ENDINGS

Copyright © 2021 by Barbara Davis This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

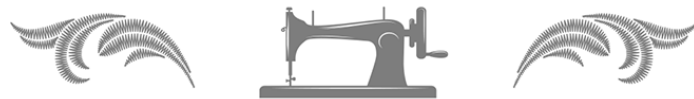
© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

БАРБАРА ДЭВИС

ТЫСЯЧА
СВАДЕБНЫХ
ПЛАТЬЕВ

INSPIRIA

Москва
2023

Книга посвящена миллионам медиков всего мира, которые, рискуя собственным здоровьем и безопасностью, спасали наших близких и любимых в 2020-м и последующих годах, – этим истинным, всем до единого, героям.

Настоящие герои бывают очень разные – и мало кто из них может похвастаться сияющими значками, пришпиленными на груди.

Солин Руссель. Хранители счастливого финала

Мы – избранные. Служанки Великой Матери, происходящие из древнего рода, призванные способствовать делу любви и подлинному человеческому счастью.

Мы – les tisseuses de sorts, те, кто ткёт материю волшебства.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

От автора

Несмотря на то что в моем романе упоминаются отдельные исторические события, он всецело является плодом художественного вымысла. Все имена, персонажи, связанные с ними события, даты и выпавшие на их долю испытания мною придуманы или скрываются за вымышленными именами и реалиями.

Пролог

Солин

*Вера – весьма существенный ингредиент.
Если потерял веру в магию – то потерял все.*

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

13 сентября 1976 года.

Бостон

Сколько себя помню, любой финал всегда пробуждал во мне щемящую печаль. Последние звуки песни, неотвратимо угасающие в тишине. Падающий занавес в завершении пьесы. Последняя снежинка. Последние слова перед прощанием.

Мне много выпало прощаний.

Сейчас все они вроде бы остались в далеком прошлом, однако совокупная их боль по-прежнему берedit душу. Наверное, я просто перебрала сегодня вина – от этого у меня такая меланхолия. Или же перебрала с жизнью, с ее потерями – уж слишком много осталось от нее шрамов. И, что примечательно, – меня как будто притягивают эти шрамы, эта своеобразная карта моих ран, что не ведет меня ни вперед, ни назад.

Я вновь приношу из чулана свою заветную коробку и ставлю на кровать. В смысле физическом она не слишком много весит, однако собранные в ней воспоминания несут груз совсем иного рода. Тот, что ложится на сердце тяжестью. Сделана она из плотного, добротного, серого картона с металлическими крепежами по углам и толстым шнуром, продетым в нее в качестве ручки. Задержав дыхание, я снимаю крышку и откидываю лежащую сверху в несколько слоев мятую папиросную бумагу, чтобы увидеть хранящееся под ней платье. Оно изрядно состарилось с годами – равно как и я. Там же, перевязанная ленточкой, покоится и пачка писем – в большинстве на французском, но некоторые и на английском. Их я прочту немного позже, что частенько делаю в такие ночи, как эта, когда меня угрюмыми тенями окружают зияющие в моей жизни пустоты. В этом

ритуале есть свой порядок, последовательность, которую я никогда не меняю. Когда в твоей жизни столько всего вырвано с корнем, когда ты столько всего лишился – следует искать утешения хотя бы в ритуалах. Пусть даже и в печальных.

Я вынимаю из коробки платье и держу его в руках. Бережно, как держат дитя – или же как лелеют надежду. Как можно ближе прижимая к сердцу и, быть может, слишком ревностно. Подхожу с ним к зеркалу – и на какой-то миг из него выглядывает на меня *она*, та девушка, которой я была до того, как гитлеровские солдаты вошли в Париж. Исполненная надежды и наивных светлых грез. Однако уже через мгновение она исчезает. И вместо нее оказывается печальная женщина, которой я стала. Измученная жизнью и одинокая. Без единой мечты. Мой взгляд непроизвольно возвращается к коробке, к коричневому кожаному футляру, лежащему на самом ее дне. И от воспоминания, как я увидела эту вещь впервые, сжимается сердце. «Храни его у себя, пока я не вернусь домой», – сказал *он*, вкладывая мне в руки футляр в то последнее утро.

Отложив платье, я, наверное, уже в сотый раз расстегиваю несесер и провожу пальцами по черепаховому гребню и такому же рожку для обуви, касаюсь помазка для бритья и бритвенного станка. Все эти вещи настолько личные – и он собственноручно передал их мне. Из-под коричневой эластичной ленты вынимаю небольшой хрустальный флакончик – давно уже опустевший, – и отвинчиваю крышку, с тоской надеясь уловить оттуда изысканный мужской аромат, что так ярко отложился у меня в памяти. Запах соленой морской воды и лимонной цедры.

Энсон.

Вот только на сей раз – впервые за все время – от флакона не веет ни малейшим напоминанием о нем. Тридцать лет я подносила к носу пустой флакон, находя утешение в том единственном, что у меня оставалось – в *его* запахе. А теперь исчезло даже это.

Я готова расплакаться, но слез нет. По-видимому, я уже все выплакала. И теперь полностью опустошена. Возможно, это даже к лучшему. Возвращаю флакон на место и застегиваю футляр. Перевожу взгляд к оставшейся в коробке пачке писем, обычно завершающей мой маленький печальный ритуал. Сегодня я не стану их читать. Или, возможно, уже не прочту никогда.

Пора оставить это в прошлом. Пришла пора все отпустить навеки.

Я возвращаю футляр в коробку, затем складываю платье и бережно опускаю следом, расправляя рукава поверх лифа так, как укладывают руки покойного на похоронах. Полагаю, именно это сравнение сейчас как нельзя кстати. В последний раз с нежностью провожу ладонью по тонкой ткани, потом укрываю платье папиросной бумагой и опускаю крышку.

Adieu, Anson, mon amour. C'est la fin^[1].

Глава 1

Рори

26 мая 1985 года.

Бостон

Не может быть, чтобы уже настало воскресенье! Только не это!

Рори хлопнула ладонью по кнопке будильника и снова откинулась на подушку, словно желая, чтоб этот день исчез. Однако через пять минут будильник затрещал снова, и это могло означать только одно: каким-то образом в ее жизни пропала еще одна неделя, рассеялась в мутном потоке будней – с едой навынос и старыми сентиментальными фильмами, с долгими, бесконечными ночами и одержимым чтением о счастливых финалах у других людей.

Когда она откинула одеяло и спустила ноги с кровати, на пол бухнулась книга в мягкой обложке. «Зимняя роза» Кэтлин Вудивисс, которую она одолела к четырем часам утра. Рори уставилась на раскрытую книгу, подбитой птицей валяющейся у ее ног. Прежде она никогда не питала страсти к любовным романам, теперь же едва ли не проглатывала их один за другим. Для Рори это была словно порочная утеха, заставлявшая ее испытывать легкий стыд – точно пристрастие к азартным играм или порнографии.

Подхватив с пола прочитанный роман, Рори отправила его в плетеную корзину, где лежало уже не меньше десятка таких же книг, ожидающих отправки в благотворительный фонд «*Goodwill*». У входной двери стояла еще коробка с книгами, третья лежала в багажнике автомобиля. «Пустые калории для мозга» – как называла это чтиво ее мать. Между тем глаза девушки скользнули к стопке новых корешков с заголовками, возвышающейся на ее ночном столике. Следующей ночью ее ожидала последняя книга Джоанны Линдсей.

Рори порылась пальцами в ворохе нераспечатанной почты, также лежащей на тумбочке возле кровати, среди которой затерялся и буклет с перечнем курсов магистерской программы, который она предпочитала не замечать, и наконец выкопала «Ролекс» из нержавейки с золотом, что подарила ей мать на окончание бакалавриата. Как и следовало ожидать, часы остановились.

Дата в маленьком окошечке под увеличительным стеклом уже отстала на три дня. Рори переустановила время, завела часы и надела их на запястье, после чего мысленно нацелилась на чашку крепкого кофе. Без кофеина она однозначно не сможет встретить этот день.

Оказавшись на кухне, Рори обвела ее взглядом со все нарастающим чувством безысходности. Забитая грязной посудой раковина, переполненное мусорное ведро, остатки вчерашнего заказа из «Восточного Рая». Рори рассчитывала как следует прибраться на кухне после ужина, однако потом начали показывать «Плоды случайности»^[2], и она была не в силах оторваться от экрана, пока Грир Гарсон и Рональд Колман наконец не воссоединились. К тому времени, когда Рори наконец наплакалась, она уже напрочь забыла про кухню. А теперь на уборку и вовсе не хватало времени, если она рассчитывала к одиннадцати часам оказаться в другом конце города.

Добавив в кофе сливок, она подумала было позвонить матери и отказаться от визита – сослаться на больное горло или мигрень, или на то, что якобы мутит, как от пищевого отравления. Однако за этот месяц она уже дважды избегала их традиционной встречи, что означало, что на сей раз она просто обязана туда поехать.

Стоя под душем, Рори мысленно готовилась к предстоящему «допросу с пристрастием»: к вопросам о ее дальнейшей учебе, о хобби, о планах на будущее. Вопросы эти от встречи к встрече никогда не менялись, и Рори с каждым разом все труднее было делать вид, будто они вызывают в ней какой-то отклик. Правда крылась в том, что у нее не было таких хобби, которые ей бы хотелось с кем-то обсуждать, что ее ужасала сама мысль о возвращении в колледж и что все ее планы на будущее сейчас оказались под большим сомнением. Тем не менее она всякий раз изображала бодрый вид и говорила нужные слова, поскольку именно их от нее и ожидали. И потому, что альтернатива этому – а именно полное погружение в глухую черную дыру, в которую ныне превратилась ее жизнь, – казалась слишком мучительной, чтобы о ней серьезно размышлять.

Рори прошлепала босыми влажными ногами в спальню, на ходу суша волосы полотенцем, и всеми силами попыталась удержаться перед привычным уже зовом, исходящим от ночного столика. В последнее время уже стало утренним ритуалом прочитать письмо-другое от Хакса, но сегодня на это просто не было времени. И,

тем не менее, Рори все же выдвинула нижний ящик и вытянула хранившуюся там коробку с письмами. Сорок три конверта, подписанных его мелким порывистым почерком. Этаким спасательный трос, прочно привязывающий ее к Хаксу и не позволяющий ей пойти ко дну.

Первое послание оказалось в ее почтовом ящике всего через пять часов после того, как его борт покинул международный аэропорт Логан. Хакс отправил письмо ночной доставкой, чтобы быть уверенным, что оно прибудет вовремя. Второе он написал, уже сидя в аэропорту перед выходом на посадку, следующее – в самолете. Поначалу письма поступали почти что каждый день, затем частота их сошла к одному-двум в неделю. А потом они просто перестали приходить.

Рори взглянула на фотографию у самой кровати, сделанную в ресторане на Мысе в ближайший уик-энд после его предложения руки и сердца. Доктор Мэттью Эдвард Хаксли – или Хакс для всех, кто близко его знал. Как же она скучала по его лицу, по его смеху, по незатейливым шуткам и фальшивому пению, по его любви ко всяким мелким безделушкам и по его идеально приготовленной яичнице.

Познакомились они на благотворительном мероприятии по случаю открытия нового неонатального отделения интенсивной терапии при университете Тафтса. От его обаятельной улыбки у Рори буквально захватило дух – но именно то, какая необыкновенная личность скрывалась за той улыбкой, собственно, и решило исход дела.

Сын двух педагогов, обучающих детей с ограниченными возможностями, Хакс очень рано и на близком родительском примере постиг всю ценность служения обществу. Когда он учился на первом курсе университета Северной Каролины, на трассе I-40 в машину его родителей лобовым столкновением врезался лесовоз, выехавший на встречную полосу. После похорон, оставшись абсолютно без руля и без ветрил, с одной лишь безысходной горечью в душе, Хакс бросил учебу и провел лето на пляжах Аутер-Бэнкса, бездельничая в окружении местных серферов и глуша тоску «Капитаном Морганом».

Наконец он все же смог взять себя в руки, вернулся в университет, а затем поступил на медицинский факультет. Сначала он собирался стать терапевтом, однако после недели врачебных обходов в отделении педиатрии эти планы изменились. Закончив последипломную больничную подготовку, Хакс подписал контракт с организацией «Врачи без границ» на оказание помощи детям Южного Судана, чтобы почтить таким образом память своих родителей.

Это качество Рори любила в нем едва ли не больше всего. История его жизни была далека от идеальной. У Мэттью Хаксли не было ни своего трастового фонда, как у нее, ни загородного клуба для избранных. Он пережил страшные вещи – такие, что всколыхнули его до основания и выбили из колеи, – и все же он нашел в себе силы снова обрести твердую почву под ногами, нашел свой способ помогать людям. Когда настало время отъезда, Рори тяжело было провожать его в путь, однако она гордилась Хаксом и той миссией, которую он на себя принял, пусть даже его письма было тяжело читать.

В одном Хакс признался, что пристрастился к курению. *«Здесь все до единого смоят по-черному. Наверно, чтобы не дрожали руки. Мы все уже невероятно вымотались»*. В другом послании он написал о журналистке по имени Тереза, приехавшей делать репортаж для Би-би-си, о том, как та некоторое время поддерживала его связь с внешним миром. Писал Хакс и о своей работе, о бесконечных днях в импровизированной хирургической палате, о местных детях, покалеченных, осиротевших, перепуганных. Все оказалось куда хуже, чем он прежде мог себе представить, но как врач он приобрел профессионализм: стал более решительным и жестким и вместе с тем более сострадательным.

Темп их работы был изнурительным, душевное потрясение явно казалось сильнее, чем он мог адекватно выразить на бумаге.

«Мы настолько избалованы у себя в Штатах! Там мы не в состоянии осознать весь масштаб беззакония и варварства, той страшной, душераздирающей нужды, что существует в иных местах земного шара. Отсутствие элементарной человечности. Когда видишь, что здесь творится, то понимаешь, что все, что мы здесь делаем – и я, и каждый из нас, – всего лишь капля в море».

Это было его последнее письмо.

Прошла неделя, другая, третья – а ее письма к Хаксу так и оставались без ответа.

А потом, когда она однажды слушала Национальное общественное радио, причина его молчания внезапно стала ясна. Представительство США заявило, что в Южном Судане во время предрассветного нападения на госпиталь группа вооруженных повстанцев похитила троих: американского врача, медсестру из Новой Зеландии, а также британскую журналистку, работавшую там по заданию компании Би-би-си и журнала «*World*».

Только через семь дней официально подтвердилось то, что Рори и так уже поняла: что Хакс и был тем самым похищенным американцем. Но это все равно ничего не дало. На грузовике, который видели отъезжающим отдельные свидетели, не было никаких опознавательных знаков. Как не было и описания мужчин, которые силком, под дулом оружия вывели их из медицинской части. И никто не заявил об ответственности за нападение – что обычно происходит в течение первых сорока восьми часов. Похищенная тройца как будто испарилась.

Минуло уже пять месяцев, но Рори все еще ждала. По данным Госдепартамента, к поискам пропавших были привлечены все возможные ресурсы, отслеживалась каждая зацепка, которых, впрочем, было не так уж много. Восемь недель назад на территории Ливии был проведен ночной рейд на заброшенную лачугу, где, по сообщению некоего лица, видели женщину, подходившую под описание похищенной журналистки. Но к тому времени, когда туда вошли, дом оказался пуст, и след его обитателей давно простыл.

По официальному заявлению Госдепа, они «продолжали сотрудничество со всевозможными гуманитарными организациями в целях найти похищенный боевиками персонал и обеспечить его безопасное возвращение на родину». Однако правда состояла в том, что никакой новой информации не поступало, а это означало, что перспективы благополучного исхода становились все более сомнительными.

С минуты Рори смотрела на коробку с письмами, едва противостоя желанию выудить из нее пару посланий и забраться с ними обратно в постель. Однако ей необходимо было побывать сегодня совсем в ином месте. Даже, на самом деле, в двух местах, учитывая, что она

договорилась во второй половине дня встретиться с Лизетт в кондитерской «Сладкие поцелуи».

Двадцать минут спустя Рори подхватила в прихожей сумочку и ключи, еще раз напоследок взглянула на себя в зеркало. Белые слаксы и шелковая бледно-персиковая блузка на пуговицах без рукавов. Еще влажные волосы собраны в хвост. На ресницах немного туши, едва заметный блеск на губах, в ушах неприметные гвоздики с маленькими бриллиантами. Конечно, далеко не на уровне стандартов. Впрочем, с точки зрения ее матери, у нее ничто и никогда не дотягивало до уровня.

Глава 2

Рори

Стоило Рори войти в дом, как ее окутали ароматы свежемолотого кофе и сконов^[3] с черникой. Из кухни она уловила негромкое жужжание маминой соковыжималки. Скинув в прихожей балетки, Рори поставила их у самой двери – носками к выходу, – на случай, ежели потребуется срочно ретироваться. Видит бог, подобное случалось уже не раз.

Как обычно, дом пребывал в безукоризненном порядке. С роскошными бежевыми коврами и старательно подобранной мебелью, он олицетворял собою состоятельность хозяйки и ее изысканный вкус. На стенах, естественно, красовалось «правильное» искусство – неизменные вазы с фруктами и кувшины с пышно распустившимися маками в тяжелых позолоченных рамах. И нигде ни пылинки, ни даже чуточку покосившейся картины.

Дом этот выглядел абсолютно так же, и когда Рори была маленькой – и все благодаря воинственно-незыблемым требованиям матери относительно порядка и чистоты. Не ходить в обуви дальше прихожей. Не засаливать руками стены. Не выносить еду или напитки за пределы столовой – за исключением тех случаев, когда в доме устраивалась вечеринка. А вечеринок, надо сказать, бывало здесь предостаточно. Чаепития с подругами, коктейльные вечеринки, званые обеды и, разумеется, мероприятия по сбору средств в благотворительные фонды ее матери – каждое из которых проводилось на высшем уровне, после чего дом тщательно вычищался командой профессионалов, всегда готовых явиться к Камилле по первому звонку.

Матушку Рори нашла на кухне – та переливала в кувшин свежавыжатый апельсиновый сок, характерно позвякивая своим «фирменным» золотым браслетом с подвеской. В брюках цвета хаки и белой крахмаленной блузке она выглядела исключительно свежей и опрятной, тяжелые золотистые волосы были убраны назад в низкий хвост. Камилла точно сошла с обложки журнала домашнего стиля

«*Town & Country*». Как обычно, макияж ее был безупречен: изящно подкрашенные глаза, чуточку поддурмяненные щеки, легкий налет персикового блеска на губах. В свои сорок два года она еще вполне была способна вызывать восхищение у мужчин.

Когда Рори вошла на кухню, мать оглянулась.

– Ну наконец-то, – молвила она, окинув свою дочь быстрым, но придирчивым взглядом. – А то я уже начала думать, что ты снова не приедешь. У тебя что, мокрые волосы?

– Не было времени их просушить. Чем могу тебе помочь?

– Все уже приготовлено и, надеюсь, еще не остыло. – Она вручила Рори тарелку с идеально нарезанными ломтиками дыни и доверху полную чашу с клубникой. – Неси-ка это на стол, а я прихвачу все остальное.

Взяв в руки фрукты, Рори направилась к террасе. Утро выдалось просто идеальным: небо было поразительно голубым, легкий нежный ветерок обещал раннее лето. Внизу, куда ни глянь, раскинулся Бостон с его извилистыми улицами и беспорядочно торчащими макушками крыш. Вдоль реки тянулся Сторроу-драйв с нескончаемым потоком машин, виднелась полная яркой зелени Эспланада, поблескивала на солнце река Чарльз, усеянная яркими крохотными парусниками.

Рори бесконечно любила свой город со всеми его контрастами и противоречиями. С его богатой колониальной историей и живой, бурлящей мультикультурой большого «плавильного котла»^[4]. Искусство, еда, музыка, наука – все здесь словно рвались вперед, оттирая друг друга локтями и пытаясь перетянуть внимание на себя. И все же было что-то особенное в том, чтобы лицезреть все это отсюда, сидя вдали от шума и суеты, что всегда, пока Рори росла в этом доме, ощущалось ею как некое маленькое волшебство. У нее появлялось чувство, будто внезапно для всех она может отрастить себе крылья и навсегда улететь.

В юности она часто мечтала улететь отсюда прочь – стать кем-то совсем другим, жить совершенно иной жизнью. Жизнью абсолютно собственной. С собственной карьерой, не имеющей никакого отношения к ее матери. С мужем, который абсолютно не похож на отца Рори. И у нее все это почти что получилось.

Почти...

Это слово камнем сидело у нее в груди, неизбывной тяжестью давя на сердце, делая непосильными даже совсем элементарные дела вроде похода в универсам или встречи с подружкой. Конечно, такая потребность удалиться от мира не выглядела нормальной. Однако для Рори она была вовсе не нова. Она всегда тяготела к интровертной области жизненного спектра, всеми стараниями избегая шумных вечеринок и прочих людных мероприятий, не говоря уже о том внимании, что неизменно приковывалось к ней как к дочери одной из самых выдающихся представительниц филантропической элиты Бостона.

Чтобы ни единый волосок не выбился из прически, чтобы не допустить никакой, даже самой мелкой, оплошности – такова была Камилла Лоуэлл Грант. Неизменно правильное облачение, правильный внешний облик, правильный во всех отношениях дом, правильные произведения искусства. Все было в ее жизни правильно – если только не считать постоянно изменяющего супруга и трудной, своенравной дочери. И тем не менее Камилла с достойной восхищения стойкостью несла свою нелегкую ношу. Почти всегда.

Устанавливая блюда с фруктами, Рори оглядела накрытый стол. Выглядел он, как иллюстрация из журнала «*Victoria*»: белоснежный островок скатерти с бабушкиным английским фарфоровым сервизом *Royal Albert*, льняные салфетки, с безупречной аккуратностью сложенные перед каждой предполагаемой персоной, а в центре стола – ваза с восковыми белыми гардениями, «фирменным» цветком ее матери. В общем, как всегда и во всем, – изумительное совершенство.

Начало традиции совместного бранча было положено в тот день, когда Рори исполнилось двенадцать лет, и очень быстро эта воскресная трапеза превратилась в еженедельный ритуал. Меню от недели к неделе менялось: к столу подавались или свежие фрукты с какой-то домашней выпечкой, или тосты с копченым лососем и мягким сливочным сыром, а иногда и безупречно приготовленный омлет с сезонными овощами. И лишь одно при этом было постоянным и неизменным: коктейль «Мимоза» из свежавыжатого апельсинового сока и идеально охлажденного шампанского «Вдова Клико».

Изначально предполагалось, что на этих встречах они смогут обмениваться последними новостями, рассказывать друг другу, как прошла неделя. Однако в последнее время их посиделки тет-а-тет

сделались чересчур напряженными, поскольку Камилла всякий раз находила новые и не слишком деликатные способы намекнуть дочери, что, быть может, той пора уже двигаться по жизни дальше.

Рори покрутила пальцами кольцо на левой руке – с небольшим овальным рубином, у которого снизу проглядывала крохотная щербинка. С этим перстнем отец Хакса делал предложение его матери – это было все, что он мог тогда себе позволить, вернувшись простым солдатом с Корейской войны^[5]. Хакс обещал Рори, что они вместе потом отправятся в магазин и выберут для нее настоящее помолвочное кольцо, однако именно с перстнем своей матери он хотел задать избраннице этот важнейший для себя вопрос. Тронутая его сентиментальностью, она предпочла оставить у себя именно это украшение, глубоко взволнованная тем, что Хакс доверил ей такую ценную для себя вещь. А теперь кольцо его матери было одним из немногих, что осталось у Рори от Хакса.

Когда из кухни показалась Камилла с двумя тарелками, Рори отодвинула эти мысли подальше.

– Фриттата со спаржей и грибами, – объявила мать, эффектным движением выставляя тарелки на стол.

– Выглядит восхитительно! – воскликнула Рори, занимая свое обычное место. Ее матушка никогда не слыла заядлым кулинаром – и тем не менее довольно хорошо знала, как управляться на кухне.

Камилла между тем вытащила из-под мышки несколько университетских учебных проспектов и вручила их Рори, после чего села напротив нее за стол.

– Они пришли еще на прошлой неделе, но ты тогда манкировала наш бранч. Еле сдержалась, чтобы не сказать почтальонше, что знать не знаю девушки по имени Рори, и не спросить, нет ли у нее почты для моей дочери Авроры.

Рори сухо улыбнулась:

– Тебе пора уже найти какую-то новую тему, мама. Эта шутка явно устарела.

– Рори – какое-то мальчишеское имя. А тебя зовут *Аврора*. И это очень красиво. Вполне подобающе леди.

– Подобающе престарелой леди, – парировала Рори. – И как раз папа его и сократил. И его такая укороченная версия ничуть не напрягала.

Мать даже фыркнула в ответ:

– Чтобы что-то могло напрягать, надо по меньшей мере находиться рядом.

Рори взяла со стола вилку, с вялой рассеянностью потыкала ею во фриттату. Да, так оно и было. Интересы ее отца всегда простирались где-то поодаль. Она не представляла, сколько у него на счету было «левых» походов, однако подозревала, что мать знала, сколько именно. На протяжении долгих лет Камилла отслеживала каждую женщину, входившую ненадолго в жизнь Джеффри Гранта, скрупулезно добавляя новое имя в коллекцию, точно четвертаки в «ругательную банку»^[6].

Очевидно, Камилла не развелась с ним из-за дочери, хотя Рори подозревала, что уик-энд в майамском курортном Дорале с двадцативосьмилетней секретаршей мог бы стать решающим ударом по их браку, если бы отец не умер в ее постели. Большинство светских дам не смогли бы оправиться от подобного скандала – от столь катастрофической развязки и столь лакомого для публики клише, – однако для Камиллы это стало жемчужиной ее коллекции измен, с гордостью приобретенным знаком чести.

– Ты, я вижу, ничего не ешь?

Рори взяла из вазочки с клубникой ягоду, принялась старательно жевать. Камилла тем временем достала из ведерка со льдом бутылку «Вдовы» и завозилась с пробкой. Через пару минут Рори потянулась через стол и забрала у матери шампанское:

– Позволь-ка, я открою, пока ты не выбила никому глаз.

Вскоре пробка с легким хлопком выскочила из бутылки. Рори налила шампанское в бокалы, добавив апельсиновый сок. Без слов, по привычке, они легонько чокнулись коктейлями, после чего обе принялись за еду.

За завтраком разговаривала в основном Камилла, со стороны Рори требовался минимум участия. Сплетни о пластических операциях и слухи о разводах. Сообщение о предстоящей поездке подруги в Ирландию. О том, что дают в следующем сезоне в Бостонском оперном театре. О тематике для новогоднего благотворительного бала, который Камилла вновь организывает в этом году. В конце концов их незатейливая светская беседа неминуемо вторглась на уже знакомую, хотя и очень дискомфортную для Рори территорию.

– Я тут на днях случайно повстречалась с Диной Маршалл, когда отвозила в ремонт часы. Дениз, ее младшая дочь, осенью собирается в Бостонский университет. Намерена заниматься музыкой. На арфе, если не ошибаюсь. Я ей сказала, что ты в августе собираешься вернуться в Тафтс заканчивать магистратуру. А затем, возможно, отправишься в Париж на стажировку, которую мы с тобой уже обсуждали. Она просила передать тебе всяческие поздравления.

– Дениз занимается фортепиано, – сухо констатировала Рори. – На арфе играет Патриция.

– Да, точно! Конечно же, на фортепиано. – Камилла взяла со стола салфетку, старательно промокнула рот. – Ну а ты как? Ждешь возвращения в колледж?

Рори снова потянулась за шампанским, освежила содержимое бокала, на сей раз обойдясь без апельсинового сока. Не торопясь отпила немного, потом подняла глаза на мать:

– Я ничего уже не жду.

Вздыхнув, Камилла переложила себе на тарелку один из сконов.

– Ты что, дуешься на меня, Аврора?

– Мне двадцать три года, мама. Я уже не дуюсь.

– В самом деле? А что, по-твоему, сейчас происходит?

Рори поставила бокал с «мимозой» и выпрямилась на стуле:

– Мы три недели с тобой не виделись. И ты даже не хотела спросить, что нового слышно о Хаксе?

Камилла быстро взглянула на нее:

– Ну, разумеется, хотела.

– Интересно, когда? Мы уже закончили завтрак. Мы поговорили о подтяжке лица у Вики Фостер, о том, какая потрясающая еда в Британии, о твоих планах в связи с благотворительным балом и о том, что дочка Дины Маршалл решила заняться музыкой. И ты так и не сумела выбрать момент, чтобы втиснуть в этот насыщенный разговор имя моего жениха.

– Ты же не думаешь на самом деле, что я стану за завтраком обсуждать такие серьезные вопросы?

– Какое отношение это имеет к завтраку?

Уголки рта у Камиллы слегка опустились, идеально изобразив легкую обиду.

– Я старалась проявить деликатность.

– Деликатность?! – От этого слова Рори даже стиснула зубы, как будто хорошие застольные манеры и впрямь были оправданием такого наплевательского отношения. – Мне не нужно от тебя деликатности, мама. Мне необходимо, чтобы ты обо мне беспокоилась. Но тебе все равно. И всегда было все равно.

У Камиллы округлились глаза.

– Ну что ты такое говоришь!

– Он никогда тебе не нравился. С самого первого дня ты вела себя так, будто видела в нем лишь некую стадию моей жизни. Будто надеялась, что рано или поздно я из этого вырасту – как, например, из тяги к футболу.

– Это неправда.

– Как раз абсолютная правда. Тебе не нравилось ни то, как он выглядит, ни его увлечение серфингом, ни тот факт, что он оставил частную врачебную практику. Но главная загвоздка – что тебе не нравится то, что он приехал из какого-то маленького прибрежного городка в Северной Каролине, о котором здесь никто и слыхом не слыхал. И что его родители учили детей в средней школе, вместо того чтобы организовывать карточные турниры и званые ужины.

Тут же во всем облике матери изобразилось фирменное выражение негодования: расправленные плечи, вздернутый подбородок и ледяной взгляд поверх идеального аристократического носа.

– Ты делаешь совершенно ужасные намеки.

– Я вовсе не намекаю, мама. Я прямо об этом говорю. Многие матери сочли бы такого человека, как Хакс, очень удачной партией для своей дочери – но только не ты! Ты ведь желала для меня кого-то с правильной, на твой взгляд, фамилией и со стикером «*Mayflower*»^[7] на чемодане. А теперь, когда Хакс пропал без вести, ты видишь в этом возможность быстро все переиграть. Хотя мне и не очень понятно, с чего вдруг твой собственный брачный опыт дает тебе право выбирать мужа кому-то другому.

Камилла застыла с обомлевшим лицом, как будто получила неожиданную пощечину.

– Прости, – торопливо буркнула Рори. – Я не имела в виду...

– Ну, разумеется, имела.

Рори шумно выдохнула, злясь на себя за то, что, сама того не желая, ударила ее по самому больному.

– Прости меня, пожалуйста, мне очень жаль. Я просто бешусь от бессилия, а ты попала под руку.

На лице у Камиллы обида сменилась озабоченностью.

– И что? Есть какие-нибудь... новости?

– Нет. Никаких новостей. Не бери в голову. Я не хочу об этом говорить.

– Тогда о чем ты хочешь говорить? Я ведь даже не представляю, что в последнее время происходит в твоей жизни. Ты не отвечаешь на мои звонки. Отказываешься от моих приглашений на ужин. Ты два воскресенья подряд уворачивалась от наших бранчей. Чем ты вообще сейчас занимаешься?

Рори неподвижно уставилась в свой бокал, в горле у нее словно набух тугой комок.

– Большой частью жду.

– Солнышко мое... – Камилла протянула руку через стол и отвела с глаз дочери пряди волос.

– Не надо. – Рори резко отдернула голову назад. – Я не хочу, чтобы ты жалела меня.

– Тогда чего же ты хочешь? Ты целыми днями или зарываешься носом в эти ужасные книжки, или сидишь как приклеенная перед телевизором и часами напролет смотришь черно-белые слезливые мелодрамы. Мы уже с тобой об этом говорили. Это не идет тебе на пользу.

– Со мною все в порядке. Просто я... – Рори отвернулась, отчаянно не желая обсуждать это еще раз. – Мне просто нужно время...

– Детка, прошло уже пять месяцев.

Рори резко взглянула на мать:

– А я и не знала, что есть какой-то лимит времени!

– Я вовсе не это имела в виду. Я лишь хотела сказать: что бы ни случилось с Мэттью – жив он или... – Она запнулась, словно пытаясь как следует взвесить дальнейшие слова. – Но ты-то здесь, Аврора. И ты живой человек. И ты должна жить дальше, что бы там ни случилось.

Рори проглотила жгучие слезы. Ей очень хотелось верить, что Хакс жив и что однажды он вернется домой, к ней, однако Рори постоянно преследовал жуткий страх – точно чья-то невидимая ладонь, нависшая над ее плечом. Что, если завтра ее настигнет черная весть? Как это произойдет? Письмом? Или, может быть, ей позвонят? Или кто-то явится к ней домой? Ей никогда не хватало смелости спросить себя: «А вдруг?..» Вопрос сделал бы возможность подобного исхода чересчур реальным, а реальности ей хватало и без этого.

– А что, если я не смогу жить дальше? – тихо спросила она.

– Не говори глупостей! Конечно же, сможешь. Все Гранты умеют выживать.

Рори с трудом подавила вздох, сетуя про себя, что не может заставить мать понять свои чувства.

– Просто мне все безразлично. Абсолютно все. – Она посмотрела на мать – такую неизменно ухоженную и никогда не теряющую присутствия духа. – Ты ведь даже не представляешь, каково это. Просыпаться по утрам – и не иметь ни малейшего желания вставать, идти в душ, одеваться и выходить в тот мир, где, куда ни помотришь, жизнь галопом несется без тебя. Ты никогда не теряла того, кого любила. Только не говори сейчас о папе. Мы обе с тобой знаем, что это вовсе не то же самое.

Камилла открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла, словно сдерживая изначально просившийся ответ.

– Ты даже не представляешь, что я потеряла, Аврора, – с горечью обронила она наконец.

Рори прищурилась, удивленная такой загадочностью в тоне Камиллы. По-видимому, в жизни ее матери было много чего, о чем Рори не знала. Того, что та держала в себе закрытым наглухо или просто отказывалась обсуждать.

– У тебя кто-то был? – тихо спросила Рори. – До папы?

– За твоего отца я вышла в восемнадцать лет. У меня просто не было времени, чтобы встретить кого-то еще.

– Ну, хорошо. Не «до». Может быть, потом? Так сказать, во время?..

Камилла ошеломленно уставилась на нее:

– Ну, разумеется, нет!

– Тогда – *что*? Что у тебя было такое, чего я не знаю?

Камилла отмахнулась, явно желая сменить тему.

– Ничего. Сейчас это неважно. Но, чтобы ты знала, – матерям присуще все человеческое. У каждой из нас – своя жизнь, со своими разочарованиями. Мы тоже страдаем, как и все. У нас тоже, как и у других, сердце порой истекает кровью. Однако на нас лежит ответственность, и у нас есть обязанности, которые необходимо выполнять. И есть еще лицо семьи, которое необходимо поддерживать. И потому мы, несмотря ни на что, продолжаем двигаться вперед.

– Вот только я не вижу для себя никакого «вперед». Вообще впереди ничего не вижу. Как будто мое будущее просто... исчезло.

– Тебе необходимо выбираться из этого состояния, Аврора. Почаще бывать с людьми. Как насчет коктейльной вечеринки в «*Marcos*» на будущей неделе? Кассандра Мейтланд устраивает очередной закрытый пати в честь некоего найденного ею дарования. На сей раз – виолончелиста. Почему бы тебе не составить мне компанию? С утра можем сходить вместе к Розелле, сделать прически и маникюр, немного укоротить тебе челку, потом подобрать тебе что-нибудь миленькое из одежды. Ничто так не поднимает настроение перед вечеринкой, как приятная покупка. К тому же тебе на пользу будет встретиться с кем-то из прежней компании, вернуться в нормальную жизнь.

Рори метнула на нее ледяной взгляд:

– Нормальную?

– Вот только, пожалуйста, не надо так на меня смотреть! Нельзя же все время прятаться от людей. Я очень волнуюсь за тебя. Может, пора уже... с кем-то об этом поговорить?

Рори внутренне напряглась:

– По-твоему, я, что, сошла с ума и нуждаюсь в психотерапевте?

– По-моему, самой тебе трудно справиться с тем, что произошло, и, думаю, тебе будет полезно поговорить с кем-то об этом. – Она чуть помолчала и тихонько добавила: – С тем, кому ты доверяешь.

Рори немного помолчала, сознавая сквозившую в маминых словах уязвленность.

– Прости меня, – произнесла она наконец, – и за прежнюю резкость, и за то, что я случайно брякнула. Просто я переживаю из-за... Хакса. – Его имя словно комком застыло в ее горле. – В пятницу я снова два часа просидела на телефоне, в основном в режиме ожидания.

И все как всегда – одна уклончивость. «Мы делаем все, что в наших силах». Но ведь это же неправда! Как это может быть правдой, если они даже не выяснили, где он находится?

В ответ Камилла возмущенно фыркнула:

– Как вообще такое может быть? Есть же ведь специалисты, занимающиеся подобными делами! Послы, дипломаты. Президент, наконец, ради всего святого!

В груди у Рори застыла уже знакомая тяжесть. Та, что всегда там застывала холодным камнем, стоило ей позволить себе думать о немислимом.

– Мне порой начинает казаться, что он вообще никогда не вернется...

– Тише, тише, – накрыла ладонью ее руку Камилла. – Не надо так говорить. Давай-ка, подбородок выше, и будь храбрее!

Рори проглотила готовые уже хлынуть слезы. Ей сразу припомнился первый год в старших классах, когда она однажды поклялась не показываться больше в школе после того, как не смогла попасть в команду по плаванию. Камилла тогда укутала ее полотенцем, крепко обняла и сказала в ухо те же самые слова: «Давай-ка, выше подбородок, и будь храбрее». Но сейчас Рори вовсе не чувствовала себя храброй. Она словно вся оцепенела, ощущая себя вконец обессиленной и потерянной.

– Я где-то читала, что, чем дольше человек числится пропавшим без вести, тем меньше шансов найти его в живых. – Она вытянула руку из-под маминой ладони, чтобы утереть глаза. – Я уже начинаю терять надежду.

– Прекрати-ка давай, слышишь? Я серьезно. Не надо заикливаться на таких мыслях. И вообще, когда осенью начнется учеба и ты вернешься к привычным будням, то сразу почувствуешь себя бодрее. Начнутся лекции и разные занятия в кругу друзей. Все это поможет тебе плотно заполнить время.

Рори вспомнила о каталоге курсов у себя на тумбочке и согласно кивнула. Ведь именно этого от нее и ожидали. Нерушимой твердости духа и возвращения в колледж для получения степени магистра искусств. Потом ее ждала стажировка (если ее мать все же добьется своего) и, быть может, когда-то – должность куратора выставок. Все это слишком разнилось с тем будущим, которое они с Хаксом

для себя планировали, когда он вернется после миссии «Врачи без границ».

– Знаешь, – явно колеблясь, произнесла Камилла, – я тут подумала: может, для тебя лучше будет переехать обратно домой, пока все... не устаканится? Я теперь одна, твоя комната почти не изменилась с тех пор, как ты уехала. Я бы пока ухаживала за тобой, готовила бы для тебя. И тебе ни о чем бы не пришлось заботиться, кроме учебы.

«Учеба... Колледж... Ой! Встреча с Лизетт!»

– О нет! Сколько сейчас времени? – Рори посмотрела на наручные часы. – Мне надо идти!

– Что – прямо сейчас?

– Младшая сестра Жанель Тернер записалась на летние курсы, и я обещала с ней встретиться и отдать пару своих старых учебников.

– Сегодня? Зная, что у нас с тобой воскресный завтрак?

– Я понимаю. Извини. Но ей к трем надо уже быть в Брейнтри – у ее родителей юбилей свадьбы. А занятия начнутся уже завтра. Так что это было единственное время, на которое мы могли с ней условиться.

– Но ты же почти ничего даже не съела. Давай я хотя бы соберу тебе чего-нибудь с собой.

– Нет, спасибо. – Рори резко поднялась из-за стола. – Все в порядке. Мне только жаль, что тебе придется прибираться одной.

– Чем еще мне тут заниматься. Через неделю я смогу тебя увидеть?

Что-то в лице Камиллы – то ли еле заметная складка между тонко подведенными бровями, то ли чуть опустившиеся уголки губ – все же задело совесть Рори.

– Я правда очень сожалею о сказанном. Насчет брака и мужа. Мне не следовало это говорить.

Камилла пожала плечами:

– Конечно, не следовало. Но ты, по сути, была права. А теперь езжай. Встреться со своей подружкой.

Глава 3

Рори

Выйдя из «Сладких поцелуев» и тут же влившись в толпу пешеходов, суетливо сновавших по тротуару Ньюбери-стрит, Рори взглянула на часы. Встреча с Лизетт растянулась на большее время, нежели ожидалось, и теперь она торопилась к своей машине, чтобы не получить штрафа. На углу Рори остановилась у перекрестка, ожидая, когда переключится светофор. Мысли все время возвращались к утреннему разговору с матерью. Она высказала Камилле такие вещи, которые сама же себе обещала никогда не говорить – какой бы истиной все это ни было! – и задела ее за больное.

Однако не только внезапное возмущение матери возбудило в Рори любопытство. Когда она говорила о Хаксе и о том, каково это – кого-то потерять, в какой-то момент Камилла закрыла глаза и вся как-то замерла, словно отгоняя непрошенные воспоминания. Редчайший момент уязвимости у женщины, которая никогда и никому не казалась уязвимой.

«У нас тоже, как и у других, порой сердце истекает кровью».

Вот только в случае Камиллы Грант это было не совсем так. По крайней мере, Рори подобного за ней не наблюдала. Когда она была ребенком, мать казалась ей высеченной из мрамора – чистого, без малейших изъянов и холодного на ощупь. Точно «Греческая рабыня» Хирама Пауэрса – только с бронзовым остовом роденовской Евы. Невозмутимая и ни к чему не восприимчивая – так, во всяком случае, казалось Рори. И все же это мгновение беззащитности сегодня утром, это выражение на ее лице... *«Ты даже не представляешь, что я потеряла, Аврора».* Что она имела в виду? Уж очевидно, не любовника. Хотя Рори вряд ли стала бы укорять свою мать в поисках утех на стороне. Рори даже не могла припомнить, чтобы ее родители проводили ночи в одной спальне, не говоря уж об одной постели. Как же ей, должно быть, было одиноко в браке!

Светофор наконец переключился, и стоявшая перед бровкой тротуара толпа засемила по переходу. Рори тоже собралась было ступить на зебру, когда ее внимание вдруг привлек старенький дом

из рядовой застройки на противоположном углу перекрестка, и девушка резко застыла на месте.

В этом угловом элементе сплошной вереницы домов, примыкающих друг к другу боками, ничего особенного вроде бы и не было. Трехэтажное обшарпанное строение из красного кирпича с выходящей на дорогу закругленной башенкой, которую увенчивала остроконечная крыша. Подобных домов вдоль Ньюбери-стрит было, наверное, несколько десятков. Или, если уж на то пошло – таких было полно на половине бостонских улиц. И все же в этом здании ощущалось нечто достаточно необычное, чтобы остановить Рори на полпути.

Лишенные занавесок окна подернулись слоем пыли. Вдоль фасада тянулась полоска давно не стриженной травы. Вокруг растрескавшихся ступеней крыльца валялся кое-какой мусор. Дом определенно пустовал – в этом не было сомнений. И тем не менее Рори не покидало ощущение, будто из какого-то верхнего окна за ней наблюдают.

Она всерьез было подумала рассмотреть это здание поближе, однако проехавшая мимо полицейская машина тут же напомнила Рори, что в шести кварталах от нее неумолимо тикает счетчик. Так что у нее не было сейчас времени тешить любопытство.

И все же, двинувшись дальше по Ньюбери-стрит, Рори поймала себя на том, что то и дело с острым сожалением оглядывается через плечо на старый дом. У нее появилось любопытное ощущение, как будто она покидает вечеринку в тот момент, когда там только начинает происходить что-то интересное. Что-то подсказывало ей, что этот заброшенный дом с ней еще не прощается.

Когда Рори наконец вернулась домой, было уже почти четыре часа. Она еле-еле успела избежать штрафа за парковку и решила счесть это за доброе предзнаменование. В последнее время она радовалась любым, даже мало-мальским удачам.

Рори сняла макияж, затем переделась в спортивные штаны и футболку. Телевизор в спальне, как всегда, был включен, но работал с сильно убавленным звуком. Кэри Грант и Кэтрин Хепбёрн.

«Воспитание крошки» 1938 года. Это был один из недавно развившихся у Рори «пунктиков» – денно и ночью держать работающим телевизор. Это давало ей иллюзию людского окружения и избавляло от гнетущей тишины, которая слишком уж быстро заполнялась мрачными мыслями.

«По-моему, самой тебе трудно справиться с тем, что произошло...»

Пронесшиеся в голове слова матери вызвали у Рори раздражение. Естественно, ей трудно с этим справиться! Ее жених исчез куда-то без следа. И если она станет изливаться своей горе незнакомцу, который через равные промежутки времени будет кивать: мол, да, я понимаю, – это ровным счетом ничего не изменит.

Придя на кухню, Рори поставила в микроволновку миску с консервированным минестроне и, пока он грелся, взялась за сваленные контейнеры из-под готовой еды и полную грязной посуды раковину. Неужели это то, во что теперь превратилась ее жизнь? Готовые супы и еда из забегаловки. И куча грязных тарелок. Стопки любовных романов и еженедельные стычки с матерью.

Если она вовремя не остановится и не возьмет себя в руки, то превратится в итоге в одну из тех тетенок, что всю свою жизнь тратят на заботу о здоровье и на кормление восемнадцати кошек. Сильное преувеличение? Может, и так. Но это отнюдь не где-то за рамками реальности. Хотя пару кошек ей все же завести не помешает. А еще несколько домашних платьев в цветочек. И, может быть, пару мохнатых шлепанцев.

Рори прикрыла глаза, словно отгораживая эти удручающие образы. Ее растили привилегированным ребенком, типичной малолетней обладательницей трастового фонда. Машины, элитная одежда, во всем дизайнеры – чего ни коснись. Элитные летние лагеря и самые лучшие школы. Ей же самой ничего этого было не надо – ничего, кроме возможности жить собственной жизнью. Взрослея, она мечтала о том, как сумеет наконец избавиться от гравитационного притяжения своей матери и проложить свой жизненный курс. И это уже вот-вот должно было случиться. А потом Хакс пропал, и все их планы сразу развалились.

Где бы она могла быть теперь – в эту вот самую минуту? – если бы, последовав совету Хакса, устремилась за своей мечтой?

В собственной галерее искусств для начинающих, никому еще не известных художников. «Неслыханное дело» – так она собиралась ее назвать. На такое необычное название натолкнул ее Хакс. Да и вся идея, собственно, принадлежала ему.

Они тогда отправились в один из местных пабов послушать новую группу и в результате засели там до самого закрытия. Когда вышли из заведения, улицы уже были пусты, и они решили прогуляться. Хакс обнял ее за плечи, и в ту студеную осеннюю ночь исходившее от его тела тепло казалось особенно уютным и желанным. Проходя мимо какой-то скромной галереи, Рори замедлила шаг, любуясь картиной в витринном окне.

– Ты вот любишь искусство, – непривычно серьезным голосом заговорил вдруг Хакс. – Ты профессионально изучаешь искусство. У тебя степень бакалавра в области изящных искусств. Как же так получилось, что ты сама искусство не творишь?

В ответ Рори лукаво улыбнулась:

– А кто сказал, что не творю?

– Погоди! Ты занимаешься живописью?

– Живописью? Нет, что ты. Я лишь немного экспериментирую с тканями, но только в качестве хобби. Только и всего. Искусство порой вызывает много беспорядка, а моя мать ни за что бы не потерпела беспорядка в своем доме. Если она все же своего добьется, то я пойду по ее стопам и стану историком искусства или реставратором. Респектабельным и приличным.

– А вдруг это «экспериментирование с тканями» и есть *твой* путь?

Рори в растерянности уставилась на Хакса, с ужасом видя, что он ждет от нее ответа, и с еще даже бóльшим ужасом понимая, что ответа у нее нет. Никто и никогда не спрашивал у нее, к чему стремится она сама. Ей лишь предоставлялись на выбор варианты – преимущественно матушкой, – точно меню в китайской забегаловке. Выбрать что-то одно из колонки А, а другое – из колонки Б. Колонка А предполагала брак с *подходящим, достойным* мужчиной, дети, оформленный со вкусом дом, а в колонке Б значились опции ее будущей карьеры. Собственно говоря, никому из Грантов или Лоуэллов не было необходимости работать, да и в семьях со столь древними фамилиями и с еще более древними состояниями приносить пользу

миру каким-то более деятельным и осязаемым способом считалось вольгарным. В конце концов, они же не с Палм-Бич сюда явились!

– Я, правда, и не знаю, – ответила наконец Рори. – У меня была мысль обустроить себе где-нибудь маленькую студию. Настоящую студию с видом на море. И создавать там прекрасные морские пейзажи из всевозможных тканей.

– А такое, что, бывает?

– Это называется арт-текстиль. Представь такое сочетание живописи и скульптуры, выполненное из кусочков ткани. Я всегда любила морской берег, но родителям вечно некогда было меня туда возить. А потому я стала создавать собственные побережья из обрезков ткани. Я до сих пор иногда этим занимаюсь, но с моей учебной работой трудно найти на это время.

– А почему я до сих пор об этом ничего не знаю?

Рори пожала плечами, внезапно застенчившись:

– Это всего лишь маленькое хобби.

Хакс привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

– Да, ты, Рори Грант, полна сюрпризов!

Они двинулись дальше, и Рори сунула руку в теплый карман его куртки.

– Почему же я не видел ни одной из твоих работ?

– Одна висит у меня в пустующей гостевой комнате, еще несколько хранятся в чулане.

– У тебя есть гостевая комната, куда ты меня ни разу не пускала?

– Потому что там бардак. Обычно я использовала ее в качестве студии, когда продавала работы.

Хакс резко остановился и заглянул ей в лицо:

– Так... мне показалось, ты говорила о маленьком хобби.

Рори пожала плечами:

– Ну да. Так и есть. Вернее, было. Я же сказала – у меня на это нет времени. Но как-то раз одна моя подружка прихватила с собой несколько работ и показала знакомому интерьерному дизайнеру. Тот взял часть их на реализацию и за две недели все распродал.

– Ага! Вот и еще кусочек правды всплыл на поверхность! И когда я смогу на них взглянуть? Или я до этого не дотягиваю?

От его искреннего энтузиазма в груди у Рори закружились искорки удовольствия. Обычно она весьма неохотно распространялась

о своем творчестве – но сейчас ей было так приятно, что кто-то воспринял его со всей серьезностью.

– Если тебе и правда интересно, могу организовать небольшой частный показ. Если ты, конечно, не слишком торопишься домой.

– Что, прямо сейчас?

Рори взяла его за руку:

– Пойдем-ка со мной.

Пятнадцать минут спустя они стояли перед одним из самых престижных бостонских ресторанов морепродуктов «*Finn*», разглядывая удачно подсвеченный морской пейзаж в витринном окне.

Рори стояла тихонько, пытаясь увидеть свою картину глазами Хакса – словно бы впервые. Беспокойное, безжалостное море, усеянный валунами берег и низкое свинцовое небо. Она с кропотливой тщательностью подбирала ткани для этой работы. Муаровый шелк и кусочки мятой тафты, джинсовой ткани, саржи и крепдешина, тюлевой материи и воздушного, словно пенистого, кружева – все это тщательнейше выкладывалось слой за слоем, создавая ощущение глубины.

Эта работа заняла у Рори около шести месяцев и принесла ей колоссальную сумму в семьсот долларов. Впрочем, деньги ее мало волновали. В отличие от других художников, она имела завидную возможность не думать о деньгах. Для нее важно было то, что ее творение висело в витрине одного из самых известных ресторанов, что в правом нижнем углу красовались ее инициалы – и это мог увидеть весь Бостон!

– Ты в самом деле это сделала? – изумленно произнес Хакс, не отрывая глаз от витрины. – Невероятно! Такое чувство, будто в эти волны можно войти. А небо... – Он повернулся, чтобы взглянуть на Рори, и хотя лицо его наполовину скрывалось в тени, она увидела восторженную улыбку. – Рори, это больше, чем хобби. У тебя настоящий талант. А остальные твои работы – такие же, как эта?

– В том же ключе. Но эта – моя любимая. Называется: «К северу от ноября».

– Мне даже не верится! Твои работы должны выставляться в галереях по всему городу.

– Ах, если бы! – усмехнулась Рори.

– А что?

– Невозможно просто взять и выставить свою работу в галерее, Хакс. Особенно если ты никто и никому не известен. Начинающему художнику реальнее сорвать куш в лотерее, чем попасть на приличную выставку. И, кстати, я больше чем уверена, что единственная причина, почему мое творение оказалось здесь – это то, что моя фамилия Грант. Видимо, хозяин ресторана решил таким образом подольститься к моей матери. Но с этим он определенно промахнулся.

– Что, мать твое творчество не поддерживает?

– В том и проблема. Она вовсе не считает это искусством. Или, во всяком случае, – правильным искусством.

– А что означает это «правильное искусство»?

– Мастера-классики. Рембрандт. Рафаэль. Караваджо.

– Так они же умерли уже сотни лет назад!

– Именно.

Нахмурившись, Хакс помотал головой:

– То есть, чтобы твое творение по достоинству оценили, ты должен сначала умереть? Это как-то совсем несправедливо.

– Согласна. Но тем не менее это так. Пока тебя не станут хорошо продавать на аукционах, никто не возьмет на себя риск выставлять твою работу. Будь моя воля, я позаботилась бы о том, чтобы существовали галереи для художников, о которых никогда и никто не слышал.

– В самом деле?

– Ну да.

– Так возьми и открой такую галерею. Прямо здесь, в Бостоне.

Рори ошарашенно уставилась на Хакса, в то время как в голове у нее уже начал стремительно прорисовываться замысел. Выставочная площадка для художников, о которых еще никто не слышал. Она пока даже не представляла, как это можно реализовать, да и матери эта идея категорически не понравится... И все же при этой мысли все ее существо охватил трепет волнения и радости.

– Ты и правда думаешь, у меня получится?

– А почему нет? У тебя есть материальные средства, есть связи – и, главное, есть мечта.

– А что, если это все, что есть? Одна мечта?

Хакс обхватил ее за плечи и, притянув к себе, поцеловал в макушку.

– Мечты – они как волны, детка. Надо лишь дождаться нужной волны – той, что словно несет на себе твое имя. И когда такая волна подойдет – ты должен вскочить на нее и мчаться. Так вот, в этой мечте – только твое имя!

Тогда Рори в это всей душой поверила. Но осталась ли в ней эта вера до сих пор?

Ее мечта всерьез заняться арт-текстилем зародилась как пристрастие к винтажной одежде. И вовсе не потому, что она любила наряды. Говоря откровенно, Рори вообще никогда не интересовалась модой. В одежде ее пленяла ткань – то, как она скользила в движении, как ощущалась, как себя вела. Муаровый шелк, рубчатый трикотаж, накрахмаленная кисея, полупрозрачное кружево, узелковый твид и мягчайшие ткани из шерсти ягненка. У каждой – своя удивительная текстура и индивидуальность.

Первая ее попытка что-то сотворить была грубоватой и бесхитростной, и все же страсть к творчеству уже глубоко проникла в ее кровь, побуждая Рори совершенствовать свое искусство, претворяя все новые замыслы и осваивая новые техники. И вскоре то, что начиналось как невинное пристрастие, переросло в потаенную одержимость, вылившуюся в итоге в коллекцию работ с общим названием «Созерцание шторма». Мать относилась к ним всего лишь как к «проектам в области декоративно-прикладного искусства», однако владелец фирмы по дизайну интерьеров настолько проникся энтузиазмом, что выставил несколько работ Рори в витрине ателье. К концу лета он уже распродал всю коллекцию, включая и ту, что висела теперь в ресторане «*Finn*».

Когда ей позвонили сообщить, что «К северу от ноября» продали и отныне он будет висеть в публичном месте, Рори была так взволнована, что ворвалась в мамин кабинет без стука. Камилла снисходительно улыбнулась, выслушав новость, и заявила, что ничуть этому не удивлена. Что, мол, это очень удачное место и что туристы такое любят. Мать вовсе не стремилась принизить достоинство ее работы, и все же эти слова задели Рори довольно сильно, хоть она и старалась не показывать обиду. После этого она все меньше и меньше времени занималась творчеством – пока Хакс, заговорив о галерее, снова не разжег в ней интерес к искусству. Однако вскоре Хакс пропал – и возрожденное им пламя погасло.

К тому моменту, как звякнула микроволновка, Рори уже напрочь утратила интерес к разогреваемому супу. Вместо обеда она отправилась в гостевую комнату, в которой обустроила мастерскую. Она и ногой сюда не ступала с тех пор, как исчез Хакс. Поначалу она работала здесь с самозабвенной увлеченностью – а потом не в силах была даже смотреть на то, что так напоминало ей о нем.

Комната показалась Рори отчего-то меньше, нежели ощущалась прежде. Тесной, порядком захлавленной и немного давящей. В воздухе все еще висел запах тканевого клея. Один угол мастерской занимал письменный стол, усеянный каталогами художественных принадлежностей, в другом – стоял мольберт для эскизов. Вдоль одной из стен тянулись полки со всевозможными тканями, а перед окном стояла подержанная швейно-вышивальная машинка «*Bernina*», которую она приобрела на первых порах, но использовала редко, внезапно обнаружив, что предпочитает все же вышивать вручную. Теперь все это просто покрывалось пылью.

Рори посмотрела на так и оставшуюся без рамки работу, на которой гигантская волна обрушивалась на одну из стен крепкого гранитного маяка. Это была ее любимая картина. Замысел был навеян увиденной однажды фотографией, которая навсегда засела у нее в памяти. Рори назвала работу: «Бесстрашный» – именно таким и ощущался тот маяк. Стойким, бесстрашным и непобедимым.

Еще четыре ее работы хранились в чулане – часть новой коллекции, над которой Рори как раз и работала, когда Хакс пропал. Совсем не так давно (неужели и впрямь минуло всего пять месяцев?) она прикидывала, как эти текстильные картины будут висеть на стене галереи – ее собственной галереи. Теперь же она была не в состоянии представить что-либо подобное.

Пройдя дальше в комнату, Рори остановилась перед двумя большими пальцами-станками, где уже столько месяцев томилась пара незаконченных произведений. Провела пальцами по одному из них, вспоминая, сколько часов кропотливого валяния ушло на создание каждого изображенного водоворота, каждого взвихрения волны. Теперь она уже их и не закончит. С осени начнется учеба, и у нее просто не будет на это времени. Да и особого смысла в этой работе она уже не видела.

Внезапно у нее снова возник перед глазами тот заброшенный дом на Ньюбери-стрит. Она испытала в тот миг на перекрестке весьма необычное ощущение: как будто кто-то легонько похлопал ее по плечу, и она обернулась, ожидая увидеть за спиной давнего друга. Это не имело ничего общего с теми холодными бесприютными помещениями, которые она в прошлом году осматривала для своей галереи. Внезапно Рори с полной ясностью осознала, что именно это здание на Ньюбери-стрит идеально подходит под задуманную ею галерею искусств – наполненную историей и очарованием старого Бостона, а также теми необыкновенными произведениями, которые она предполагала там выставлять. Идеальное сплетение старого и нового.

«Неслыханное дело».

Название, точно зыбкий шепот, легонько всколыхнулось в ее сознании, словно кусочек реальности, напомнивший о себе после долгого тяжелого сна. Она что, всерьез сейчас об этом размышляет? О том, чтобы жить дальше, осуществлять былые планы, которые отбросила не один месяц назад? А как же Хакс? Не будет ли эгоизмом с ее стороны созерцать красоты галереи, в то время как его жизнь – точнее, их общая жизнь – по-прежнему висит на волоске? И тем не менее Рори сейчас явственно чувствовала, как оживают в ней давно, казалось, омертвевшие планы.

«...В этой мечте – только твое имя!»

Не давая погаснуть этому импульсивному порыву, Рори выдвинула ящик стола и, пошарив среди содержимого, нашла визитку Бретта Глейсона, агента по недвижимости, которого она нанимала в прошлом году для подбора помещения под галерею. Она посмотрела на карточку, с трудом подавляя желание немедленно позвонить.

Что плохого, если она просто поинтересуется тем зданием? Вряд ли ей это, конечно, что-то даст. Не похоже, чтобы в этом доме вообще что-либо находилось. Так что она всего лишь удовлетворит свое любопытство. Так сказала себе Рори, набирая номер.

Спустя пару дней Бретт, раздобыв информацию, ей перезвонил. Когда послышался звонок, Рори несла в гостиную тарелку с яичницей. Как и всякий раз, стоило раздаться звонку, она застыла на месте. Что это? Вдруг какие-то вести о Хаксе?

Поставив тарелку на стол, Рори быстро обвела взглядом комнату, ища беспроводную трубку. К тому моменту, как она нашла аппарат, сердце уже выскакивало из груди.

– Алло?

– Приветствую, это Бретт.

От его голоса у Рори даже перехватило дыхание.

– Не ожидала так скоро вас услышать. Вам удалось что-нибудь выяснить?

– На самом деле, да. Судя по данным городского архива, собственность эта принадлежит некой Солин Руссель. По-видимому, именно ей принадлежало и размещавшееся в этом здании свадебное ателье, сгоревшее несколько лет назад. Там все было вычищено после пожара, вплоть до последней горелой планки, начались даже ремонтные работы, которые, однако, так и не были закончены. В общем, с тех пор помещение пустует. Впрочем, в мультилистинговой системе недвижимости оно не фигурирует, что означает, что владелица явно не собирается от него избавляться. Странно то, что она держит дом пустым, а не сдает в аренду. Если приложить немного усилий, он мог бы приносить хороший доход.

Рори опустила на диван, второпях обдумывая возможный ответ. Как далеко она готова сейчас зайти?

– Рори? Вы на связи?

– Да, я вас слушаю.

– Вы всерьез рассматриваете идею открытия галереи?

– Пока точно не знаю. Возможно.

– Что же, скажу, что это замечательная новость. Я всегда считал, что это великолепная идея. Но почему после такого количества объектов, что мы посмотрели с вами прошлым летом, вы остановились именно на этом?

– Не знаю. Я просто его увидела и поняла: это оно. Как будто это здание все это время ждало меня.

– Что-то типа женской интуиции?

– Ага, наверное, так оно и есть. А вы не сможете связаться с владелицей по поводу аренды?

Последовала короткая пауза. Слышно было, как на заднем плане зазвонил телефон.

– Разумеется, я могу с ней связаться, – ответил наконец Бретт. – Однако должен быть с вами откровенен. Мы с вами осмотрели порядка двадцати вариантов, и все до единого вы отклонили. Если я собираюсь взяться за этот объект и выйти на эту женщину, я должен быть точно уверен, что вы действительно настроены решительно.

Заявление его было совершенно справедливым и полностью соответствовало истине. Рори действительно отклонила все объекты недвижимости, предложенные им ранее. Не потому, что она плохо представляла, как их использовать, или же не решалась брать на себя обязательства, – а потому что ни один вариант не показался ей «тем самым». Однако вот с этим зданием – которого она вплоть до вчерашнего дня ни разу не замечала и куда еще даже не ступала ногой, – она сразу почувствовала, что это как раз то, что она искала.

– Рори?

– Да, я настроена решительно.

Глава 4

Солин

Я могу отречься от своего Дела – вот только Дело никогда не отрекается от нас. Оно будет бороться за нас, все время пытаюсь удержать, вставая на нашем пути снова и снова, пока мы наконец не проявим к нему должного внимания. Вот что означает быть Избранным.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

29 мая 1985 года.

Бостон

Ровно в восемь утра у меня начинает звонить телефон, и я даже вздрагиваю от неожиданности. Я давно уже не отвечаю на звонки – или, по крайней мере, отвечаю на очень немногие, – а если уж до меня кто и дозванивается, то это редко случается до того, как я выпью утренний кофе. Так что я спокойно даю телефону трезвонить дальше, наполняю френч-пресс кипятком, слегка опускаю поршень – и очень надеюсь, что, кто бы это ни был, он наконец повесит трубку. Я ни с кем не хочу сейчас разговаривать.

Однако телефон продолжает звонить. Я приподнимаю трубку и тут же опускаю. Спустя пару секунд звонки возобновляются. Тогда я вновь снимаю и кладу трубку, не отвечая ни слова в надежде, что звонящий поймет наконец намек и оставит меня в покое. Когда телефон принимается трезвонить в третий раз, я резко хватаю трубку с рычага.

– Я не намерена ничего у вас покупать!

Уже собираясь снова бросить трубку, улавливаю короткий басистый смешок. Звук этот мне знаком и на удивление приятен – пусть даже и в этот ранний час, еще только предшествующий доброй заправке кофеином. Это мой личный адвокат и, как я полагаю, хороший друг, с которым я не общалась уже несколько месяцев.

– Дэниел Баллантайн – ты ли это?

– Да, это я. И я звоню не для того, чтобы навязать тебе покупку. Я звоню узнать, не заинтересована ли ты что-нибудь продать. Или, если говорить точнее, кое-что сдать в долгосрочную аренду.

– О чем вообще ты говоришь?

– Мне вчера вечером позвонили. Кое у кого возник интерес к твоей недвижимости на Фэйрфилд.

При упоминании этого дома по моей спине пробегает холодок.

– Кому-то понадобилось мое ателье?

Следует короткая, но явно неловкая пауза.

– Ну, скажем так: это уже несколько лет не ателье. Однако, да: кое-кто заинтересовался этим зданием.

– Кто?

– Агент не упоминал имени клиента, но, судя по тому, что парень на меня вышел, он, надо думать, проделал немалую работу. Зовут его Бретт Глейсон, он из агентства недвижимости «*Back Bay*». Они просили устроить небольшую встречу.

– Дом не продается и не сдается.

Дэниел издает звук, которым обычно сопровождает разочарование или досаду, – полуворчание-полувздок.

– Солин, прошло уже три года. Даже больше, чем три, если быть точным. И мы оба знаем, что открыть твой салон снова не получится. Пожар нанес колоссальный ущерб, а учитывая все прочее...

Все прочее...

Я поднимаю перед собой свободную руку и пристально разглядываю ладонь. Блестящая розовая кожа, испещренная неровными, восковой белизны фрагментами. Полусогнутые пальцы, слегка напоминающие птичьи когти. Другая рука, что держит телефон, выглядит получше, хотя и ненамного. Все это результат сильных ожогов, полученных мной, когда мой свадебный салон сгорел из-за непотушенной мною сигареты. Перевязки и шины, физиотерапия, череда изматывающих операций. Опять шины и перевязки, новые курсы процедур. Пока наконец врачи не сошлись на том, что больше ничего уже нельзя сделать.

– Ты имеешь в виду мои руки? – тихо спрашиваю я.

– Я имею в виду все вместе, Солин. Ты приехала сюда одна, без друзей и связей, и, работая как проклятая, из ничего сделала себе известность. Люди никогда не забудут фамилию Руссель и все то,

что за этим стоит. Однако теперь ты отошла от дел. Так зачем такому хорошему месту пустовать? Речь ведь идет о большом доходе на нынешнем арендном рынке.

– Я не нуждаюсь в деньгах.

– Согласен. Не нуждаешься. Но также у тебя нет нужды и в терзающих тебя воспоминаниях. Может быть, уже пришло время их отпустить и просто жить дальше?

Его слова высекают у меня искры возмущения.

– Ты думаешь, это так легко? Я подпишу контракт, кто-то другой займет это здание – и все сразу пройдет?

Дэниел издает протяжный вздох.

– Нет, я вовсе так не считаю. Я знаю, через что ты прошла, и знаю, что есть причины, заставляющие тебя этот дом беречь. Но ведь тебе и не придется полностью расстаться с собственностью и со всем, что с нею связано. Хотя, если честно, я не уверен, что потребность держаться за этот дом приносит тебе пользу.

Я угрюмо смотрю на френч-пресс, кляня про себя Дэниела. Ну почему его угораздило позвонить именно сейчас, когда мне так хорошо удавалось притворяться окаменевшей.

– Я не хочу сейчас об этом говорить.

– Просто пообещай мне, что ты об этом серьезно подумаешь.

Я тяжело вздыхаю, уставшая выслушивать его уговоры и нападки.

– Ладно, хорошо.

– Хорошо – в смысле, ты согласна на аренду?

– Хорошо – в смысле, я подумаю.

– Я завтра тебе перезвоню.

– Не завтра, – резко возражаю я. – Послезавтра.

– Годится. Позвоню послезавтра.

Я наконец вешаю трубку и возвращаюсь к своему остывшему кофе. Придется делать все сначала. Вытягиваю поршень и опрокидываю тепловатую жижу в раковину. Я знаю, что Дэниел искренне печется о моем благе, причем не только потому, что я ему плачу. Однако в моей истории имеются отдельные детали, которых не знает даже он. Те, что я спрятала от всех и навсегда. После стольких лет – какое все это имеет значение? Люди вроде меня – такие, как все Руссель, – вымирающий вид. Наш дар мало что значит для мира, который больше уже не верит в магию.

На протяжении поколений история нашей семьи была своего рода частью *conte de fée* – волшебной сказки. Хотя, пожалуй, слово «сказка» не вполне хорошо подходит: в сказках предполагается счастливый конец. Тут скорее речь о небылицах, задуманных как поучительные истории. Об уроках, призванных научить нас жизни и ее последствиям. И за долгие годы как раз возможные последствия род Руссель познал в самой полной мере.

Таких, как мы, называют по-разному. Цыганки, ведуньи, белые ведьмы, шаманки. Где-то нас называют еще и ворожеями, провидицами, хотя мне никогда не нравилось последнее название. Возможно, потому, что оно навевает скорее образ ловких мошенниц, норовящих выудить у ничего не подозревающего прохожего из кармана несколько пенни, образ шарлатанок с их фальшивой магией и вульгарным позерством, сколачивающих себе деньги и раздающих направо-налево банальности. Мы к этим людям совсем не относимся. Для нас наше Дело священно, это призвание свыше.

Во Франции, откуда я родом, мы – *les tisseuses de sort*, ткаельницы заклинаний, что, на мой взгляд, ближе всего к истине. Мы обладаем известными умениями, даром обращаться с определенными вещами, как некоторые – с амулетами и травами, с картами и камнями. Только в нашем случае это – игла и нить. Сейчас нас осталось уже совсем немного. По крайней мере, немного таких, кто зарабатывает на жизнь своим особым ремеслом. И все же кое-кто из нас, ткаельниц, еще остался – главное знать, где такую найти. Было время, я тоже являлась одной из них – как моя *Maman*, и как когда-то ее мать, – когда жила на узкой, извилистой улочке Парижа, в той части города, что в народе прослыла «кварталом мастериц».

Мы были там известны как семья Руссель, являясь мастерами по пошиву платья. А говоря точнее и современным языком – дизайнерами свадебного платья, но с одной специфической особенностью. Невесте, которая под венец наденет платье от Руссель, гарантировано замужество со счастливым финалом. Мы – избранные. Так, по крайней мере, гласит семейная история. Мы – служанки *La Mère Divine* – Великой Божьей Матери. И, как и всем служанкам, нам полагается довольствоваться одинокой судьбой, жертвуя своим счастьем на благо людей. Подобно святым католическим сестрам – «черно-белым изваяниям», как называла их тетушка Лилу, –

нас с ранних лет учат тому, что счастливый финал предназначен для других.

Maman утверждала, что это особый дар. Хотя, оглядываясь назад, я вовсе не уверена, что он стоит такой цены. И – да, цена за него всегда была немалая. Владящему магией неизменно за это чем-то воздается – определенными лишениями и ограничениями. И все Руссель слишком хорошо уяснили свою плату за неповиновение.

На всех нас некогда была наложена порча, *maléfice*, – проклятие, передаваемое из поколения в поколение, – за то, что одна из нас, какая-то неразумная Руссель, чье имя давно уже всеми забыто, использовала свою магию, чтобы увести мужа у другой женщины, нарушив тем самым главную заповедь нашего учения: не причини зла.

Возможно, это всего лишь миф. Хотя подозреваю, что, как и во всех мифах, в нем все-таки присутствует крупинка правды. Причем то, что повторяется с регулярной частотой, в конечном итоге обрывает себе канавку в камне. Так же действовало и напоминание о проклятии, внушаемое, вселяемое во всех нас – и в мою *Maman*, и некогда в ее матушку, и в мать ее матери, – предостерегающее о несчастной судьбе тех, кто сбился с пути своего призвания. Наши сердца, дескать, должны всегда оставаться крепко запертыми, закрытыми для искушений и соблазнов, которые могут заставить нас забыть нашу истинную цель на земле – обеспечивать счастье других. Так гласит катехизис рода Руссель. Однако сердце зачастую все же требует своего, и многие женщины рода Руссель стали жертвами и собственной любви, и ее последствий.

Суеверие, скажете вы? Но я сама наблюдала доказательства, или, по крайней мере, слышала о них из первых уст. Жизель, мать моей матери, брошенная своим художником-неудачником после рождения второй дочери. Тетушка Лилу, овдовевшая, когда ее английский красавец-муж слетел с дороги в кювет в тот день, когда они вернулись после медового месяца в Греции. *Maman*, наконец, оставленная своим таинственным молодым возлюбленным, когда она забеременела. Ну и я, разумеется. Но об этом уже совсем отдельный разговор.

А сейчас вернемся все же к нашему Делу. *Maman* называла его священным, великим призванием, выгравированным глубоко в наших сердцах еще задолго до нашего рождения. И это, кстати, тоже

напоминает мне сравнение с католическими святыми сестрами, хотя мы и не приносим никаких официальных клятв. Для нас обет – это наше имя. И текущая в наших жилах кровь. И наша работа – кропотливо вшиваемые в тонкий шов белого шелкового платья заклинания – тоже наш обет. Причем нам хорошо платят за нашу работу.

В Париже, где мода и громкое имя всегда идут рука об руку, мы оставались относительно неизвестными. Фамилию Руссель едва ли можно было услышать где-нибудь в высоком модном салоне, где французский бомонд потягивал шампанское, лениво угощаясь тартом «Тропезьен»^[8]. Выделиться подобным образом могли такие, как Шанель, Ланвен или Пату. Однако где-то в неприметных закоулках нашего города, где женщинам с определенными умениями платят за то, чтобы они хранили секреты других женщин, моя *Maman*, урожденная Эсме Руссель, дочь Жизель Руссель, прослыла как *La Sorcière de la Robe*. Или Колдунья над платьями.

Это наименование перешло к ней, когда умерла моя *grand-mère*^[9], и предполагалось, что впоследствии, когда *Maman* окончательно отложит свою иглу, этот негласный титул перейдет и ко мне. Однако чего-чего, а подобного прозвания я для себя вовсе не желала. Да, я унаследовала материнский дар владения иглой и даже намного превзошла ее дизайнерские способности, но когда доходило до заклинаний, мне было с ней не сравниться. У меня для таких вещей попросту не хватало терпения. А все потому, что мои мысли – мои грезы – витали совсем в иных сферах.

Maman изо всех сил старалась избавить меня от этих грез. Она была довольно суровой наставницей, всегда готовой отругать и крайне скупой на похвалу. По ее мнению, я была эгоистичной и неблагодарной. Никчемный дичок, который рано или поздно навлечет на себя неприятности, если не оставит глупые мечтания и не подчинится своему родовому призванию. «*Un rêveur*»^[10], – рыкала на меня *Maman*, когда мои мысли блуждали где-то далеко и руки отвлекались от работы. *Фантазерка!* Да, я более чем заслуживала этого прозвища. Я действительно была настоящей мастерицей грез. Мечтательницей с горящими глазами и затейливыми фантазиями, каковой, собственно, и следует быть юной девушке.

И, как всякая юная девушка, я поверяла свои мечты отдельной книжице. Не той, где я записывала наставления *Maman*, а совершенно иного рода книге. С чистыми белыми листами, ждущими, когда я доверю им собственные эскизы нарядов. Страницы за страницами там заполнялись рисунками одежды, которую я однажды обязательно создам и на которой поставлю свое имя. Свадебные платья и костюмы, сногшибательные вечерние наряды, причем всех цветов радуги. И цвета охры, и небесной лазури, и баклажана.

Таковы были цвета моих юных девичьих грез. Увы, мы, женщины, редко получаем именно ту жизнь, которую бы сами для себя выбрали. Судьбу для нас обычно выбирают те, кто думает, что лучше знает, что нам требуется, и, прежде чем мы успеваем что-либо осознать, нас превращают в кого-то иного, совсем нам чуждого, переделывают по чьему-то образу и подобию. И род Руссель не стал исключением.

В течение семидесяти лет мы содержали салон на Рю Лежанр, живя в небольшой квартирке прямо над ним. Он мало походил на прочие подобные салоны, будучи маленьким, но очень изысканным, со ставнями на окнах и с броской красной дверью, которая сразу выделялась среди соседских. Пурпурный, багряный – наш цвет, цвет *la magie*, цвет колдовства. Мы могли бы позволить себе куда большую показуху, сделать яркую причудливую вывеску, витрины с нарядными полотняными навесами – однако наши клиентки ценили конфиденциальность едва ли не так же, как дар моей *Maman* с ее волшебной иглой. И разве можно было их за это корить? Ни одна женщина – а уж тем более француженка – не захочет, чтобы все вокруг узнали, что ей потребовалась помощь в ее *les choses de cœur*^[11]. Хотя многие в этой помощи действительно нуждались. И тем не менее очень многие невесты получали отказ, сочтенные неудачной парой с их избранниками и, следовательно, неподходящими для связующего заклинания.

Невозможно было просто прийти с улицы и заказать у *Maman* свадебное платье. Чтобы стать «невестой от Руссель», требовались три вещи: рекомендация от одной из предыдущих клиенток, клятва конфиденциальности и абсолютная честность. Но даже и это не являлось гарантией того, что будущую невесту признают достойной ритуала. Впереди была целая процедура проверки, которую девушке или женщине необходимо было пройти, с вопросами, на которые ей

требовалось честно ответить, и, разумеется, с ворожкой на будущее. И все это происходило в крохотной гостиной *Maman*, обустроенной в самой глубине салона.

Потенциальная заказчица приезжала в назначенное время. Совершенно одна. Ни в коем случае не с матерью за компанию. Гостью неизменно ждал поднос с угощениями: тарелка с печеньем и сладкий, горячий темный шоколад в тонких фарфоровых чашечках. *Maman* улыбалась ей обезоруживающей улыбкой над ободком своей чашки и приступала к вопросам.

Как долго вы знакомы с этим молодым человеком? Как вы с ним познакомились? Одобряет ли выбор сына его мать? Одобряет ли ваша мать жениха? Обсуждали ли вы с ним вопрос будущих детей? Была ли у вас с ним интимная близость? Удовлетворяет ли он вас физически? Был ли он когда-нибудь вам неверен? Изменяли ли вы когда-нибудь ему?

Время от времени искательницы пытались солгать, но это не приносило им ничего хорошего. *Maman* чуяла ложь еще до того, как она слетала с языка. И платой за эту ложь был решительный отказ.

После вопросов *Maman* приступала уже к настоящей «проверке годности». Женщинам велено было принести с собой на собеседование какой-то свой личный предмет, а также личный предмет жениха – расческу, например, или кольцо. То, что каждый из них постоянно использовал или касался каждый день. *Maman* по очереди брала в руки эти предметы, глаза у нее затуманивались, дыхание становилось неторопливым и глубоким, пока в сознании не появлялись некие образы. *Отзвуки*, как она их называла. Того, что уже было, и того, что будет.

Для вас это может прозвучать странно, как полная выдумка. Да и для меня самой это казалось странным, когда маленькой девочкой я наблюдала за происходящим в замочную скважину, подглядывая за тем, что совсем еще не понимала. А потом однажды *Maman* мне все объяснила. Каждая душа производит некий отзвук. Уникальный, как отпечаток пальца или личная подпись. И этот отзвук проникает абсолютно во все, что нас окружает. И передает, кто мы такие. И где наше место на земле. И *что* каждому из нас предназначено принести в этот мир. Не бывает одинаковых отзвуков. У каждого он свой и только свой. Но в то же время сам по себе он не полон – будучи

половиной идеального целого. Точно зеркало без отражения. А потому каждый отзвук постоянно ищет в мире свою половинку – дабы обрести полноту и завершенность. И как раз это мы и ищем с помощью своей экстрасенсорной проверки – знак того, что отзвуки влюбленных подходят друг другу и действительно стремятся к единению.

Чуть ли не две трети будущих невест, искавших содействия *Maman*, получали отказ, и никакие деньги не могли заставить ее изменить решение. Отказывала она из соображений самосохранения. На кону стояла ее репутация, и ей следовало быть предельно осторожной. Одна-единственная неудача могла погубить и ткагельницу, и ее дело. Погубить, собственно, весь род Руссель.

Мне было двенадцать лет, когда *Maman* всерьез взялась за мое обучение. На год раньше, чем ее саму когда-то начала учить ее матушка. Когда я спрашивала, почему раньше, она отвечала, что у нее нет времени ждать. Что, мол, когда настанет час, я должна уже быть готова. Тогда я никак не могла этого понять. И еще несколько лет не понимала. Но все равно делала то, что мне велели. Так начались мои уроки у «колдуньи над платьями».

Обучение мое состояло из трех частей. Первым было ясновидение, на чем, по словам *Maman*, следовало в первую очередь сосредоточиться любой чего-то стоящей *sorcière*^[12]. Это известно людям в разных вариантах. Гадание на зеркале, воде или кристаллах. Призвание духов. Ворожба. Впрочем, как это ни назови, разницы, на мой взгляд, нет. *La magie* – штука гибкая и могущественная, и в то же время податливая, легко приспособливающаяся ко многим формам и способам применения. Запах. Звук. Взор. Прикосновение. Даже вкус порой используется, если практикующий магию достаточно опытен. Для женщин рода Руссель – это прикосновение и способность почувствовать определенную личность, ощутить отзвук ее души всего лишь кончиками пальцев.

Что же касается заклинаний – и чьего-то конкретного счастья, – то не бывает такого, чтобы что-то одно подходило всем. Надежность магии, эффективность ритуала напрямую зависят от того, насколько хорошо удалось проникнуть в личность заказчицы и ее избранника, понять, что они собою представляют и как проводят свою жизнь, что ими движет и что составляет суть их существования. Чтобы в итоге получить нужный результат, ты должен докопаться до истины.

Мы занимались каждый день после закрытия салона, упражняясь на разных предметах, которые *Maman* где-то находила или покупала недорого на барахолке. Она учила меня, как заглушить все внутри, как рассеять взгляд и замедлить дыхание – медленно-медленно вбирать и выпускать воздух, – пока все лишнее не отступит и на поверхность не явятся хранимые этими предметами образы. Любовь, потери, дети, свадьбы, несчастные случаи, болезни – все это начинало проноситься перед моим взором, точно страницы альбома со скрапбукингом. А потом *Maman* подробно обо всем меня расспрашивала, чтобы понять, насколько результаты моего видения личности совпадали с ее.

Сначала я чувствовала себя ужасно, огорошенная всем тем, что мне являлось. Я была еще очень юной, и мне было крайне неловко оказываться посвященной в некие интимные подробности жизни незнакомых мне людей – как будто я подглядывала за ними через жалюзи или читала чужие дневники. Но *Maman* в ответ на это лишь раздраженно закатывала глаза.

«Помни, что отзвуки не лгут, – наставляла она меня. – Это все равно что книга воспоминаний о человеке, лишённая иллюзий и самообмана. Только голая и неприкрашенная правда, которая и служит основой для всего остального».

Под «всем остальным» она подразумевала сотворение заклинания.

Для каждой невесты, идущей под венец в платье от Руссель, создается отдельное, особенное заклинание. Тщательно подобранные слова заключаются в небольшой стих, задача которого – устранение отдельных препятствий и обеспечение счастливого исхода замужества. Написание связующего заклинания считается священным делом и должно выполняться с искренним проникновением. Ни в коем случае не в спешке, а также с напрочь отсутствующим намерением подчинить волю другого человека. Оба влюбленных должны добровольно стремиться к союзу, и оба должны всецело верить в связующую силу заклинания. Вера – это вообще краеугольный камень любой магии. Без нее даже самые могущественные заклинания бессильны.

Когда заклинание полностью составлено, оно вшивается в свадебное платье – потайными стежками аккуратно вставляется в тот шов, что лежит ближе всего к сердцу невесты. Слова вышиваются

белой шелковой нитью, и стежки эти почти неразличимы невооруженным глазом. Своего рода защита от копирования или присвоения посторонними людьми. Связующие заклинания вызывают мощнейшую магию и в неосторожных руках могут нанести ужасный вред, который трудно – а скорее, даже невозможно – обернуть вспять. Однако в умелых руках связующее двоих людей заклинание гарантирует им как защиту, так и счастье в браке. В день свадьбы, когда влюбленные обмениваются клятвами верности, их союз становится *envoûtée* – скрепленным чарами.

И как раз эта часть обучения давалась мне с наибольшим трудом. Я была нетерпелива, отчего у меня все получалось неуклюже. Возможно, так было потому, что мне это занятие казалось невыносимо скучным. Я мечтала шить платья – красивые, мерцающие блестками, подобные тем, что можно было увидеть в журнале «*La Joie des Modes*»^[13]. Но максимум, что позволяла мне делать *Maman*, – это подбивать подол или переводить на ткань выкройку, пока я как следует не овладею искусством создания заклинания.

Мне это казалось ужасно несправедливым. В пятнадцать лет я уже владела иглой ничуть не хуже, чем она, – а, может быть, даже и лучше, – и у меня был целый альбом с эскизами, полный замечательных идей, которые я жаждала воплотить в жизнь. Пышные, как у принцесс, юбки, туго затянутые талии, расшитые бисером лифы, широкие атласные банты со свисающими лентами такой длины, что они скользили вслед по полу. Эти платья, мимолетно приоткрывающие взору плечи, часть спины или груди, призваны были воспеть прекрасные женские формы.

Maman с презрением восприняла мои идеи, назвав мои платья слишком вычурными, вульгарными, годящимися лишь для сцены. Мнение матери задело меня очень сильно, хоть я и старалась этого не показывать, но однажды после очередного шквала резкой критики я объявила ей, что ее бесформенные дамские наряды уже *très démodé*, безнадежно старомодны, а еще они унылые и однообразные. Что ни одна женщина, огрызнувшись я угрюмо, – даже та, что очень нуждается в нашей помощи, – не захочет идти к алтарю в платье, которое выглядит так, будто сшито из лучшей скатерти ее мамы, и уж тем более за те деньги, которые мы за это берем.

Maman мне ответила так, как я, собственно, и предполагала: что наши клиентки платят не за модный фасон, а за душевное спокойствие. И все же для меня была неприемлема мысль, что невеста от Руссель вынуждена выбирать между модой и *la magie*. Мне было совершенно непонятно, почему они не могут получить одновременно и то и другое. Если бы *Maman* позволила мне сшить хоть пару-тройку придуманных мною платьев и вывесить их в нашем салоне, она бы убедилась, что я права. Однако она оставалась непреклонна. А потому я принялась шить втайне от нее, работая по ночам, когда *Maman* уже гасила у себя в комнате свет. Я грезилась о том дне, когда женщины будут шествовать по проходу между гостями к алтарю в платьях с моим именем на ярлычке.

Сейчас, спустя многие годы, и находясь за океаном, вдали от того города, где я начинала свое занятие швейным делом, воспоминания о тех днях по-прежнему свежи и саднящи. Но именно работа помогла мне внутренне собраться после отъезда из Парижа и после всего, что произошло со мной в дальнейшем. Дэниел прав. Несмотря на все, мне удалось сделать себе имя в незнакомом городе и продолжить наследие рода Руссель, причем так, что *Maman*, надеюсь, могла бы мною гордиться. Со своим салоном я обрела почву под ногами. И сумела найти самое *себя*. Продать этот дом – неважно, сколько ему довелось пустовать, – означает отпустить все это навсегда, отпустить память о себе самой. И я не уверена, что сейчас к этому готова.

Глава 5

Солин

У человека всегда должна быть свобода воли. Не нам пытаться навязывать другим свои убеждения и убеждать кого-то следовать нашей вере. Мы не выискиваем тех, кто нуждается в нашей помощи. Скорее, они сами должны нас найти и обратиться за содействием.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

31 мая 1985 года.

Бостон

На сей раз Дэниел выжидает со своим звонком до «после завтрака». Я решаю не брать трубку и дать телефону трезвонить вволю, хотя и понимаю, что это бесполезно. С него станется просто появиться в дверях с коробкой моих любимых трюфелей. После стольких лет знакомства он знает, чем меня пронять.

Я не торопясь наливаю себе в чашку кофе, а телефон все продолжает звонить. Уже семь гудков. Восьмой. Девятый. Я по-прежнему не представляю, что ответить Дэниелу. После его первого звонка я даже не позволила себе об этом задуматься. Но теперь-то мне все равно придется об этом поразмыслить, потому как Дэниел прекрасно знает, что я здесь (где ж еще я могу быть!), и так легко не сдастся.

– Ты уже становишься назойливым, – ворчу я в телефон, сняв наконец трубку.

– А вдруг это не я? – В голосе Дэниела слышится улыбка, к которой примешивается легкий оттенок раздражения от того, что я заставила его столько ждать.

– Кто ж еще станет мне звонить?

– Что верно, то верно. Ну что? У тебя появился план действий?

Я делаю глоток кофе и невольно морщусь, когда, горячий и крепкий, он проскальзывает по моему горлу. Единственное, чего я

хочу – так это обратить время вспять, вернуть ту пору, когда у меня еще были мечты, когда мое сердце еще не успело покрыться льдом.

– Нет, – безразлично отвечаю я, – у меня не было на это времени.

– Я знаю теперь немного больше, чем в прошлый наш разговор. Вчера мне снова позвонил тот самый агент. Его клиент подыскивает помещение под галерею искусств. Они определенно настроены на аренду, а не покупку, и это означает, что ты на самом деле с этим домом не расстанешься. Вы станете как бы... совладельцами. Ради благого дела.

Я протяжно вздыхаю:

– В городе полным-полно недвижимости. Почему ему понадобилась именно моя?

– Если точнее, то *ей*. Хотя агент так и не упомянул ее имя. Он мне сказал, что в этой новой галерее будут выставляться работы еще никому не известных, но подающих надежды художников. Его клиентка даже придумала для нее название. Хочет назвать галерею «Неслыханное дело».

Я прокручиваю в голове название. Умно. И достаточно интригующе. Сразу чувствуется, что женщина придумала.

– Тебе сразу надо было сказать, что дом не сдается, – резко говорю я, раздраженная тем, что жизнь, похоже, решила швырнуть меня обратно к прошлому, в то время как единственное, что мне нужно – это чтобы меня просто все оставили в покое.

– Я не твой сторожевой пес, – отвечает Дэниел тем тоном, который он приберегает обычно на тот случай, когда я становлюсь невыносимой. – Я твой адвокат, поверенный. И моя задача – давать дельный совет, когда речь идет о чем-то серьезном. А это – действительно серьезный вопрос. Им известно про пожар и про то, что ремонт в здании так и не был завершен. Глейсон сказал, что его клиентку это не пугает. Кстати сказать, они уже почти год подыскивали помещение под галерею, и ничего из того, что он ей показывал, не соответствовало ее требованиям. Так что она отложила всю затею в долгий ящик. А потом однажды заметила это здание в сплошном ряду домов и просто поняла, что это *оно*. Приведу ее точные слова. Она сказала, что у нее возникло такое чувство, будто этот дом стоял и ждал ее.

«Стоял и ждал ее...»

Эти слова как будто вызвали у меня в груди вибрацию – как камертон отзывается после удара.

– Она сочла, что это здание – принадлежащее мне здание – стояло и ждало ее?

– Так мне сказал ее агент. Кто разберет этих любителей искусства!

– Я тоже любитель искусства, – сухо отвечаю я.

– Ну, разумеется! Так, может, вы с этой дамой, желающей стать хозяйкой галереи, – вообще родственные души? Мне организовать вам встречу?

– Я ничего подобного не говорила.

– Знаю. Но, может, она все же права? Может быть, этот дом действительно дожидался ее? И, может, ты тоже именно ее и дожидалась? Ведь речь идет только об аренде. И тебе уже известно, что использоваться помещение будет под нечто значительное. На благо искусства...

– Прекрати меня обхаживать, Дэниел. Я не ребенок.

Надо отдать ему должное, он сразу умолкает. Сказать откровенно, я порой действительно веду себя как дитя, угрюмое и немыслимо упрямое. С которым очень трудно сладить. Видимо, такое и получается, когда жизнь лишает тебя всего, о чем ты когда-то мечтал и к чему стремился. Однако теперь появился некто, пытающийся осуществить свои возвышенные замыслы. Некто, лелеющий мечту. Некто, верящий в искусство и в тех, кто его творит. Неужели я и правда хочу сыграть в этом деле роль этакой мегеры, которая разом все сорвет?

– Солин? – наконец подает голос Дэниел.

– Договорись о встрече.

Мгновение изумленной паузы.

– На какой день?

– Сам выбирай. Меня на этой встрече не будет.

– Разве ты не хочешь познакомиться с этой таинственной особой?

– Нет. – Мой ответ слетает с губ так быстро, что это удивляет даже меня саму.

Меня никогда особенно не заботила деловая сторона вещей. Вот почему у меня есть личный адвокат. Дэниел вправе вести переговоры и может завершить сделку, если до такового дойдет, а потом отправить мне документы курьером. Я же способна выносить

деловую часть лишь до тех пор, пока мне не придется просиживать все эти обсуждения с улыбкой на лице, притворяясь, будто я не помню, как стежок за стежком прокладывалась моя жизнь. Потому что я все прекрасно помню.

Я помню тот день, когда узнала, что в Париж неминуемо войдут фашисты. Я помню, где я была и что на мне было надето. Помню, во что была одета *Maman* и что она мне сказала. И помню, как не хотела в это поверить. Потому что это было немыслимо! Но *Maman* все знала лучше и начала потихоньку собирать все то, что нам может понадобиться – что *мне* может понадобиться. И готовить меня к грядущему.

Глава 6

Солин

Крестик на шее и магическое заклинание в кармане могут уберечь тебя от охотников на ведьм, но против нацистов они бесполезны.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

17 сентября 1939 года.

Париж

Уже почти пора закрывать салон, и я прибираюсь в мастерской, сетуя на то, что по углам начинают скапливаться рулоны тканей. Внезапно швейная машинка *Maman* затихает.

– Скоро наступит время, – мрачно произносит *Maman*, – когда для выживания нам понадобится нечто большее, чем мука и сахар.

Надо сказать, моя матушка никогда не была склонна что-то драматизировать. Она из тех женщин, что живут реалистично, не имея времени на театральные жесты и сцены, и потому это жутковатое предсказание, сделанное совершенно внезапно, застаёт меня врасплох.

Я изумленно смотрю на нее:

– При чем тут вообще мука?

Протянув руку, *Maman* выключает радио, потом складывает ладони на коленях.

– Пришло время мне кое-что сказать тебе, Солин. И я хочу, чтобы ты это внимательно выслушала.

Уже одного этого достаточно, чтобы я насторожилась. *Maman* вовсе не любительница поболтать, и обычно она открывает рот, только чтобы отчитать меня за неровно подшитый подол или за неаккуратно вырезанную выкройку. Однако война многое меняет. Когда я встречаюсь с матерью взглядом, внутри у меня все сжимается. Ее глаза, такие же темные, как у меня, с густыми черными ресницами, внезапно и по непонятным мне причинам наполняются слезами.

Она указывает мне на свободный стул рядом с ее швейным столом:

– Присядь со мною рядом и послушай.

Материнские слезы, столь редкие, пугают меня.

– Что случилось?

– Близятся большие перемены, – начинает она. – Время тьмы, что явится большим испытанием для всех нас. Даже сейчас чувствуется, какой дует ветер. – *Maman* тербит на шее золотой крестик с распятием, что в последнее время носит постоянно. Вертеть его пальцами – новая ее привычка. Точно так же *Maman* постоянно держит в кармане передника нитку с гранатовыми бусинами и рассеянно их перебирает, когда руки свободны от работы.

Oui, моя *Maman* держит при себе четки. А также носит на шее крестик. Впрочем, для таких, как мы, вовсе не редкость быть приверженцем католичества и в то же время практиковать *la magie des esprits*^[14]. Моя мать не посещает мессы и не ходит на исповеди, и все же теперь она время от времени заглядывает в церковь, чтобы поставить свечку – своего рода защиту от невезения и злого умысла.

Возможно, эта связь восходит еще к раннему существованию христианства, когда наши праздники тоже включали в церковный календарь в попытке приобщить таких женщин, как мы, к «единой истинной вере». Или это пережиток тех мрачных веков, когда человека, не являющегося католиком, могли запросто привязать к столбу и сжечь. Какова бы ни была причина, многие владеющие Даром во Франции продолжали опасно балансировать на грани между святыми угодниками и сакральными духами. Особенно женщины.

Женщины во все времена доставляли много проблем власть имущим. Потому что мы обладаем особым видением, особым знанием. Вот и сейчас *Maman* явно постигла нечто такое, что неведомо другим. А потому я сижу тихонько, ожидая, что же она скажет.

– Снова эти немцы, – резко произносит она, возвращаясь к нити разговора. – Немцы под предводительством *un fou* – безумца с черной душой. Он попытается забрать себе все. А что не сможет забрать – то уничтожит. – Умолкнув ненадолго, *Maman* кладет ладонь мне на предплечье: – Ты должна быть к этому готова, Со-Со.

Она редко меня касается. И никогда не называет меня Со-Со. В детстве это было одно из моих ласкательных имен, придуманных тетужкой Лилу, и мать оно обычно сильно раздражало. От столь

внезапного проявления нежности с ее стороны по моему телу пробегает холодок.

– Откуда ты это знаешь?

– Мне уже довелось это пережить. Причем не так и давно. И теперь это грядет снова. – Склонив голову, она плотно зажмуривает глаза, словно пытаясь избавиться от страшных образов. – Эта война будет совсем не пустяковая заварушка. Надвигается такое изуверство, такая беспощадная жестокость, каких свет еще не видывал. И, вероятно, не увидит. – *Maman* резко поднимает голову, и ее пронзительный взгляд приковывается к моему лицу. – И тебе понадобится быть очень сильной, *ma fille*^[15]. И очень осторожной.

Неожиданно я замечаю, что она сильно побледнела, а темные глаза, ищущие мой взгляд, напоминают блестящие жесткие бусины. Почему же я не наблюдала прежде, как заострился овал ее лица и стали тонкими некогда полные губы? Она явно изрядно напугана – а я еще ни разу не видела, чтобы *Maman* чего-то боялась.

Есть что-то, чего она недоговаривает. Что-то такое, что пугает ее сильнее, чем перспектива войны. Внезапно мне тоже становится страшно.

– Когда, *Maman*?

– Через год. Может, чуть больше. Но я уже вовсю готовлюсь, делаю запасы на черный день. Что-либо достать будет потом все труднее и труднее. И еду, и одежду, даже обувь. Деньги потеряют свое значение, потому что покупать будет нечего и не у кого. Вот почему в мастерской у нас теперь так тесно. И в кладовой внизу. Так что, когда настанет трудный час, у тебя будет все необходимое. И то, что ты сможешь на что-либо обменять. – Ее пальцы вновь нашаривают крестик. – Я боюсь за тебя.

Эти слова словно повисают между нами. Тяжелые слова. От них веет глухим одиночеством.

– Только за меня?

Взгляд матери остается неподвижным. Впервые на моей памяти ее чувства выходят из-под контроля. Глубокий страх. Печаль потери. Немая просьба о прощении. И мгновенно я сознаю все то, чего она недоговаривает, и то, чего до этого момента я просто не позволяла себе замечать. Впалость щек и постоянные тени под глазами, и кашель,

который я нередко слышу по ночам. Я вдруг понимаю, что *Maman* больна и что скоро ее не станет.

Глава 7

Солин

Вот уже более двухсот лет существует негласный титул «Колдунья над платьями». Она хранительница родовой тайны, наставница нашего ремесла. Наш дар, хотя и постигается в учении, по сути передается по наследству.

И титул этот тоже передается от поколения к поколению. Когда мать навсегда откладывает свою иглу, ее берет в руки дочь. Так продолжается наше Дело.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

17 января 1940 года.

Париж

По крайней мере, на данный момент кажется, что ничего не происходит. Вынесенные на тротуары столики кафе все так же заняты, а в самих кофейнях стоит гул от разговоров художников и философов, нескончаемо, чашку за чашкой, потягивающих черный кофе и глодающих жизнь, точно собака голую кость. Повара все так же готовят блюда, вина льются рекой, кинематограф привлекает к себе все те же толпы, а мода по-прежнему остается главным развлечением парижанок. И, что самое важное – во всяком случае для нас, Руссель, – влюбленные девушки продолжают выходить замуж. *Матап* говорит, это связано с тем, что гитлеровские полчища движутся по Европе, точно нашествие саранчи. Перспектива появления на наших улицах нацистов всех заставляет нервничать, и невестам отчаянно хочется оказаться у алтаря до того, как произойдет худшее.

Теперь каждый день мы слышим сообщения о новых зверствах гитлеровцев. Одна женщина, сбежавшая из Берлина со своими престарелыми родителями, рассказала *Матап* о той страшной ночи, когда она своими глазами видела, как десятки живших в ее квартале евреев согнали и отправили в специальные лагеря, как их синагогу

сожгли, весь их бизнес разорили, а улицы, где они жили и работали, сплошь покрылись осколками битого стекла. «*Kristallnacht*», как они это называли – Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин^[16]. Мы, разумеется, уже слышали о тех событиях по радио, однако совсем не так, как это рассказала она.

А сегодня с утра стали поступать сообщения о том, как матери в отчаянии сажают своих детей в поезда, вверяя их в руки совершенно незнакомых людей, лишь бы спасти от грядущей беды. *Maman* непрестанно всхлипывает. Она худеет и сохнет на глазах, став уже такой изможденной, что кости на лице проступают из-под кожи. И кашель у нее с каждым днем все сильнее. Она отказывается показаться врачу, с пугающим спокойствием уверяя меня, что это все равно ничего не даст. Между нами нет больше никакого притворства. Она умирает, и все, что мне остается – это наблюдать и ждать.

– Будем надеяться, это не скоро еще произойдет? – спрашиваю я, когда *Maman* выключает радио и осторожно откидывается спиной на подушки. – Я имею в виду, когда они заявятся в Париж.

Она отворачивает голову, протяжно кашляя в носовой платок, и от этого хриплого, надрывного клокотания становится измученной и бледной.

– Они с каждым днем все ближе. И не остановятся, пока не заберут себе все.

В ее ответе ничего нет удивительного. Примерно то же самое говорят и на *Radio Londres*^[17].

– Они и так уже заняли пол-Европы. Зачем им Париж?

– Они хотят расчистить для себя всю Европу. Многие при этом погибнут. А те, кто останется, потеряют абсолютно все.

Я согласно киваю, потому что теперь уже нет ни малейших сомнений, что *Maman* права. Каждый день приносит нам новые жуткие вести. О рейдах с охотой на людей и массовых облавах. О курсирующих по Европе поездах, битком забитых узниками, которых везут в особые лагеря. Это коммунисты, евреи, цыгане...

– Что же, никому от этого не спастись?

– Уцелеют лишь те, кто готов закрыть на все это глаза и поддержать их. Кто-то даже получит от этого выгоду. А всех прочих ждут страдания – они придут сюда со своими косами, уничтожая всех,

кто встанет у них на пути. Вот только меня здесь уже не будет. И совсем некому будет тебя защитить.

Мне очень хочется сказать матери, что она ошибается. Что она поправится и все будет хорошо. Но мы обе уже понимаем, что это не так. А потому я ничего не отвечаю.

– Я получила письмо от Лилу, – внезапно сообщает она.

От этой новости я, можно сказать, теряю дар речи. *Maman* так и не простила свою младшую сестру за то, что та, влюбившись в англичанина, удрала из родного дома, чтобы выйти за него замуж. Он был состоятельным и молодцеватым щеголем, с квартирой в Лондоне и с загородным имением, где он держал овец и лошадей. Мне все это казалось невероятно романтичным. *Maman* же восприняла все совершенно иначе, и когда из Англии пришло письмо, сообщавшее, что муж Лилу погиб, она не проявила практически никаких эмоций. Порвала письмо в клочки и кинула в огонь, бормоча, что все это было вполне предсказуемо и что, мол, так ей и надо за то, что от нас откололась. Теперь же, более десяти лет спустя, ей, похоже, пришло еще одно письмо.

– Я не знала, что вы с Лилу переписываетесь.

– Война многое меняет, – натянуто отвечает мне *Maman*. – К тому же... нам было что обсудить.

– Ты сообщила ей, что слегла?

– Она написала, что ты можешь к ней приехать.

Я недоуменно смотрю на нее:

– Что, в Лондон?

– Пока что такое возможно. Хотя и ненадолго. – Она вновь удивляет меня тем, что непроизвольно тянется к моей руке. Ее худые пальцы с побелевшими от напряжения костяшками взволнованно обхватывают мою ладонь. – Я хочу, чтобы ты уехала, Солин. Хочу, чтобы ты была в безопасности. Тебе не следует оставаться в Париже. Никому, на самом деле, не следует здесь оставаться. Ты должна уехать. Завтра же.

– Без тебя?

Ее веки, затрепетав, опускаются.

– *Oui, ma fille*^[18]. Без меня.

– Но как...

Maman мотает головой, обрывая меня на полуслове:

– Тебе нельзя здесь оставаться, Солин. С моей стороны глупо было думать, будто забитая кофе и сахаром кладовка сумеет тебя уберечь. Ничего подобного! Ничто тебя не спасет, если они решат за тобой прийти.

Панический страх в ее глазах настолько очевиден, что я чувствую, как мои волосы встают дыбом. Я даже прищуриваюсь, уверенная, что она знает нечто такое, чего не знаю я.

– С чего вдруг им за мною приходиться, *Maman*?

В глазах у нее появляется горячий блеск, к страху будто примешивается лихорадка.

– Неужели ты не понимаешь?! Им не нужна причина! Хотя они все равно ее найдут. Такие всегда находят способ оправдать свою ненависть, а остальным людям дают убедительный довод для послушания. Они вкладывают в сознание людей нужные слова, внедряют, точно заразу, и ждут, когда это распространится. И люди у нас в Париже – те самые, с которыми мы хорошо знакомы, – тоже будут заражены. И когда эта эпидемия расползется, люди станут указывать пальцем на любого, кто, как им кажется, сможет обеспечить им спасение. Пожалуйста, умоляю тебя – уезжай к Лилу!

– Как я могу уехать? – выпаливаю я несколько резче, чем бы мне хотелось, но ведь и она просит от меня невозможного. Мы никогда не были с ней близки – как это порой бывает у дочерей с матерью, – и все-таки она моя мать. И я просто никак не могу ее здесь бросить. – Ты настолько ослабла, что не можешь даже сойти по лестнице и едва способна приготовить себе еду. Если я уеду, за тобой некому будет ухаживать.

– Ты должна, Солин. Ты обязательно должна уехать. Немедленно.

– А как же наше Дело? Кто-то же должен здесь быть, чтобы продолжать работу?

Она тяжело вздыхает, явно утомившись от споров.

– Не будет никакой работы, Солин. Не будет никаких невест, потому что не останется женихов. Мужчины отсюда уйдут. Почти что все.

От этих слов мне будто нечем становится дышать. Я слышала рассказы о прошлой войне, о том, как после нее в городе не хватало мужчин брачного возраста, потому что все ушли воевать и большинство не вернулись. Никогда не думала, что такое может

случиться опять! Но разумеется, *Maman* права. Клиенток уже стало гораздо меньше, а дальше будет только хуже. Ну так и что с того? Я все равно не могу сделать то, о чем она просит!

– Я не оставлю тебя здесь одну!

– Ты просто маленькая глупышка! – Сверкнув глазами, она хватается меня за запястье. – Как ты не понимаешь, что, когда придет мой срок, будет уже неважно, здесь ты или нет! Что ты все равно не можешь остановить то, что со мною происходит. Это тебе не по силам. Никакая магия это не остановит. Или то, что на нас надвигается. Тебе нечего здесь делать.

Я отворачиваюсь, уязвленная такой резкостью *Maman*. У нас всегда с ней были очень непростые отношения, с прохладными промежутками мира и колючими, обидчивыми отмалчиваниями. Нас нескончаемо, точно быстрый, неодолимый поток, разделяло ее недовольство и неодобрение, потому что я напоминала ей о былых ошибках.

Когда-то у меня был отец – мужчина, которому удалось как минимум однажды завлечь в свою постель Эсме Руссель. Я не знаю его имени. Знаю только, что он был музыкант и учился в Париже. И то, что он уехал, так и не женившись на ней. *Maman* никогда о нем не заговаривала, а Лилу, несмотря на все мое любопытство, странным образом отказывалась говорить на эту тему. А потому он так и остался для меня неясной тенью, давнишней оплошностью, наказание за которую несла маленькая девочка.

Помню, как однажды Лилу сказала мне, что *Maman* была одной из красивейших девушек Парижа и что обязана она этим текущей в наших жилах цыганской крови. Что поэтому, мол, все женщины рода Руссель так похожи на цыганок (и что именно это и объясняет нашу способность к магии). И еще сказала, что только *Maman* оказалась наделена больше, чем она, и тем, и другим. Возможно, это правда. Может статься, *Maman* и впрямь некогда была очень красивой, однако от постоянной горечи в душе ее черты стали жестче, и я поклялась себе, что со мною такого ни за что не случится. И все же, стоя иной раз перед зеркалом, я вместо себя вижу ее – такую, какой я могу стать, если не буду осмотрительной. Холодную, раздражительную и бесконечно одинокую. Впрочем, иногда я вижу там Лилу – которая

тоже, оглядываясь назад, словно вопрошает меня, как я распорядюсь своей жизнью.

Лилу, которая остригла волосы и стала красить губы, которая называла меня *ta rêche*^[19]. Которая последовала зову сердца, вышла замуж за британца и уехала далеко от Парижа. Лилу была совсем не такой, как *Maman* – насколько вообще могут различаться сестры, – и я ее обожала. Она не была сторонницей правил и запретов и не верила в раскаяние – или в грех, который, по ее мнению, был лишь уловкой, придуманной для того, чтобы заставить женщин испытывать чувство вины за свои желания. Как я девчонкой мечтала быть такой, как она! Так же храбро смотреть миру в глаза и дерзко пренебрегать его мнением. Стремиться к собственным мечтам и следовать лишь своим желаниям. И, возможно, мне и удастся стать такой когда-то, – но не сейчас, когда *Maman* так сильно во мне нуждается.

Глава 8

Рори

16 июня 1985 года.

Бостон

Затаив дух, Рори ступила в сумрачное помещение. Электричество обещали подключить только завтра, и все же с шести часов вчерашнего вечера этот дом был в ее распоряжении – целиком и полностью, с уже внесенной платой за аренду.

Рори не могла здесь долго оставаться. К одиннадцати ей необходимо было явиться к матери на бранч. Однако новенький комплект ключей, переданный ей вчера Дэниелом Баллантайном как будто прожигал карман. И вот, пользуясь тем, что на улице светло, Рори приехала сюда, чтобы впитать атмосферу дома и вообще, так сказать, насладиться моментом.

Тусклый свет, проникавший в помещение через грязное витринное окно, создавал странное ощущение, будто все это находится под водой. Двинувшись в обход переднего зала, Рори прищурилась, надеясь, что глаза адаптируются к слабому освещению. В нынешнем состоянии едва ли это место можно было назвать гламурным, хотя когда-то здесь располагался один из наиболее престижных свадебных салонов Бостона, принадлежавший портнихе из Парижа, известной своим изысканнейшим вкусом и авангардными дизайнами платья.

Даже будь у Рори время хорошенько все обдумать (чего у нее, естественно, не было), то одной истории этого дома было достаточно, чтобы подвигнуть ее на столь рискованный шаг, – одной мысли о том, что когда-то в этом доме было царство тафты, органзы и нежно-кремового атласа, из которых творилось нечто прекрасное и непреходящее. Для Рори это был как будто знак – словно сама судьба и впрямь послала ей волну с ее именем на гребне. Быть может, именно поэтому Солин Руссель не продала этот дом после пожара – потому что он предназначался для нее, для Рори, и для ее будущей галереи.

Как только было принято решение, все закрутилось чрезвычайно стремительно. После нескольких телефонных переговоров с адвокатом Солин Руссель и, наконец, одного очень быстрого показа дома Рори

сделала официальное предложение аренды, за которым последовал еще раунд переговоров, и наконец предложение было принято. Она ужасно нервничала, ожидая, когда будут составлены все документы, и боясь, что таинственная владелица дома внезапно передумает и откажется от сделки. К счастью, все прошло, как и планировалось – ну, или почти все. Рори очень надеялась, что при подписании документов все-таки познакомится с этой призрачной, неуловимой мисс Руссель. Однако, как обычно, от имени хозяйки дома подписывал бумаги ее поверенный.

Когда сделка была завершена, Рори спросила у Дэниела номер телефона госпожи Руссель или адрес, по которому она могла бы отправить благодарственную открытку, однако адвокат тут же отверг эту идею, объяснив, что его клиентка ведет крайне уединенный образ жизни и абсолютно все деловые вопросы поручает ему. И что, мол, в будущем любые вопросы по арендуемому дому следует направлять исключительно в его контору. Хотя Рори сильно сомневалась, что в будущем у нее может возникнуть потребность в какой-то информации.

Ей уже не терпелось приступить к ремонту дома. Основной ущерб от пожара претерпели помещения на втором этаже и в мансарде, где, вероятно, и возгорелось пламя, однако густой дым и вода оставили и здесь, внизу, свой след. И крышу, и мансардные окна, равно как и окна второго этажа, вскоре после пожара заменили, но после этого, начального, этапа работы по ремонту были оставлены, и помещение представляло собой немногим более, чем оболочку с обнажившейся обрешеткой, там и сям заваленную тряпками, оставленными инструментами и ведрами из-под краски, доверху заваленными всяким мусором.

Подрядчик, которого Рори наняла для ремонтных работ – хороший знакомый Бретта, – прикинул, что работы на первом этаже дома займут, плюс-минус, девяносто дней. После этого ей потребуется несколько недель на то, чтобы красиво обставить помещение и заполнить его художественными экспонатами. Если все пойдет удачно, открытие галереи в октябре может оказаться вполне даже реальным. Или, по крайней мере, в ноябре.

Когда Рори нарисовала в воображении свою галерею в уже законченном виде, душу ей согрела жаркая волна предвкушения.

Блестящий черный пол и рассеянный свет, мягкого серого оттенка стены с картинами в красивых рамах. Черные, покрытые лаком плинтусы. Витрины из оргстекла. Расставленные кое-где скамьи для желающих посидеть и что-то обсудить. А впоследствии выше этажом появятся комнаты для коллективных чтений и лекций, и когда-нибудь, возможно, даже творческая мастерская.

Рори окинула взглядом лестницу с черными мраморными стойками перил и кованной в стиле ар-деко решеткой. Как и все прочее, лестница тоже требовала к себе внимания и заботы, но, к большому счастью, там ничего не было вырвано или серьезно повреждено. Рори провела ладонью по холодному черному мрамору, затем по едва ли не чувственному изгибу железных перил, воображая, с каким драматизмом все это освещается огнем со второго этажа, отбрасывая тень на стену. Прямо кадры из фильма в жанре нуар.

На мгновение ей пришла мысль подняться по лестнице и быстро осмотреться наверху, однако времени уже не оставалось. Хотя не то чтобы она очень спешила сообщить матери, что осенью не вернется в колледж. Рори уже несколько недель увиливала от встречи, сочтя за лучшее хранить свое решение в тайне, пока не будет наконец подписан договор аренды. Но теперь-то пришло время держать перед матерью ответ.

Может, после бранча ей стоит вернуться сюда? Вымыть окна да убрать отовсюду мусор перед завтрашним приходом бригады? Теперь у нее будет ради чего жить, к чему стремиться. Еще не отпустив перила, Рори собралась было развернуться и отойти, когда вдруг почувствовала нечто. Или ей лишь показалось, что она это почувствовала? Легкая, едва уловимая вибрация прошла по ее пальцам и взбежала по руке – словно отдавшийся в костях звук камертона. Еще более странными были ртутного оттенка вспышки, возникшие, когда она зажмурила глаза – точно зарницы от далекой грозы, отпечатавшие на внутренней стороне век странную мешанину образов.

Мигот отдернув руку, Рори потеряла предплечье. Что это? Разряд тока? Но откуда? Электричества в доме нет уже несколько лет. Вопреки всякому здравому смыслу, она коснулась перил опять – наружной стороной пальцев и очень быстро, как будто проверяла, нагревается ли утюг или конфорка на электроплите. Ничего.

Может, ей это все же показалось? Рори даже не сомневалась, что подрядчик при осмотре первым делом проверил здешнюю проводку, и не припоминала, чтобы он выявил какие-то проблемы. И тем не менее она, конечно же, попросит его осмотреть все еще раз. Меньше всего ей хотелось, чтобы вдруг случилось возгорание электропроводки или, хуже того – чтобы кого-то из гостей ударило на вернисаже током.

Вернисаж!

От одного этого слова, мелькнувшего в сознании, внутри у Рори будто затрепетали маленькие крылышки. Потому что оно заставило ее вновь вспомнить о Хаксе и о его непоколебимой вере в ее замысел. Голос Хакса то и дело звучал у нее в голове – и когда она утром чистила зубы, и когда размешивала в кофе сливки, и когда вела сюда машину. Вот и теперь, когда Рори, подхватив сумочку, направилась к выходу и стала закрывать дверь на ключ, она вновь услышала его голос:

«Мечты – это как волны, детка. Надо лишь дождаться нужной волны – той, что словно несет на себе твое имя. И когда такая волна подойдет – ты должен вскочить на нее и мчаться. Так вот, в этой мечте – только твое имя!»

Когда она добралась до матери, та уже дожидалась ее за столиком на террасе. Услышав приближение Рори, Камилла оторвала взгляд от журнала «Town & Country», приподняв подведенные карандашом брови.

– Аврора? Ты почти вовремя.

В ответ Рори еле заметно кивнула:

– И тебе доброе утро.

– Я лишь хочу сказать, что пока не выносила сюда еду, поскольку не думала, что ты скоро придешь. В духовке томится страта из шпината с помидорами. А еще – маленькие маффины из цуккини, которые ты так любишь. – Она отложила журнал и встала. – Давай-ка откупоривай «Вдову», а я подам завтрак.

Рори с готовностью взялась открывать шампанское, очень надеясь, что после небольшого возлияния ее новость воспримется куда

благосклоннее. Всю дорогу она репетировала в машине то, что собиралась сказать матери, заключив в итоге, что в ее приготовлениях нет никакого смысла. Новость была такова, что как-то получше сообщить ее просто не представлялось возможным.

Через пару мгновений Камилла вынесла на террасу блюдо с едой и кувшин с апельсиновым соком.

– Ну, думаю, можем уже и садиться.

Рори покорно начала разливать шампанское, едва не опрокинув один из фужеров. Камилла пристально посмотрела на нее:

– С тобой все в порядке? Какая-то ты рассеянная.

– Все хорошо. Давай завтракать.

Пока они накладывали себе в тарелки страту, за столиком воцарилось молчание. Наконец Камилла подняла свой бокал:

– За солнечные воскресные утра!

Рори послушно, словно отыгрывая свою роль, тоже подняла бокал. Она чувствовала, что мать не сводит с нее пытливых, оценивающих глаз.

Не выдержав наконец, Камилла отложила на стол нож.

– Ты уверена, что ты в порядке, Аврора? Ты сегодня как будто не в себе.

– Все хорошо. – Рори поднесла шампанское к губам, сделала глоток. – Ну что, подготовка к празднику успешно продвигается?

Камилла уставилась на нее с явным изумлением:

– Э-э... в общем да. Я сейчас подумываю, не взять ли тему «Гэтсби». Ну, можешь себе представить: наряды из бурных двадцатых^[20], блистательные джаз-бэнды. Все украшено перьями и стразами. Черные, золотые, кремовые тона. Все, разумеется, исключительно элегантно, на высшем уровне.

– Не сомневаюсь. А ты будешь играть роль эмансипе?

Легкий и по-девчоночьи звонкий смех Камиллы прокатился по террасе.

– Ну, конечно же, нет. Кому охота это видеть! Я подумывала надеть костюм в тонкую полоску и гамаши, и, может, еще широкую фетровую шляпу. Что ты об этом думаешь? Я могла бы сойти за гангстера, а ты – за мою подружку. Побольше всякой бахромы, обязательно боа. А еще – возбуждающие пунцовые губы.

– Звучит забавно. Но все-таки не стоит сбрасывать со счетов модницу-эмансипе. У тебя для этого очень даже подходящие ножки.

Камилла аж закатила глаза:

– Не смей меня! Я уже давно вышла из того возраста, когда можно сверкать своими коленками. – Она немного помолчала, набирая в ложку несколько ярко-красных ягод. – Ну а ты как? Успела записаться на свой курс на осень?

Вот он и настал – момент истины. Рори вновь взялась за бокал и в один глоток прикончила то, что там оставалось.

– Не совсем. Точнее, нет.

– Но, детка, ты же обещала...

– Я не вернусь осенью в колледж, – решительно выпалила она. Вот тебе и осторожное вступление! – Я вместо этого решила реализовать наконец свои планы и открыть художественную галерею.

Камилла опустила ложку, и ягоды раскатились по скатерти.

– Галерею? Я думала...

– Да, знаю. Я тоже так думала. Но потом я увидела это здание – один из старых домов на углу Ньюбери-стрит и Фэйрфилд, – и с абсолютной ясностью поняла, что это именно то, чем мне и следует заняться.

Камилла шумно вздохнула:

– Аврора, мы с тобой уже об этом говорили. У тебя совсем нет опыта ведения бизнеса. И пока что – никакого мало-мальского опыта в мире искусства. Прежде чем во что-то подобное ввязываться, тебе необходимо закончить учебу. Получить квалификацию и профессиональные рекомендации, чтобы всегда было на что опереться.

– В смысле, если меня ждет провал?

– Ну, в общем, да. И не надо на меня так смотреть. Ты хоть немного представляешь, сколько новых галерей в первый же год терпят неудачу?

– Нет, но не сомневаюсь, что ты меня в это посвятишь.

– Я не хочу, чтобы и ты попала в эту статистику, Аврора. А это непременно случится, если ты не откажешься от этой мысли. – Камилла с совершенно ошарашенным видом помотала головой. – Ты даже ни словом не обмолвилась мне об этом, когда была здесь

в прошлый раз! А теперь – так вот запросто! – ты собираешься взять и бросить колледж!

Рори вскинула подбородок:

– Мне на это не требуется твое разрешение.

Камилла явно была захвачена врасплох ее заявлением, однако сумела выдержать ровный тон:

– Разумеется. Тебе уже больше восемнадцати лет, и ты располагаешь собственными деньгами. Твой отец об этом позаботился. Но я все же прошу тебя немного приостановиться, хорошенько все продумать и просчитать – а тем временем закончить учебу. Диплом магистра – это настоящее достижение. То, чем ты сможешь гордиться независимо от того, чем решишь заниматься дальше. И, кстати, что насчет Парижа? Ты же всегда так хотела туда поехать. И этот опыт очень хорошо потом впишется в твое резюме. Кто знает, что ждет тебя в будущем! Может быть, затеянная тобой галерея. А может – и что-то другое. Просто подожди немного – вот и все, что я хочу тебе сказать.

Рори нервно облизнула губы. Потом еще раз.

– Я уже подписала вчера вечером договор аренды.

Лицо у Камиллы словно разом потухло.

– Ох, Аврора... Скажи, что это не так.

– Извини. Я не собираюсь возвращаться в колледж. Или же ехать в Париж. Я хочу заняться именно этим – хочу осуществить свою мечту.

– Свою мечту, – повторила Камилла и пренебрежительно покачала головой. – Еще какой-то год назад я от тебя даже и слова-то такого не слышала – «галерея». И появилось-то оно лишь потому, что Мэттью вложил тебе эту идею в голову. Он считает, что, раз у тебя есть трастовый фонд, то никакой провал тебе не страшен. Он совершенно ничего не знает о мире искусства, но все равно забил тебе голову этой нелепой идеей – открыть галерею для художников, о которых никто и никогда не слышал! И вроде бы ты уже успела отказаться от этой затеи. А теперь снова к ней возвращаешься, потому что просто не знаешь, к чему приложить свои силы.

– Это неправда. Но если бы и так – какое это имеет значение? Почему я не могу просто желать того, чего желаю? Почему все, что бы я ни делала, должно соответствовать каким-то твоим критериям?

– Дело вовсе не во мне, Аврора. И даже не в тебе. Все дело в Мэттью. Ты пытаешься что-то доказать тому, кого здесь даже нет,

потому что тебе горестно и страшно. Ты не знаешь самих азов содержания художественной галереи и не знаешь того, что бывает, когда идешь на риск и терпишь неудачу. А я это знаю. Ты пока что совершенно не готова взять на себя нечто подобное, и если бы ты немного спустила пар и все взвесила, ты сама бы это поняла.

Слова эти задели Рори сильнее, чем ей это хотелось бы признать. Если сказать честно, все закрутилось очень быстро, без должной в таких делах осмотрительности. А что, если мать права? Что, если она только что взяла и сиганула с вышки в самую глубокую часть бассейна лишь потому, что Хакс когда-то что-то ей сказал, и потому что для нее невыносима мысль, что она больше никогда его не увидит?

– Ты сделала это, не продумав все как следует, Аврора. Позволь мне связаться со Стивеном Мерцером и попросить его сделать пару необходимых звонков. Тебе это почти что ничего не будет стоить – скоропалительные решения обходятся дороже, – но этот человек знает, как аннулировать контракт. Неважно, что ты там подписала. Он поможет тебе выбраться из этой ситуации.

Рори вся напряглась, негодуя на эту хладнокровную самоуверенность матери.

– Но я вовсе *не желаю* из этой ситуации выбираться.

Камилла подалась вперед, вцепившись обеими руками в край стола.

– А что, если у тебя ничего с этой галереей не выйдет? Об этом ты подумала? Или же ты намерена разбрасываться деньгами, пока не пустишь на ветер весь свой фонд?

Рори поглубже вжалась в сиденье:

– Твоя вера в меня поистине не знает границ.

Лицо Камиллы немного смягчилось.

– Это никак не связано с моей верой в тебя. Я просто не хочу видеть, как ты обманешься в ожиданиях, и опасаясь, что именно это и случится. Открытие галереи – это очень серьезное дело. И куда более серьезное, если ты к этому толком не готова. По статистике...

– Да, да, это ты уже говорила. Обещаю: если я потерплю крах, то сразу же уеду отсюда и сменю фамилию. Я не стану тебя позорить. А кто знает – быть может, ты наконец станешь мною гордиться.

На мгновение лицо у Камиллы выразило искреннее изумление.

– Ты всегда вызывала во мне чувство гордости, Аврора. Всегда и неизменно.

Рори с вызовом посмотрела ей в глаза:

– В самом деле?

– Ну, разумеется.

– Тогда порадуйся за меня. После всех этих жутких месяцев – наконец в моей жизни происходит что-то хорошее. Отпразднуй это со мной. Пожалуйста!

Камилла прохладно кивнула, с неохотой признавая свое поражение. Взяв со стола бутылку «Вдовы», она наполнила оба бокала, плеснула в каждый апельсинового сока и, наконец, подняла «мимозу», произнося тост:

– За мою дочь – хозяйку будущей художественной галереи.

– Спасибо, – отозвалась Рори, поднося к губам коктейль. Это, конечно же, не походило на мощную поддержку – но таковой она, собственно, и не ожидала. По крайней мере, они достигли некоторого перемирия, и на данный момент этого было достаточно. Их отношения всегда были такими – нескончаемый круговорот летящих стрел и оливковых ветвей. – Я знаю, это совсем не то, чего ты от меня ждала. Но это то, о чем мечтаю я.

Улыбка Камиллы потускнела.

– Ты всегда была гораздо храбрее меня.

Это было странное и внезапное признание. Не раскаяние – ее мать не верила в исповеди и раскаяния, – но очень неожиданный для Рори комплимент.

– Уверю тебя, храбрости тут никакой. Признаться честно, я очень боюсь, что все, о чем ты мне только что сказала, окажется правдой. И то, что я еще к этому не готова. И что причина для этого начинания неправильная. Но эта галерея – первое, к чему я небезразлична за последние месяцы. Да, все это произошло слишком быстро. И да – существует огромный риск, но именно эта новая цель побуждает меня утром подниматься с постели. А в последнее время вставать по утрам мне становилось все труднее. – Рори немного помолчала, впервые сознавая, сколько горькой правды в этих словах. – Мне не просто этого хочется. Мне это жизненно необходимо.

– Тогда, может быть, ты мне поподробнее расскажешь об этом своем арендованном доме? Только боюсь, страта уже остыла. Может,

сходить подогреть?

– Нет, нормально. Давай ее просто съедим.

Камилла положила себе на тарелку еще порцию, затем протянула руку за тарелкой Рори.

– Кажется, все же еще теплая. Сыр пока что тянется. Ну а теперь расскажи мне об этом помещении. Где оно находится? Как выглядит?

– Это сразу, как перейдешь Ньюбери, рядом с рестораном «*DeLuca's*». Красное кирпичное здание с прелестной башенкой и с большим эркерным угловым окном. Хотя там работы будет достаточно. Несколько лет назад в доме был пожар, его начали было ремонтировать, но так и не закончили.

– То есть он все это время пустовал?

– Именно. Владелица решила не открывать салон после пожара, но с домом расставаться не стала. Подрядчик, все осмотрев, сказал, что открыть галерею осенью вполне реально. Сначала мы приведем в порядок нижний этаж, а потом, уже открывшись, будем обустраивать верхние. Ах, какая там потрясающая лестница! Из черного мрамора, с кованой решеткой. Смотрится очень впечатляюще. Я думаю выбрать бледно-серый и перламутровые тона, сделать мягкое рассеянное освещение и блестящие черные полы.

Камилла оторвала от тарелки удивленный взгляд:

– Такое впечатление, что ты уже хорошо все продумала.

– Просто я всегда имела представление о том, что хочу сделать. Просторный монохромный интерьер без излишеств. Стоило мне увидеть этот дом, я в то же мгновение поняла, что он идеально для этого подходит. У меня просто возникло какое-то особое чувство, понимаешь?

Изогнув бровь дугой, Камилла положила себе еще клубники.

– И что это за особое чувство?

– Не знаю. словно он именно для этого предназначен – так, пожалуй. Возможно, я уже сотни раз проходила мимо него, но ни разу не замечала. А потом, недели три назад, я возвращалась домой после встречи с Лизетт – и он вдруг словно сам предстал передо мной. Клянусь, будто по волшебству!

– А что в этом доме было прежде?

– Свадебный салон. Владелицу этого дома зовут Солин Руссель. Я надеялась, что познакомлюсь с ней, когда буду подписывать договор

аренды, но она так и не появилась. Ее адвокат сказал, что она почти не выходит.

Камилла чуть сдвинула брови, как будто что-то усиленно вспоминая.

– Мне кажется, я ее знаю.

– Ты правда знакома с Солин Руссель?!

– Прости, но я имела в виду, что просто знаю, кто она. В дни моей молодости все это знали. Она из Парижа – так, во всяком случае, она утверждала. Запомнила уже, как назывался ее салон – как-то по-французски, – но клиенток, насколько я помню, у нее было хоть отбавляй. Особенно славились ее банты.

– Банты?

– Это, можно сказать, был ее фирменный знак. Бант Руссель. В той или иной форме они присутствовали на всех без исключения платьях, что она шила. На плечах, на талии, на юбке. Тогда она была очень модным дизайнером, особенно с ее акцентом и небольшим изящным салоном, обещающим, что ее платья принесут удачу в браке.

Рори подняла на мать заинтригованный взгляд:

– Удачу в браке?

– Ну, так здесь поговаривали. Бродил среди женщин такой нелепый слух, будто бы ее свадебные платья гарантируют счастливый исход замужества. Дескать, она шила их вручную и для каждой заказавшей у нее платье невесты делала индивидуальное заклинание на удачу. Отличная фишка, надо признать, – если, конечно, можешь заставить людей в это поверить. Хотя, если подумать, большинство невест готовы поверить во что угодно. Подбрось им какую-нибудь французскую штучку – и они станут есть у тебя с руки. Чем она и пользовалась. Мои подружки были просто без ума от ее платьев.

– Но только не ты.

Камилла пожала плечами:

– То, о чем я грезила в юности, не было материальным. Какой-то местный свадебный салон никогда бы не исполнил моего желания.

– Почему?

– Я была из семьи Лоуэлл, дорогая. А для Лоуэлл не могло подойти ничего, кроме роскошного – такого, как полагается, – платья из Парижа. И мы, естественно, отправились в Париж – наведаться

в модный дом Диора. Из Бостона мы выехали с двумя чемоданами, а вернулись с семьей.

– Диор! – даже ахнула Рори. Она никогда особо не интересовалась модой, но даже она знала, что свадебное платье от Диора стоит целое состояние. – Надеюсь, фотографии с ним у тебя сохранились. Ты, должно быть, смотрелась очень величественно.

Камилла небрежно фыркнула.

– Оно было белое, типично французское, а еще такое тесное, что мне казалось, я бухнусь в обморок, даже не дойдя до алтаря. Впрочем, со своей задачей оно справилось.

Со своей задачей.

Эти слова в полной мере передавали все отношение Камиллы к священным узам брака. А также ясно давали понять, что пора возвращать разговор в прежнее, куда менее опасное русло.

– А что еще ты знаешь о Солин Руссель?

– Да совсем немного. А что?

– Ну, это же целая история! Разве нет? Зачарованные свадебные платья, чтобы «жить долго и счастливо». А потом ее салон, весь ее бизнес уничтожен пожаром. Странно, почему она так больше и не открыла ателье? После общения с ее адвокатом у меня сложилось впечатление, будто она живет затворницей. И это очень грустно.

– Я помню тот пожар – вернее сказать, до меня дошли о нем вести. Это случилось примерно в то же время, когда умер твой отец. Не помню уже, с чего все загорелось, но слышала, что она попала в больницу с ужасными ожогами.

Ожоги! Вот что, по-видимому, объясняет ее тягу к уединению.

– А ты знаешь, что с ней произошло? После этого, я имею в виду.

– Не знаю. Сама представляешь, как обычно разносятся новости. Всем интересна сама трагедия, а уже то, что за ней последовало, никого не интригует. Как бы то ни было, она сдала тебе свой дом в аренду, и это главное, что для нас важно.

Рори со смешанными чувствами кивнула. Это верно, история Солин Руссель не должна была бы иметь для нее значение – но почему-то все же зацепила за живое. Возможно, потому, что Рори уже успела в свои годы понять, как потеря чего-то очень дорогого и бесценного способна полностью разрушить человеку жизнь.

Глава 9

Рори

19 июня 1985 года.

Бостон

С желтым линованным блокнотом в руках Рори опустилась на нижнюю ступеньку лестницы, усталая, но счастливая от того, что сумела реализовать еще один пункт из своего списка необходимых дел. Бригада подрядчика доставила уже строительные подмости, чтобы взяться за потолок, Рори же отчистила и отмыла все окна, выбросила оставшийся в доме мусор, обследовала дом вместе с электриком, связалась с теми, кто придет проверить систему обогрева. Не так-то плохо для двух часов дня!

Если она хотела успеть с открытием к осени, то ей много чего нужно было сделать без проволочек. Необходимо было уже начать подбирать художников, составить четкий маркетинговый план, а также календарь мероприятий, узнать получше, что такое пресс-релиз, провести небольшой мозговой штурм в поисках идей для торжественного открытия. Понятно, что кривая ее становления в новом качестве будет невиданно крутой и что почти наверняка она наделает ошибок, и все же Рори не думала отступать от своего плана. Никто не сможет сказать, что «Неслыханное дело» – всего лишь способ потешить тщеславие за счет папенькиного трастового фонда.

В животе у Рори внезапно заурчало – как напоминание о том, что она нынче пропустила ланч. Она еще раз просмотрела записи в блокноте и заключила, что на сегодня выполнила все, что можно. Теперь можно отправиться домой, перекусить каким-нибудь сэндвичем, принять наскоро душ, после чего заняться будущим рекламным буклетом.

Она уже проверила, все ли везде закрыто, и двинулась по дому в поисках сумочки, когда обнаружила нечто вроде маленькой дверцы, сделанной в темной деревянной обшивке наружной стенки лестницы. Прежде Рори ее ни разу не замечала – но это была именно дверца, с небольшим отверстием там, где, по-видимому, некогда находилась ручка. Стоило подергать ее несколько раз, и дверца

поддалась, открыв взору приземистое чернильно-темное пространство, похожее на кладовку. Ни выключателя на стене, ни свисающей от лампы веревочки, ни вообще какого-либо освещения найти не удалось. Опустившись на колени, она наклонилась вперед, посмотреть, что там, в открывшемся проеме, стараясь не думать о том, кто мог бы устроить себе жилище под лестницей дома, пустовавшего почти четыре года.

Пол был деревянный, шероховатый от пыли и какой-то трухи, но, по крайней мере, никакой живности Рори не заметила. Затаив дыхание, она стала вслепую водить руками по проему, сама не зная, что ожидает там найти. С первой попытки ничего не обнаружилось, но на второй раз костяшки пальцев наткнулись на большую и гладкую коробку.

С некоторыми усилиями Рори удалось вытащить из темноты коробку и поставить себе на колени. Это была старая прямоугольная коробка для пышного наряда, очень похожая на вычурные шляпные картонки, что женщины когда-то брали с собой в дальние поездки. Сделана она была из серого плотного картона, с металлическими креплениями по углам, чтобы картон не сминался, и с отрезком изрядно потертого шнура, продетого с двух сторон в качестве ручки, чтобы ее можно было носить, как чемодан.

В одном из уголков крышки Рори еле различила какую-то надпись. Основанием ладони она вытерла скопившуюся пыль, после чего проявились рукописные слова: «*Madame Roussel, Paris*». Надо полагать, у Солин Руссель некогда было ателье в Париже, и эту коробку она привезла с собой аж в Бостон. Но что эта вещь делала под лестницей?

Медленно и осторожно Рори высвободила застегивающий коробку шнур, затем аккуратно подняла крышку. Сверху лежало несколько слоев оберточной папиросной бумаги, помятой и пожелтевшей от времени. Едва дыша от волнения, Рори один за другим отогнула их в сторону, пока наконец ее взору не предстало нежное кремовато-белое кружево.

Это платье словно явилось из волшебной сказки: вырезанная сердечком горловина, отделанная радужными кристалликами и крошечными жемчужинами; рукава из органзы с прорезями по всей длине – прозрачные, точно пара стрекозиных крылышек, бережно

сложенные друг на друге. Явно винтажный наряд и, судя по качеству бисерной вышивки, почти наверняка сделанный вручную.

Рори с неизъяснимой тоской посмотрела на платье – ей отчаянно захотелось получше рассмотреть и пощупать его легкое и красивое, как будто пенистое, кружево и тонкий, как папиросная бумага, шелк, и бугристую поверхность бисерной вышивки. И все же она колебалась. Тревожить и вынимать на свет сейчас этот наряд – после того, как он так долго пролежал в темноте, – казалось ей чем-то неправильным. Все равно что небрежно обращаться с содержимым гробницы Тутанхамона.

Но это же нелепость! Если бы это платье для кого-то на свете что-либо значило, оно бы не лежало здесь, наглухо закрытое в запыленной коробке.

Когда Рори вынула платье из коробки, оно как будто издало вздох облегчения, обретя долгожданную свободу. Нижние юбки из полотен органзы раскрылись, точно лепестки большого цветка, стоило их немножко встряхнуть, сделавшись светящимися и воздушными. Не меньше изумляла и спинка платья – со шнуровкой типа корсета и широким атласным бантом, свободные концы которого свисали до пола.

Знаменитый бант Руссель.

Рори начинала понимать, как Солин Руссель удалось сделать себе такую известность. Прекраснее вещи Рори еще не доводилось видеть – даже в воображении. Это платье впору было надеть принцессе, пусть даже и очень миниатюрной принцессе. Рукава, явно предполагавшиеся на всю длину руки, на добрые шесть дюймов не доходили Рори до запястья, талия была до невероятного узкой.

Быть может, это платье шилось на заказ, а потом, невостребованное, так и осталось ни разу не надетым? Что же случилось с невестой, которая должна была идти в нем под венец?

Вопрос этот растревожил Рори сильнее, нежели ей хотелось бы признать. Наверное, потому, что в голову ей тут же стали приходить разные сценарии произошедшего, один другого хуже. Неизлечимая болезнь. Предательство возлюбленного. Смерть... Все они заканчивались одним и тем же – тем, что свадьба так и не состоялась.

Рори плотно закрыла глаза, отгоняя эти мысли прочь. Какая бы ни была история – а с этим платьем определенно связана какая-то

история, – это чья-то чужая жизнь. Это никакой не знак и не предвестие. К ней лично это не имеет никакого отношения. Так что самое разумное будет положить платье обратно и задвинуть коробку туда, где Рори ее нашла.

Но когда она стала расправлять в коробке полотно папиросной бумаги, то обнаружила внизу пачку писем и небольшой застегнутый кожаный футляр с золотистой монограммой. Мужской несесер, как поняла Рори, взяв его в руки, – из тех, что берут собой в дальнюю поездку мужчины. Кожа на нем успела обтереться, монограмма начала сходить, но все равно было видно, что это очень дорогая вещь.

Рори расстегнула футляр, и половинки его распахнулись по сторонам, точно книга. С одной стороны находился помазок и бритвенный станок с серебряной ручкой, с другой – мужская черепаховая расческа, рожок для обуви из того же материала и пустой флакончик, очевидно, из-под одеколona. Рори провела пальцем по тому, что осталось от монограммы. «Э. В. П.» Эдвард? Элвис? Скорее всего, ей не суждено это узнать. Разве что пачка писем даст какой-то ключ к разгадке.

Рори высвободила конверты из скреплявшей их ленты и, разложив веером, пересчитала. Всего оказалось восемнадцать. Ни на одном не было почтового штемпеля или указанного, как полагается, адреса. Хотя на некоторых посреди конверта было выведено: «*Mademoiselle Roussel*». То есть передавали их лично, а не по почте. И хранились они все вместе из неких сентиментальных соображений. Может, это любовные послания от некоего Э. В. П.?

Выбрав наугад одно письмо, Рори вытянула из конверта одинокий листок голубоватой писчей бумаги. Послание было на французском. Увы, она уже давным-давно забыла все, что успела выучить на занятиях французским на первом курсе в Тафтсе. Впрочем, дату прочитать она могла: *17 декабря 1942 года*. Декабрь сорока двух с лишним лет назад.

Рори взяла в руки другое письмо, потом еще одно. На обоих были примерно те же даты, и оба были написаны по-французски. Наконец, ближе к самому низу пачки, она обнаружила письмо на английском.

«Дорогая мадемуазель Руссель!

Минул почти год с того дня, как мы с Дэвидом обменялись супружескими клятвами верности, и хотя Вы просили меня подождать нашей первой годовщины, я никак не могу дождаться того дня, когда сумею выразить всю мою признательность за то, с какой добротой и великодушием Вы отнеслись ко мне, когда я пришла к Вам со своими бедами. Ваша невероятная щедрость меня изумляет и поныне. Бедная девушка из Южного Бостона и мечтать никогда не смела о том, чтобы пойти к алтарю в одном из Ваших платьев! Но что самое важное – Дэвид чудесным образом поправился после той жуткой аварии. Это так удивительно, что врачи до сих пор не могут поверить в его столь быстрое выздоровление, а уж тем более объяснить такое. Я всеми силами сдерживалась, чтобы не сказать им, что все дело в Вашем платье. Они, наверное, сочли бы меня сумасшедшей, – и какой-то год назад я и сама бы согласилась, что это безумие. Но теперь я знаю, что именно Вам и Вашему чародейству я обязана нашим счастливым исходом. А также нашим будущим малышом, который появится на свет уже в новом году. Если я когда-либо чем-то смогу отплатить Вам за Вашу доброту, только дайте знать!

С глубочайшей признательностью,

Кейтлин П. Шор».

Рори перечитала письмо несколько раз, с каждым прочтением улавливая для себя что-то еще. Бедная девушка из южной части Бостона. Чудесное исцеление после аварии. Свадебное платье, гарантирующее счастливый финал. Некое чародейство. Все это казалось непостижимым! Но разве не то же самое сообщила ей мать на прошлой неделе за воскресным завтраком? О зачарованных платьях и гарантированном счастливом финале. Неужто такое и в самом деле возможно?

Кейтлин Шор определенно считала так.

Другое выбранное наугад письмо рассказывало примерно то же самое, только датировалось двумя годами позже. Молодая невеста написала письмо в годовщину свадьбы, благодаря госпожу Руссель, что уже спустя месяц после того, как она в «счастливом платье» явилась к алтарю, у них разрешился какой-то очень непростой финансовый вопрос. Третья невеста написала о том, что смогла простить своего жениха за безрассудную неверность накануне свадьбы. Четвертая излечилась от хронического заболевания, которое, как прочили врачи, спустя считанные два-три года приковало бы ее к инвалидному креслу.

Каждое новое послание все с большей силой изумляло Рори. И каждая девушка, написавшая его, относила свое удивительное везение особому швейному искусству Солин Руссель. Логично было заключить, что и написанные по-французски письма содержали схожие истории. Восемнадцать невест. Восемнадцать писем. Восемнадцать счастливых финалов в одной старой одежной коробке.

Рори собрала конверты в стопку, увязала их, как было, и положила обратно в коробку. Пачка писем, охватывающих десятилетия, подвенечное платье, достойное любой принцессы, и мужской дорожный несессер. Все это вместе создавало ощущение какой-то незаконченной истории. Незаконченной и очень грустной истории.

Глава 10

Рори

20 июня 1985 года.

Бостон

Обычно, просыпаясь, Рори находила возле себя книгу, однако этим утром рядом с ней на смятой постели лежало расправленное письмо. Бережно сложив листок, Рори отправила письмо на ночной столик к остальным. Поздним вечером она их все заново перечитала. Точнее, те, что были на английском. Все они являли собой вариации, по сути, одного и того же сюжета, имея в итоге или восстановленное здоровье, или поправленное финансовое состояние, или спасенную карьеру, или разрешенную наконец давнюю семейную распрю, или обретение того, что было когда-то утрачено. И все это происходило благодаря платью, сшитому госпожой Руссель. Во всяком случае, в это искренне верили благодарные ей невесты.

Рори непроизвольно перевела взгляд на коробку для платья, стоявшую на тумбе под окном. Самое простое было бы сразу отнести ее обратно под лестницу, где она не станет заставлять Рори размышлять о так и не случившейся свадьбе. Вместо этого она забрала коробку домой, поскольку у нее рука не поднялась вновь отправлять находку во мрак подлестничного закутка. Понимая, что выглядит это глупо, Рори никак не могла отделаться от того, что сказала ей мать:

«...И для каждой заказавшей у нее платье невесты делала индивидуальное заклинание на удачу».

Встав с постели, Рори подошла к коробке и подняла крышку, провела ладонью по тончайшему рукаву. Такое красивое, и явно не из «массовой» одежды, поскольку мадемуазель Руссель не делала готовые платья на продажу. Оно создавалось персонально для *кого-то*, принадлежало *кому-то*. Но кому? И как с этим связан футляр с набором для бритья? Очень может быть, что и никак, – но это казалось маловероятным.

И какое отношение к этому имеет пачка писем? Ведь совершенно очевидно, что на какой-то момент жизни они представляли собой большую важность – и тем не менее были убраны под лестницу вместе

с остальными памятными вещами и остались брошенными, когда салон перестал существовать. Если только... Возможно ли такое, что Солин Руссель не знала, что все это уцелело при пожаре?

Она запустила кофеварку, потом, взявшись за телефон, набрала номер Дэниела Баллантайна. К немалому удивлению Рори, администратор тут же соединила ее с адвокатом.

– Здравствуйте, мисс Грант. Не ожидал так скоро вас услышать. Надеюсь, никаких неожиданных проблем у вас не возникло?

– Нет. Точнее, не совсем. Но мне необходимо лично связаться с мисс Руссель. Я помню, вы предупредили, что она не любит, когда ее кто-то беспокоит, но это очень важный вопрос. Я надеялась, что смогу убедить вас дать мне ее номер телефона.

– Боюсь, должен вам отказать. Как я уже сказал, мисс Грант, все деловые вопросы решаются через меня.

– Обращайтесь ко мне «Рори», пожалуйста. И у меня не деловой вопрос. Это очень личное. Я обещаю не досаждать ей. Мне просто необходимо поговорить с ней.

– А по какому вопросу, смею спросить?

Мало зная Дэниела Баллантайна, Рори не была уверена, можно ли с ним откровенничать или лучше держать подробности при себе.

– С вашего позволения, я предпочла бы не обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме самой госпожи Руссель. Это довольно... деликатная тема.

– Все, что я могу сделать – это передать ей ваш номер телефона, – сказал наконец адвокат. – Хотя сильно сомневаюсь, что это что-то даст. Мисс Руссель не любительница телефона. Она и со мной-то редко по нему разговаривает.

– Хорошо, спасибо. Скажите ей, что я нашла в доме нечто, явно принадлежащее ей. Точнее, коробку.

– Какую коробку?

И вновь Рори засомневалась, стоит ли пускаться в детали.

– Просто передайте ей, что я нашла коробку. Если для нее это важно – она поймет.

– Хорошо. Я все передам. Но все же не удивляйтесь, если она не станет вам звонить.

Спустя пару часов у Рори зазвонил телефон. Поспешно отложив список дел на день, который она изучала и корректировала,

Рори схватила беспроводную трубку:

– Алло?

В эфире ненадолго повисло молчание, и наконец раздался женский голос:

– Мне нужно поговорить с мисс Грант.

У Рори быстрее застучал пульс.

– Это Аврора.

– Меня зовут Солин Руссель. Мне позвонил мой поверенный, Дэниел Баллантайн. Он сообщил, что вы... кое-что нашли в доме. Точнее, коробку.

– Да, в закуске под лестницей. Не знаю, как она там оказалась, но я подумала, что, может, вы бы хотели забрать ее?

Снова протянулась пауза, на сей раз короче предыдущей, после чего женщина порывисто произнесла:

– Я не знала... Я думала... Да. Да, конечно, я хотела бы ее забрать.

– Я буду рада вам ее привезти, если вы дадите мне свой адрес.

– Нет. Это невозможно... Я уже давно не принимаю гостей.

Рори подавила невольное разочарование. Она так надеялась познакомиться наконец с этой иллюзорной мадемуазель! Но, похоже, этому не суждено было случиться.

– Если хотите, я могу завезти ее в контору мистера Баллантайна, а он вам ее передаст.

– Нет, спасибо. Дэниел чудесный человек, но он бывает иногда не в меру въедлив, а я бы предпочла на многие вопросы не отвечать. Содержимое этой коробки... действительно очень личное, как вы наверняка уже догадались.

– Может, тогда где-то в другом месте? В самой галерее... то есть, простите... в доме на Ньюбери?

– Там на соседней улице есть кондитерская. Называется «*Bisous Sucrés*». Знаете ее? Мы могли бы встретиться там в час тридцать.

– «Сладкие поцелуи», – с ходу перевела Рори. – Да, конечно же. Я буду там в назначенное время.

Рори положила трубку, и ее охватил трепет радости и предвкушения. Наконец-то она сможет познакомиться с таинственной Солин Руссель!

Рори втиснула свою «Ауди» в тесное местечко на парковке вдоль Бойлтон-стрит, опустила в счетчик несколько четвертаков и с высокой коробкой в руках двинулась по тротуару.

Через несколько минут показался и знакомый черно-белый навес той самой кондитерской. Правильное, изначальное ее название – «*Bisous Sucrés*» – было выведено на холсте золотыми витиеватыми литерами, ниже, в скобках, виднелись ярко-розовые строчные буквы английского варианта. Как и всегда, бизнес кондитерской всюду процветал.

Вглядываясь в лица, Рори неторопливо прошла мимо уличных переполненных столиков, только теперь догадавшись, что и понятия не имеет, кого именно искать. На радостях она совсем забыла спросить у мисс Руссель, как ее можно узнать. Потом Рори вспомнила, что мать упоминала серьезные ожоги. От которых, надо полагать, остались шрамы.

Когда она открыла дверь в заведение, ее тут же обволокло густыми ароматами шоколада, вишни и крепкого черного кофе. Очередь от стойки тянулась чуть ли не до входа. Осторожно, бочком, держа коробку перед собою, Рори прошла вглубь заведения, поглядывая направо и налево. Отдыхающие семьи. Туристы. Студенты, склонившиеся над конспектами. Но не было никого, кто бы хоть как-то соответствовал ее мысленному образу Солин Руссель, которая сейчас рисовалась ей эдакой сублильной восьмидесятилетней старушкой со шрамами от ожогов и неловкостью во взгляде.

Внезапно глаза ее встретились с женщиной, одиноко сидевшей почти что в самом конце кондитерской. Темные волосы незнакомки были собраны высоко на затылке в гляцевый шиньон. На ней был элегантный малиновый трикотажный костюм с черными бархатными манжетами и блестящими золотыми застежками впереди. Шею закрывал клетчатый красно-черно-белый шарф, увязанный в виде галстука и скрепленный перламутровой булавкой. Когда их взгляды встретились, женщина на миг показалась испуганно-ошеломленной, словно ее внезапно охватила паника. Однако уже через мгновение незнакомка совладала с собой и слегка кивнула Рори.

Перенеся коробку к боку, Рори стала пробираться к ее столику и лишь в последний момент заметила, что перед свободным стулом стоит чашка с кофе и тарелка.

– Ой, простите, – пробормотала Рори. – Я подумала...

– Вы мисс Грант?

Она узнала голос, который слышала по телефону – низкий, слегка хрипловатый, как будто прокуренный. С французским произношением. Но женщина казалась такой молодой – лет за пятьдесят пять. Или, может, чуть больше, но ненамного. С исключительно прекрасной, белой, точно тонкий фарфор, кожей лица, с идеальным изгибом ярко-красных губ. И без каких бы то ни было шрамов.

– А вы... мисс Руссель?

– Да, это я. – Подбородком она указала Рори на пустующий стул.

Рори поставила коробку на угол стола и села на предложенное место. Она глядела на женщину во все глаза, не в силах оторваться.

– Я взяла на себя смелость кое-что вам заказать. Исключительно в знак благодарности.

Рори взглянула на столик, где ее ждали *mille feuille*^[21] и *café au lait*^[22].

– Спасибо, – кивнула она, – мне очень нравятся их пирожные. Но вам вовсе не обязательно было это делать, мисс Руссель. Я рада была просто сюда прийти.

– Солин, прошу вас. Не сомневаюсь, у вас есть ко мне вопросы.

Рори оторопело уставилась на нее, застигнутая врасплох этим высказанным как бы между прочим приглашением к беседе. Она совсем не представляла, с чего начать.

Солин, похоже, почувствовала ее смущение.

– Итак, вас зовут Аврора. Очень красивое имя. У нас, во Франции, вас называли бы *Ороп*. Оно означает «богиня утренней зари».

Рори не смогла сдержать улыбку. В устах этой женщины ее имя звучало так мило и душевно. Совсем без старомодной степенности, что всегда слышалась в тоне матери.

– Все меня знают как Рори, – застенчиво произнесла она. – Но мама этот вариант терпеть не может.

У Солин слегка изогнулись уголки губ – легким намеком на улыбку.

– Матери любят те имена, которыми они нас называли сами. – Тут она перевела взгляд на коробку, и улыбка ее исчезла. – Вы ведь, наверное, открывали коробку?

Рори опустила голову:

– Да. Простите. Я просто так удивилась, когда ее нашла. Я и представить не могла, как...

Она осеклась, и тогда Солин порывисто сказала:

– Спрашивайте то, что хотели спросить.

Рори удивил ее несколько резкий тон, а также и то, что женщина даже не прикоснулась к коробке. Солин как-то напряглась, застыла, сложив руки под столом, как будто приготовилась к допросу.

– То платье, – осторожно начала Рори, – оно ваше?

– Да.

– А... все остальное?

– Да, те вещи также принадлежат мне.

– Это платье такое восхитительное – оно будто из сказки! – Рори немного помолчала, не зная, как лучше продолжить. – Такое впечатление, что оно... прямо с иголки.

– Да, оно действительно совсем новое. И притом очень, очень старое.

– То есть его так и не надели?

Солин опустила глаза.

– *Oui*^[23].

Это единственное слово вызвало у Рори еще больше вопросов. Почему платье так и осталось не востребуемым? Что случилось? Неверность одного из влюбленных? Или произошла какая-то трагедия? Рори вспомнила о письмах: все они были написаны благодарными невестами, которые обрели после свадьбы свой счастливый, как в сказке, конец. Но, судя по всему, как раз та, что делала им сказочные платья, такой удачи найти не смогла. Почему?

– Я прочитала некоторые письма.

– В самом деле?

Рори кивнула:

– Точнее, те, что были написаны по-английски. Другие я просто не смогла прочитать.

– Последние письма адресовались мне. Остальные были от женщин, которым когда-то шила платья моя мать. Еще давным-

давно, в Париже. – Отведя ненадолго взгляд, Солин словно сглотнула комок. – Она умерла вскоре после того, как в Париж пришли нацисты. Когда разнеслась весть о ее кончине, ко мне стали один за другим приходить письма от ее заказчиц.

– И вы хранили их все эти годы.

– Да, в память о ней. И как напоминание самой себе, что когда-то в Париже были времена, когда все кончалось счастливо и благополучно, и что моя мать играла в некоторых таких финалах не последнюю роль.

– Благодаря таким платьям, как это? – спросила Рори, приложив к коробке ладонь.

Солин выдавила улыбку, не то чтобы печальную, но с ощутимой горечью.

– Какая же счастливая сказка о любви – да без надлежащего платья, *chérie*^[24].

– Только для этого надо не просто платье, – с некоторым нажимом произнесла Рори, чувствуя уклончивость в ее ответе. – Для сказки нужно платье от Руссель. В них ведь есть что-то особенное, не так ли? То, что делает их приносящими удачу?

– Пейте свой кофе, *Aurore*. Пока он не остыл.

Рори послушно подняла чашку к губам.

– Простите, что так допытываюсь. Я просто надеюсь понять то, что прочитала в письмах. Все эти благодарные невесты, которые так поразительно обрели счастье и удачу... Притом все они признательны за это именно вам – как будто именно вы заставили эту удачу случиться. Я знаю, что говорят об этом люди, – мне самой об этом рассказала мать, – да и в письмах прямо указывается на то же самое. Что ваши платья... наделены магией.

Уголки рта у Солин снова изогнулись, придав ее лицу нечто кошачье.

– Каждая уважающая себя деловая женщина знает цену хорошей рекламной штучке. Зубная паста, вызывающая желание тебя поцеловать. Или сверкающие полы, пробуждающие зависть у соседок. Невесты жаждут волшебных сказок – и именно это я им и даю.

Рори скептически посмотрела ей в глаза.

– Вы хотите сказать, что сшитые вами платья никак не связаны с тем, что написано в тех письмах?

– Я хочу сказать, что люди склонны цепляться за те представления, что заставляют мир вокруг казаться лучше, нежели он есть на самом деле. И, пожалуй, в этом нет ничего неожиданного. Когда жизнь тяжела, такое тяготение к иллюзии помогает. Подозреваю, когда-то давно те письма тоже были для меня подобной иллюзией. Но жизнь научила меня, что даже в сказках героиня должна творить *свою собственную* магию... Или не творить – в зависимости от обстоятельств.

– Однако вы их все же сохранили. Вы же могли просто взять их и выбросить, но вы этого не сделали.

Солин глубоко вздохнула и очень медленно выпустила воздух.

– Тогда в моей жизни накопилось столько разного несчастья, столько душевной боли и потерь... куда ни кинь... Эти письма стали для меня своего рода способом запечатлеть хорошее и светлое.

– И тем не менее они оказались в коробке под лестницей.

Последовал неловкий промежуток тишины, но Солин наконец ответила:

– Перед кончиной *Матан* пыталась меня наставить, что есть время за что-то крепко держаться, а есть время – отпустить, и что мне необходимо научиться отличать одно от другого. Тогда я этого не поняла. Но потом пришло время – в какой-то момент, – когда я осознала, что должна уже отпустить те осколки своей жизни. Однако мне невыносима была мысль, что я с ними расстанусь навсегда. И я решила, что, если спрячу их от себя, если положу туда, где не буду их видеть каждый божий день, этого окажется достаточно.

Рори внимательно посмотрела на собеседницу поверх поднесенной ко рту кружки. Под безупречным стилем и старательно нанесенной косметикой в ее облике ощущался некий трагизм, почему-то сразу напомнивший ей Камиллу.

– Помогло?

– Должно быть, вам это покажется нелепым – стремление цепляться за столь болезненные напоминания о прошлом, – но это все, что у меня осталось от той части моей жизни. От Парижа и от той судьбы, которой я ждала.

«От той судьбы, которой я ждала», – эхом прокатилось в сознании Рори. Как легко эти слова слетели с губ Солин.

– Нет, мне это вовсе не кажется нелепым. Все мы находим какой-то способ с этим справляться.

– А вы, *chérie*? – спросила Солин, с неожиданной пронзительностью заглянув ей в глаза. – Вам тоже приходится... с чем-то подобным справляться?

Рори поерзала на стуле, чувствуя себя очень неловко и от самого вопроса, и от неотступного взгляда Солин.

– Я думаю, всем нам так или иначе приходится с чем-то справляться. – Она попыталась говорить небрежным тоном, но получилось только хуже. Явно пора было сменить тему разговора. – Мне очень грустно было узнать про ваше ателье. Про пожар, я имею в виду. А вы не думали вновь его открыть?

Солин опустила взгляд к коленям, как будто взвешивая свой ответ.

– Знаете, жизнь умеет дать нам знать, когда что-то подошло к концу. Это не всегда приятно, но всегда совершенно очевидно – так что стоит обратить на этот знак внимание. Я полжизни потратила на то, что пыталась достичь того, что для меня не предназначалось – и горько за это поплатилась. В какой-то момент все же нужно уметь распознавать посылаемые нам сигналы.

Рори отпила пару глотков кофе, гадая, что же это такое, к чему Солин так стремилась и почему для нее это не было уготовано.

– Думаю, у вас еще есть ко мне вопросы, – с некоторой даже резкостью спросила Солин. – Что ж, давайте, спрашивайте. Ответить на них, полагаю, мой долг.

Такая прямота этой женщины показалась Рори слегка обескураживающей и вместе с тем живительно бодрящей, особенно после осторожных разговоров с матерью.

– Тот бритвенный набор... Он ведь как-то связан с платьем, верно я поняла? Он принадлежал жениху?

– Да. Водителю санитарного фургона, которого убили на войне.

– А платье это – ваше?

Глаза Солин внезапно заблестели от слез.

– Должно было стать моим. Да.

– Простите. Мне не следовало так вас тревожить.

Солин слегка мотнула головой, словно раздраженная на саму себя.

– Прошу прощения, что распустила нюни. Просто... после пожара... Мне сказали, что там совсем ничего не осталось. Я никак

не ожидала снова это увидеть.

– Ради бога, не извиняйтесь! Это я должна просить прощения, что растеребила ваши чувства. Пожалуйста, простите меня!

– *C'est oublié*, забыто, – пробормотала Солин и, взяв со стола салфетку, принялась осторожно промокивать глаза.

Рори изо всех сил постаралась не пялиться на нее в упор. Вплоть до этого момента руки Солин оставались на коленях, и лишь теперь она увидела перчатки: черные лайковые, с крошечными гагатовыми пуговками на запястьях – и совершенно неуместные в середине июня.

«Шрамы у нее не на лице. Они на руках».

Все же она отвела взгляд, делая вид, будто не заметила ничего необычного.

– Пока я не забыла, хочу поблагодарить вас, что согласились сдать мне в аренду дом. Я, если честно, уже было рассталась с идеей открыть галерею. А потом однажды переходила улицу – и тут вдруг на меня словно что-то снизошло! Я страшно расстроилась, когда Дэниел мне сказал, что этот дом не сдается и не продается. И я так рада, что вы все-таки передумали.

Солин подняла глаза к потолку.

– Мистеру Баллантайну хорошо известно, как найти ко мне подход. Он мне сказал, что вы задумали открыть галерею для начинающих и неизвестных художников. Он знал, что это меня смягчит. И когда вы планируете открыться?

Рори с облегчением непроизвольно выдохнула, когда их разговор перешел на более безопасную территорию.

– В октябре, если все пойдет как надо. Я была бы очень рада, если бы вы пришли на нее взглянуть, когда все будет закончено. А может, вы сможете прийти на само открытие? Для меня это была бы большая честь.

У Солин сразу заметно напряглись плечи.

– Благодарю вас, но нет. Я теперь уже почти что нигде не бываю. И в своем салоне не была с той самой ночи, когда все сгорело.

– Ни разу за все четыре года?!

– С ним связано много воспоминаний, знаете ли, – пожала плечами Солин. – И это... тяжело.

– Я ужасно сожалею. Из-за всего... что у вас случилось.

– Не берите в голову. Жалость для меня как яд. – Солин резко поднялась, оказавшись удивительно миниатюрной, несмотря на свои высокие каблуки. – Еще раз спасибо вам, *Aurore*. Было очень любезно с вашей стороны тратить время на такие хлопоты. А вам и вашей галерее я желаю *bonne chance*^[25].

Она взяла в руки сумку, и Рори заметила, как Солин пытается удержать ремешок пальцами, неуклюжими и плохо гнущимися в кожаных перчатках. Наконец, после нескольких попыток, ей удалось накинуть ремешок на плечо, однако коробка была чуть ли не с нее размером. Дай бог Солин вообще вынести ее из кафе, не говоря уже о том, чтобы в одиночку нести по запруженному тротуару.

– Если хотите, я провожу вас до машины, – предложила Рори.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Я уже больше не вожу машину. Тем более мой таунхаус отсюда совсем недалеко.

– Тогда давайте я вас подброшу до дома. А то коробка...

– Я и так уже доставила вам изрядно беспокойства, к тому же я вполне способна прогуляться пешком.

Рори скептически взглянула на туфли Солин. По вспучившимся от морозов бостонским тротуарам (последствия не одного десятка суровых зим в Южной Англии) хорошо ходить в кроссовках да балетках. А тонкие, как карандашик, шпильки вкупе с высокой коробкой вполне могли там обернуться катастрофой.

– Никакого беспокойства, – уверила она Солин, тоже вставая из-за стола и решительно беря в руки коробку. – Я припарковалась прямо тут, на улице.

Тогда Солин согласно кивнула, но было видно, что чувствует она себя неловко.

– Хорошо.

Рори придержала дверь, и вместе они вышли на тротуар. Она сама не могла бы объяснить столь внезапно нахлынувшую на нее заботливость. Солин Руссель и отдаленно не производила впечатление слабой и нуждающейся в опеке. И все же в этой женщине ощущалась какая-то особенная хрупкость – она напоминала разбитую фарфоровую статуэтку, у которой неправильно скрепили куски. И от слишком грубого обращения она может разлететься на миллион осколков. А Рори уже очень хорошо понимала, каково это.

Глава 11

Рори

Солин напряженно сидела на переднем пассажирском сиденье, спрятав глаза за темными хепбернскими очками и крепко стиснув на коленях сумочку. С того момента, как она назвала свой адрес в историческом районе Бикон-Хилл, обе они не произнесли ни слова. Свернув на Сидар-стрит, Рори сбавила газ и быстро взглянула на спутницу:

– Который дом?

– Вот этот, – указала Солин, – с красной дверью. Высадите меня прямо здесь. Я спокойно донесу коробку.

Рори «притерла» машину к бордюру и заглушила мотор.

– Я вам помогу.

Не успела Солин запротестовать, как Рори вышла из машины и достала с заднего сиденья коробку. Солин какое-то время пыталась отстегнуть ремень и, справившись наконец, тоже выбралась из машины на асфальтовую дорожку. Держа наготове ключи, она плавно двинулась к двери.

Рори направилась вслед за ней, на ходу разглядывая старинный георгианский фасад особняка. Заметно состарившиеся красные кирпичные стены, глянцево-черные ставни, по дымоходу с каждого конца дома. И все это в одном из самых привлекательных районов города. Судя по всему, Солин неплохо потрудилась на собственное благо.

Немного повозившись с ключами, Солин толкнула внутрь дверь и вошла в дом. Рори оставалось лишь последовать за ней в просторную прихожую, где сразу привлекали внимание вычурный резной столик на одной ножке и роскошная люстра в стиле ампира. Солин сразу же сняла темные очки, положив их на стол рядом с сумочкой, и стала стягивать перчатки.

Какое-то время Рори с некоторой неловкостью просто смотрела на это, пока не поняла, что у Солин не получается их снять.

– Похоже, там трудная застежка. Давайте, я вам помогу.

Плечи Солин поникли, точно лепестки у внезапно увядшего цветка. Не ответив ни слова, она протянула руки к гостье. Поставив коробку на пол, Рори расстегнула обе перчатки, потом встретилась взглядом с Солин.

– Хотите, чтобы я их...

Та кивнула.

– Только не стягивайте их за пальцы. Надо отогнуть манжеты и снять, потихоньку выворачивая.

Рори стала делать, как ей велели, и, задержав дыхание, потянула за краешек лайковой кожи. Когда первая перчатка сошла с руки, послышался легкий вздох, хотя она даже не поняла, ее ли это был вздох или хозяйки дома. Женщина протянула ей вторую руку, и Рори вновь взялась за дело. На сей раз она обратила внимание, что Солин слегка прикусила нижнюю губу. Видимо, мучилась она не одной неловкостью.

Когда все было сделано, Рори положила перчатки на стол – обмякшие, вывернутые наизнанку, напоминающие сброшенный хитин какого-то огромного насекомого. От этой мысли по ее телу пробежала дрожь, и Рори поскорее отвела взгляд, снова развернувшись к Солин, которая тем временем уже массировала кисти рук протяжными, повторяющимися поглаживаниями. Руки ее местами были восковато-белыми, местами ярко-розовыми и морщинистыми, со скрюченными, похожими на птичьи когти, пальцами. Рори поспешила отвести взгляд, чтобы не показаться невоспитанной.

– Смотрите, не стесняйтесь, – невозмутимо произнесла Солин.

Тогда Рори внимательнее посмотрела на поврежденные кисти женщины, и у нее в горле застрял комок. Стянутые ладони и утолщения давно заживших рубцов, немного перепончатый вид пальцев. Руки, совершенно бесполезные для женщины, которая всегда зарабатывала себе на жизнь иголкой с ниткой.

– Это случилось при пожаре, – пояснила Солин. – Хотя, разумеется, вы и сами уже это поняли.

Рори кивнула:

– А я думала, почему в июне вы носите перчатки?

– Людям неловко видеть мои шрамы, поэтому я их скрываю. Хотя в последнее время это случается совсем не часто. Куда проще держаться подальше от людей, чем выносить их жалость.

Они не виноваты, что так вышло, но все равно при виде шрамов чувствуют себя ужасно.

У Рори едва не слетело с языка, что, мол, ей очень жаль, но она вовремя себя остановила. Никакой жалости, напомнила она себе.

– Поэтому вы так и не открыли больше свой салон? Из-за того, что случилось с руками?

– Какое-то время я надеялась, что смогу вернуться к прежней жизни. Мне так хотелось верить, что врачи способны сотворить чудо. И, думаю, они и сами в это верили – сначала. Но оказалось слишком уж много повреждений.

– У вас это... болит?

– Не так, как вы, наверно, думаете. Большей частью руки у меня онемели. Рубцовая ткань ведь не имеет нервных окончаний. Но есть такая штука, называемая контрактурой, которая возникает вследствие глубоких ожогов, особенно на кистях рук. Когда рубцовая ткань формируется, она стягивает пальцы к середине кисти или же выкручивает их вбок.

Солин снова подняла руки, как бы предлагая Рори взглянуть на них поближе. На правой руке ногти в большинстве своем сошли напрочь, отчего кончики пальцев торчали голыми и блестящими.

– Вы не поверите, но мне еще, можно сказать, повезло: как правило, я не мучаюсь болью. Но когда приходится слишком долго находиться в перчатках, пальцы оказываются слишком вытянуты, и суставы начинают ныть. Как при артрите, наверно.

– А есть ли... А это никак не оперируется или что-то еще?

Солин принялась снова массировать руки, попеременно разминая каждую ладонь подушечкой большого пальца и невольно морщась, когда попадала на зарубцевавшиеся участки кожи.

– Я перенесла шесть операций. Удаление омертвевших тканей, восстановление сухожилий, пересадка кожи. Каких только лонгет и шин мне ни накладывали! А потом пришло время всевозможной терапии. И прессотерапия, и стретчинг... – Солин пожала плечами. – Рано или поздно, всему наступает конец. Мне прописывали всевозможные упражнения для улучшения гибкости и подвижности суставов. Какое-то время – пока верила, что есть какая-то надежда, – я все их проделывала, но в итоге перестала. С того момента, как я

поняла, что больше никогда не смогу взяться за иглу, я уже не видела в них смысла.

Рори даже возмутила такая категорическая обреченность, непоправимость в ее голосе.

– Разве для непосредственно швейной части вы не могли кого-либо нанять?

Взгляд Солин скользнул к коробке, стоявшей у ног гостьи.

– С моими платьями это не получится. Там очень тонкая работа... и весьма особенная.

– Но вы же могли кого-то обучить своему искусству. Какую-нибудь ученицу.

– Тому, что я делаю, невозможно научить, и это должно быть сделано вручную – то есть именно моими руками.

– Моя мать хорошо помнит ваше ателье. Она сказала, это был самый изысканный свадебный салон в городе. Жаль, что я не видела его в те годы... – Рори вовремя спохватилась. – Простите... Я лишь хочу сказать, что там, наверное, было очень красиво.

Солин сделала пару шагов вглубь дома, потом остановилась и обернулась через плечо:

– Идите за мной. И возьмите коробку.

Они прошли через большую гостиную с матовыми сизовато-серыми стенами и длинным диваном, обитым кожей карамельного оттенка, затем, миновав стеклянные французские двери, оказались в небольшом кабинете.

Это была теплая и уютная комната, хотя и довольно лаконично обставленная. Антикварный письменный стол, кресло для чтения, низенький столик перед камином, стеллаж со старинными книгами в кожаных переплетах. Однако внимание Рори привлекло скорее то, что висело на противоположной стене: коллажи, вставленные в одинаковые черные рамки. Фотографии, вырезки из газет, обложки журналов, небрежные карандашные наброски платьев, сделанные Солин. Заглядевшись, Рори спустила коробку на пол и придвинулась поближе, изучая под коллажами подписи, многим из которых было уже лет тридцать.

«Ooh-là là! В Бэк-Бэй появится изысканный вкус Парижа!»

«Свадебная высокая мода скоро нагрянет и в Бостон»

«Знаменитый бант от Руссель – неперенный элемент платья невесты в новом сезоне»

Фотографии были изумительными. Вот Солин хлопочет над своим воздушным творением, держа во рту булавки. Вот, взгромоздившись на лестницу, вытягивает с полки рулон ткани. Вот расправляет большой бант из тафты на талии тоненькой, как тростинка, блондинки. На какое-то мгновение Рори задержалась взглядом на последней фотографии, разглядывая руки Солин. Длинные, с заостренными кончиками пальцы, ногти с очень аккуратным маникюром. Такие красивые и такие искусные... и настолько искаленные сейчас.

На последнем снимке был запечатлен сам салон. Сфотографирован он был для разворота свадебного журнала «*Boston Bride*» четыре года назад – менее чем за год до пожара. Странно было видеть его таким, каким он представлял в те годы, – изящно обставленный, в оловянно-кремовых тонах. Каждая мелочь была тщательно подобрана – и все, казалось, несло в себе дух Франции. По крайней мере, именно так и представляла для себя Рори французский антураж.

На фотографии большого эркерного окна, сделанной с улицы, изящными золотыми буквами было выведено название свадебного ателье, однако Рори не смогла разобрать слова.

– А что там написано? – повернулась она к Солин.

– «*L’Aiguille Enchantée*», – тихо ответила та. – Это означает: «Зачарованная игла».

– «Зачарованная игла», – мечтательно повторила Рори. Даже от названия веяло доброй магией! – Идеальное название для салона, где продают сказочные платья и счастливый, как в сказке, конец.

– Все это – одна фантазия, – довольно резко возразила Солин. – Нелепица, передаваемая родом Руссель из поколения в поколение.

– Вы совсем не верите в сказки?

– С некоторых пор – уже нет.

Рори взглядела в отражение Солин, оказавшееся в стекле одной из коллажных рамок.

– Но все же когда-то верили?

– Сказки порой бывают довольно опасны, *Aurore*. С ними очень уж просто забыть, что их мир – вымышленный. И тогда – не успев

даже что-то понять – мы пропадаем, затерявшись в них навсегда. Вот почему так необходимо научиться спокойно и вовремя отпускать то, что уже прошло, и жить с тем, что осталось.

У Рори по позвоночнику пробежал холодок. Разумеется, Солин имела в виду собственную потерю – некоего «Э.В.П.». Однако эти слова с тем же успехом могли подойти и для нее. В их историях чувствовалась несомненная схожесть. Страсть к творчеству, потерянная любовь, их склонность удаляться от мира, – а теперь их свел и тот дом.

Что это? Совпадение? Или какая-то невидимая рука вывела Рори к тропе этой женщины с ее трагической судьбой и не понадобившимся свадебным платьем? Быть может, это своего рода предостережение о том, что бывает с человеком, который слишком отчаянно хватается за надежду обрести счастливый финал?

– Э.В.П... – тихонько произнесла Рори.

– Его звали Энсон.

– Значит, Энсон... И вы по-прежнему... Он для вас не забыт?

– Я думала, что смогу его забыть. Но нет, я по-прежнему хорошо его помню. – Солин глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. – В первое время он мне виделся везде. Как ловит такси на улице. Среди толпы у стойки ресторана. В окне парикмахерской. Он был везде – и в то же время нигде.

– И это по-прежнему с вами бывает?

– Иногда.

Ее ответ вселил в Рори какой-то неизъяснимый страх.

– Как же вы это переносите?

Солин опустила ресницы.

– У всех нас есть свои призраки былого, *chérie*. Лица людей из нашего прошлого. Вот только не всегда они остаются в этом прошлом. Порой они вновь появляются, когда мы меньше всего этого ждем. Вот почему я и убрала эту коробку под лестницу. Потому что не смогла больше это выносить.

Внезапно Рори полной мерой прочувствовала это страдание. Всю боль, что накатывает на тебя по ночам, когда смыкаешь глаза, и не уходит утром, когда просыпаешься, чтобы начать новый день. Эту глухую пустоту вместо сердца. И не успела она как-то взять себя в руки, глаза ее наполнились слезами.

Солин прищурилась, встревоженно глядя на нее:

– *Chérie*, что такое? Вам плохо?

– Нет. Я в порядке. Но мне надо идти.

– Что-либо не так?

– Нет, все нормально. Правда. Мне не следовало докучать вам вопросами. – Едва не споткнувшись о коробку на полу, Рори проскочила мимо Солин и заторопилась к входной двери. – Провожать меня не надо. Я сама найду выход.

– *Aurore...*

Рори, не останавливаясь, торопилась к дверям, рассчитывая оказаться снаружи до того, как устроит тут жалкое море слез. Она получила то, чего хотела. Она так жаждала узнать историю Солин Руссель – и она это узнала. И теперь, поспешно ретируясь к двери, Рори не могла не мучиться вопросом: не приоткрылся ли ей только что, в придачу, будущий образ и себя самой?

Глава 12

Солин

Мы продаем обещание жить долго и счастливо, однако далеко не всем суждено обрести такой прекрасный сказочный конец. Одним это не дано, другие не желают, а еще очень многим приходится объяснить, что они этого не достойны.

И именно та, что «ткет заклинания», должна определить, кто из них кто.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

20 июня 1985 года.

Бостон

С первым глотком вина я в наслаждении прикрываю глаза. Луи Жадо Жевре-Шамбертен! Порочная моя слабость! С изумительными оттенками шоколада и спелой вишни, он обволакивает язык и нежным бархатом проскальзывает по горлу. Дорогой и восхитительный напиток. Забавно: чтобы познать достоинства французских вин, мне понадобилось проделать такой долгий путь в Америку! *Maman* никогда не держала в доме вина. Но здесь я научилась его ценить. Возможно, чуточку больше, чем мне требуется. Но оно помогает мне отвлечься от моих несчастных рук. И от боли. И... от всего прочего. Или, быть может, я лишь притворяюсь, что мне это помогает?

События сегодняшнего дня меня немало потрясли. И по причинам, мне слишком хорошо понятным, и по таким, что я не понимаю вообще. Я нечасто приглашаю в дом посторонних. Точнее, совсем не приглашаю. У меня не бывает ни званых обедов, ни коктейльных вечеринок, ни ланчей с друзьями. У меня нет ни друзей, ни подруг. *Oui*, я понимаю, как печально это звучит. Печально и жалостно. Однако я не нуждаюсь ни в чьей жалости. Этот выбор я сделала несколько лет назад. После пожара. Мне кажется, вся моя жизнь теперь разделяется на до и после пожара.

Хотя едва ли можно сказать, что после той страшной ночи у меня была какая-то жизнь. Но это, опять же, мой выбор.

Даже не припомню, когда последний раз здесь кто-то разделил со мной компанию. Год назад? Нет, пожалуй, что раньше... Да и то это были лишь Дэниел с женой – еще в предыдущее Рождество. Я вполне комфортно чувствую себя одна – или, по крайней мере, я к этому привыкла. И тем не менее я с удивлением ощутила внезапно нахлынувшее сожаление в тот момент, когда услышала, как за этой девушкой закрылась дверь. Впрочем, в этот день меня вообще много что удивило. И ее неожиданный звонок Дэниелу. И связка старых писем. И платье... *Mon dieu*... Господи... мое платье... Воспоминания, от которых я столько лет пряталась. И теперь они меня все-таки отыскали. Потому что меня нашла Аврора Грант.

Рори... Девушка, воскресившая мое прошлое.

Когда она только вошла в кондитерскую, на краткое мгновение мне показалось, что я ее уже знаю. Возможно, одна из моих бывших клиенток. Или одна из невест, получивших отказ. В ней словно было что-то знакомое – некая связь, которую я ощутила в тот момент, как наши взгляды встретились. И все же, когда она подошла ближе, я поняла, что ошиблась. Мы никогда не были знакомы.

Вот только я все равно ее *узнала*. Она как будто была мною. Вернее, моей тенью, когда я была в том же возрасте. Потерянная. Сокрушенная горем. Отчаянно надеющаяся увидеть хоть слабый проблеск света в конце невероятно темного тоннеля. Она оказалась очень милой девушкой. С симпатичным заостренным личиком и здоровой, кровь с молоком, комплекцией. С глазами цвета неба в ту пору, когда надвигается шторм – не голубыми и не серыми. И с копной медовых волос, постоянно падающих на лицо. Ловкий способ укрыться от внешнего мира.

Это мне как раз очень знакомо – нежелание, чтобы все видели твою тоску и скорбь. Тебе кажется, что так ты одна, приговоренная судьбой к страданию. Разумеется, это неправда – но ощущается именно так. Остальной мир движется дальше, живя своей жизнью и вынашивая свои мечты, – в то время как ты словно застыла, навеки подвешенная в этом моменте, когда твой земной шар перестал вращаться и почва внезапно ушла из-под ног. Ты начинаешь существовать словно бы в бесконечном вакууме, где кругом одна

пустота и бесконечный мрак, и свет мало-помалу становится для тебя невыносимым.

Ей очень хотелось узнать мою историю, она так надеялась, что я тотчас же открою коробку, и явственно была разочарована, поняв, что я не собираюсь этого делать. И все же она предприняла все возможное, чтобы оказать мне добрую услугу. Теперь я чувствую себя просто обязанной, по крайней мере, удовлетворить ее любопытство.

Она так деликатно задавала мне вопросы, стараясь не затрагивать мои чувства. Бывает особый вид сочувствия, который появляется, когда людей связывает схожее горе. Этакая невидимая нить, что связала нас с ней – рану с раной. Иначе почему бы я позволила ей довести меня до дома? А потом эта неловкая катавасия с перчатками – когда я сама, можно сказать, предложила ей взглянуть на мои кисти.

До сих пор перед глазами ее выражение лица, когда я вытянула перед ней руки. Скорее, нежность, а не жалость. За это я готова была ее расцеловать! А потом, когда в ее глазах вдруг появились слезы и она ринулась из дома – мне хотелось побежать за ней, обнять покрепче и дать ее сердцу вволю выплакаться. У нее явно есть своя история. И, похоже, довольно печальная. Настолько печальная, что она не смогла скрыть свои переживания, хотя и очень старалась.

Не знаю, что произошло в жизни Авроры Грант, чтобы она так горевала. Знаю одно: что-то у нее случилось. Впрочем, она еще молода. И у нее есть время, чтобы не очутиться в мрачной пустоте. Новая галерея станет для нее спасательным кругом. Как для меня мой салон. Мне, кстати, понравилась эта идея – открыть галерею для неизвестных художников. И название понравилось – «Неслыханное дело». В общем, мне эта девушка приглянулась. И по душе пришлось то, что она сказала о здании салона – как будто оно ждало именно ее. Что ж, возможно, так и есть – и ее ниточке жизни суждено потянуться как раз оттуда, где оборвалась моя. Судьба взяла наши две ниточки и свила воедино. Возможно, и не в цельную нить – но уж точно в неразрывную.

Добавив в бокал вина, я возвращаюсь в кабинет, невольно задерживаясь перед стеной с фотографиями в рамках. В последнее время я редко их разглядываю – особенно теперь, когда боль потерь стала особенно тяжела. Однако сегодня, когда здесь была Рори, я поймала себя на том, что всматриваюсь в снимки из-за ее плеча,

пытаясь увидеть их ее глазами, как будто бы впервые. И когда она, разглядывая фотографию витринного окна, неожиданно спросила, не забыла ли я Энсона, я внезапно уловила в рамке наши отражения. Она смотрела на меня, и на какую-то долю секунды мне показалось, будто там стоит сам Энсон – его образ словно наложился поверх ее лица. Я моргнула, и тут же он исчез, оставив в стекле лишь наши с Рори лица.

Это была, конечно, чистая случайность, коварная игра света и памяти, но в тот момент это казалось настолько реальным! Насколько неожиданно и болезненно реальным!

Коробка с платьем все так же стоит на полу – там, где ее Рори и оставила. Я переносу ее к креслу и некоторое время просто сижу там, держа коробку на коленях. Мне нет ни малейшей надобности ее открывать. Я и так прекрасно знаю, что внутри: кусочки моего прошлого, грозящие зарыться поглубже в мою душу, точно раненые животные. Напоминания о моем несостоявшемся счастливом финале. Мне казалось, они уже остались в прошлом, сосланные в темный закуток под лестницей, а потом сгоревшие дотла. Но теперь их вытащили на свет божий, и мне ничего не остается, как снова все вспоминать.

Когда я снимаю крышку и разворачиваю тонкую бумагу, у меня замирает дыхание. Мое творение все такое же, каким я его помню – мерцающее и воздушно-белое, точно пена. Я провожу ладонями по бисерной отделке платья, вспоминая те долгие ночи, когда я втайне от матери его шила. Узнай об этом *Maman*, то ни за что бы не одобрила. Она бы сочла, что это непростительная трата времени и материала, поскольку к тому моменту, как я его закончила, во Франции почти не осталось женихов. И все же, уезжая с родины, я забрала его с собой. Потому что еще верила в девичьи грезы о собственном счастливом сказочном финале. В то, что однажды я надену свое прелестное платье с его хитроумной магией и докажу *Maman*, что она ошибалась. Докажу, что все женщины из рода Руссель ошибались. И это почти что сбылось... Вот только в итоге я абсолютно все потеряла.

От нахлынувших слез начинает саднить горло, и, отставив коробку в сторону, я выключаю свет. Я думала, что к этому готова, но оказалось, что вовсе нет.

Поигрывая пальцами с опустевшим бокалом, я направляюсь по коридору к спальне. Я устала, и у меня болит голова. Я успела забыть, как шумно бывает в общественных местах и сколько сил они у меня отнимают. Мысленно я уже стремлюсь к пластиковому пузырьку, стоящему у меня в тумбочке возле кровати, – к лекарству, унимающему боль, которое выписал мне один из врачей в тот день, когда я покидала клинику. Я перестала принимать таблетки уже через неделю. От них я чувствовала себя очень заторможенной. Однако пузырек по-прежнему стоит на месте. Моя страховка на случай, если ночи станут невыносимо длинными или дни – чересчур пустыми. Время от времени я о нем вспоминаю. Иной раз даже достаю из тумбочки, высыпаю на ладонь пилюли и представляю, как разом все их проглочу. Разумеется, я не собираюсь это делать. По крайней мере, сегодня у меня совсем другие планы.

В темноте я раздеваюсь и забираюсь в постель. Мои мысли сами собой возвращаются к Рори. Если бы я попыталась «считать» ее так, как учила меня *Maman*, – то что бы я, интересно, увидела? Думаю, она легко бы поддавалась этому. В этом смысле она в точности как я – вернее, какой я бывала в ее годы. Раскрытой всему миру. *Maman* вечно ругала меня за это. Мол, я ничего не способна утаить – мое лицо немедленно меня выдаст.

Когда-то именно так оно и было, однако за долгие годы я научилась скрывать от всех великое множество вещей. И от себя, пожалуй, тоже. Стрдание делает нас закаленнее и жестче, и каждое новое горе, каждое жестокое разочарование накладывает еще один слой защиты – точно перламутр над жемчужиной, – и вот мы начинаем считать себя непроницаемыми, неуязвимыми, полностью защищенными и от настоящего, и от нашего прошлого...

Какие ж мы глупцы, что в это верим!

Глава 13

Солин

Порой может возникнуть соблазн использовать свою магию ради собственной корысти. Однако такие проступки всегда имеют скверные последствия, которые непременно падут на будущие поколения.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

11 декабря 1942 года.

Париж

Два с половиной года фашистской оккупации напрочь опустошили Париж.

Никогда не забуду того утра, когда они вошли в город. Их солдат я услышала еще до того, как смогла увидеть – точно отдаленные раскаты грома. Я тогда спешила по Рю Лежанр, направляясь в сторону площади Согласия. Уж не знаю, что я ожидала увидеть, когда свернула к Елисейским Полям. Надо думать, войну – как я себе это представляла. Как охваченные всеобщей тревогой парижане выходят на улицы в последней попытке противостоять захватчикам. Как солдаты размахивают автоматами, захватывая в плен жителей. Ожидала увидеть кругом оружие, взрывы гранат. Огонь. Кровь. Хаос войны.

Однако никакого хаоса не наблюдалось. На самом деле во всем происходящем был какой-то странный, зловещий порядок – такая жуткая стальная точность, от которой перехватывало дух. Мотоциклы, лошади, колонны танков и бронемашин – а также тысячи и тысячи марширующих в ногу солдат, безукоризненных в своих одинаковых касках и серо-зеленой форме. А возмущенных парижан я не обнаружила вовсе. Вместо этого вдоль тротуаров выстроились молчаливые, удивленные зеваки, словно замороженные военной машиной, поглощающей их город целиком. Вернее, то, что на данный момент от города осталось.

Богатые и с хорошими связями парижане уже несколько недель торопливо покидали город – на автомобилях, на поездах, на запряженных лошадьми повозках, запруживающих дороги. Все они устремлялись к побережью, знаменуя собой массовый исход. Магазины и салоны закрылись. Гостиницы опустели. В театрах погас свет. Даже на рынке притихла суeta в ожидании вражеского вторжения. И вот в июне 1940 года это случилось. Солдаты гитлеровского вермахта взяли город без единого выстрела, и уже к концу первого дня над Триумфальной аркой и Эйфелевой башней взметнулась свастика.

С того страшного дня жизнь превратилась в сплошное размытое пятно. В городе введен комендантский час, который строго соблюдается. Французские уличные указатели и знаки сменились немецкими. И часы переведены на немецкое время – унизительно-дразнящий жест и без того деморализованному городу. Теперь даже наше время нам не принадлежит.

Французские газеты закрылись, а все радиоканалы настроены на пропагандистское вещание нацистов. Еще повсюду висят плакаты, призывающие нас воспринимать оккупантов как друзей. Будто мы не чувствуем, как все сильнее сжимается их жесткая хватка у нас на горле.

На еду и одежду введены карточки довольствия, что привело к бесконечным очередям за самым необходимым. Париж превратился в город, одержимый вопросом еды. Где и что найти, сколько можно себе позволить, надолго ли удастся растянуть... Женщины большую часть дня проводят в поисках яиц или косточки для супа, в то время как еще уцелевшие журналы учат, как растянуть масло на более длительное время, добавляя туда желатин, или как испечь пирог без яиц. Запасы моей прозорливой *Maman* дают нам возможность меньше страдать от нехватки продуктов, но и наши накопления исчезают с пугающей скоростью.

Куда-то съездить теперь тоже затруднительно. Бензина нигде нет, так что остаются велосипеды или метро. Ну, или ходить пешком, что я обычно и делаю. Нацисты повсюду – в кафе и в магазинах. Они празднично шатаются по всем углам, пьют наше вино, заигрывают с нашими женщинами и в целом ведут себя так, будто все во Франции

принадлежит им и можно брать, что захочется. Впрочем, полагаю, так оно на самом деле и есть.

Сильнее всего от нацистов страдают евреи. Мало того, что у них забрали все движимое и недвижимое имущество, так называемый *Statut des Juifs*^[26] не позволяет им заниматься определенными профессиями, ходить в театр или в большинство магазинов за покупками – и даже иметь собственное радио. Всех евреев старше шести лет обязали носить отпечатанную на одежде желтую звезду с надписью «*Juif*» – прямо на сердце, чтобы проще было распознавать их во время рейдов. Для этого их заставляют использовать весь запас карточек, выдаваемых на одежду. Некоторые пренебрегают новым законом, хотя и сильно при этом рискуют. Тех, кого отлавливают фашисты или обличают им сочувствующие, безжалостно бьют... или того хуже.

А еще у нас начались массовые облавы. Тысячи евреев (большей частью женщин и детей), которых несколько дней продержали без еды и питья, сначала отправили во временный лагерь в Дранси, после чего затолкали в вагоны для скота и увезли. Операция «Весенний ветер», как называли одну из подобных облав, была подготовлена и проведена французской полицией^[27].

Нашей же собственной полицией!

Впрочем, это было лишь начало. До нас понемногу доходят подробности того, что творится в так называемых «лагерях смерти». Доносятся слухи о газовых камерах и печах, о траншеях, доверху заваленных мертвыми телами. Евреи уничтожаются по всей Европе. Причем французское правительство помогает в этом нацистам.

Новости – нормальные новости о том, что реально происходит, – как и большинство парижан, мы получаем из вещания компании Би-би-си на канале *Radio Londres* или из подпольных газет, тайком передаваемых из рук в руки. Как и за все прочее в нынешнее время оказаться пойманным с такой газетой означает подвергнуться суровейшему наказанию.

Maman воспринимает эти новости особенно болезненно, что меня немного удивляет. Прежде она никогда не была сентиментальной и слезливой, но, видимо, после двух лет пребывания в нашем городе фашистов мы все уже вымотаны до предела. К тому же и болезнь теперь крепко взялась за *Maman*: приступы кашля у нее настолько

тяжелые, что она вынуждена прибегать к снотворному, чтобы ночью хоть чуточку отдохнуть. А еще у нее на носовых платках стала появляться кровь, но до недавних пор я притворялась, будто этого не знаю, пока она уже просто не смогла больше скрывать это от меня. Сейчас, когда с приходом новой зимы запасов топлива для обогрева уже нет, состояние матери совсем плачевное.

Когда выпадает какая-то мелкая работенка, это целиком ложится на меня. В основном это перешивание и подгонка одежды, – но я радуюсь всему, чем можно заполнить долгий день. А потом вечерами, когда мы опускаем затемняющие шторы и *Maman* засыпает, я продолжаю работу над своим платьем, хотя сильно сомневаюсь, что она проживет достаточно долго, чтобы увидеть его законченным.

Однажды поздним вечером *Maman* зовет меня к себе в комнату и велит придвинуть поближе стул. Мне больно видеть, как она изменилась. Все мы изрядно отощали за это время, – но у *Maman* худоба совсем другого рода, более жестокого и безжалостного. Это медленное разрушение организма, угасание, от которого кожа на лице туго обтягивает кости. И все же глаза ее, беспокойно скользящие по мне, сейчас блестящие и необыкновенно живые.

– Садись, – говорит она, похлопывая меня по руке, когда я пытаюсь потрогать ее лоб. – Мне нужно кое-что тебе рассказать. То, что я должна была бы рассказать тебе еще несколько лет назад.

– Тебе бы лучше отдохнуть, – говорю я, рассчитывая отделаться от этого разговора. Мне совсем не хочется обсуждать сейчас смерть. Или фашистов. Или то, как трудно сейчас стало что-либо достать. В последнее время мы ни о чем другом почти не говорим. – Поговорить мы можем и попозже. Когда ты немного поспишь.

– То, что мне надо тебе сказать, не может ждать до завтра.

Тогда я киваю, ожидая продолжения.

– Подойди-ка к комоду. В верхнем ящике, в самой глубине, найдешь коробочку. Принеси ее мне.

Коробочка лежит именно там, где она и сказала. Точнее, ювелирный футляр, обтянутый зеленым бархатом, размером примерно с мою ладонь. Я приношу его к кровати и снова сажусь на свой стул, с немалым изумлением видя, как *Maman* с неизъяснимой нежностью прижимает коробочку к груди. Когда ее взгляд наконец встречается

с моим, у меня возникает ощущение, будто она успела даже забыть, что я здесь.

Дрожащими пальцами *Maman* пытается открыть крышку, но, сдавшись, протягивает футляр мне:

– Открой, пожалуйста.

Я открываю его, сама не замечая, что невольно задерживаю дыхание. Внутри футляра – медальон в форме подушечки с выгравированной парой лилий. Я встречаюсь взглядом с *Maman*. Она на мгновение прикрывает глаза и едва заметно кивает.

После недолгой заминки с замочком передо мной открывается лицо незнакомца. Он красив – какой-то резкой, угрюмой красотой, – с высокими скулами, глубоко посаженными глазами и целой копной густых темных кудрей. Губы у него полные, едва ли не по-женски, и чуточку приподнятые по краям, как будто он пытается выдавить улыбку.

– Его зовут Эрих Фриде, – тихо произносит *Maman*. – Он был студентом Парижской консерватории в то лето, что предшествовало твоему рождению.

Голос ее умолкает, хотя, продолжая рассматривать фотографию, я чувствую на себе ее внимательный взгляд. Наконец до меня доходит смысл ее слов. «Лето, что предшествовало твоему рождению». Я поднимаю взгляд на *Maman*, и вопрос, точно острая кость, застревает у меня в горле.

– Это твой отец.

Отец... Это слово звучит настолько чуждо и непривычно в маминых устах. Однако взгляд ее совсем не дрогнул.

– Почему ты мне сейчас об этом рассказываешь?

– Потому что мы никогда с тобой о нем не говорили. И нам необходимо сделать это сейчас.

Мне всегда любопытно было узнать, кто же он – тот мужчина, которому удалось найти брешь в крепких маминых доспехах. Но внезапно я понимаю, что не хочу сейчас говорить о нем – или выяснять, почему она решила вдруг затеять этот разговор.

– Когда мы с ним впервые встретились, он шел на репетицию, а мне надо было отнести платье на Рю де Мадрид, рядом с его консерваторией. Тогда все утро шел дождь, и на улицах повсюду были лужи. Я собиралась перейти дорогу на перекрестке, когда слиш-ком

быстро проехавшая мимо машина окатила меня грязной водой. Посмотрев на коробку с платьем, я испугалась до смерти. Она была в грязи и стремительно намокала. Единственное, о чем в тот момент я думала: «Если платье будет испорчено, *Maman* меня убьет». И тут подоспел он, протянув мне носовой платок.

– Эрих, – произношу я медленно, словно привыкая к непривычному звучанию.

– Да, Эрих... – Столь редкая для матери улыбка будто сглаживает морщины, прорезанные на ее лице тяжелой болезнью. – На нем был белый летний костюм, идеально на нем сидевший, и черно-белые броги – такие блестящие, что, глядя в них, можно было бы попудрить себе нос. Такой, знаешь, красивый и элегантный, в канотье и с безупречно завязанным галстуком. И я рядом – как мокрая грязная кошка.

– И он тут же в тебя влюбился, – продолжила я, прочитав остальное в ее глазах.

Выражение ее лица стало нежным и мечтательным.

– Мы оба влюбились с первого взгляда. Он был настолько красив, что, когда спросил, как мое имя, я даже не сразу его вспомнила. Как будто у меня все разом стерлось из сознания. Как будто до встречи с ним ничего в моей жизни не происходило. Он помог мне отчистить коробку, потом наклонился вытереть грязь с моих туфель. А я так заволновалась, что случайно сбила с его головы шляпу прямо на дорогу, и мы с ним так рассмеялись, что ни один не мог остановиться. Потом он дал мне свой пиджак, чтобы прикрыть мою промокшую одежду, и весь остаток пути прошел со мной.

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Я никогда не представляла такой свою *Maman* – молодой женщиной на пороге великой страсти.

– А что было потом – после того, как ты доставила платье заказчице?

– Мы проводили вместе каждую свободную минутку. Обычно в каком-нибудь парке. Мы не так часто виделись, но нам этого бывало достаточно. Он приносил с собой покрывало и какую-нибудь снедь, а я придумывала более-менее весомый предлог, чтобы улизнуть из дома. Мы вместе перекусывали, а потом он играл мне на скрипке. Это было так замечательно! Казалось, всякий раз, беря в руку смычок, он рассказывал мне какую-то историю. Я даже ходила на несколько его

концертов в консерваторию. На сцене играл целый оркестр, – а я слышала только его! Так мне, по крайней мере, тогда казалось.

– А как долго это продолжалось?

– Семь месяцев и тринадцать дней.

Такая быстрота и точность ответа приводит меня в изумление.

– Что же произошло?

– Он закончил учебу, и ему надо было возвращаться домой.

– Домой?

Матан, морщась, прикрывает глаза.

– В Берлин.

Ее душевное страдание, кажется, физически ощутимо – и настолько для нее нехарактерно. Возможно, потому, что я привыкла считать ее неспособной на подобные чувства.

– Мне очень жаль, мама, что он тебя оставил.

Глаза ее медленно открываются, темные и бездонные.

– Это я решила расстаться, – почти шепотом произносит она. – Я оборвала наши отношения.

– Ты? Но зачем?

– Он хотел, чтобы я поехала с ним в Германию и вышла за него замуж. Но твоя бабушка мне это запретила. Даже когда я сообщила ей, что у меня будет ребенок.

– Из-за салона?

– Из-за войны, – тихо отвечает она. – Эрих же был немец, *boche*^[28], как их прозвали тогда, да и сейчас так называют, наверное. *Матан* так никогда и не простила им того, что случилось на Сомме^[29]. Там столько наших ребят погибло, их тысячами буквально забивали в окопах. Она никак не могла этого простить. Да и многие другие не могли. Она сказала, что выйти замуж за немца куда позорнее, чем родить внебрачного ребенка.

– Только и всего? И ты просто позволила ему уехать?

Матан кивает, испуская бесстрастный вздох.

– Родители у него умерли, а сестры на время его учебы отправились жить к тетушке. Ему пора было возвращаться к своим семейным обязанностям. Я просто не могла заставить его здесь остаться, – глухим шепотом объясняет она. – Если бы я ему сказала о тебе, он бы непременно остался.

Я ошарашенно смотрю на нее:

– Ты так и не сказала ему, что беременна?

Мать отворачивается.

– Это бы только усложнило все для нас обоих. У каждого из нас была своя... ответственность.

Я не свожу с нее изумленных глаз, пытаюсь понять услышанное. Не то чтобы мне так сильно не хватало отца – трудно испытывать нехватку того, кого у тебя никогда не было, – однако ее доводы мне кажутся нелепыми.

– Разве может быть что-то более ответственное, чем выйти замуж за отца своего ребенка?

– Все было не так просто, как кажется. Ведь надо же было подумать и о нашем салоне. Я не могла оставить *Maman* с одной лишь Лилу в помощницах. Тем более что я знала наверняка, что сестра не будет здесь жить. Еще когда мы были совсем девочками, моя сестрица всегда была, что называется, одной ногой за дверью. А потом все эти семейные предания – про разбитые сердца в нашем роду, про тех из Руссель, кто пренебрег нашим призванием и его правилами и в конце концов за это пострадал. *Maman* сказала, что я могу стать следующей и что, если такое случится, я не сумею уже вернуться назад. – Между зажмуренными веками у матери выступили две слезинки и проложили тонкие серебристые дорожки на лице. – Мне нужно было остаться и растить тебя одной – как и моей матери после рождения Лилу.

– То есть ты предпочла сохранить все в тайне и разбить сердце Эриху?

– Мне было очень страшно.

От этого ее признания у меня комок встает в горле.

– И ты никогда его больше не видела?

Она медленно, страдальчески мотает головой:

– Один раз я получила от него письмо, в котором он умолял меня передумать. Я побоялась, что могу дать слабину, и бросила письмо в огонь. Лилу ужасно тогда злилась на меня. Она никогда не знала чувства долга. А я... – Тут *Maman* отводит от меня взгляд. – А я не знала ничего другого.

– Мне очень жаль, – тихо произношу я, и это сущая правда. Но я тоже в диком негодовании. Оттого, что я так и не получила возможности узнать того человека, который рассказывал ей разные

истории на скрипке, или ту женщину, которой могла бы стать моя *Матан*, – ту, которая с первого взгляда влюбилась в незнакомца на перекрестке. Мне та женщина пришлась бы по душе. Годы превратили ее совсем в другого человека – в несчастное повторение той самой матери, что заставила ее отречься от своего сердца. Мне кажется жуткой иронией то, что я сижу и слушаю ее историю. Интересно, сознает ли она это сама? И, может, именно поэтому она решила сейчас мне об этом рассказать?

– Должно быть, ты, отпустив его, разбила ему сердце, – осторожно повторяю я. И тут меня осеняет: – Вот почему ты говоришь мне об этом сейчас? Ты хочешь, чтобы я помогла тебе его найти?

Внезапно она раздражается громким неудержимым плачем, будто прорвавшаяся плотина, и я уже даже не знаю, что сказать. У меня совсем нет опыта ее утешать, и получается у меня это, пожалуй, не очень.

– Прости, мама, пожалуйста! Если я что-то не так сказала – прости!

– Он был евреем, – отрывисто, сквозь всхлипы, говорит она. – Эрих был евреем.

Я пристально смотрю на нее, пытаюсь связать в уме эти слова с неизъяснимой мукой в ее глазах. Через пару мгновений до меня наконец доходит. Еврей. В Германии...

– Нацисты, – роняю я. – *Mon dieu*.

Она закрывает глаза, содрогаясь в новом приступе рыданий.

– Все эти жуткие рассказы... о лагерях... Мне страшно даже представить...

Я бросаю взгляд на медальон в своей руке, вспоминая тот день, когда одна из маминых клиенток рассказала о подробностях Хрустальной ночи – как мать тогда закрыла ателье, ушла в свою комнату и не выходила до утра. И как потом, услышав по радио про облаву «Вель д'Ив»^[30], она безудержно расплакалась и потом несколько дней отказывалась от еды. Она оплакивала не человечество вообще, как я тогда решила, – она оплакивала Эриха Фриде, потому что никогда не переставала его любить.

Вот почему она ловила каждое слово в ежедневных репортажах на радиоканале Би-би-си и вчитывалась в каждую, полученную контрабандой газету, вырезки из которых нередко потом оказывались

в нашей шкатулке для писем. И, возможно, именно поэтому она в последнее время стала так лихорадочно перебирать свои четки – словно пытаюсь оградиться от внешнего зла.

– А ты... что-нибудь слышала о нем?

– Нет. – *Maman* прикрывает ладонью рот, крепко зажмуривает глаза, и из них по щекам скатываются две новые слезинки. – Все эти годы я представляла себе, как он играет в самых знаменитых концертных залах Европы, как зрители самозабвенно слушают его, затаив дыхание. Для меня это был своего рода способ удерживать с ним связь – представлять его счастливым после того, что произошло... А теперь... Я даже не знаю, где он... Не знаю, жив ли...

От ее слов у меня тоже сердце ноет, но теперь мне становится еще и очень страшно. Дыхание у матери становится тяжелым и очень хриплым, губы сильно бледнеют, и каждый вдох дается с большим трудом.

– Мама, пожалуйста! Тебе нельзя так сильно переживать.

– Если бы я только не послушалась своей матери... Если бы я сказала ему, что жду тебя, и попросила бы остаться, то, может быть, сейчас он был бы в безопасности.

– Как знать, *Maman*. У нас здесь тоже устраивают облавы на евреев. Причем мы сами – французы – этим и занимаемся.

Она с усилием поднимается над подушкой, вцепляясь в мою руку:

– Но это было бы совсем иное. Как ты не понимаешь! Если бы он остался в Париже, я могла бы его хотя бы вовремя предупредить. А я вместо этого разбила ему сердце... и теперь, получается, я его убила.

Я укладываю ее обратно на подушку, всячески утешая ее, успокаивая – точно дитя после страшного сна. Велю ей закрыть глаза и ласково глажу по голове, пытаюсь вспомнить те минуты, когда мы словно поменялись ролями и это она гладит и утешает меня. И вспомнить такого не могу. Она была совсем не такой матерью. И все равно я не могу лишиться ее этой толики нежности. Тем более сейчас, когда сердце у нее едва не разрывается от горя.

Я усаживаюсь к ней на край постели, дожидаясь, когда она окончательно успокоится, и размышляю о *malefice*, о проклятии, висящем над всем нашим родом. Мать моей *Maman* предупредила ее, что любовь к Эриху Фриде в итоге разобьет ей сердце. Но это

не могло бы сравниться с ее нынешними муками, когда она гадает, то ли ее любимый где-то прячется, точно загнанный зверь, то ли находится в заключении в одном из концлагерей, во власти настоящих монстров. Если такова цена защиты собственного сердца – то я бы себе такой участи не желала!

Отпустив мою руку, *Maman* нетерпеливо смахивает слезы:

– Мне хотелось, чтобы этот медальон был у тебя – чтобы с тобой была частица твоего отца. И мне необходимо, чтобы ты кое-что сделала.

Я молча киваю.

– Придет день, и ты покинешь Париж. Когда будешь уезжать, возьми с собой медальон. Обязательно увези его из этого города, подальше от страшных воспоминаний. Обещай мне, что сделаешь это.

– Покину Париж? – Я смотрю на нее с удивлением. – Но куда же я поеду? Париж – моя родина, мой дом.

– Больше уже нет. И ты отсюда уедешь. Тебе суждено уехать.

– Но как же наш салон? И наше дело? Ты всегда говорила...

– Я много чего говорила. Я всегда учила тебя жить ради нашего дела, потому что именно так учили меня. Но я ошибалась. Я очень во многом ошибалась.

– *Maman*...

– Дай мне договорить!

Открыв было рот, я его снова закрываю. Спорить с ней бесполезно.

– Я всегда держала тебя на некотором расстоянии... Нет, не мотай головой, мы обе знаем, что это так. Вот только ты не знаешь почему. – Она делает глубокий, с влажными хрипами, вдох. – Ты оказалась так похожа на него, Солин! Настолько похожа, что мне больно было на тебя смотреть. У тебя вроде бы мои глаза, мои волосы, мои губы – но у тебя всегда проявлялась его душа. Он был мечтателем – *un rêveur*. И он строил для нас такие планы! – *Maman* снова умолкает, прерывисто вздыхая. – Я лишила его этого, отняла у него будущее – и всякий раз, стоило мне на тебя взглянуть, я получала об этом напоминание.

Я задумываюсь над ее словами – и мне становится легче. Столько лет я все гадала, что же я такое сделала, что заслужила столь холодное и отстраненное отношение матери. И все надеялась придумать что-

нибудь – хоть что угодно! – способное растопить этот лед между нами. Теперь я понимаю, что я ничего не могла поделать. И осознание этого странным образом приносит облегчение.

Я накрываю ладонью ее руку:

– Мне кажется, тебе сейчас лучше отдохнуть. Твое лекарство...

Однако глаза у нее лихорадочно вспыхивают.

– Замолчи и послушай! У тебя скоро появится шанс отсюда уехать. И ты обязана им воспользоваться.

– Ехать к Лилу уже слишком поздно. Лондон сейчас тоже под прицелом нацистов.

– Не к Лилу. Гораздо дальше. И навсегда.

– Но салон...

Она резко мотает головой, заставляя меня замолчать:

– С ним уже покончено. Гитлеровцы об этом позаботились. Они не успокоятся, пока не выжгут землю. Но ты сумеешь начать все заново. На новом месте.

Под ребрами у меня как будто что-то беспокойно забурлило.

– Откуда ты знаешь?

Ее глаза вспыхивают вновь.

– А ты сама как думаешь? Взяла расческу у тебя с бюро, пока ты ходила в мясную лавку.

– Ты что, смотрела будущее... на меня?

– Не до конца. Ты слишком быстро вернулась. Но я увидела достаточно.

Ее признание меня порядком изумляет. Она всегда была очень непреклонна в плане того, чтобы использовать *la magie* ради собственных интересов.

– Но ты же всегда говорила...

– Да, да, – отмахивается она иссохшей, костлявой рукой. – Сама знаю, что я говорила. Но я нарушила правила. Бывают времена, когда необходимо знать, куда подует ветер. А нынешний ветер, *ma fille*, унесет тебя очень далеко отсюда. Подальше от Парижа и от всего этого сумасшествия. Однако укрыться легко и без единой царапины тебе не удастся. Тебя ждут трудности и горькие разочарования в этом пути. Но ты должна твердо держаться своей веры, Солин, что бы ни случилось в твоей жизни.

Я в недоумении смотрю на мать. У рода Руссель нет веры как таковой. У нас есть иголка и нитка. Это и есть наша вера – наше Дело.

– Пожалуйста, не говори загадками, *Матан*.

– У меня тоже было испытание на веру – когда я была немногим старше тебя. И я это испытание не прошла. – Умолкнув, она вытягивает шею, чтобы поглубже вдохнуть. – У меня не хватило веры в свое будущее – в собственную жизнь и в любовь. Потому что я не была мечтательницей и следовала тому пути, что уже был для меня проложен. Но ты, Со-Со... ты просто вся в мечтах. И у тебя несомненный дар. Гораздо больший, чем у меня.

На мгновение я застываю, не в силах даже моргнуть. Я столько времени ждала от нее хотя бы малой крупички признания, хоть какого доказательства того, что она вообще меня видит как личность. И тут, совершенно внезапно... такая похвала. Мне хочется расплакаться, но я знаю, что *Матан* это не понравится.

– У меня был хороший учитель, – произношу я вместо этого.

Она отмахивается от моих слов, нетерпеливо стараясь договорить то, что хочет до меня донести.

– Этот шанс, о котором я уже сказала... это будет серьезная проверка для твоей души. Быть может, она даже разобьет тебе сердце. Однако самое драгоценное для нас в жизни то, что достается нам самой высокой ценой. Я эту истину усвоила слишком поздно... Вот почему я говорю тебе это сейчас. Ты должна...

Тут, осекшись, она прижимает платок ко рту, чтобы заглушить приступ жестокого кашля. Наконец спазмы отступают, она лежит на подушке мертвенно-бледная и дрожащая, с легкой синевой на губах. Я беру в ладони ее руку – тонкие, точно птичьи, кости кажутся невероятно хрупкими в моих пальцах, – и вдруг я сознаю, что за всю жизнь почти не видела ее руки тихими и неподвижными. Они вечно были то с иголкой, то с лентой, то с ножницами. Все время кроили, шили, подкалывали булавками, подбивали края. Но болезнь вскоре успокоит их навсегда.

На мои глаза наворачиваются слезы, и я не успеваю отвернуться. *Матан* хватает меня за рукав, и на мгновение я вижу в ее глазах нежность.

– Не надо слез, *mon tendre*^[31]. Не трать их на меня. Тебе они еще пригодятся. В твоей жизни будет много перемен, и ты должна быть к ним готова.

Я послушно беру себя в руки и вытираю слезы рукавом. И все же ее мрачные предсказания приводят меня в страх.

– Ты пугаешь меня своими зловещими предупреждениями, *Maman*. Можешь ты мне просто сказать, что ты такого узнала? – Но, едва эти слова слетают с губ, я уже о них жалею. – Ладно, неважно, – быстро поправляюсь я. – Ты уже очень устала. Не надо сегодня ни о чем больше говорить.

Мать отворачивает голову, и на мгновение мне кажется, она плачет. Но когда она смотрит на меня вновь, глаза ее сухи. Ее голос становится низким и хриплым:

– Вот что я знаю по себе, *ma fille*. Бывает горе, которое хуже смерти. Это тоска о жизни, прожитой лишь наполовину. И не потому, что не знаешь, что именно могло бы тебя ждать, – а как раз потому, что это знаешь. Ты слишком поздно понимаешь, что возможность счастья представилась тебе сама – снизошла прямо в руки, – а ты позволила ей ускользнуть. Потому что разрешила чему-то – вернее, кому-то – вас разлучить. Но когда придет твое время – ты сможешь сделать все иначе, *ma fille*. И это непременно наступит. Только не давай этому чувству угаснуть, храни его, Со-Со. – Она прижимает стиснутый кулак к груди. – Вот здесь, в своем сердце. И никогда не отрекайся от того, что может когда-нибудь стать явью. Пока ты хранишь в своем сердце его любимое лицо, он ни за что не пропадет навеки. Всегда будет возможность все вернуть.

Уже засыпая, она явно начинает путаться в словах, смешивая свое прошлое с моим будущим. Видимо, снотворное все же начинает действовать.

– Отдохни теперь, *Maman*. Закрой глаза и отдохни.

Однако взгляд ее по-прежнему прикован к моему лицу. Глаза внезапно широко распахиваются, горя лихорадочным блеском.

– В жизни бывает пора, когда надо всеми силами за что-то держаться, Со-Со, а бывает время, когда надо это отпустить. И ты должна научиться распознавать разницу. А еще – достаточно доверять своему сердцу, чтобы позволить ему пережить разочарование.

Это трудная штука – упорствовать и ждать. Но именно тогда и приходит к тебе вера. Ты меня понимаешь?

Я киваю, и мне кажется, я действительно ее поняла. Бросаю взгляд на медальон, что по-прежнему лежит, раскрытый, у меня на коленях. Из него на меня глядят темные глаза Эриха Фриде. «... Хранишь в своем сердце... его любимое лицо... навеки...» – всплывают в голове обрывки маминых слов. Хорошо. Ради *Maman* я сохраню медальон.

– А теперь поспи, – тихо говорю я.

Она отпускает мою руку и закрывает глаза, с долгим, неровным вздохом устраиваясь на подушках. Я ненадолго задерживаюсь рядом, пропуская через сознание все то, что сейчас было сказано. Жалея, что этот разговор не состоялся раньше, и в то же время поражаясь тому, что он вообще произошел. Молчание затягивается. Постояв еще немного, я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Оставь его со мной, – тихо просит она. Голос у *Maman* на сей раз тонкий и какой-то даже детский. – Хотя бы ненадолго.

Я кладу медальон ей на ладонь, сжимая на нем ее пальцы. Потом наклоняюсь поцеловать маму в лоб. Такого я никогда еще не делала – и никогда больше не буду делать.

Войдя следующим утром в комнату *Maman*, я вижу, что ее не стало. Она тихо лежит на подушках, с мертвенно-бледным лицом. И в то же время она прекрасна – как будто, выскользнув из земной оболочки, она наконец освободилась для счастья. Ее раскрытая ладонь лежит на постели, и в ней покоятся распахнутый медальон и четки. Четки я кладу к ней в бюро, а медальон застегиваю на шее. Его тяжесть ощущается очень непривычно. Мой отец. И в то же время незнакомец. Но я дала матери обещание, и я его сдержу.

Ее уход не вызывает у меня удивления и ощущения внезапности – только глухую тоску, заполонившую сердце. Выходя из ее комнаты, я тихо закрываю за собой дверь. В глубине души я понимала, что наш вчерашний поздний разговор был своего рода прощанием.

И, как всегда, последнее слово осталось за *Maman*.

Глава 14

Солин

Мы не творим любовь из воздуха посредством любовных снадобий или колдовских чар, или еще какими-либо манипуляциями. Мы вообще любовь не сотворяем.

Мы лишь следим за ее проявлениями и обеспечиваем ее долговечность.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

3 марта 1943 года.

Париж

Я навсегда закрыла наш салон – хотя едва ли кто-либо это заметил.

Матап похоронили в картонном, обернутом тканью гробу, поскольку на нормальный деревянный не было материала. На крыльце у нас стали постоянно появляться цветы – маленькие букетики, перевязанные ленточкой или просто бечевкой. А еще, конечно же, письма: десятки конвертов опускались в почтовый ящик ателье, и в каждом – сердечные и благодарные воспоминания бывших невест, которым за долгие годы *Матап* помогла обрести счастье. Так много сбывшихся чудес, совершенных несколькими искусными стежками да толикой магии!

Некоторые письма я решила для себя сохранить, перевязав их ленточкой. Для меня это мамино наследие – коллекция ее счастливых финалов. Мне становится легче, когда я время от времени их перечитываю и понимаю, что *Матап* останется в памяти людей. Однако жизнь должна продолжаться. Смерть сейчас царит повсюду. На радио и в газетах, в нацистских лагерях и на полях брани, в тюрьмах и в военных госпиталях. Для большинства людей Эсме Руссель – всего лишь еще один исчезнувший человек в череде многих, но я ее отсутствие ощущаю очень остро.

Сколько я себя помню, ее голос постоянно звучал у меня в ушах, наставляя меня в работе, придавая форму моим мыслям – собственно, формируя меня саму. И теперь, с маминым уходом, я внезапно чувствую себя так, будто лишилась всяких очертаний. Я никогда не была кем-то более значительным, чем дочкой Эсме Руссель. И вдруг я перестала быть даже этим.

После нескольких лет своей тайной работы я наконец смогла закончить платье – единственный оригинальный экземпляр от Солин Руссель! – однако начинать другое вроде бы нет смысла. Как и предсказывала *Maman*, невест в Париже нет, поскольку не осталось женихов. Если не считать *boche*, для которых я, разумеется, ничего делать не собираюсь.

Моя жизнь внезапно потеряла прежний ритм. Мне не для кого больше готовить, не для кого шить, не о ком заботиться, и я сейчас в полной растерянности, не зная, что будет дальше. Мой мир, и прежде не простиравшийся дальше считанных миль, теперь и вовсе ужался до нескольких комнат. Порой я неделями не выхожу из дома. Между тем меня пугает, что съестные припасы подходят к концу, так что настает время и мне присоединиться к тем, кто проводит свои дни в очередях за продуктами.

Сегодня среда, все утро моросит дождь. Я беру зонтик, продовольственные карточки и отправляюсь по магазинам. В этот раз отоваривают карточки на мясо, и очередь из мясной лавки тянется вдоль улицы. Ряд исхудавших бледных лиц, заостренных от голода и недоверия ко всем. Я занимаю место среди этих людей, прикрыв заодно своим зонтом пристроившуюся сзади женщину.

Стоя в очереди, невозможно не вслушиваться в разговоры. Поговаривают о дифтерии и о туберкулезе, что забрал и мою *Maman*. О страдающих рахитом детях. О младенцах, рождающихся слишком слабенькими, чтобы выжить. О том, как в Польше люди падают замертво от голода. И над всеми витает никем не озвучиваемый вопрос: когда это дойдет до нас?

Но хуже угрозы голода – для меня, по крайней мере, – это удушающая тяжесть тоски и безделья. Мне необходимо чем-то заполнить свои дни, вновь для кого-то стать полезной – иначе я сойду с ума. Несколько крупных домов моды по-прежнему работают: Люсьена Лелонга, Мадам Гре, Эльзы Скиапарелли. Правда, теперь там

одевают нацистских жен и любовниц, а *Maman* совсем бы не одобрила, если бы я взялась в этом участвовать. Хотя я и не стану зарекаться, что нога моя не переступит их порога. Увы, я совершенно не представляю, где бы еще я могла оказаться при деле.

И вот однажды утром я еду на старом мамином велосипеде к Нейи-сюр-Сен, к западному предместью Парижа, чтобы обменять два мотка кружева (которое куда ценнее, нежели говядина на черном рынке, и которое, к тому же вдвое труднее достать) на сливочное масло и пяток яиц. Когда я проезжаю мимо американского госпиталя, мимо меня, дребезжа по улице, проносятся три фургона «Скорой помощи». Их появление вызывает во мне дрожь. Сирены не редкость на улицах Парижа – далеко не редкость! – но мне кажется, невозможно привыкнуть к их резким и в то же время жалобным завываниям. Все мы знаем, что означает этот вой. Больше покалеченных мужчин. Больше погибших. Больше вдов.

Словно завороченная, я смотрю, как санитарные автомобили один за другим проезжают через ворота госпиталя в его большой передний двор. Там сирены затихают, слышится торопливое хлопанье дверей, суматоха людей в форме. Водители выскальзывают из кабин, чтобы помочь скорее разгрузить свой груз.

Госпитали по всей Франции переполнены. Все уже слышали жуткие рассказы о том, как врачи с рассвета до заката ампутруют конечности, как медсестры до того перетружены, что от недосыпа и усталости нередко падают в обморок, как волонтеры меняют белье, обслуживают больных, выносят утки – занимаются любой подсобной работой, лишь бы облегчить нагрузку персонала.

И, не успев даже подумать хорошенько, что я делаю, я оставляю свой велосипед в тени каштана и решительно шагаю во двор госпиталя. После двух лет ухода за *Maman*, когда я меняла ей постель, помогала принимать ванну, отстирывала ее окровавленные платки и отмеривала нужную дозу снотворного, мне вовсе не в новинку основные обязанности по уходу за больными. Неожиданно для себя я нахожу способ заполнить свои дни и снова стать кому-то полезной.

Во дворе никто не обращает на меня внимания. Там царит кутерьма, люди снуют во всех направлениях, кто-то выкрикивает приказы, а водители-американцы тем временем спешат выгрузить раненых. Бинтовая повязка на глазах. Раздробленная челюсть.

Неестественно вывернутая нога. Из наспех перевязанной на груди раны торчит осколок размером с ладонь. Парнишка, едва ли старше меня, лежит с окровавленной культяпкой на том месте, где должна быть его правая рука.

Когда я все это вижу, на меня накатывает приступ тошноты, от головокружения двор начинает крениться, и я едва сдерживаюсь, чтобы меня не стошнило. Прикрываю рот, надеюсь, что эта слабость скоро пройдет, и уже высматриваю самый короткий путь обратно, к своему велосипеду. Но у меня такое чувство, будто я не могу заставить ноги двигаться. Я просто стою, точно парализованная, в липком поту. Словно застыв между неодолимым желанием оттуда сбежать и потребностью оказывать любую помощь, на какую я только способна.

Наконец, за меня кто-то делает выбор. Один из водителей – видимо, главный среди них, – вдруг замечает меня, неподвижно стоящую среди всеобщей суеты.

– Передай Элис, что всего привезли семь. Трое тяжелых.

«Элис?»

Я непонимающе смотрю на него, потом оборачиваюсь. Никого там не увидев, вновь в недоумении поворачиваюсь к водителю.

– *Parlez-vous anglais?*^[32] – резко спрашивает он почти на идеальном французском.

– *Oui*. То есть да. Говорю.

Прищурившись, он окидывает меня взглядом с головы до пят. Хотя разглядывать особо нечего. С тех пор как мой салон закрылся, я не слишком-то утруждала себя заботой о своей внешности, а сегодня – и того меньше. На мне старые бриджи, удобные для езды на велосипеде, и простая белая блузка с накинутым сверху маминым кардиганом.

– Вы что, тут волонтером? – спрашивает мужчина уже по-английски.

Я смущенно озираюсь, а потом выпаливаю первое, что мне приходит в голову:

– *Oui*.

– Тогда пошевеливайтесь. Семь и три.

Он отворачивается, прежде чем я успеваю у него что-либо спросить, и снова начинает отдавать приказы. Старательно отводя

глаза, я обхожу стороной носилки с ранеными и направляюсь к входу в госпиталь. Постепенно до меня доходит, что здесь нигде нет часовых и вообще нет никаких признаков присутствия немцев, что кажется мне довольно странным. В нынешние времена и квартала не пройти, чтобы не нарваться на фашиста.

Внутри госпиталя, мрачного, пропахшего антисептиками, хаос уже более контролируемый. Сразу вспоминается улей, где каждый обитатель знает свою задачу и выполняет ее с угрюмой целеустремленностью. Медсестры с потускневшими от изнеможения глазами торопятся туда-сюда в своих белоснежных халатах и удобных, практичных туфлях. Многочисленные волонтеры носятся по приемному покою кто с тележками, кто с тазиками или кипами белья. По углам и вдоль стен собираются солдаты в креслах-каталках, в который раз, наверное, вспоминая славные баталии или просто куря сигарету, устремив взгляд в пространство.

Оказавшись в центре такой бурной активности, я чувствую себя огорошенной и вместе с тем, как ни странно, приятно взволнованной. С приходом нацистов Париж словно попал под действие какого-то заклинания: город как будто погрузился в долгую спячку, рассчитывая проспять до тех пор, пока не закончится весь этот кошмар. Однако врачи и медсестры, и даже волонтеры, не могут позволить себе впадать в сон. У них важная миссия – и мне внезапно очень хочется влиться в их ряды.

Я ловлю на себе взгляд медсестры с копной медно-рыжих волос под накрахмаленным чепцом.

– Меня просили передать сообщение Элис, – неуверенно говорю я ей.

– Вон она, – отвечает медсестра, указывая куда-то большим пальцем. – Та, что с планшетом. Если побежите, то успеете ее поймать.

Я догоняю Элис, когда та уже готова скрыться за двустворчатой дверью.

– *Excusez-moi!*^[33]

Она резко оборачивается, и я встречаю взгляд широко раскрытых серых глаз под бровями стального оттенка. На мгновение на ее лице вспыхивает искреннее веселье.

– Вы тут, должно быть, новый человек. Здесь никто не говорит: «Извините». Что вам нужно?

– Там мужчина снаружи – тот, который главный по «Скорым», – послал меня к вам передать: «Всего семь, трое тяжелых».

Стальные брови мигом взметаются ко лбу, от веселья не остается и следа.

– Точно. – Она быстро удаляется, раздавая на ходу команды таким голосом, что он еще долго слышен после того, как за ней закрывается дверь.

Считанные мгновения спустя в приемном покое, сопровождаемые шарканьем ног и приглушенными переговорами, появляются первые носилки. Я с беспокойством наблюдаю, как они вскоре исчезают за другими дверями с табличкой: «Сортировка раненых», и невольно задаюсь вопросом: многие ли из них – если вообще хоть кто-то – вернутся к своим семьям?

Как только всех раненых переправили, суматоха затихает, и я неожиданно чувствую себя совершенно ненужной. Не успеваю я кого-нибудь спросить, с кем здесь можно поговорить о волонтерстве, как меня замечает женщина, в которой я узнаю мать одной из невест *Maman*, и тут же направляется ко мне. На сей раз она без косметики, а ее обычно безупречная укладка ныне ограничивается лишь парой второпях заколотых шпилек.

– Вы ведь дочь мадам Руссель, Солин? – говорит она.

Я в ответ киваю, и выражение ее лица заметно теплеет.

– Я слышала про вашу матушку. *Je suis désolée*^[34].

– *Merci*, мадам Лаваль.

– Не за что. Давай будем проще: теперь я для тебя просто Аделин. Ты, видимо, пришла помочь этим ребятам?

– Да. Но я не знаю, к кому тут обратиться.

Ласково похлопав меня по руке, она подмигивает:

– Пошли со мной.

Я ожидаю, что Аделин проводит меня в какой-то кабинет, где я смогу поговорить с кем-то из руководства и заполню необходимые документы. Но вместо этого она ведет меня в угол, заставленный картонными коробками, и, подняв из стопки три коробки, передает их мне:

– Отнеси их на склад – вот туда, потом направо, – и возвращайся за следующими.

– Так вы тут... начальник?

– Начальник? – Она со смехом откидывает назад свою уже седеющую голову. – *Bonté divine!*^[35] Нет, здесь главный доктор Джек. Смотри не ошибись. Я просто делаю, что могу, вношу свою лепту – как и все здесь. Ну а теперь давай иди. И помни, куда тебе надо. Не годится в первый же день вваливаться в операционную.

Я иду в указанном направлении и оказываюсь в узком коридоре, освещенном голыми лампочками, которые покрашены в голубой цвет в соответствии с требованиями затемнения. Пока я ищу табличку с надписью «Склад», все явственнее ощущаются запахи спирта и йода.

Дверей в коридоре много, и большинство без всяких знаков и табличек, и я уже представляю, как зайду не туда или, хуже того, что меня станут распекать за то, что брожу в неподобающем месте. Но, похоже, здесь никто не обращает на меня внимания. Все слишком заняты своими делами, чтобы заметить растерянное лицо новичка в массе народу.

– Заблудились?

Резко обернувшись от неожиданности, я едва не роняю коробки из рук. Оказывается, это тот самый водитель «Скорой», который так резко говорил со мною во дворе. Здесь он кажется еще выше, чем на улице. Он выглядит плечистым и поджарым в своей форме цвета хаки. А еще он светловолосый и загорелый, каким может быть только настоящий американец.

– Боюсь, что да, – признаюсь я, смущенная тем, что уже второй раз меня застигает в таком сконфуженном состоянии этот уверенный в себе человек, который, похоже, привык всегда командовать. – Я здесь всего первый день, и...

Моя речь обрывается на полуслове. На плече у него я вижу пятно крови, потемневшее, но еще не высохшее, а другое – сбоку на шее, как раз под ухом. И все, о чем я способна теперь думать: это кровь того паренька, потерявшего полруки, или мужчины с торчащим из груди осколком.

Внезапно рот у меня заполняется слюной, и все вокруг куда-то плывет. Крашенные голубые лампочки над головой как будто тускнеют. И все равно я не могу оторвать взгляд от пятна крови, словно оно символизирует всех погибших юношей Франции. Все страдания, все потери, весь ужас этой войны.

Американец, похоже, улавливает мое бедственное состояние и торопливо забирает у меня коробки:

– Тебе плохо?

Его слова очень долго доходят до моего слуха, как будто он говорит откуда-то из-под воды, но все же фиксируются в сознании. «Плохо? Мне? Что, правда?»

Я отворачиваю голову и поглубже вдыхаю, стыдясь своей слабости перед этим стальным человеком.

– Я... не знаю... – хрипло выдавливаю я. – Кажется...

Не дав мне договорить, он хватается меня под локоть и поскорее ведет по коридору. Останавливаемся перед узкой дверью с табличкой «Туалет». Он быстро распахивает ее и заталкивает меня внутрь:

– Давай-ка сюда! Только не пытайся сдержаться. Это только затянет дело.

Мгновение я оторопело смотрю на него, но потом резко склоняюсь над унитазом и избавляюсь от остатков завтрака. Рвотные спазмы довольно быстро проходят, однако ноги продолжают совершенно жалким образом дрожать, а лицо покрывается противным липким потом. К моему ужасу, я начинаю еще и плакать.

Я слышу, как американец открывает кран, и через мгновение чувствую, как он сует мне в ладонь что-то холодное и влажное. Смоченный носовой платок. Я вытираю рот, затем промакиваю глаза. Он забирает платок, прополаскивает его, после чего аккуратно складывает и снова отдает мне:

– Подержи сзади на шее. Полегчает.

– Я прошу прощения!

– За что?

Я мотаю головой, смаргивая новые слезы:

– Я вообще крепкая, но я увидела на твоей форме кровь, и это напомнило мне того парня, которого сегодня привезли, – того, который полруки лишился, – и в голове сразу понеслись мысли: «А сколько сейчас таких, как он? И сколько еще тех, кто счел бы для себя удачей отделаться одной рукой?»

– Ты тут явно новичок, – тихо произнес он.

Я киваю, вновь утирая глаза:

– Я вообще даже не знаю, как здесь оказалась. Я утром выехала из дома на велосипеде, чтобы выменять немного яиц.

Удивительно, но он отвечает раскатистым смехом. Этого я совсем не ожидала. Впрочем, думаю, мое объяснение он тоже не предполагал услышать, и неожиданно я ловлю себя на том, что тоже смеюсь.

– Ничего, привыкнешь, – говорит он, когда нам обоим удастся наконец отсмеяться. – Ну ладно, не привыкнешь – просто сумеешь лучше с этим справляться. А пока что запомни: здесь у каждого был когда-то первый день.

Я отвожу взгляд:

– Но уж явно не такой.

Тогда он с лукавой улыбкой склоняется ко мне поближе:

– Можно скажу тебе секрет?

– Какой?

– Я занимаюсь этим уже почти что год, и все равно как минимум раз в неделю мне становится не по себе.

Уж не знаю, верить этому или нет, но я благодарна ему за доброту и поддержку и уже готова сказать об этом – но тут кто-то привлекает его внимание многозначительным покашливанием.

– Пошли уже, Ромео, – зовет из коридора грубоватый мужской голос. – Пора выезжать.

Ромео!

Я чувствую, как краснею до ушей. Хозяин этого бесплотного голоса – кем бы он ни был – решил, что прерывает романтическое свидание. Что, собственно, и подумает любой, застав молоденькую француженку и красавчика-американца укрывшимися в туалете.

«Ромео» глубоко вздыхает.

– Да, иду! – И первый раз я замечаю, насколько он устало выглядит. – Скажи там Патрику, что сейчас буду. – Он немного выжидает, убеждаясь, что нас оставили одних, потом робко улыбается: – Извини. Долг зовет.

– Да, конечно.

Я протягиваю ему мокрый носовой платок, снова испытывая неловкость. Взглянув на него, американец улыбается:

– Пусть останется у тебя. Я еще вернусь.

Проводив его взглядом, я поворачиваюсь к крану и хорошенько выполаскиваю платок. Сделан он из тонкого хлопка и явно недешевый, с тонкой атласной полоской по краю. Внезапно в одном из уголков его я вижу красное пятнышко, и руки у меня замирают. На мгновение мне

кажется, что там кровь, однако, присмотревшись, понимаю, что это монограмма. Мне это кажется очень странным – все равно как обнаружить вдруг на поле боя серебряный чайный сервиз. Что это за солдат такой, что у него в кармане мужской платок с монограммой? Я подношу его поближе к свету, вглядываясь в красивые, витиеватые буквы: «Э. В. П.».

И потом весь остаток дня я все высматриваю его лицо в больничных коридорах, гадая, что же означают эти буквы.

Глава 15

Солин

Прежде чем приступать к изготовлению платья, необходимо убедиться, что влюбленные действительно созданы для счастья друг с другом. Это вовсе не вопрос взаимного влечения. Дело тут, скорее, в их внутренних резервах. Потенциальная способность быть счастливым должна присутствовать у обеих сторон. Если этого нет – никакое заклинание, как бы искусно его ни сработали, не может гарантировать удачный финал.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

10 марта 1943 года.

Париж

Прошла неделя, а мой американский Ромео так и не появился. Платок я ношу с собой на работу каждый день, все надеюсь на возможность вернуть его хозяину. Не потому, что беспокоюсь, что он ему очень нужен (у человека, который в районе военных действий имеет при себе платок с монограммой, должно быть множество таких же, а потому что хочу, чтобы он знал: я все так же тружусь здесь, что я не струсила и не ушла.

На самом деле, я даже понемногу привыкаю к этому месту: к царящим здесь запахам, к тому, что мне приходится постоянно видеть, к долгим сменам и к лицам, измученным войной. Я мокрой губкой обтираю раненых и наливаю в кувшины воду, разношу еду и убираю судна. Я даже помогаю солдатам писать письма к их возлюбленным.

Сложнее всего было научиться здесь ориентироваться – понять, куда можно ходить, а куда нельзя, в каких палатах какие пострадавшие и как быстрее всего добраться до столовой, когда выпадает небольшой перерыв. Там-то я как раз наконец его и встречаю – своего Ромео.

Я только что закончила писать письмо для канадского летчика, у которого сломаны обе руки. Поднимаю взгляд от чашки с кофе – и в дверях столовой вижу его. Судя по выражению его лица, можно не сомневаться, что он уже какое-то время наблюдает за мной, и от этой мысли мои щеки заливаются краской.

Когда наши глаза встречаются, мой пульс учащается. Он улыбается мне своей широкой американской улыбкой, прислонясь к дверному косяку и сложив руки на груди. Я улыбаюсь ему в ответ, он сразу опускает руки и направляется к моему столу. На лбу у него повязка, на виске синяк.

– А ты, я вижу, еще здесь, – ухмыляется он. – Вот уж не был уверен, что тебя застану.

– Ты ранен?

Он пожимает плечами, потирая рукой подбородок:

– В одном из полевых госпиталей случилась непредвиденная авария, и я там застрял на несколько дней. Одной ночью было особенно туго, но мы справились. Ну а ты, я вижу, тут пристроилась основательно.

– У меня не было выбора. Я должна была отдать тебе платок.

Его зеленовато-голубые глаза сверкают хитрецей.

– Значит, мой план сработал. Я рад.

Внезапно на меня накатывает робость, становится трудно дышать, немного кружится голова, и я вдруг ловлю себя на мысли: а не так ли чувствовала себя *Maman*, когда впервые встретила с Эрихом Фриде?

– Слушай, а эта монограмма на платке, – смущенно спрашиваю я, – «Э. В. П.»? Кого она обозначает?

– Энсон. Я – Энсон Вильям Перселл. Ну а как тебя зовут?

– Солин Руссель.

– Приятно познакомиться, Солин Руссель. – Он протягивает мне ладонь. Я принимаю рукопожатие, на миг даже сраженная теплом его пальцев. – Ну, так как у тебя дела? Полегче стало, когда немного освоилась?

– Да, чуточку полегче. Меня опекает одна из волонтерок. Эта женщина была знакома с моей матерью, пока та была жива, и встретила меня очень сердечно.

Улыбка его миготом исчезает, выражение лица становится мягче.

– Очень сочувствую тебе. Когда она умерла?

– Около трех месяцев назад, наверное. Я как-то потеряла счет дням. У нас был небольшой свадебный салон на Рю Лежанр, но мама слегла с болезнью, и *boche* пришли в город. Так что салон закрылся. Я подумала: раз я за ней долго ухаживала, то вполне смогу работать в больнице. Но тогда, в первый день, увидев этих несчастных ребят... К этому я оказалась не готова.

– Естественно, не готова. И все же ты здесь осталась. Это мужественное решение.

Я всматриваюсь в красно-зеленую нашивку Американской полевой службы – *AFS*^[36]. Я уже слышана об американских водителях «Скорой помощи», о том, что многие из них прибыли служить в Европу еще даже до того, как Соединенные Штаты официально вступили в войну, причем приехали сюда на собственные деньги, что снискало им прозвище «добровольцы-джентльмены».

– У нас о ваших водителях столько всего рассказывают. Говорят, вы тут служите добровольцами, и будто бы даже приехали сюда за свой счет. Это правда?

В ответ он слегка кривится:

– Ну, это не такое уж великое дело, как может показаться. Многие из нас – вполне обеспеченные ребята из Принстона или Йеля, которые просто ищут приключений.

– А ты из какого университета?

– Из Йеля. Как когда-то и мой старик, и его отец в свое время. Точнее, был.

– То есть ты ради этого бросил университет? Почему?

Он пожимает плечами, и в этом движении ощущается что-то уклончивое – как будто ему не хотелось бы об этом говорить.

– Хотелось внести свой вклад. А еще мне нравится лозунг *AFS*. Что-то вроде: «Милосердие и свобода никогда не исчезнут с лица земли»^[37]. – Энсон вновь пожимает плечами. – И вот, собственно, я здесь.

– Твоя семья, должно быть, тобою гордится.

– Матери не стало почти три года назад, так что у меня теперь только сестра и отец. И «гордится» – немножко не то слово. Перселлы всегда были моряками, и от меня ожидали, что я продолжу традицию. Отец уже готов был напрямь нужные связи, чтобы по окончании колледжа определить меня в офицерскую школу. Но я туда идти

не захотел. Как и втягиваться в семейный бизнес. И говорить не стоит, как он кипел злостью, когда я ему сообщил, что бросил учебу и записался в полевую службу.

Я присматриваюсь к ссадинам на его лице. Все мы уже наслышаны о добровольцах-водителях из *AFS*, убитых при исполнении служебного долга или захваченных немцами и подвергшихся жутким допросам в гестапо за то, что оказывали заключенным помощь в побеге.

– Может, он просто тревожится за твою жизнь и считает, что для тебя было бы безопаснее стать флотским офицером.

Краешки его губ изгибаются, изображая нечто вроде гримасы.

– Нет, я просто испортил его планы.

– А ты вообще... стараешься себя беречь?

Он склоняет голову набок, в свою очередь, внимательно глядя на меня:

– А для тебя важно, чтобы я себя берег?

Мои щеки горят огнем. Он мне никто и вряд ли кем-то будет, но я все равно говорю себе, что это вполне резонный вопрос.

– Я думаю, это должно быть важно для твоих родных.

Улыбка его сразу гаснет, и лицо становится каким-то жестким и непроницаемым.

– Сейчас не время думать о безопасности. Ты просто идешь и выполняешь то, что необходимо. И, если повезет, то возвращаешься целым и невредимым, чтобы на следующий день делать то же самое.

– Но как тебе это удастся? Тебе что, совсем не страшно?

– Страшно. Каждый божий день.

– Но ты все равно это делаешь.

– Так же, как и ты.

Я упрямо мотаю головой, не желая соглашаться, что его работа и моя хоть мало-мальски схожи.

– Ты спасаешь жизни. А я лишь перестилаю постели да пишу письма.

– Даже ни на миг не сомневайся, что написание письма матери или возлюбленной тоже спасает солдату жизнь. Для него это – спасательный круг, главный смысл жить дальше. – Он делает паузу, проводя рукой сквозь копну густых светлых волос. И лицо его становится не на шутку серьезным. – Все мы делаем то, что в наших

силах, Солин, и всем нам здесь до жути страшно. Но мы все равно приходим сюда каждый день, потому что это важно и необходимо. И любое дело – как и каждый из нас – имеет чрезвычайную важность.

Я пытаюсь придумать, что бы ему ответить, но слышу, как меня окликают по имени. Повернувшись, вижу в дверях столовой Аделин, которая многозначительно указывает мне на свои наручные часы. Я быстро киваю ей и встаю из-за стола:

– Мне надо идти.

Энсон тоже поспешно поднимается и хватает меня за руку:

– Мне тебя будет не доставать, Солин Рус-сель.

От его негромкого, проникновенного голоса у меня ускоряется пульс.

– Не смей меня. Невозможно чувствовать нехватку того, кого ты совсем не знаешь.

Он взглядывает на меня с плутоватой улыбкой:

– Ты – Солин Руссель из Парижа. Ты очень добрая и красивая, и когда-то у вас с матерью было свое свадебное ателье. А теперь ты с утра до вечера ухаживаешь за ранеными солдатами. А я – Энсон Перселл, недоучка из Йеля. Моя семья живет в Ньюпорте, Род-Айленд. Моего отца зовут Оуэн, и он строит гоночные яхты. Мою мать звали Лидия. Сестру зовут Синтия – или, если коротко, Тия, – и она мечтает стать, когда вырастет, художником в стиле французского импрессионизма. Вот. Теперь мы знаем друг о друге достаточно, чтобы я мог, как полагается, по тебе скучать.

Что-то жаркое и доселе незнакомое словно спиралью закручивается у меня внутри. В моем прежнем мире всегда были только женщины – невесты, их матери и, разумеется, *Maman*. Никто и никогда со мною не заигрывал, и я сразу, как только услышала его слова, поняла, что он флиртует. Да и вряд ли можно его укорять: проще болтать об этом, нежели о смерти и войне. Впрочем, я уже наслышана об американцах – об их широких обезоруживающих улыбках и простоте общения.

Я смущенно делаю шаг назад, вытягивая руку из его ладони.

– Мне надо идти. Больные ждут обеда. – Я разворачиваюсь и иду к дверям, но напоследок оглядываюсь на него: – Постарайся все-таки себя беречь.

Торопясь, я чувствую себя так, будто отделилась от тела. Мои ноги будто не касаются пола. Ждущая меня в коридоре Аделин вскидывает дугою бровь и улыбается, как хитрая кошка.

– И что это такое было?

– Ничего, – буркаю в ответ. Это, конечно, ложь. Потому что даже в то мгновение внезапного жара и смущения я сознавала, что происходящее – полная противоположность «ничего». – Еще в первый мой день в госпитале он одолжил мне носовой платок. Теперь я просто отдала его и поблагодарила.

– За чашкой кофе?

Я пытаюсь найти какое-то объяснение, но тут же сдаюсь. Что бы я сейчас ей ни сказала, ничто не сотрет с ее лица эту многозначительную ухмылку.

– Ничего такого не было, Аделин. Он просто очень доброжелательно ко мне отнесся.

На что она понимающе хихикает:

– Они всегда такие – очень доброжелательные. Только будь осторожна, *chérie*. Это вовсе не кино. И каким бы красивым ни был герой, он далеко не всегда безопасен.

– А он, по-твоему, герой? – говорю я, и в моем голосе непроизвольно проступает разыгравшаяся во мне мечтательность.

– Ну, даже если и нет – выглядит он совершенно как герой. Да и в *AFS*, по-видимому, считают так же. Они крайне придирчиво отбирают кандидатов. Впрочем, я полагаю, это и правильно. Чтобы делать то, что они делают, нужно иметь особый характер. Вот потому-то и побереги свое сердечко, детка. В военную пору сердечные привязанности опасны.

Я послушно киваю, но глубоко в душе понимаю, что предостерегать меня уже поздно. Привязанность уже образовалась – по крайней мере, во мне.

Когда мы подходим к отделению травматологии, нас уже поджидает тележка, заставленная металлическими подносами из столовой. Аделин хлопает покрасневшими от работы руками:

– А вот и обед подвезли. Очень хорошо! Сейчас накормим наших подопечных мужчин, а потом и сами с тобой сходим перекусим. И ты мне расскажешь поподробнее про тот платок.

Не знаю, что бы я здесь делала без Аделин. Она помогла мне стать увереннее, знакомя меня с другими волонтерами и по мере сил сглаживая мои конфузы и оплошности.

Один день мне запомнился особенно ярко. У нас было большое поступление раненых, и все торопились скорее застелить новые койки. Я поспешно вышла из прачечной с огромной кипой свежего белья и, свернув за угол, на всем ходу налетела на главного врача больницы – более известного как «доктор Джек», – облив его горячим кофе.

Вспыльчивый нрав Самнера Джексона часто становился темой обсуждения среди медсестер и санитарок госпиталя. Но когда я посмотрела на него в тот день – увидев залитый черным кофе белый халат и стремительно сгущающиеся на лице тучи, – я поняла, что слухи явно приуменьшены. Он был высок и крепко сбит, с широченными плечами, с густыми мохнатыми бровями, низко нависающими поверх глаз, и с характерным носом, скорее напоминающим профессионального боксера, нежели хирурга.

Я поскорее выпалила извинение на французском, потом на английском, затем снова на французском, все это время отчаянно пытаюсь не вывалить на пол кипу простыней. Как обычно, мне на выручку подоспела Аделин, объясняя главврачу, что я тут новенькая и еще немного неповоротлива. Он вперился в меня своими темными, непроницаемыми глазами, и у меня замерло дыхание.

Наконец вместо гневной насупленности на его губах появилась едва заметная улыбка.

– Мадемуазель, как врач я глубоко убежден, что кофе, имеющий высокую эффективность при приеме внутрь, при наружном применении приносит крайне мало пользы. В будущем постарайтесь быть чуть помедленней на поворотах.

С этими словами он бочком меня обошел и двинулся дальше по коридору, а я осталась стоять с подкашивающимися коленями и забрызганными кофе простынями.

За прошедшие с тех пор недели я многое узнала о Самнере Джексоне, о его личном участии в спасении раненых и о тех невероятных усилиях, что он предпринял, чтобы ни один немецкий солдат уж точно никогда не занял койку в нашем госпитале. Больные,

за которыми мы ухаживаем, – это французы, канадцы, англичане или американцы. Мы в большинстве своем не делаем различий между их национальностью. Главное, что нам известно – это что все отделения постоянно заполняются, как заполняются и розданные судна.

Некоторые из лежащих у нас мужчин – если точнее, юношей, которые немногим старше меня, – попадают сюда из лагерей для военнопленных, и как только они достаточно оправятся, их отсылают обратно. Других, наиболее тяжело раненных, отправляют домой – они слишком покалечены, чтобы оставаться в рабочем строю. А некоторые умирают. Причем порой умирают после, казалось бы, почти полного излечения. Для меня всякий раз большое потрясение – приехать утром и обнаружить опустевшую постель. Или уже занятую совершенно другим, незнакомым мне человеком. И медицинские заключения при этом одни и те же: «Внезапное ухудшение состояния», «Сепсис», «Инфаркт», «Кровоизлияние», «Врачи сделали все, что могли». Это всегда настолько неожиданно, настолько жутко и трагически непредсказуемо.

В первое время я пыталась кого-то об этом расспрашивать, но ни один человек из персонала, похоже, не желал говорить об этих опустевших койках. Дескать, врачи и медсестры занимаются теми, кто остался жив. И, как я быстро усвоила, мне тоже следует придерживаться этой линии, если я хочу работать в госпитале. Я должна делать то, что мне говорят, без лишних вопросов и комментариев, и не совать свой нос во все, что за пределами моей компетенции.

И вот я выполняю то, что мне поручают. Держусь тише воды ниже травы, стараясь приносить пользу. Забочусь о питании раненых, слежу за порядком на складе, бегаю туда-сюда, принося и передавая все, что требуется принести или передать. И все же любимым моим занятием остается написание писем за тех солдат, которые сами не могут это сделать. Возможно, причина кроется в тех словах, которые Энсон сказал мне тогда в столовой: что эти послания родным и любимым тоже спасают солдатам жизнь.

Слова, что мне приходится записывать, зачастую полны печали, но все же в них всегда ощущаются мужественность и отвага. Иногда, когда пишу, я еле сдерживаюсь, чтобы не расплакаться, поскольку

сознаю, что где-то есть мать, или жена, или невеста, которая вскоре прочитает эти слова и зальется слезами благодарности и вместе с тем – глубокого страдания. Изувеченный – но живой. Слепой – но получивший пощаду. Живой – но безвозвратно изменившийся.

Причем нет никакой возможности узнать, когда эти письма дойдут до адресата – и вообще, случится ли такое. Личная корреспонденция долгими днями, а то и неделями лежит нетронутыми стопками, ожидая, когда ее перешерстят цензоры. Наконец, после их тщательной «чистки», почту грузят на корабль или самолет – и, если повезет, письма доберутся до места назначения через четыре-шесть недель. Если доберутся вообще.

И тем не менее солдаты их пишут – а некоторые и каждый день, – всячески приукрашивая грязную, жестокую, кровавую молотилку войны ложными оптимистичными заверениями, слабривая разными мелкими новостями и сплетнями. Их письма – это надежда, которую они шлют домой, тоненькая ниточка, связывающая солдат с теми, кто ждет их на дальних берегах. Матерям, женам, возлюбленным – всем, кто томится в страшном аду неизвестности. Долгие недели без единой весточки. Вознося молитвы, так и остающиеся без ответа. Все время ожидая писем, что так и не доходят до адресата.

Исправно доходят разве что телеграммы-похоронки.

Глава 16

Рори

23 июня 1985 года.

Бостон

Рори поморщилась, собирая свои кудри в тугой хвост. После многих бессонных ночей выглядела она как во время экзаменационной сессии: бледная, осунувшаяся, с ввалившимися глазами.

Прошло три дня после ее встречи с Солин, и она все не могла избавиться от ощущения, что их случайное знакомство задумано свыше как своего рода тревожный звоночек, как напоминание о том, что реальная жизнь редко разворачивается так, как это описано в романах, что герои не бывают непобедимыми и влюбленные редко когда счастливо едут в финале вдвоем навстречу рдеющему закату. Что разбитые сердца так и остаются разбитыми.

Она взглянула на часы, вновь посмотрела на свое лицо в зеркале. Жаль, что она не встала пораньше, чтобы хотя бы подсушить волосы феном. Или – еще лучше – позвонить матери и сказать, что у нее что-либо стряслось и она не сможет приехать на бранч. Но теперь отказываться было уже поздно. «Вдова» уже точно остывала во льду, а сама Рори безнадежно опаздывала. Опять.

Когда Рори, опустившись на четвереньки, принялась шарить под кроватью в поисках левой туфли, в квартиру неожиданно позвонили. Она направилась к двери, ожидая увидеть за ней какую-нибудь девочку с косичками, продающую скаутское печенье, или парочку прилично одетых молодых людей, раздающих религиозные брошюры. Но увидела в холле Солин Руссель, держащую в руках белую, перевязанную бечевкой коробочку для пирожных со знакомым черно-белым логотипом «Сладких поцелуев».

– *Bonjour*, – весело сказала ей Солин. – Надеюсь, вы не завтракали?

Рори открыла было рот, но ничего не смогла сказать в ответ. Пожалуй, она не сильнее была бы огорошена, если б, открыв дверь, обнаружила там принцессу Диану.

– Что привело вас сюда? – изумленно спросила Рори.

– Теперь ваша очередь.

– Моя очередь – чего?

– Поведать мне свою историю. Я вам свою рассказала, так что теперь ваша очередь рассказать о своей.

– У меня нет никакой истории.

– Так ли? – изогнула бровь Солин.

Рори почувствовала, как под пристальным взглядом гостьи ее щеки начинают рдеть. Что-то тревожное, будоражащее было в этих темно-шоколадных глазах, в этом странном сочетании сердечной теплоты и непреклонности, от которого Рори мучительно ощущала собственную уязвимость.

– Как вы узнали, где меня найти?

– Мсье Баллантайн был столь любезен, что дал мне ваш домашний адрес. – Солин улыбнулась, отчего в уголках ее глаз проступили тонкие морщинки. – Вот видите? Я тоже умею добиться от него того, что мне нужно.

– Но... зачем?

Взгляд Солин смягчился.

– Когда мы с вами виделись в прошлый раз, *chérie*, вы покинули мой дом в слезах. Я не знаю, отчего это случилось, и хотела бы это понять.

Рори едва подавила вздох. Сказать, что она вспоминала о том с содроганием, было бы, наверное, все равно что не сказать ничего.

– Мне ужасно жаль, что так получилось. Просто у меня сейчас вся жизнь словно перевернулась вверх дном, и в тот момент как-то вдруг разом все нахлынуло. Я очень виновата, что так внезапно сбежала от вас, не поблагодарив и даже как следует не попрощавшись. Это было невежливо с моей стороны.

– Ничего страшного не случилось. Но я приехала вовсе не для того, чтобы услышать ваши извинения. Я приехала узнать, все ли у вас в порядке. В последние дни эти мысли просто не давали мне покоя, а потом я вдруг сообразила, что зря томлюсь в неведении. Что я могу просто доехать до вас и собственными глазами убедиться, что с вами все хорошо.

Рори опустила взгляд, крайне смущенная тем, что эта женщина, слывающая нелюдимою затворницей, почувствовала вдруг потребность тащиться к ней через весь город, чтобы ее поведать.

– Вам не было нужды ехать в такую даль. Правда. Со мной все хорошо.

– Не стоит передо мною притворяться, Рори. Грустить – это нормально.

Рори медленно подняла голову. Эти слова, так не похожие на привычный благонамеренный стоицизм ее матушки, как будто что-то открыли у нее в груди – словно внезапно распахнули давным-давно запертую дверь.

– У вас есть кофе? – спросила Солин, когда молчание невыносимо затянулось.

– Кофе?

– Я привезла нам завтрак. *Pain au chocolat* и *chausson aux pommes*. Круассаны с шоколадом и с яблоком.

Рори продолжала оторопело глядеть на нее.

– Да, у меня есть кофе.

Она повела Солин на кухню, надеясь, что та не заметит на диване ворох не сложенного после стирки белья или брошенные в беспорядке перед гардеробной сноубутсы. Снега у них не было аж с марта.

Придя на кухню, Рори торопливо собрала контейнеры со вчерашнего готового ужина, кинула в мусорное ведро. Затем попыталась сложить поплотнее грязную посуду в раковине, однако быстро оставила это занятие. Гора грязной посуды в раковине, как аккуратно ее ни перекладывай, все равно останется горой грязной посуды.

– Простите за беспорядок, – произнесла она, отмерив нужное количество кофе. – Я в последнее время мало бываю на кухне. Готовить для себя одной – удовольствия мало. Так что в основном беру еду навынос, вот и скапливается потихоньку.

– Это верно, – отозвалась Солин, беря с ближайшей стойки нож, чтобы разрезать бечевку на коробке с выпечкой, – готовить на одного не весело. Однако и одному тоже надо есть, и не только из всяких там коробок. У вас есть тарелки под круассаны?

– В шкафчике слева. Там же должны быть и салфетки.

Рори молча наблюдала, как Солин избавляется от перчаток и начинает перекладывать выпечку на тарелку. У нее до сих пор не укладывалось в голове, что делает ее арендодательница у нее на кухне, однако неожиданно для себя признала, что сама этому рада.

Хотя по-прежнему не представляла, как Солин добралась до ее Саут-Энда без машины.

– Только не говорите, что вы ехали с этой коробочкой в метро, а потом шли до меня пешком от станции.

– Ну, разумеется, нет. Я взяла такси. Идите сюда и садитесь. – Подождав, пока Рори тоже сядет за стол, Солин придвинула к ней поближе тарелку с круассанами. – *Que désirez-vous?*

И Рори неожиданно для себя вновь пожалела, что в колледже мало уделяла внимания французскому.

– Прошу прощения. Я плохо говорю по-французски... Вернее, совсем не говорю.

– Я спросила: что вы предпочитаете?

– Точно. Наверное, с яблоком.

– Тогда я возьму *chocolat*. – Солин положила на свою тарелку круассан, потом встряхнула, расправляя, салфетку и положила себе на колени. – Вот так... – произнесла она, слизнув с пальцев сахарную пудру. – И что произошло?

– Что вы имеете в виду?

Солин склонила голову набок, приподняв одну бровь:

– Что, будем играть в игры?

– Я, признаться, до сих пор не могу понять, зачем вы ко мне приехали. Почему вы так обо мне волнуетесь?

– А сами вы как думаете?

– Потому что моя очередь?

– Отчасти да. Но не только поэтому. Вы напоминаете мне одного человека, которого я когда-то знала.

– Кого же?

– Меня саму. – Сделав небольшую паузу, она отпила кофе. – Жизнь как-то ударила вас, отняла у вас что-то дорогое. Не знаю, что именно и когда это случилось, но вам никак не удастся от этого оправиться. Решив открыть художественную галерею, вы хотите сделать вид, будто это заполнит ту черную пропасть, что в вашей душе разверзла жизнь. Но глубоко в сердце вы понимаете, что это не так. И вы боитесь, что уже ничто и никогда эту пустоту не заполнит.

У Рори внезапно пересохло во рту. Именно так все и было. Все до единого слова! Но откуда Солин могла это знать?

– Что, Бретт о чем-то проболтался Дэниелу? Вот как вы это узнали?

– Вовсе нет.

– Как же тогда?

С мимолетной, задумчиво-печальной улыбкой Солин опустила чашку.

– Мы с вами родственные души, Рори. Незнакомцы, имеющие схожее прошлое.

Рори сама не знала, какого именно объяснения она ждала, но явно не такого.

– Не понимаю, – произнесла она.

– Все мы носим в себе целую коллекцию историй, *chérie*. Истории наших радостей и печалей. Нашей любви и потерь. Вот кто мы такие – совокупность всех выпавших на нашу долю страданий и восторгов. Порой эти страдания оставляют след, отметину. Незаживающий шрам на душе. Мы всячески стараемся спрятать его от всего мира и даже от самих себя. Потому что боимся стать уязвимыми. Боимся стать хрупкими и не выдержать потом новый удар. Вот что нас с вами делает родственными душами – наши шрамы.

У Рори пополз по спине холодок. Будь это сказано кем-то другим, подобные речи показались бы ей смешными и нелепыми – как всякие спиритические штучки, что можно услышать от гадалки где-нибудь на ярмарке. Но ведь она, Рори, и вправду ощущала нечто подобное, разве не так? Эту сверхъестественную схожесть истории Солин с ее собственной.

– Мне просто трудно собраться с мыслями... И то, как мы с вами познакомились, и то, насколько ваша история кажется мне... знакомой, что ли... – Неожиданно у Рори перехватило горло от неудержимого приступа слез. Она поспешно отвернулась, утирая глаза. – Простите. Мы всего-то второй раз видимся – и оба раза я перед вами умудрилась расплакаться. – Она шумно всхлипнула, в досаде на себя мотая головой. – Вы, наверное, сочтете меня дурочкой.

– Что произошло у тебя, Рори? – прямо спросила Солин.

– У меня есть жених... – почти шепотом сумела наконец выдать она. – Его зовут Хакс... То есть на самом деле его имя Мэттью, но все зовут его Хаксом. Девять месяцев назад он отправился в Судан по программе «Врачи без границ». Он постоянно мне писал

оттуда – два-три раза в неделю, четко, как часы. А потом вдруг письма перестали приходить. Только спустя несколько недель – там возникла кое-какая путаница в отношении его родственников, – официально подтвердили, что Хакса и еще нескольких его коллег похитили.

Солин непроизвольно вскинула ладонь к горлу:

– *Mon pauvre enfant*^[38]. Так он...

Рори уткнулась взглядом в скомканную в руке салфетку.

– Я не знаю, что с ним. Никто не знает. Никаких требований выкупа не поступало, и вот уже несколько месяцев о нем нет вестей. – Тут голос у нее начал срываться, и Рори, сделав паузу, прокашлялась. – В его организации и понятия не имеют, где он и в чьих руках. И жив ли он вообще.

– И сколько уже это продолжается?

– Полгода. Я каждую ночь лежу без сна, прогоняя в голове тысячу всевозможных сценариев, один кошмарнее другого. И все же я никак не могу поверить, что его уже нет. Я понимаю, это похоже на сумасшествие – но мне кажется, я бы почувствовала, если бы его убили. Я бы это как-то ощутила. По-вашему, это звучит глупо?

– По мне – нисколько.

Звучавшее в голосе Солин глубокое сострадание для Рори стало как бальзам на больные раны. Родственные души. Возможно, так оно и было на самом деле.

– Я за это время прочитала столько романов, – призналась она, – таких, где герои всегда побеждают и неизменно торжествует любовь. На меня нашла какая-то одержимость. Но все это так далеко от действительности... В реальной жизни все оказывается гораздо хуже.

– Вот почему тебе так хотелось узнать о моей жизни, – тихо произнесла Солин. – Ты надеялась услышать про счастливый финал. На сей раз – случившийся в реальной жизни.

– Как я уже сказала, это было глупо с моей стороны.

– Нисколько. Я знаю, что такое – ждать и жить в неведении. Когда хватаешься за все что угодно, лишь бы прожить новый день.

Рори стянула с волос резинку и, долго и протяжно вздохнув, пропустила густую копну волос через пальцы.

– Со мной такое творится... Иной раз я думаю, что лучше бы я...

– Узнала бы худшее? – тихо закончила за нее Солин.

Рори прижала ладонь ко рту, стыдясь самой этой мысли.

– Это ужасно, да? Ужасно даже так думать? Просто это состояние неизвестности – сущая пытка. Скажите, а когда вы узнали об этом, вы... – Она осеклась, спохватившись, что они ни разу об этом не говорили. – Как вообще вы получили эту весть?

Солин выпрямилась на сиденье, глаза ее внезапно затуманились.

– Пришла телеграмма, в которой говорилось, что он пропал без вести. Потом стало известно, что его санитарный фургон нашли брошенным... повсюду кровь. Кто-то сообщил, что видел, как несколько немецких солдат под дулом автоматов повели его в лес.

Рори даже почувствовала, как краска сошла с ее лица.

– Простите! Мне не надо было об этом упоминать. Просто обычно говорят об ощущении завершенности, об определенности. Что, дескать, когда уже выяснил, становится легче... и я хотела спросить...

– Нет. Легче не становится, – сказала Солин, не дав Рори закончить фразу. – Мне, по крайней мере, легче не стало. Мы вечно говорим себе, что хотим что-то знать определенно. Но когда наконец открывается правда и это оказывается совсем не то, на что мы надеялись, мы готовы отдать что угодно, лишь бы вернуться назад, к этому состоянию ожидания, когда живет хотя бы искра надежды.

– В прошлый раз вы сказали, что порой приходит время, когда надо отпустить то, что ушло. Но как же понять, когда такое время настало?

Взгляд Солин потеплел.

– Я говорила только о себе, *chérie*. Лишь о себе самой.

– Но как именно вы это узнали?

На долю секунды Солин опустила глаза, потом вновь посмотрела на Рори.

– Сначала я никак не могла в это поверить. Я была уверена, что это какая-то ошибка. И даже потом... Еще много лет спустя я то и дело брала в руки его бритвенный набор и открывала уже пустой флакончик из-под одеколона, потому что – я могла в этом поклясться! – по-прежнему ощущала аромат Энсона. Точно свежий ветер, дующий с моря. А потом, однажды ночью, я неожиданно перестала чувствовать его запах. Как будто он... как будто бы его не стало. Тогда-то я и убрала коробку подальше. Когда поняла, что мне

просто не за что больше держаться... Но у тебя совсем другое дело, Рори. У тебя есть время.

– Время на что?

– На то, чтобы хранить веру.

Рори опять кашлянула, прочищая горло, чтобы избежать нового приступа слез.

– То, что вы только сказали о том, что галерея призвана заполнить пропасть в моем сердце... Это правда. Открыть галерею было идеей Хакса. И меня это сильно тогда вдохновило. Но потом, когда мне сообщили, что он пропал без вести, меня как-то перестало все это волновать... Пока я не увидела тот дом. У меня было такое чувство, будто сама судьба посылает мне знак. Но иногда я задаюсь вопросом: а вдруг это всего лишь способ его удержать – заниматься именно тем, о чем он мечтал.

– У тебя есть его фотография?

– Есть одна, на тумбочке у кровати.

– Могу я на нее взглянуть?

– Да, конечно же. Сейчас схожу, принесу.

Спустя несколько мгновений Рори вернулась с фотографией. На снимке они с Хаксом стояли, держась за руки, сияя счастливыми улыбками, как только что помолвленные влюбленные, кем они тогда на самом деле и были.

– За день до того, как был сделан этот снимок, Хакс попросил меня выйти за него замуж. И мы поехали на мыс Кейп-Код, чтобы отпраздновать событие.

– Вы прекрасная пара, – проговорила Солин, внимательно разглядывая фото. – Достаточно увидеть эту улыбку на его лице! Ты делаешь его счастливым.

Рори невольно заулыбалась:

– Это совершенно взаимно. Пока я с ним не познакомилась, я никогда не чувствовала себя на своем месте. У всех имелись какие-то свои представления и ожидания обо мне. А Хакс... Единственное, чего он от меня хотел – это чтобы я была самой собой. – Умолкнув, она посмотрела на снимок, который Солин вернула ей в руки. Прижала кончики пальцев к стеклу. – А теперь, когда его не стало, я боюсь...

– Что снова потеряешь себя?

Рори медленно подняла голову:

– Да.

– Тогда не позволяй ему уйти навсегда.

– Не... не позволять уйти?

– В ту ночь, когда моя мать умирала, она отдала мне медальон с фотографией моего отца. Я никогда его не знала, но мама попросила меня – ради нее – хранить этого человека навеки живым. Вот здесь. – Солин прижала ладонь к сердцу. – Она сказала, что хранить кого-то в своем сердце – значит дарить этому человеку вечную жизнь. И ты, Рори, можешь сделать это для Хакса.

– Не это ли вы делали для Энсона? Хранили его вечно живым в своем сердце?

– Я пыталась.

– Был ли у вас кто-то еще? Потом, я имею в виду.

Солин печально улыбнулась:

– В женском сердце не так уж много места, *chérie*. И Энсон заполнил его целиком.

Рори понимающе кивнула. Мысль о том, чтобы кто-то занял в ее сердце место Хакса, казалась просто невообразимой.

– Иногда все, на что я способна – это лишь подолгу смотреть на его фотографию. С вами было то же самое?

– У меня не осталось фотографий.

– Ни одной?

– Мы познакомились во время войны, в госпитале, где я работала волонтером. Тогда было совсем не до фото.

Рори хотела было ей что-то ответить, но тут в гостиной зазвонил телефон. Она метнула взгляд на висящие над раковиной часы, внезапно спохватившись, что должна была быть у матери еще час назад.

– Это мама звонит, – поспешно отодвинулась она от стола и вскочила. – У нас с ней в это утро бранч.

Окинув взглядом гостиную, Рори нашла беспроводную трубку и приготовилась к неизбежному.

– Почему ты еще дома? – без всякого приветствия накинулась на нее Камилла. – Сорвала наш бранч.

– Прости, мне очень жаль. Я тут просто кое-чем занялась и потеряла счет времени.

– Что у тебя такое важное, что ты даже не могла взять в руки телефон и меня предупредить?

Рори прикусила губу. Признаться, что она напрочь забыла о бранче, потому что к ней приехала Солин с пирожными. Но ее отсутствие в этот час в материнском доме было верным способом нарушить их временное, и без того шаткое, перемирие.

– Кое-что надо было сделать для галереи.

– До ее открытия еще несколько месяцев. Что такого срочного необходимо было сделать именно сегодня?

– Я же уже попросила прощения. Я собралась выйти из дома и неожиданно отвлеклась.

– Голос у тебя какой-то не такой, – заметила вдруг Камилла. – Как будто нос заложен. Ты случайно не болеешь?

– Что, правда? – Рори никак не могла признаться матери, что только что заливалась слезами. А потому обеими руками схватилась за подсказанный предлог. – Знаешь, может, есть немножко. Горло немного саднит. Я даже подумывала сделать себе чаю, а потом снова забраться в постель.

– Хорошая идея. А суп у тебя есть?

– Хм-м... Наверное, есть.

– А чай?

– Да, чай есть точно.

– Тогда положи в чай мед. Это поможет твоему горлу.

– Хорошо, так и сделаю. Спасибо. И прости еще раз из-за бранча.

– Не бери в голову. Лучше отлежись. Я тебя попозже проведу.

Когда Рори закончила разговор, перед гостиней появилась Солин, держа в руках перчатки с сумочкой.

– Я сложила оставшиеся круассаны обратно в коробку, а чашки с тарелками отправила в раковину.

– Вы уходите?

– У тебя были на сегодня планы. Ты должна была мне об этом сказать.

– Да нет, какие планы! Всего лишь завтрак с моей матушкой. У нас бранч каждое воскресенье.

– И ты позволила мне его сорвать.

– Это не совсем так. На самом деле, я терпеть их не могу. Мы с матерью... Ну, скажем, у нас в последнее время несколько

натянутые отношения. Она не лучшего мнения насчет моей затеи открыть галерею. И о моем творчестве, и вообще обо всем, что мне небезразлично.

– Ты мне не говорила, что ты художник! – вскинула брови Солин.

– О нет, я вовсе не художник. Просто иногда немного развлекалась. А когда Хакс пропал, вообще все забросила. Я уже несколько месяцев и ногой в ту комнату не ступала.

– У тебя что, прямо здесь студия?

– Студия? Да нет, не студия – просто свободная комната, где я храню все материалы и разные принадлежности.

– А можно мне взглянуть на эту твою нестудию?

Рори на мгновение заколебалась. Ей стало неловко при мысли показать свою работу такому совершенному мастеру, как Солин. Но как откажешь человеку, который через весь город приехал на такси, чтобы просто ее проведать!

– Думаю, да. Разумеется. Если вам интересно.

Дойдя до конца коридора, Рори распахнула дверь и с приглашающим жестом повернулась к Солин:

– Как я уже сказала, я давно туда не заходила, так что там некоторый беспорядок.

Солин прошла мимо нее вглубь комнаты, обходя ящички и корзинки с инструментами, нитками и кусочками тканей. Она хотела было что-то сказать, но тут взгляд ее остановился на висевшем над рабочим столом морским пейзажем.

– Ой, Рори... – Солин медленно замотала головой с нескрываемым изумлением на лице: – Это ты такое сделала?

Рори застенчиво кивнула.

– Это просто бесподобно! Настоящая картина – только тканями! А еще работы у тебя есть?

– Четыре в кладовке и еще две – на станках, позади вас.

У Солин округлились глаза.

– В кладовке? *Mon dieu...* – Она подошла к незаконченной работе на ближайшем станке с пяльцами, где изображалась маленькая шхуна, опасно накренившаяся в темном штормовом море. – У тебя так тонко сделаны стежки – почти невидимы. Ты ведь вручную шила?

– Да.

– Кто же научил тебя так шить?

– Никто. Сама научилась.

– Поразительно! И они, надеюсь, тоже появятся в твоей галерее, когда будут закончены?

– Да нет. Это же всего лишь хобби. Пустяк.

Солин отчего-то нахмурилась:

– Неужели ты не хочешь, чтобы люди увидели твои работы и твое имя стало известным?

От этого вопроса Рори стало как-то не по себе. И, вместо того чтобы ответить, она задала встречный вопрос:

– А вы об этом мечтали? Чтобы все узнали ваше имя?

Отступив в сторону, Солин стала разглядывать разбросанные по столу образцы тканей.

– Мечтала когда-то, – ответила она наконец. – Когда была юной девочкой. Обычно я грезила о том, что у меня будет собственная марка одежды. Я собиралась вскружить головы всему Парижу! Но потом разразилась война, и Энсон...

– Но вы же все-таки это сделали! И это доказывает целая стена в вашем кабинете, увешанная журнальными статьями и газетными вырезками. Вы наделены особым даром, и вы использовали его для того, чтобы сделать людей счастливыми. Вы всегда сможете этим гордиться.

– Так и у тебя это есть, Рори! Не вздумай говорить, что это пустяк и ничто. Как раз наоборот! Приносить в мир новую красоту – вовсе не ерунда и не пустая трата времени. Это призвание!

Это слово долгим эхом отдавалось в сознании Рори, когда, закрыв дверь своей мастерской, она повела Солин обратно в гостиную. Там, взглянув на свои наручные часы, гостья забрала с кофейного столика перчатки и сумочку.

– Спасибо, что показала мне свою работу. И, пожалуйста, обдумай хорошенько то, что я сказала. У тебя подлинный дар, Рори. А дар дается человеку для того, чтобы он им делился.

– Но вам вовсе нет необходимости уходить. Давайте, я заварю свежую порцию кофе, и мы сможем с вами еще поговорить.

Солин снисходительно улыбнулась:

– Не говори глупостей. Не думаю, что тебе хочется весь оставшийся день слушать болтовню какой-то старухи. К тому же я попросила водителя через некоторое время вернуться и отвезти меня

обратно. Он, вероятно, уже ждет. Я лишь хотела убедиться, что с тобой все в порядке – и я это узнала. – Улыбнувшись шире, она легонько провела скрюченным пальцем под подбородком Рори: – *Une gentille fille*. Такая милая девочка. Помни, что я тебе сказала – насчет того, чтобы хранить Мэттью в своем сердце. Пока чего-то не знаешь наверняка, всегда остается надежда. К тому же надежда нам ничего не стоит.

Глава 17

Рори

Рори обвела глазами квартиру, удовлетворенная делом своих рук. После ухода Солин она решила включить музыку, засучить рукава и привести наконец свое жилище в порядок. Она достаточно хорошо потрудилась, даже перетаскала к себе в машину коробки с книгами для бесплатной раздачи. Неплохо для человека, который будто бы слег с простудой!

Вернувшись на кухню, Рори обследовала содержимое буфета. Есть макароны – но нет соуса. Есть овсяные хлопья – но нет молока. Есть арахисовое масло – но нет белого хлеба. А значит, придется заказывать готовую еду. Опять. Солин была права. Пора уже ей перестать питаться из картонных коробок. На завтра она составит список покупок и совершит налет на супермаркет, а сейчас придется обойтись едой от «*Gerardo*». Она позвонила в ресторан, оставив заказ на баклажаны с пармезаном и антипасто, после чего решила, что до того, как привезут обед, у нее есть время собрать в стирку белое белье и принять душ.

Пятнадцать минут спустя, к немалому удивлению Рори, раздался звонок в дверь. Судя по всему, решила она, клиентов у «*Gerardo*» нынче не густо. Вытянув из сумочки двадцатку, Рори выключила стерео, сразу оборвав первобытный стук из композиции «Дикие парни»^[39] «*Duran Duran*».

– Быстро привезли, – произнесла она, потянув на себя входную дверь. – По воскресеньям, похоже...

И тут слова застряли у нее в горле. Вместо курьера от «*Gerardo*» с порога на нее устремила взгляд Камилла со свисающим на запястье аптечным пакетом «*CVS*» и большим оранжевым контейнером, зажатым в сгибе руки. Прищурившись, она быстро оглядела Рори, задержавшись глазами на двадцатидолларовой купюре в ее руке.

– У тебя что, вечеринка?

Рори со вздохом сунула двадцатку в карман.

– Нет, никакая у меня не вечеринка. Просто я решила немного прибраться и включила музыку.

– Я сварила тебе суп со звездочками, который ты всегда ела, когда болела в детстве. Ты еще его называла «Больной супчик». Но я вижу, что ты и так чудесным образом поправилась.

Рори снова вздохнула.

Камилла прошла мимо нее вглубь квартиры, с каждым шагом позвякивая подвесками на своем браслете. Не имея иного выбора, Рори поплелась вслед за ней на кухню.

– Я же тебе сказала, что у меня есть суп.

– Ты сказала: «Наверное, есть», – угрюмо отозвалась Камила. – И мне не хотелось, чтобы ты возилась с готовкой, если плохо себя чувствуешь. – Скользя взглядом по дочери, она принялась выкладывать на стол содержимое пакета из аптеки. Таблетки от кашля, спрей от насморка, порошки от простуды, термометр. – Хотя, судя по всему, тебе все это ни к чему.

Рори опустила взгляд в пол.

– Прости меня.

– Но почему, Аврора? Почему ты говоришь мне, что заболела, если это не так? Неужто проводить со мною время для тебя настолько невыносимо?

Рори подавила новый вздох. Что она могла сказать в ответ? Признаться, что профилировала завтрак с матерью, потому что к ней явилась домовладелица с коробкой круассанов из «Сладких поцелуев», выглядело бы совсем неправдоподобно. Лучше уж вообще не упоминать Солин.

– Мне было стыдно, что я отвлеклась на другие дела, и потому, когда ты обмолвилась, что у меня заложенный голос, я просто... за это ухватилась.

– За это ухватилась, – сухо повторила за ней Камила. – Но ты, по крайней мере, голодна?

– Я, если честно, только что заказала готовую еду.

– Ясно.

Взяв в руки контейнер с супом, Камила раскрыла холодильник. Несколько мгновений она молча стояла перед ним, изучая содержимое. Упаковка бейглов с жареным луком. Две пачки сливочного масла. Одинокая банка апельсинового лимонада и почти что пустая банка

маслин. Наконец мать отвернулась от холодильника, возмущенно изогнув бровь дугой:

– Да у тебя же нет никакой еды!

– Знаю. Потому и заказала готовую. Планирую завтра как следует затариться в супермаркете.

– Ты что же, больше ничего не готовишь? – Она открыла дверцу шкафчика, обвела взглядом едва ли не пустые полки. – Ну, только посмотрите! Овсяные хлопья да консервированный суп. Удивительно, что ты от такого питания на самом деле не слегла! – Тут взгляд ее упал на коробочку из кондитерской. Камилла приподняла крышку, заглянула внутрь. – *Pain au chocolat*. Какая прелесть! Я вижу, ты не настолько отвлекалась на какие-то дела, что смогла наведаться в кондитерскую.

– Я не ходила ни в какую кондитерскую, – возразила Рори, устав от сыплющихся обвинений. – Их принесла Солин.

На лице у Камиллы застыло недоумение.

– В смысле, хозяйка того дома, – пояснила Рори. – Она сегодня утром заезжала – как раз когда я собиралась уже выходить.

– Твоя арендодательница вот так, с бухты-баряхты, приехала к тебе домой? Да еще и с выпечкой?

– Да.

– И как раз это тебя и отвлекло?

– Да, мы с ней разговорились.

– О чем, интересно? Ты ведь едва ее знаешь.

– О Хаксе. О будущей галерее. О моем творчестве.

– Понятно.

А вот и он – этот холодный, оскорбленный взгляд, который бросала на Рори мать всякий раз, когда чувствовала себя в чем-то ущемленной. Рори мысленно досчитала до десяти, не желая заглывать наживку.

– То есть теперь ты обсуждаешь свою жизнь с малознакомыми людьми, вместо того чтобы поговорить с матерью?

– У нас с ней оказалось много общего.

Камилла закрыла дверцу шкафчика и застыла, уперев руки в бока.

– Как у вас вообще может быть что-то общее! Этой женщине уже, поди, за восемьдесят!

– Ей и близко нет восьмидесяти. И у нас действительно с ней много общего. Во время войны она потеряла того, кого любила.

Водителя санитарной машины, который пропал без вести.

– Ох, Аврора...

– Она знает, что такое – слышать телефонный звонок и со страхом гадать, не тот ли это день, когда ты узнаешь, что твои молитвы остались не услышанными. Она знает, каково это, когда разрывается сердце при виде того, как счастливы другие. И каково это – завалить себя работой, потому что не в силах больше оставаться наедине со своим горем. Она понимает, почему мне так необходимо открыть эту галерею. Ей даже понравилось мое творчество.

Камилла шагнула вперед, прихватив дочь ладонью за предплечье.

– Да что с тобой такое, Аврора? Я совершенно искренне начинаю за тебя бояться.

– Пожалуйста, не начинай опять...

– Да, опять. Ты говоришь... Я даже не знаю, как это понимать. Ты снова пропускаешь наш воскресный завтрак, лжешь мне, будто бы больна. Теперь ты толкуешь о своем якобы *искусстве*. Что я должна при этом думать? Ты бросила учебу, живешь, как отшельница. Тебя не слышно и не видно. Единственное, что тебе теперь интересно – это твоя галерея. И эта женщина, с которой ты вдруг решила подружиться. У меня такое чувство, будто я тебя больше не узнаю.

– А может, ты вообще никогда меня не знала?

Камилла широко раскрыла глаза:

– Как это – никогда не знала? Я же тебя растила!

– Нет, матушка, не знала! Ты придавала мне нужную форму – или пыталась придать. А теперь, когда я занялась тем, что мне действительно по душе, – ты меня вдруг больше не узнаешь! Вот в чем все дело. Не в моей учебе и не в пустом холодильнике. Дело в том, что я не та, какой ты меня хочешь видеть. Что мне не нравится то, что нравится тебе, и что образ жизни у меня не такой, каким привыкла жить ты. И тебя не волнует все то, что на самом деле важно для меня – потому что я не такая, как ты.

Камилла заметно напряглась:

– Иной раз мне кажется, что в тебе слишком многое от отца.

Ну конечно! Как же тут без него! У Камиллы любой разговор так или иначе в итоге сводится к отцу.

– Пожалуйста, можно не приплетать сюда папу? Я сама не знаю, на кого именно похожа. И почему вообще должна быть похожа на кого-то. Неужели я не могу просто быть собой?

– Разумеется, можешь. Я никогда не препятствовала тебе делать то, что тебе хочется.

– Не препятствовала? – вскинулась Рори. – Ну да, ты никогда не препятствовала. Но ты никогда и не стеснялась озвучивать свое мнение, стоило мне хоть чуточку отклониться от того шаблона, что ты мне заготовила. И по поводу того, как я одеваюсь. И каким занимаюсь спортом. Даже относительно тех людей, с которыми я общаюсь. Когда я тебе сообщила, что Хакс мне сделал предложение, ты спросила, не для того ли я ответила ему «да», чтобы только тебя позлить.

– Я твоя мать, Аврора. И я обязана тебя воспитывать, а также предостерегать от тех ошибок, что сама когда-то совершила.

– Мы что, снова сворачиваем разговор к папе?

Камилла опустила взгляд на свою левую руку с аккуратно нанизанными кольцами: обручальным, помолвочным и «кольцом вечности» с бриллиантовой дорожкой в три карата, которое выбрала за отца секретарша на двадцатилетие его брака. Прошло уже три года после смерти Джеффри Гранта, а Камилла по-прежнему их носила.

– В одну из прошлых наших встреч ты обмолвилась о моем брачном опыте, и это заставило меня задуматься. А может, я просто не создана для любви? Или для счастья? С некоторыми людьми, знаешь, такое бывает.

От этих слов Рори невольно нахмурилась. Трудно сказать, что именно она ожидала услышать от матери, – но уж точно не такое.

– Не создана для любви? Странно даже слышать такое!

Камилла с грустью улыбнулась.

– Странно – пока не задумаешься об истории семьи. Лоуэллы вообще не слишком-то славятся блестящими браками. – Она снова опустила взгляд на свои кольца, рассеянно крутя их на пальцах. Когда Камилла наконец подняла глаза на дочь, улыбка ее стала очень зыбкой. – Зато мы всегда прекрасно смотрелись в светской хронике, что на самом деле чрезвычайно важно. Или так, по крайней мере, постоянно говорила моя мать.

Теперь пришла очередь Рори удивляться словам Камиллы. Та редко заговаривала о своей семье и никогда – о матери.

Даже уклонялась от этой темы, когда ее расспрашивали. А теперь – совершенно неожиданно – она сама ввернула свою мать в разговор.

– Ты никогда мне не рассказывала о своих родителях, о детстве и юности.

Камилла отвернулась, расставляя на кухонном шкафчике свежекупленные средства от простуды.

– А твоя мать, – настойчиво продолжила Рори, – была создана для любви?

– Нет, – легко и без малейших колебаний ответила Камилла. – Я так не думаю.

– Вы с нею вздорили?

– В смысле, как мы с тобою? Нет, мы вообще не пререкались. Никто не стал бы пререкаться с Гвендолин Лоуэлл.

Гвендолин. Рори несколько раз повторила про себя это имя, сознавая, как редко слышала его, пока росла.

– А почему никто ей не перечил?

– Потому что она никогда не ошибалась. Никогда и ни в чем. И горе тому, кто станет ей противоречить. Особенно это касалось моего отца. Он умер в сорок семь лет. От сердечного приступа. И я частенько думала: а вдруг он умер, чтобы уйти подальше от нее? Я, помню, так злилась на него, что он оставил меня с ней одну.

– Быть может, это сидит в генах? – задумчиво произнесла Рори. – Я имею в виду, что кто-то не создан для любви. Может, это передается от матери к дочери? Как голубые глаза или кудрявые волосы?

– Это работает совсем иначе, Аврора.

– Но ты же сама только что сказала: что Лоуэллы никогда не славились прекрасными браками. А что, если Хакс...

– Да ради всего святого, Аврора! Ты-то не Лоуэлл!

Рори удивленно уставилась на мать:

– Что?

Камилла на мгновение прикрыла глаза, на щеках у нее проступила пара красных пятен.

– Ты – *Грант*, Аврора. Аврора Миллисента Грант. Моя мать и ее... неспособность к любви... не имеют к тебе никакого отношения.

– Прости, я не хотела тебя так расстраивать.

Камилла провела ладонью по своим идеально уложенным волосам, расправила на груди блузку.

– И ты меня прости за резкость. Просто мои отношения с матерью... скажем, довольно сложные.

– Поэтому ты никогда со мной о ней не говорила?

– Я не говорила о ней, потому что *не о чем* говорить. Она платила за мою учебу, она знакомила меня с миром музыки и изобразительного искусства, она устроила меня в школу танцев, на курсы риторики, на уроки этикета. Она делала все, что от нее требовалось, – и ничего больше.

– Ты не сказала о родительской любви, – заметила Рори. – Тебя любили дома?

– Меня должным образом растили и пестовали, – сдержанно ответила Камилла. – Учили соответствовать тому положению, которое предоставляет мне в обществе фамилия Лоуэлл. Учили делать то, чего от меня ожидают, и быть именно такой, какой мне надлежит быть.

Что-то в том, как Камилла произнесла слово «предоставляет», покорило Рори. Она уже начинала понимать, отчего ее мать так избегала в разговорах тему своей семьи.

– Ну а ты? В смысле, оправдывала их надежды?

– Почти что никогда.

От сказанного между ними повисло долгое молчание. Рори стояла, внимательно вглядываясь в свою мать. Так поразительно было обнаружить эту неожиданную щель в броне Камиллы – это болезненное место, саднящую рану детства, которая так до конца и не зажила. Возможно, они с матерью все-таки смогли бы найти общий язык?

– Мне очень жаль, – тихо произнесла Рори.

Камилла замотала головой, глаза ее омрачились от накативших чувств. Она явно глубоко страдала и изо всех сил старалась делать вид, будто это не так.

– Я не предполагала это обсуждать. Все это было очень давно, когда я была совсем еще ребенком. А маленькая девочка все воспринимает как серьезную драму. Пожалуйста, забудь, что я тебе сказала.

Рори колебалась: то ли настоять на продолжении разговора, то ли оставить этот вопрос. Сегодняшняя стычка с матерью началась вроде бы как обычно, – но что-то совсем новое вкралось в их разговор.

Нечто такое, что, возможно, сумело бы наконец объяснить извечное напряжение, тлеющее под самой поверхностью их взаимоотношений.

– Со мной тебе не нужно притворяться, – сказала она матери, ловя себя на том, что почти в точности повторяет слова Солин. – Печалиться – это нормально. Или сердиться. Или то и другое сразу.

Камилла выдавила слабую улыбку.

– Ничего. Правда. Что уж, как говорится, плакать над разлитым молоком.

Рори взяла ее за руку:

– Нам вовсе не обязательно обсуждать это сейчас. Мы можем вообще никогда эту тему не затрагивать, если тебе неприятно. Но если тебе захочется кому-то выговориться – знай, что у тебя есть я.

Не успела Камила что-либо ответить, как в дверь позвонили, и она вздохнула с явным облегчением.

– Ну, вот тебе и компания, – сказала она, высвобождая руку. – А я пойду.

– Это всего лишь прибыл из «*Gerardo*» обед. Баклажан с пармезаном и антипасто. Останься. Разделим на двоих.

Но Камила отрицательно покачала головой и бочком пробралась к выходу. Лицо ее вновь стало непроницаемым.

– Уверена, у тебя полно работы. Так что наслаждайся баклажаном без меня.

– Но ты вовсе не мешаешь работе. Останься, дай мне загладить вину за сегодняшнее.

– Ничего, все отлично, – бросила мать через плечо, открыв дверь и устремившись наружу мимо огорошенного посыльного. – Все хорошо. Правда.

Рори расплатилась за заказ и понесла доставленный пакет на кухню, больше чем уверенная, что ее матушка нынче очень далека от «все отлично».

Глава 18

Солин

У каждой души есть свой особенный почерк, свой автограф, уникальный отзвук, который, пульсируя, передается миру. И у каждого отзвука где-то существует соответствующая пара. Когда эти отголоски души соединяются, они настолько настраиваются в унисон, что, даже разлучившись, продолжают искать друг друга.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

23 июня 1985 года.

Бостон

То и дело поглядывая в окно, я делаю из помидора салат. Возможно, пойду поужинать на террасе, любуясь закатным солнцем. Однако стоит только этой мысли мелькнуть в голове, я уже понимаю, что не буду так делать. Я опять сегодня впала в хандру – в одно из тех меланхолических состояний, когда мне нужна бутылка исключительно хорошего вина. Взяв со стола бокал, делаю большой глоток, по-прежнему размышляя над нашим утренним разговором с Авророй.

Я хотела проведать ее, убедиться, что с ней все в порядке, – и теперь очень рада, что туда поехала. Сейчас она сильно нуждается во внимании и нежной заботе. Причем больше, как мне кажется, нежели сама это осознает.

Рори так удивилась, когда я сказала, что она напоминает мне меня саму, и немного смутилась от того, что ее так четко увидели насквозь. И все же я сказала ей чистую правду. Эта девочка – а для меня она совсем девочка! – сейчас блуждает в потемках, в состоянии полной неопределенности, во мраке неведения, куда не проникает даже лучик света. Она так влюблена в своего молодого человека!.. Хакс – ну что за имечко для мужчины! Но она зовет его именно так, а значит, и я постараюсь мысленно называть его так же. Он, конечно же, очень красивый парень. Настоящий американец – в самом что ни на есть

наилучшем смысле. И к тому же с добрым сердцем. Ей очень посчастливилось, что она сумела его найти.

Это, разумеется, так, говорю я себе. Она счастливая девушка. Но вот что интересно. Можно ли действительно назвать счастливым того, кто нашел себе спутника, с которым сердца бьются в унисон, – и тут же его потерял?

История ее любви настолько зеркально отражает мою собственную, что мне очень тяжело было сидеть напротив нее и слушать. Как и Энсон, Хакс пытался творить добро, добровольно взявшись за то дело, которое многие просто не отваживаются на себя брать. И, в точности как Энсон, он, судя по всему, за свое мужество заплатил высокую цену. Возможно, даже предельно высокую.

Взяв бокал с вином, выпиваю остатки и жду, когда внутри у меня – и в груди, и в животе – разольется медленно спустившийся туда поток тепла. Однако сразу чувствую, что этой порции недостаточно. А потому снова наполняю бокал и отставляю в сторону нетронутый салат, больше не чувствуя голода. Вместо ужина я забираю бокал и бутылку в кабинет, сажусь за стол и нашариваю в среднем ящике портсигар с памятной гравировкой и зажигалку, которые всегда там храню. Это подарки от одного очень давнего и близкого друга.

Лишь с нескольких попыток мне удастся зажечь зажигалку – сегодня пальцы немного дрожат, – и наконец прикурить сигарету. Я глубоко затягиваюсь, набирая полные легкие дыма и задерживая его там до тех пор, пока не начинает немного кружиться голова. Давненько уже я не испытывала потребности курить. И много времени прошло с тех пор, как мною так одолевали чувства.

С эмалевой рамки на столе на меня смотрит Эрих Фриде. Отец. Незнакомец. Возлюбленный Эсме Руссель. Человек с неизвестной судьбой. Я увеличила снимок из маминого медальона и часто на него смотрю – потому что это я обещала *Maman*. И сегодня я настойчиво велела *Aurore* (нет, она предпочитает вариант *Rori*) точно так же хранить Хакса – крепко удерживать его образ в своем сердце. Надеюсь, ей это поможет. У меня нет фотографии Энсона. Ни единого изображения, которое я могла бы бережно хранить. Впрочем, у меня есть кое-что другое.

Мой взгляд сразу же находит коробку с платьем, стоящую на том же самом месте, где я оставила ее в первый вечер. Я чувствую, как она притягивает меня к себе, и кажется, будто ее содержимое манящим шепотом уговаривает вновь перевероршить мои давнишние печали. До сего дня я сопротивлялась ее зову, не имея желаний беречь едва затянувшуюся рану. Однако вино и сигареты, точно старые закадычные друзья, напоминают мне, сколько ночей проплакала я над этими немногими остатками своих счастливых грез. Храня его несессер, наслаждаясь запахом его одеколona. Развязывая пачку писем и перечитывая их одно за другим. Я даже воображала себя кем-то вроде историка, *le gardien des fins heureuses* – хранителем счастливых финалов. За исключением, конечно, моего собственного. Но тем не менее какое-то время и я была счастлива – вернее, мы с ним оба, – причем в ту пору, когда вокруг так мало было радости и счастья.

Война продолжала все перемалывать и крушить, пока весь Париж не стал серым и безжизненным. Проводимые мной в госпитале дни были долгими и тяжелыми. Эта размывающаяся в сознании вереница загнанных, полных страдания лиц и разбитых жизней, казалось, будет тянуться бесконечно. Но посреди всего этого непреходящего кошмара у меня был Энсон.

Он постоянно находил повод заглянуть в столовую, надеясь застать меня за обедом или коротким перекусом. Признаться, я даже выходила несколько раз вне своей смены – особенно после большого поступления раненых, когда была велика вероятность, что он окажется где-то рядом. Мы пили с ним в столовой скверный кофе и болтали о музыке и о фильмах – пока народ не расходился, и он мог украдкой найти под столом мою руку.

Мы всячески старались блюсти осторожность, уверенные, что никто больше не знает о наших, вовсю расцветающих, взаимных чувствах. Насчет тесных отношений в госпитале имелись, конечно, определенные правила, однако в те дни, когда жизнь человека казалась такой бесценной и такой хрупкой, ни у кого не хватило бы духу встать между двумя влюбленными.

Мало-помалу мы стали более дерзкими и смелыми, и всякий раз, когда выдавались свободные минутки, чтобы перекусить или немного прогуляться, куда-нибудь ускользали вдвоем. Мы по очереди рассказывали друг другу о себе. Разумеется, я не могла поведать ему

все – *Maman* давно уж научила меня не распространяться о нашем даре, – но я поделилась с ним всем, чем только могла. И тем, как невесты за много миль едут, чтобы заказать платье у Руссель, и тем, какие письма приносили нам домой, когда *Maman* не стало. Рассказывала и о своих планах открыть собственный салон мод, когда закончится война, и о том, какие восхитительные платья я буду шить.

Энсон же рассказывал о том, как рос в Ньюпорте, точно принц, о пышных вечеринках в местном яхт-клубе, о пансионе в Бостоне, о долгих и насыщенных летних каникулах, проведенных под парусом с друзьями. А еще рассказывал о своей семье. Об отце, раненном на Первой мировой, который вернулся домой героем и быстро перехватил бразды правления семейным бизнесом у своего старшего брата. О матери по имени Лидия, которая умерла после тяжелой и мучительной битвы с глубоким воспалением легких. О сестренке, которая рисовала и писала песни, и мечтала однажды стать известной и поселиться в одной из мансард Парижа. О лодках, которые их семья строила на протяжении уже нескольких поколений. О парусниках, прославившихся победами на регатах и выигравших что-то вроде Кубка Америки.

И все же излюбленной темой наших разговоров того лета был сам Энсон. Мне интересно было слушать о том, как он проводил детство, как складывал вещи, отправляясь в восьмилетнем возрасте в пансион, как сам научился править в парусных гонках и стать капитаном им же самим созданной команды, как впоследствии, после серьезной стычки с отцом, полностью оставил парусный спорт. А также о той перепалке, что произошла между ним и отцом, когда он объявил, что бросает университет и идет добровольцем в *AFS*.

Я могла бы слушать его долгими часами – вот только у нас никогда не было этих часов. Обязанности наши в госпитале были таковы, что мы могли довольствоваться лишь редкими, с трудом выкроенными минутками, когда у нас совпадали смены. И казалось даже как-то недостойно сетовать на это в ту пору, когда так много людей так многим жертвовали на войне.

А потом как-то раз Энсон мне сказал, что устроил нам обоим на вечер отгул. Я не стала даже спрашивать, как и с кем он об этом договорился. Для меня это было неважно. Энсон пригласил меня в ресторан. И не в одно из тех шумных заведений, где обычно

ошивались *boche*, а в старомодный французский пивной ресторанчик на улице Сен-Бенуа, где играла музыка, а на столиках горели свечи. Нас проводили в угловую кабинку в самой глубине зала. Энсон заказал бутылку хорошего красного вина, которое уже после первого бокала ударило ему в голову. И мы ели такую необыкновенную еду, которую там явно добыли на черном рынке: нежнейший розоватый крем-суп с кусочками омара, жареную свинину с яблоками и луком, а на десерт – миндальный меренговый торт. Это были самые восхитительные яства в моей жизни, которые, должно быть, обошлись Энсону в немалое состояние, но в те несколько коротких часов мы с ним смогли напрочь забыть о войне и просто быть вместе.

Потом он провожал меня до дома, и мы шли рядом, рука в руке, жарко сплетя пальцы. И всю дорогу, казалось, мои ноги едва касались земли. Когда мы добрались до двери моего дома, я долго возилась в темноте с ключом, и ладони у меня внезапно стали влажными. Наконец ключ попал в замочную скважину, но, едва я взялась за ручку двери, Энсон схватил меня за руку, ища мой взгляд в кромешной тьме. Порывисто прошептав мое имя, он коснулся пальцами моего лица, после чего с умопомрачительной неторопливостью прижался губами к моим губам. Я качнулась в его объятия, сливаясь с ним в поцелуе, и ночь отступила, оставив только его и мой пульс. Два отзвука наших душ. Это ощущалось как какое-то *déjà vu* – словно ты нашел нечто такое, о потере чего даже не знал. И мне так не хотелось, чтобы это когда-то закончилось. Но, естественно, это должно было закончиться. Для приличных девушек все же существовали некоторые правила.

Однако факел наших чувств уже разгорелся не на шутку. К концу лета я была по уши влюблена в Энсона Перселла. И он так же сильно влюбился в меня.

Глава 19

Солин

Чтобы быть уверенной в счастливом финале, невеста должна искренне желать отдать все свое сердце мужчине, за которого выходит замуж. Но при этом оставаться с собственным стержнем.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

14 августа 1943 года.

Париж

В госпитале становится все тяжелее и напряженнее. Запасы еды начинают понемногу истощаться, несмотря на то что американцы продолжают присылать продовольствие. Еще к началу лета количество людей в госпитале пугающе возросло. Почти пять сотен раненых плюс персонал – и всех необходимо кормить три раза в день.

Настроение у людей тоже за это время изменилось. Постоянно слышится озабоченность, что нас совсем закроют, а всех больных отправят в концлагерь, или того хуже. Немцы становятся все менее терпимы к американскому госпиталю и высказывают подозрения, что наша больница – а в особенности доктор Джек – оказывает пособничество движению Сопротивления и помогает скрываться от ареста раненым солдатам и евреям.

Еще сильнее ухудшилась ситуация в последний месяц – когда целому отряду американских летчиков со сбитых гитлеровцами самолетов удалось избежать захвата. Немцы организовали тщательные поиски в этом районе, однако летчики словно бы испарились. Теперь кругом висят объявления, где гарантируется награда тем, кто обладает какой-то информацией об исчезнувшем отряде или о тех, кто помогает им скрываться. Соседи, надеясь получить франк-другой, начинают доносить друг на друга, порой выдавая правдивую информацию, но большей частью наплетая лживые домыслы.

Даже наш госпиталь попал под подозрение. Стремительно, точно лесные пожары, разгораются разные слухи, и как-то неожиданно тот

вопрос, который прежде никто у нас не желал обсуждать – о подозрительном количестве непредвиденных смертей и внезапно пустеющих коек, – становится единственной темой для разговоров, хотя и ведущихся вполголоса, украдкой. Мы все вдруг оказались на краю опасности. Предатели сейчас таятся везде – вынюхивают информацию, которая, быть может, принесет им солидное вознаграждение. Поговаривают, что среди нас тоже есть шпион – некто притворяющийся, что борется за правое дело, а в действительности вступивший в сговор с нацистами. А потому каждый из нас постоянно держится настороже, боясь, что одно неверное слово приведет его к порогу гестапо.

Ходят слухи, что доктора Джека со дня на день могут арестовать и что у него уже сложен чемодан, чтобы, когда за ним придут, он был к этому готов. Однако при всем при этом мы изо всех сил стараемся как следует выполнять свои обязанности – ибо что еще нам остается делать! Раненые солдаты продолжают прибывать – день за днем, неиссякающим потоком. Раненые. Покалеченные. Опустошенные.

Все мы невероятно устали, и при всей нашей беготне и суматохе время течет ужасно медленно. Быть может, именно из-за того, как редко я в последнее время вижу Энсона, в меня вселяется какая-то тревожность. После нескольких недель, полных восхитительных мгновений тайного единения – укромных поцелуев, от которых перехватывает дыхание, где-нибудь в кладовке или на заднем ряду кинотеатра, тихих совместных ужинов и нескончаемых разговоров о том, что мы станем делать, когда закончится война, – Энсон неожиданно отдалился от меня.

Я понимаю, что его работа критически важна и что война ни на миг не останавливается – даже ради молодых влюбленных, – однако в последнее время работа все дольше и дольше заставляет Энсона отсутствовать в госпитале. Мало того, когда мне все же удастся с ним повидаться, то невозможно не замечать произошедшей с ним перемены. Он кажется нервным и рассеянным, и постоянно оглядывается через плечо, словно кто-то ходит за ним по пятам. В разговорах со мной он стал уклончивым и отстраненным, слова его часто звучат неопределенно. А еще он начал исчезать – порой даже на несколько дней. Когда же наконец он появляется, то выдает какие-то

жалкие, неубедительные объяснения, в которые я, как могу, стараюсь верить.

Но в это утро я увидела, как он болтает с одной из медсестер. Зовут ее Элиза. Она старше меня и гораздо более приземленная натура. С полными губами и низким, хриловатым смехом. Они заговорили на лестнице, склонившись друг другу головами, причем так близко, что ее губы едва не касались его шеи, и она тихонько сунула ему в карман куртки нечто вроде записки. Должно быть, у меня при этом вырвался какой-то звук, потому что Энсон вдруг резко обернулся и увидел, что я на них смотрю.

Он отступил, но было уже поздно. Я не могла стереть из памяти то, что только что увидела. Или спрятать свои слезы от Аделин, когда наткнулась на нее, свернув за угол коридора. Она, похоже, несколько не удивилась, когда я ей об этом рассказала. Сказала, что всегда считала его чересчур красивым, чтобы ему можно было себя доверить, и что очень хорошо, что я узнала правду раньше, чем это зашло слишком далеко. По мне же – между нами все уже зашло очень далеко.

Спустя несколько часов я заметила, как Энсон выскользнул за дверь. Заметив, что я на него смотрю, он заколебался, в глазах его появилась неловкость и какая-то неизъяснимая мольба. Я отвернулась. Если ему хочется быть с Элизой, то пусть с ней и будет. Так, по крайней мере, я сказала себе.

Теперь он вернулся оттуда, куда что-то относил, и вновь, с тем же вороватым выражением на лице, спускается по сумрачному лестничному пролету, ведущему в подвал. Я знаю, куда он направляется. И знаю зачем. Это идеальнейшее место для свиданий – темное и уединенное, с целым лабиринтом составленных друг на друга ящиков и коробок. От одной мысли, что он там встречается с Элизой и что я их застаю вместе, у меня подгибаются колени. И все же удержаться я не в силах, а потому, выждав несколько секунд, следую за Энсоном вниз.

Задержав дыхание, я слежу, как он спускается в самый низ лестницы, после чего скрывается в полутемном лабиринте подвала. Спустя пару мгновений Энсон включает карманный фонарик. Благодаря этому свету легче двигаться за ним вслед, и я иду по узким проходам между ящиками и картонными коробками, стараясь держаться в тени. Капуста. Репа. Картофель. Суррогатный кофе.

Есть даже коробки с дешевым красным вином. Наконец шаги Энсона затихают, и я слышу тихое звяканье ключей, а потом – скрип пересохших дверных петель.

Я продвигаюсь туда ближе, достаточно, чтобы увидеть тусклую полоску света, возникшую между дверью и косяком. Сквозь открывшийся проем мне мало что видно. Голая лампочка, свисающая с потолка, да небольшая койка с покрывалом, сложенным в ногах.

Тень Энсона маячит на пустой каменной стене. В тишине подвала я слышу, как он расстегивает молнию на куртке, потом доносится шуршание, похожее на звук снимаемой одежды. Я резко делаю шаг назад, потом еще один. Я думала, что хочу узнать правду, увидеть все собственными глазами, – но внезапно понимаю, что не в силах это вынести.

Меня от волнения начинает мутить, я чувствую себя словно пристыженной. Какой же я была дурочкой! Наивной влюбленной дурочкой! Я поворачиваюсь, чтобы уйти тем же путем, которым сюда пришла, но в темноте натываюсь на штабель ящиков. В тишине внезапный звук раскатывается гулким эхом, точно выстрел.

Через дверную щель видно, как тень Энсона замирает, затем распрямляется. Через мгновение его силуэт быстро проскальзывает в проеме.

– Кто здесь?

Ждет ответа, склонив голову набок. Я прикрываю рот обеими руками, заставляя себя молчать. Отчасти мне хочется выйти к нему и сказать, что я все про него знаю, однако совсем не вдохновляет мысль, что меня, получается, застучали на слежке и подглядывании в темноте подвала.

– А ну, покажись! – зловеще требует Энсон. Голос у него какой-то непривычный. Настороженный и грозный. – Сейчас же выходи!

Я никогда не видела Энсона сердитым, и меня жутко пугает мысль: какова будет его реакция, если он меня здесь обнаружит? Я плотно зажмуриваю глаза, желая стать невидимкой, в то время как шорох его шагов придвигается все ближе. Я зажата между двумя штабелями ящиков. Попалась, точно кролик в силки! Услышав, что Энсон прошел мимо, я невольно с облегчением вздыхаю. Через мгновение он меняет курс, и тут же я чувствую на руке его цепкие пальцы.

Он резко выдергивает меня из моего укрытия, сжимая в поднятой руке бутылку вина и готовясь ударить. Я ошеломленно застываю от выражения его лица – черты его искажены яростью и страхом. Сейчас его трудно даже узнать!

Зажав мне ладонью рот, Энсон притягивает меня спиной к себе, по-прежнему держа наготове бутылку. Я ощущаю в нем необычайную, смертоносную энергию – будто свернутую тугой спиралью. К горлу у меня, точно воздушный пузырь, подкатывает всхлип.

Мышцы его рук немного расслабляются, однако хватка остается твердой. Энсон резко разворачивает меня к себе. Долгое мгновение мы впотьмах смотрим друг другу в глаза. И я чувствую, как в нем точно ослабляется туго взведенная пружина. Энсон опускает бутылку, потом поднимает палец к губам, веля мне не шуметь.

Дальше он меня то ли ведет, то ли тащит в ту самую каморку, откуда только что вышел. Размером она не больше чулана и тесно обставлена, являя собой убогое подобие жилого пространства. Помимо койки и стола, там есть маленькая раковина и треснутое зеркало, узкий комод и старый, изрядно потрепанный, раскрытый кожаный чемоданчик, содержимое которого очень напоминает самодельный радиоприемник. Однако внимание мое сразу привлекает пустая кожаная сумка на столе и россыпь каких-то, с виду официальных, документов. Там *cartes d'identité* – французские удостоверения личности, а также свидетельства о рождении, карточки довольствия – и на еду, и на одежду.

Тут же в голове у меня начинают роиться десятки вопросов, но не успеваю я даже открыть рот, как Энсон еще сильнее вцепляется мне пальцами в руку и разворачивает меня лицом к себе.

– Что ты здесь делаешь, внизу?

Я пристально смотрю на него, возмущенная тем, что он еще смеет задавать мне такие вопросы, когда сам зачем-то крадется здесь впотьмах. Однако от зловещего блеска в его глазах у меня словно испаряется все негодование, и я машинально начинаю объяснять:

– Я увидела тебя с Элизой – как вы шептались в коридоре. И видела, как она сунула тебе в карман записку. И я подумала, что... – В конце фразы я осеклась и стыдливо отвела взгляд. – Мне очень нужно было узнать, правда ли это.

Он с искренним удивлением глядит на меня.

– И ты поэтому пошла за мною сюда следом? Потому что решила, будто у меня свидание с Элизой?

Тут я снова отвожу взгляд, потрясенная внезапным осознанием того, что есть кое-что более ужасное, нежели застать Энсона с другой женщиной. Я вновь перевожу взгляд к документам на столе. Большинство из них пожелтели от времени и сильно помяты. Некоторые испачканы пятнами, кляксами, имеют обтрепанные или даже случайно оторванные уголки. Кому они принадлежат? И как они вообще здесь оказались?

Я протягиваю руку к одному из документов – к свидетельству о рождении, – но Энсон перехватывает меня за запястье.

– Не трогай! – шипит он мне.

От взгляда его глаз, которые в холодном свете свисающей с потолка лампочки как будто потеряли свой обычный оттенок, меня вдруг пробирает ледяная дрожь. Мысли у меня мгновенно перескакивают к тем непредвиденно опустевшим койкам – когда, казалось бы, почти выздоровевшие мужчины внезапно умирали посреди ночи, причем в последнее время все чаще и чаще. А еще я сразу вспоминаю про слухи о работающем среди нас предателе, о тайном соглядатае, который все доносит гестапо. Мы все притворялись, будто знать ничего не знаем, потому что это куда безопаснее, нежели признать тот факт, что мы все подозреваем, что те люди вовсе не умерли, а были незаметно вывезены прямо у нас под носом. И за всем этим каким-то образом стоит доктор Джек. Причем немцы об этом уже знают и лишь ждут доказательств, чтобы нагрянуть к нам с арестами.

Этим, значит, и занимается Энсон в подвале госпиталя? Помогает Самнеру Джексону вывозить американцев и британцев из Франции, используя поддельные документы? Если так, то почему он мне об этом ничего не сказал? Ведь он знает, что мне можно доверять.

И тут мне в голову приходит другая мысль – совершенно жуткая! – и меня окатывает волной леденящего ужаса. А что, если Энсон и есть тот самый шпион, из-за которого тут все как на углях, и на самом деле он занимается тем, что собирает улики для гестапо? От такого предположения у меня на загривке проступает испарина. А вдруг он все это время работал на фашистов, лишь притворяясь героем? И притворялся... вообще во всем?

– А эти документы... – киваю я на стол. – Прошу тебя, скажи, что ты с ними не делаешь ничего дурного. Скажи, что ты не... – Я умолкаю, не в силах закончить фразу.

Он пристально смотрит на меня, лицо его непроницаемо. Проходит долгое мгновение, а мы все стоим, глядя друг другу в глаза, как будто мы оба застыли на краю некой ужасной пропасти и ждем, кто прыгнет в нее первым.

– Просто скажи мне, что ты не работаешь на них, – прошу я хриплым голосом. – Пожалуйста.

Возле рта у него начинает мелко дергаться мускул.

– Вот, значит, что ты обо мне подумала.

– Я уже не знаю, что мне думать, Энсон! Ты крадешься куда-то во тьме с фонариком, роешься в документах, которые явно тебе не принадлежат. – Я начинаю говорить слишком торопливо, ненавидя себя за те слова, что слетают с моих губ. Мне так отчаянно хочется, чтобы я ошибалась! Но вдруг это не ошибка?

Он хочет взять меня за руку, но я невольно ее отдергиваю. Энсон изумленно смотрит на меня:

– Ты что... меня боишься?

– Столько всего вокруг говорят. И вел ты себя слишком странно...

Сделав шаг назад, он проводит растопыренными пальцами сквозь волосы.

– И ты решила, что я и есть тот самый шпион? И что теперь, когда ты узнала мой маленький секрет, я вынужден буду... что? Задушить тебя? Или перерезать горло?

Энсон смотрит на меня в упор. Взгляд у него твердый, но в нем чувствуется страдание – как будто бы, отдернув руку, я сделала ему физически больно.

– И это после всего... – произносит он наконец. – После всего, что между нами было... ты могла такое обо мне подумать?

– Энсон...

– Пожалуй, я бы предпочел, чтобы ты считала, будто я встречаюсь с Элизой. Думаю, ей бы тоже это было приятнее, нежели называться фашисткой.

– Я никого из вас фашистами не называла. Но что я должна была подумать?

– Ты должна была мне доверять.

Я возмущенно вскидываю подбородок:

– Так же, как ты доверял мне?

Энсон шумно вздыхает, и внезапно я замечаю, как сильно он измучен.

– Дело тут вовсе не в доверии, – устало говорит он. – Это просто осторожность. Если меня поймают... Я не смею подвергать тебя такой опасности. Поэтому я не хотел, чтобы ты что-либо об этом знала.

– Но теперь-то я знаю. По крайней мере, мне так кажется. Поэтому теперь ты вполне можешь посвятить меня и в остальное.

– Нет, – качает он головой.

– Скажи, те люди, – не отступаю я, нацелившись утвердиться в том, что кажется теперь настолько очевидным, – те, что якобы внезапно умерли... Те опустевшие вдруг койки... Они ведь не умерли, правда?

– Оставь эти разговоры, Солин. Прошу тебя. Иди наверх и забудь все, что здесь видела.

Но я решительно мотаю головой, не желая, чтобы меня таким образом отодвигали в сторону. Мне просто необходимо знать все – и о том, чем именно он занимается, и о том, как рискует.

– Значит, это ты, – продолжаю я, – ты помог им отсюда бежать. Используя подложные документы вроде этих. Это ты!

Он шумно выдыхает, раздраженный моей неумностью.

– Этим много кто занимался. Целая ячейка рисковала жизнями, чтобы спасти эту горстку людей. В основном это были летчики, а также – несколько друзей из Сопротивления, которых угораздило попасть под прицел гестапо. У нас есть человек, который занимается документами. Веришь в такое: художник, ставший тем, кто подделывает бумаги. Это вот – его работа, – указывает он рукой на документы на столе. Время от времени мы даем людям новые имена и переправляем их через границу в Испанию, а потом в Англию или даже в Соединенные Штаты. Иногда бывает необходимо организовать для человека местечко, где бы он мог перекантоваться, прежде чем мы сможем безопасно переправить его дальше. И мы его прячем – вот здесь.

Я вновь окидываю взглядом крохотную каморку с минимумом мебели и контрабандным радио, с примитивнейшими удобствами. То есть все это время Энсон рисковал своей жизнью, чтобы помочь

скрываться от нацистов другим людям – солдатам, воюющим за то, чтобы вызволить Францию из гитлеровской хватки, антифашистским агитаторам, товарищам по Сопротивлению, которым грозил арест.

Мои мысли тут же перетекают к Эриху Фриде. К человеку, которого любила моя мать и которому позволила уйти. К семье, которую он, возможно, завел потом в Германии. К его жене, а также детям, с которыми у меня общая кровь и часть родословной. И я ловлю себя на том, что молюсь за то, чтобы и им в нужное время помог выбраться из беды кто-то вроде Энсона.

– Ты ведь мог бы мне об этом рассказать, – намного мягче говорю я. – Я смогла бы хранить твою тайну.

– Да ведь это же не только *моя* тайна, Солин. Она принадлежит всем нам. Всем тем, кто работает в Сопротивлении. И каждый из нас должен эту тайну хранить.

– Ну, теперь она и мне тоже принадлежит, – невозмутимо говорю я. – Только мне хотелось бы делать нечто большее, чем просто ее хранить. Позволь и мне тоже участвовать в том, чем ты занимаешься, Энсон. Разреши мне помогать.

– Я не могу тебе это позволить.

– Пожалуйста! Я еще не знаю, чем могу помочь, но наверняка для меня что-то найдется.

– Нет.

– Ну, тогда я пойду к доктору Джеку, – заявляю я. – И попрошу его, чтобы позволил мне помогать. И не притворяйся, будто он обо всем этом и знать не знает. Без его разрешения здесь вообще ничего не происходит.

Однако лицо Энсона все так же твердо и непроницаемо.

– Солин, я не...

Я прижимаю подушечки пальцев к его губам, не позволяя договорить.

– Не отказывай мне, Энсон. Скажи, что я могу сделать.

Глава 20

Солин

*Без веры даже наше дело обречено на неудачу.
Вера – это все.*

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

27 августа 1943 года.

Париж

Я была крайне ошеломлена, узнав, чего смогла добиться горстка бесстрашных мужчин и женщин под бдительным оком *boche*. В то время как Париж кишел гестаповцами Геринга, доктор Джек и его штат вели собственную войну против *gerre* Гитлера. Причем я даже сумела влиться в их борьбу.

Если бы когда-то хоть кто-нибудь мог предположить, что я окажусь вовлечена в подобное дело, я бы ответила, что он, видно, перепил вина. Но теперь я нахожу, что это дает мне новое ощущение своей нужности, определенный способ не чувствовать себя жертвой в наводненном нацистами городе. И я представляю, как *Maman* одобрительно взирает со своих дальних высей на мою тайную деятельность – хотя бы ради Эриха Фриде.

Еще мне это помогает ощущать себя ближе к Энсону, знать, что его миссия – и моя миссия тоже, что мы с ним увлечены одним делом. В последнее время мы все больше разговариваем с ним о будущем. И хотя мы и не касаемся темы «рядом на веки вечные» – ибо война делает подобные речи неблагоприятными и бессмысленными, – но, по крайней мере, строим какие-то планы на будущее. Обсуждаем, куда мы отправимся после войны и чем будем заниматься. И в этих приятных, праздных размышлениях мы с Энсоном неизменно видим себя вместе. И на сегодняшний день для меня этого достаточно. Как обычно говорила *Maman*, на первом месте должна быть работа.

После того разговора в подвале меня успели хорошо просветить, и я узнала о разных направлениях работы Сопротивления:

о подрывных операциях, координируемых по подпольной радиосвязи, об организации саботажа на транспорте снабжения, о печати и распространении подпольных газет и даже о переправке оружия и взрывчатки. Причем каждая ячейка работает независимо от других. Наши действия, конечно, не такие отважные, как взрыв мостов и железных дорог, и все-таки не менее опасные. Для тайной эвакуации сбитых летчиков-союзников из Франции требуются и хитроумный план, и множество доверенных рук.

Процесс этот начинается с изготовления фальшивых свидетельств о смерти и старательно подделанных удостоверений личности. Далее задействуется целая сеть курьеров (многие из которых – женщины вроде меня) и множество конспиративных квартир на всем пути по хранящемуся в строжайшей тайне маршруту через Пиренеи в Северную Испанию, а затем – в порт Лиссабона.

Так вот, перевозить людей, когда наконец настает день тайной эвакуации, и есть задача Энсона. В те вечера, когда он целует меня на прощанье, обещая вернуться целым и невредимым, меня охватывает жуткий страх – потому что мы оба знаем, что он не может ничего подобного гарантировать. В эти дни всем нам кажется, будто сейчас мы проживаем время, взятое взаймы. Мы дерзко надеемся на то, что судьба нас сохранит, и думаем не о том, настанет ли вообще однажды настоящее наше время, – а как и где это произойдет. Еще добавляет опасности и то, что ворота нашего госпиталя находятся прямо напротив немецкого военного штаба, у входа в который день и ночь дежурят часовые.

Впрочем, теперь у меня есть и свое дело – работа посыльной. Наконец, после двух недель обучения, мне дали настоящее задание. Я никогда не считала себя особенно храброй, однако то, что я делаю, мне кажется очень правильным и нужным. И не только для Парижа, но и для Энсона. Вносить свой вклад в общее дело – пусть даже и незначительный, – значит помогать ему.

Энсон твердо стоял на том, чтобы я отчитывалась не перед ним, а потому меня прикрепили к Элизе, жених которой, как я теперь узнала, по указу о принудительных работах был отправлен на немецкий завод боеприпасов. Она оказалась резкой и холодно-деловитой, хотя и не злой, и хорошо подготовила меня к заданию.

Я работаю связной – передаю информацию другим членам нашей ячейки. Расписание встреч, спрятанное в жестяной банке с кофе; место явки, нацарапанное на куске бумаги, в который завернут сыр. Иной раз сообщение передается на словах – например, невинное со стороны расспрашивание насчет тетушки, недавно слегшей с простудой, или вопрос о расписании метро. При этом я должна запомнить фразу целиком, а потом так же хорошо запомнить ответ и передать его Элизе. Я никогда не знаю, что кроется под этими словами – но так ведь и задумано. Если меня поймают и станут допрашивать, я не смогу ничего выдать, поскольку ничего не знаю.

Но сегодня мне доверили кое-что новое. Мне предстоит забрать пакет с документами у человека, которого Элиз называет исключительно как Художник. Она велела мне сложить в корзинку хлеб, вино и сыр и ехать на мамином велосипеде к дому с мансардой на Рю де Сен-Пере.

Волнуясь, я останавливаюсь перед старым и невзрачным многоквартирным зданием. Меня проинструктировали вести себя так, будто у меня здесь назначено свидание с любовником. А потому я достаю пудру и помаду, как меня научили, и делаю вид, будто прихорашиваюсь, и одновременно, глядя в зеркальце, убеждаюсь, что за мной никто не следит.

Это вообще первое, чему здесь учат: как проверить, что у тебя нет «хвоста», и что делать в том случае, если он вдруг обнаружится. На что обращать внимание, окидывая взглядом улицу. Как быстро слиться с толпой людей. Как избавиться от того, что может каким-то образом вывести на ячейку.

Но сейчас я не замечаю вокруг ничего подозрительного.

Я пристегиваю цепочкой велосипед, вешаю на локоть корзинку и поднимаюсь по сумрачной узкой лестнице на третий этаж. Три коротких стука в дверь. Не больше и не меньше. Вскоре слышится щелканье отпираемых замков, и дверь чуточку приотворяется. В щели виден один лишь глаз и низкая густая бровь.

– *J'espère que tu as faim*^[40], – громко, в точности по инструктажу, говорю я.

Дверь открывается на пару дюймов шире. Теперь видно три четверти лица. Прищуренный глаз внимательно меня оглядывает. Наконец дверь открывается достаточно, чтобы я могла войти.

Квартирка совсем крохотная – из двух маленьких комнат, плотно заставленных столами с лампами. Ощущение тесноты и замкнутого пространства усиливается черными шторами затемнения, задернутыми, несмотря на то что за окнами день. А еще здесь все пропитано едкой вонью. Химические испарения смешиваются с запахом невымытых мужских тел, желудевого кофе и сигаретного дыма.

Пока я жду, то вспоминаю данные мне инструкции. Ничего не говорить, пока ко мне лично не обратятся. И что бы тут ни увидела – никаких комментариев или вопросов. Чем меньше я знаю, тем лучше. И все же очень трудно обуздать свое любопытство при виде того, что сильно смахивает на сборочную линию. Вдоль всей дальней стены рядом стоят небольшие столики, заставленные разного цвета чернилами, письменными принадлежностями, печатями, штампами и канцелярским клеем.

Всего я там насчитываю четверых: один открыл мне дверь, а остальные трое сидят, пригнувшись, за различными по оснащению столиками. Никто ничего не говорит, хотя сразу становится ясно, кто тут главный. Он сидит за самым дальним столиком в окружении разных принадлежностей своего ремесла. Он и есть тот самый Художник. Что-то обостренно-отчаянное чувствуется в том, как он склоняется над работой, как пальцы вздрагивают, начертывая мелкие, неистовые штрихи и посредством бумаги и чернил создавая новую человеческую личность.

Наконец он поднимает голову и вытягивает шею, чтобы немного распрямить позвоночник. Глаза наши на мгновение встречаются. Он, на удивление, очень молод – не намного старше меня. С длинным лицом, с очками в круглой проволочной оправе и с заросшим темной щетиной подбородком. Однако момент этот быстро проходит, и он возвращается к работе.

Впустивший меня в дом мужчина наконец возвращается, неся мне клеенчатый пакет. Я не должна заглядывать внутрь или вообще что-либо говорить. Я засовываю пакет сзади, под пояс юбки, и сверху накрываю кардиганом. Никаких денег не передается. Художник ничего не берет за свою работу. Как и все мы, он старается для общего дела.

Выждав достаточно времени, я освобождаю корзинку, оставляя в квартире вино и еду, немного растрепываю волосы, чуть смазываю помаду – на тот случай, если вдруг меня кто-то заметит на выходе.

После чего спускаюсь вниз, снова выхожу на солнечную улицу, сажусь на велосипед и качусь обратно с пакетом поддельных документов, спрятанных у меня под поясом.

Какое же это облегчение – вновь вернуться в госпиталь и отдать наконец клеенчатый пакет в руки Элизе. Она меня хвалит, но довольно сухо и деловито – в чем, впрочем, нет ничего необычного. Она не склонна к многословию. И все-таки то, как она, разговаривая со мной, отводит взгляд, внушает тревогу. А потом она мне сообщает: Энсон еще не вернулся с ночного задания.

От этой вести у меня чуть земля из-под ног не уходит. Элиза заставляет меня сесть и приносит чашку кофе. Нам нет необходимости притворяться, будто мы с Энсоном всего лишь коллеги по работе. Она просто женщина, утешающая другую женщину, и я ей за это благодарна. Она объясняет, что ничего такого необычного не случилось – мол, могли возникнуть сотни причин, – и он наверняка в любой момент вернется. Однако в ее голосе я все равно чувствую тревогу и, вернувшись к своим больничным обязанностям, невольно прокручиваю в голове самые что ни на есть худшие сценарии. Что Энсона застрелили или что его в толпе других загнали в поезд и отправили в один из концлагерей.

Работать в рядах движения Сопротивления означает принять как неизбежное арест, пытки и, возможно даже, смерть. Но для Энсона я не могу и не хочу принимать подобную неотвратимость. Он должен спастись! Обязан! Между тем день переходит в вечер, а от него по-прежнему ни слуху ни духу. Мне вспоминается *Maman*, что, рассказывая мне об Эрихе Фриде, беспокойно перебирала четки, и внезапно меня осеняет. В такие моменты мы готовы довериться чему угодно, уповать на что только можно, лишь бы это позволяло нам надеяться.

Аделин чувствует, что со мной происходит что-то не то. Я упрямо объясняю ей, что у меня всего лишь болит голова и мне нет надобности уходить домой, однако она не отступает, пока я не соглашаюсь хотя бы пойти в столовую и что-нибудь съесть.

Пытаясь влить в себя какой-то суп, я даже не ощущаю его вкуса. Аделин не отходит от меня, настаивая, чтобы я отправилась домой и отдохнула, – и тут он неожиданно появляется в дверях! Я чуть не роняю из рук ложку, проглатывая слезы, которые никто не должен

видеть. Вид у него изнеможенный, тяжелый взгляд, под глазами тени. Но через переполненный зал столовой он встречается со мной взглядом и на мгновение задерживает его, словно говоря: «Я в безопасности. Прости. Я люблю тебя».

Я поднимаюсь и на дрожащих ногах бегу в ближайший туалет, чтобы дать волю слезам. Когда, вернувшись в столовую, я снова нахожу его взглядом, кто-то уже принес ему чашку кофе. Крепкий черный, а не разбавленный, и с сахаром, как ему нравится. Но Энсон этого как будто и не замечает. Я вижу, как с другого конца зала Элиза ловит его взгляд и словно вопрошающе приподнимает брови. Едва заметно он мотает головой. Мне любопытно, что это может означать, но сейчас, когда вокруг столько людей, лучше ни о чем его не спрашивать.

Попозже, когда народ расходится и Энсон успевает доесть второй сэндвич, я спрашиваю его, что случилось. Знаю, что это нарушает наши правила, но мне это сейчас не важно.

– Где ты был?

– Не могу сказать, – качает он головой.

– Я уже боялась, что ты погиб, – срывающимся шепотом говорю я. – Или попал в концлагерь. Не говори, будто не можешь объяснить.

– Мне необходимо поговорить с Самнером, – безучастно произносит он, словно я ничего ему только что не сказала. – Где он?

Взгляд его сейчас пустой, в нем ни любви, ни теплоты. Он сейчас всецело ушел в Соппротивление, в работу подполья – в этот каменный уголок его души, где для меня нет места. Или для чего-либо другого, не касающегося дела борьбы.

– Несколько часов назад поступило четверо раненых, – объясняю я, пытаюсь говорить ровным тоном. – Кто-то, я слышала, говорил, что понадобится двойная ампутация. Но сейчас он уже должен был, наверное, освободиться.

Кивнув, Энсон осушает чашку и встает:

– Нам нужно поговорить. Но сначала мне необходимо встретиться с Самнером. Иди домой и ложись спать. Я попозже приду.

Это совсем уж против правил, и я невольно хмурюсь. Когда я еще только примкнула к ячейке, мы договорились об этой мере предосторожности: что он никогда, ни при каких обстоятельствах,

не придет в мой дом на Рю Лежанр. Чтобы весь прочий мир знал, что мы с ним просто коллеги по работе – и ничего больше. Как он объяснял, это требуется ради моей защиты – чтобы не привести беду к моему порогу. Но сейчас что-то изменило его мнение, и меня это пугает.

– Мне казалось, нам необходимо соблюдать осторожность, чтобы *они* не узнали моего адреса.

Его взгляд мрачнеет.

– Это было раньше.

– Почему?

– Потому что он у них уже есть.

По моему телу пробегает дрожь. И словно ледяной палец скользит вдоль позвоночника.

– В гестапо знают, где я живу?

– Они знают *все*, Солин.

Глава 21

Солин

Между предложением руки и сердца и собственно свадьбой все может пойти наперекосяк. Именно в эту пору союз двоих подвергается наибольшему риску – пока еще не вишито заклинание и клятвы не произнесены. Ткательница заклинаний должна быть в это время настороже, ожидая любых бурь и потрясений, – а уж бури и потрясения случатся почти наверняка.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

27 августа 1943 года.

Париж

Я оборачиваюсь, быстро оглядывая через плечо улицу, прежде чем вставить в замочную скважину салона тяжелый медный ключ, чувствуя себя при этом персонажем шпионского романа. Нигде не видно ни черного «Мерседеса-Бенца» – излюбленного транспорта гестапо, – ни человека в сером костюме и темной фетровой шляпе, бесцельно топчущегося неподалеку от моего дома.

Нас научили, на что именно следует обращать внимание. А еще объяснили, чего ждать, если нас все же арестуют. Побоев, подвешивания в оковах вниз головой или же окунания с головой в ледяную воду, где станут держать, пока ты едва не задохнешься, а затем повторять это снова и снова. У них это называется «принимать ванну».

А еще есть очень легкий способ разговорить подозреваемого: арестовать какую-нибудь дорогую ему женщину – мать, сестру, возлюбленную – и часами ее допрашивать. Еще один способ – говорят, один из самых эффективных, – это угроза отправить этих женщин в *особый* публичный дом, наиболее предпочитаемый немецкими солдатами. Одна мысль о подобной перспективе заставляет меня содрогнуться, и я скорее захожу в дверь, тут же ее запирая.

Теперь я прихожу сюда, только чтобы помыться и поспать. С тех пор как *Матан* умерла, я здесь не чувствую себя как дома. С вечно задернутыми черными шторами комнаты кажутся до клаустрофобии тесными и как-то тревожно опустевшими.

Я принимаю ванну, потом пытаюсь лечь и уснуть – однако мысли все время крутятся вокруг слов Энсона: «Они знают все». Поняв, что поспать не удастся, я встаю с постели и одеваюсь. Иду к кладовке, чтобы найти себе что-нибудь перекусить, но теперь я в основном питаюсь в госпитале, и еды на полках почти никакой.

Мне удается наконец откопать жестянку с залежалыми галетами и банку с джемом, когда внизу раздается звонок в дверь. Три коротких, резких сигнала. Это, разумеется, Энсон, но звук звонка все равно меня пугает. Кажется, в него уже целую вечность никто не звонил!

Я торопливо открываю дверь, и Энсон напоследок быстро оглядывает улицу на предмет слежки. Забывшись на мгновение, я тянусь к его руке. Энсон, поморщившись, взглядом напоминает мне об осторожности и торопливо проскальзывает мимо меня внутрь. Я как следует запираю дверь, после чего он дергает ее за ручку, проверяя. Затем проверяет еще раз.

Наконец Энсон со стоном опускается в ближайшее кресло, сжимая в руках небольшой холщовый ранец с пряжками, который он частенько носит с собой, куда-либо отлучаясь из госпиталя. По его словам, это своего рода пропуск, потому что эмблема *AFS* на крышке ранца держит нацистов на безопасном расстоянии.

Сейчас он выглядит, как мне кажется, еще более изможденным, чем в госпитале, – если вообще такое возможно. Однако теперь его давит не только смертельная усталость. В глазах у Энсона видна плохо скрываемая паника, чего я никогда еще у него не замечала.

– Энсон, что с тобой? Что произошло?

Он порывисто ерошит волосы, словно мучимый какой-то мыслью.

– Меня здесь не должно быть. Знаю, мы договорились...

– Сейчас мне все равно, о чем мы договорились. Для меня важно, где ты был. И то, что сейчас ты здесь. Если за тобой следили, то теперь уже это не исправить. Расскажи мне, что случилось!

Он кивает, но тут же со стоном роняет голову в ладони:

– Прошлой ночью у меня случилась беда.

Мое сердце начинает колотиться быстрее.

– Какая?

– Та, которую я с ужасом представлял с того самого дня, как ты выследила меня в подвале.

– Расскажи мне, что стряслось. Пожалуйста!

С жутковатым стоицизмом он излагает случившееся, словно пересказывает по памяти легенду. Вчера, как только стемнело, он поехал переправить некоего, разыскиваемого эсэсовцами, человека с одной конспиративной квартиры на другую. По *carte d'identité*, удостоверению личности, он является работником фермы Марселем Ландре, французом, родившимся в 1919 году в Шовиньи. Однако все это на самом деле не так. В действительности, этот человек – Раймонд Лавуа, скрывающийся беглец, которого разыскивают за печать антифашистской пропаганды, а также за «вырожденческое поведение», как *boche* называют гомосексуальную наклонность.

Этот человек уже месяц прожил на конспиративной квартире, загнанный в подполье после доноса соседа в обмен на несколько жалких франков и похвалу от СС. Новый арест означал для него отправку в один из лагерей смерти – Дахау или Бухенвальд, – где его заставят носить на робе красный треугольник, пока в итоге не отравят газом, не избьют до смерти или не уморят голодом. Так что оставаться во Франции ему было нельзя.

Переправка этого человека на новое место прошла как планировалось, однако на обратном пути двигатель у автомобиля Энсона перегрелся, и он вынужден был заглушить мотор и ждать, пока остынет радиатор. В два часа ночи на него наткнулся наряд французской полиции – то есть спустя пять часов после комендантского часа, причем на той дороге, где уж точно нечего делать санитарной машине американского госпиталя. Поэтому Энсона забрали для дознания. Его заранее придуманная легенда состояла в том, что он будто бы тихонько улизнул из госпиталя на свидание со своей девушкой и потерял счет времени. Энсон назвал им имя – Мишеллин Паже – и даже сообщил адрес, однако полицию это не провело. Спустя немного времени к участку прибыли двое гестаповцев в серо-зеленой форме по приказу генерал-майора Карла Оберга – многим известного как Мясник Парижа, – распорядившегося любыми средствами очистить город от участников Сопrotивления.

Эти двое и слушать ничего не хотели о Мишелин Паже. Они рассчитывали разузнать побольше о Самнере Джексоне.

Тут Энсон умолк. Я накрыла его руку ладонью:

– Послушай, может, тебе стоит все же немножко поспать? Хотя бы часок – а потом сможешь рассказать мне остальное.

Энсон мотает головой, но глаза у него слипаются.

– Я ничего им не выдал.

– Конечно же, не выдал.

Я тянусь, чтобы разгладить пальцами складку между его бровями, но он вдруг отталкивает мою руку.

– Мне и не надо было ничего им сообщать, Солин. Они и так уже все знали... или почти все. И про поддельные документы, и про конспиративные квартиры, и про летчиков, которых мы сумели переправить. И знают, что Самнер в этом участвует.

– Но откуда?

Он едва заметно пожимает плечами:

– Кто-то работает среди нас – возможно, один из информаторов Оберга. Он следил за нами месяцами, выжидая, когда кто-то из нас ненароком оплошает. Этим «кто-то» и оказался я. Так что теперь все это лишь вопрос времени.

– Но ты же не виноват, Энсон. Сам же только что сказал, что ничего им не выдал. Как ты вообще можешь...

В его глазах такая открытая, пронзительная боль, что я даже испытываю облегчение, когда Энсон отводит взгляд.

– Они чуть ли не прямым текстом все сказали, Солин. Они вот-вот явятся за доктором Джеком. И, надо думать, за всеми нами. Оберг не успокоится, пока не получит то, что ему нужно, причем любыми средствами. И это оставляет мне единственный выбор.

Из всего, что он мне только что сказал, эти слова пугают меня сильнее всего.

– Какой выбор?

– Который я не могу не сделать... и с которым не знаю, как жить.

Внезапно мне становится трудно дышать. Я переплетаю пальцами его кисти, стараясь не думать о хлыстах, о кандалах, о ваннах с ледяной водой. Но все равно не могу не задать этот вопрос.

– Они тебя... пытали? Я слышала от людей, как они умеют заставить говорить.

– Нет. – Взгляд у него становится туманным и каким-то расфокусированным, а голос – странно спокойным. – Нет, ничего такого не было. – Он умолкает, задумчиво рассматривая наши сплетшиеся руки: мои – маленькие и бледные, и его – загорелые, огрубевшие от работы. – У немцев есть договоренность с нашим высшим начальством. Они, дескать, нас не трогают до тех пор, пока мы не начнем мутить воду и сами не избавим их от расходов на лечение раненых американцев с британцами. Это единственная причина, почему Самнера еще не забрали. Выколачивать из меня информацию выглядело бы для них не лучшим образом – а потому они мне угрожали.

– Чем?

– Тобой.

Рот у меня словно немеет, от шока я поначалу не могу связать и двух слов.

– Мной? Как это? Не понимаю... Откуда они вообще знают, кто я такая?

– Я же тебе сказал. Им почти все известно. И прошлой ночью они не допытывались, что я знаю. Мне хорошо дали понять о том, что знают *они*. Они в курсе, что мы используем поддельные документы – но не знают, *откуда* мы их берем. А также они знают, что у нас есть целая сеть курьеров.

– И знают, что я – одна из них? – упавшим голосом спрашиваю я.

– Нет. Мне, по крайней мере, показалось, что нет. Но они знают о нас с тобой, знают, что мы с тобою...

Любовники? Невысказанное слово будто повисает между нами в воздухе. Оно не совсем верно – в физическом его смысле, – но во всех прочих отношениях отражает сущую правду.

– А что, любовь сейчас преступление?

– Нет. – Он резко поднимается с места. – Но им это на руку.

Я пристально смотрю на Энсона, прокручивая в голове эти слова. «На руку»... И вдруг для меня все сразу встает на свои места. Им даже не было необходимости ему угрожать. Все, что им нужно – это угрожать мне.

– Тебе необходимо исчезнуть, Солин. Другого варианта нет.

Я медленно поднимаюсь, не говоря ни слова. Нам, разумеется, объясняют, что может произойти в случае провала, и мы отвечаем,

что нам это ясно. Но каким-то образом нам всем удастся убедить себя, что именно с нами этого не случится. Что до тех пор, пока мы будем предельно осторожны, к нам никто не постучится среди ночи, никто не подкараулит в пустом переулке, никто не внесет наши имена в аккуратно отпечатанный список. Мы искренне в это верим – пока внезапно эта вера не исчезает.

– Ты меня понимаешь, Солин?

Я оцепенело киваю:

– Ты хочешь сказать, что мне не следует больше показываться в госпитале.

– Я говорю, что ты должна уехать из Франции.

Сказанное им доходит до меня не сразу, и даже тогда я не в силах понять смысл его слов.

– Уехать?.. Из Франции?..

– Здесь оставаться для тебя небезопасно.

Быстрым движением я облизываю губы, во рту вдруг пересыхает.

– Но куда же мы поедем?

Энсон вперивается в меня немигающим взглядом:

– Не мы, Солин, а ты.

Время словно замедляется, растягиваясь между нами. Я слышала, как описывают тот самый момент, когда получают скверную новость: как кровь отливает от лица, как в легких не хватает воздуха, – и сейчас, в это самое мгновение ощущаю все это в полной мере.

Уехать из Франции без него? Но как он мог мне такое предложить?! Однако, снова посмотрев ему в лицо, я понимаю, что он имел в виду именно это.

– Без тебя я никуда не уеду, – ровным голосом отвечаю я.

– Я не могу сейчас уехать, Солин. И ты сама наверняка это понимаешь. Здесь еще столько всего надо сделать, столько людей сейчас зависят от меня.

– Ты всего лишь один из многих, Энсон. Они вполне могут обойтись без кого-то одного. И что насчет гестапо? Ты думаешь, если я исчезну, они так просто оставят тебя в покое? Не оставят. И ты прекрасно это знаешь.

– Конечно же, не оставят. Но если ты будешь в безопасности, то мне уже не важно, что они станут делать.

– А мне важно!

Энсон глубоко вздыхает, тяжело и измученно.

– Мне очень нужно, чтобы ты это сделала. Прошу тебя.

– Я не могу уехать, Энсон. Я не могу отсюда уехать без тебя.

– Я уже все подготовил, обо всем договорился.

– Даже не обсудив это со мной?! – возмущенно вскидываю на него взгляд.

– У меня не было времени. Я поговорил уже с Самнером. Ты уезжаешь завтра. Сначала на конспиративную квартиру, потом за границу через Испанию. По тому же маршруту, что и все.

– Нет.

– Солин, мы уже это обсуждали.

– Нет, в таком ключе мы это не обсуждали! Мы говорили о том, что поедем вместе. Когда закончится война. И никогда даже речи не было, что я отправлюсь куда-то одна. Ты что, таким образом пытаешься от меня избавиться? Ты что, задумал сбегать меня куда подальше, чтобы я тебе не мешала?

Это нечестное обвинение. Ужасные слова! Но он меня просто подкосил своим требованием, и я хочу сделать ему так же больно, как и он мне. Я поворачиваюсь к нему спиной, утирая рукавом слезы.

– Солин...

Когда он прикасается ко мне, я напрягаюсь и замираю, но не противлюсь тому, что Энсон разворачивает меня к себе. Пальцами он приподнимает мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

– Мне необходимо, чтобы ты уехала. Сделай это ради меня. Ты понимаешь?

Я пытаюсь вырваться, но Энсон, обхватив меня за плечи, не отпускает от себя.

– Я не могу все бросить, Солин. То, чем я тут занимаюсь – чем мы все занимаемся, – действительно очень важно. И пока Самнер работает – работаю и я. Иначе быть не может. Но я не смогу думать о своей безопасности, пока буду бояться, что тебя заберут. А если ты останешься, это обязательно случится. Потому что они отлично понимают: достаточно сообщить мне, что тебя арестовали – и я им все расскажу.

– Не расскажешь.

– В том-то и дело, – тихо молвит он, – что все выложу. Недолго думая.

И неожиданно для меня все проясняется. Он боится не только за меня. Вот в чем главная причина: что если меня арестуют, то многие жизни сразу окажутся на волоске. Потому что, если ему придется выбирать, он выберет меня. Но этого мне совсем не хочется.

– Обещай мне: что бы ни случилось – ты им не сдашься. Даже ради меня.

– Мне надо знать, что ты в безопасности, Солин. Тогда я смогу нормально работать.

Я отворачиваю лицо, смаргивая непрошенные слезы. Все, решение принято. Все планы, что мы с ним вместе строили, будущее, о котором вместе мечтали, – со всем этим покончено. И между нами тоже покончено.

– Не бойся, у тебя все получится, – мягко добавляет он. – С тобой будут наши люди. Твои документы будут готовы в ближайшие часы. Отправляешься на рассвете.

«На рассвете? – изумленно вспыхивает в голове. – Через десять часов?»

С мольбой в глазах я взглядываю на него:

– Позволь мне остаться! Я не буду появляться в госпитале. Я уеду куда-нибудь в предместье, туда, где никто меня не найдет. Ну, пожалуйста!

– Не могу. Мне нужно знать, что ты будешь в безопасности, и я об этом позаботился. Все уже готово. Но сегодняшней вечер у нас есть.

Его слова для меня точно острый нож, взрезающий плоть.

– Я не хочу одного вечера – я хочу быть с тобой всегда. Знаю, мы никогда с тобой это не обсуждали, но мне казалось, ты тоже этого хочешь. А теперь, после всего, что у нас было, ты предполагаешь, что я просто так уйду с твоей дороги, не зная даже, где окажусь в итоге и увижу ли тебя еще?

Он смотрит на меня с совершенно ошеломленным лицом:

– Вот как ты это, значит, поняла? Что я рассчитываю просто от тебя избавиться – и все? Что между нами все кончено?

– Такое бывает, – едва слышно шепчу я, думая в этот момент о *Матан* и Эрихе Фриде. – Что люди... разлучаются навсегда.

– Но с нами такого не случится.

– Этого ты не можешь знать.

– Но я знаю. Я все устроил так, что тебя переправят в Соединенные Штаты. Хотя для тебя это будет и непросто. Я написал письмо, которое ты отправишь по почте, когда окажешься в Лиссабоне. Письмо к моему отцу. Я ему сообщил, что мы с тобой поженимся, как только я вернусь домой... если ты не против.

– Поженимся?.. – Это слово – точно пара крыльев, внезапно развернувшихся у меня за спиной, готовых оторвать меня от земли. Я никогда не произносила это вслух, но всегда грезила об этом. – Да, – отрывисто говорю я, – я не против. Но ты уверен, что действительно этого хочешь? Когда я говорила «всегда», я вовсе не просила тебя... Ты правда уверен, что хочешь на мне жениться?

– Я был в этом уверен уже через десять минут после того, как тебя встретил, Солин. Я люблю тебя.

«Люблю»... Я всегда старательно избегала этого слова. Вплоть до сегодняшнего вечера. Не потому, что оно не отвечает моим чувствам, а потому, что я воспринимаю его слишком обостренно. Возможно, после маминых разговоров о родовом проклятье я стала суеверной? Я не могу не думать о Лилу, которая овдовела через две недели после произнесения брачных клятв – потому что осмелилась полюбить. Но сейчас это должно быть сказано – просто не может быть не сказано, – как бы я этого ни опасалась. Нельзя допустить, чтобы это слово повисло между нами без ответа.

– Я тоже тебя люблю, – низким, хриплым голосом отвечаю я. – Сильнее, чем когда-либо могла представить, что люблю кого-то. И я хочу стать твоей женой. Но ты уверен, что это будет правильно? Что скажет твой отец, когда я вдруг окажусь на его пороге? Чужой, незнакомый для него человек, собирающийся поселиться в его доме?

– Я все объяснил в своем письме. Насколько вообще могу объяснить. Он не знает, чем именно я тут занимаюсь. И не должен знать. Никто не должен знать. Это очень серьезно, Солин. Запомни: что бы ты где ни услышала и как бы тебя это ни покорило, ты ни словом, ни намеком не должна выдать, какую работу мы тут ведем. Слишком много людей окажутся под угрозой. Нельзя позволить, чтобы безопасность одного человека стала риском для всей ячейки. Ты меня понимаешь?

– Да.

– На сегодняшний день все, что следует знать моему отцу – это что я работаю на госпитальной «Скорой помощи», что я безумно в тебя влюблен и собираюсь сделать тебя миссис Перселл сразу же, как только ступлю на американскую землю.

Расплывшись в широкой улыбке, Энсон берет мои ладони в свои:

– Мне не терпится показать тебе места, где я вырос, и со всеми тебя познакомить. Моя сестренка влюбится в тебя, стоит тебе только раскрыть рот. У нее вообще слабость ко всему французскому.

Я выдавливаю улыбку. Что-то все же свербит в уголке моего сознания – случившийся однажды разговор о его отце. О том, каким тяжелым и суровым человеком тот порой бывает, с непоколебимыми представлениями о респектабельности и долге. И я не могу не задаваться вопросом: не распространяются ли эти представления на то, какую жену выберет его сын?

Энсон хмурится, пытаюсь разгадать мое выражение лица.

– Прощу тебя, не грусти. Я вернусь домой, не успеешь и оглянуться. И тогда мы сможем зажить вместе по-настоящему. А до той поры я буду точно знать, что ты в безопасности.

– А как же ты? Ты-то все так же останешься здесь... с ними.

Он берет мое лицо в ладони и нежно целует.

– Ничто не сможет удержать меня от возвращения домой, если я буду знать, что там меня ждешь ты.

– Но как тебе удалось это устроить? Ведь большее, что мы можем – это переправлять людей за границу. Но уж никак не в Америку.

– Все Перселлы – еще со времен Джона Пола Джонса^[41] – были моряками. То есть вплоть до меня. Тем не менее это не помешало мне кое-где упомянуть имя отца и попросить о некоторых услугах. Вряд ли отец будет этому очень рад – он предпочитает излучать свою власть внутри собственной семьи, – но это мы будем обсуждать уже потом.

– Мне страшно, – тихо говорю я.

– Понимаю. Но ты все же храбрая девушка.

Он целует меня вновь, и я чувствую на его губах собственные слезы – их соленую горечь. И внезапно каждое мгновение, каждое его прикосновение становится для меня бесценным. Потому что это все, что от него останется со мной, когда снова взойдет солнце.

Энсон отстраняется, держа меня уже на расстоянии вытянутой руки.

– Мне надо идти. Тебе надо сложить вещи – только самое необходимое. Какой-нибудь маленький чемоданчик или сумку. А потом постарайся немного поспать. Я вернусь перед рассветом.

– А как же ты? Ты весь измученный. Тебе ведь нужен отдых.

– Вернусь в госпиталь, постараюсь урвать пару часов на сон.

Я беру его за руку:

– Останься со мной. Пожалуйста.

– Ты же знаешь, я не могу... – Голос его становится хриплым, в глазах, похожих на ненасытное море, бушуют чувства. – Мы с тобою не... – Он тяжело сглатывает и отступает назад. – Есть все же правила, Солин.

Но я решительно мотаю головой, потому что все это мне вдруг кажется полным абсурдом. Людей стреляют на улицах, калечат на полях сражений, женщин и детей, как скот, заталкивают в железнодорожные вагоны и везут в лагеря смерти. И притом *это* – когда двое пылко влюбленных проводят вместе, быть может, их последнюю ночь – это оказывается против правил! Я не вижу в этом здравого смысла! И тут же вспоминаются подслушанные мной слова Лилу моей матери в ту ночь, когда она сбежала из дома, чтобы выйти замуж за своего британца: «Я не допущу, чтобы чьи-то надуманные правила лишили меня моей доли счастья».

Я тоже этого не допущу.

– Мне не важны какие-то правила, – говорю я, вновь привлекая Энсона к себе. – Это наша последняя ночь. Не дай мне провести ее в одиночестве.

Ни слова не говоря, он поднимается со мной по лестнице. Когда доходим до верха, возникает короткая заминка. Момент колебания. То ли в нем, то ли во мне – трудно сказать. Но это быстро проходит, поскольку решение уже принято, точка отрицания осталась позади. Внезапно меня охватывает стыдливость, и я оставляю выключенным свет. До сегодняшнего дня все наши свидания состояли из мимолетных уединений украдкой, торопливых объятий и быстрых, лихорадочных поцелуев. Но сегодня у нас нет необходимости спешить. Не знаю, буду ли я для него первой – и не желаю этого знать, – но для меня он точно первый мужчина.

Расстегнув ему рубашку, скидываю ее с плеч, давая ей соскользнуть на пол. Потом дрожащими пальцами берусь за брючный ремень. Энсон стоит совершенно неподвижно, не отрывая от меня глаз, и у меня мелькает вопрос: чувствует ли он, как сильно я нервничаю? Я много раз видела обнаженных мужчин – в госпитале обмывала сотни раненых, – но все-таки ни в одного из них я не была влюблена.

Наконец наступает и очередь Энсона меня раздевать. Когда блузка опадает на пол, меня охватывает легкая дрожь. Кончики его пальцев на моей коже – точно легкий шепот. Он тихо повторяет мое имя, и в его голосе звучит такое благоговение, что у меня перехватывает горло от неожиданных слез.

Спустя несколько мгновений вся моя одежда уже на полу, и я стою обнаженная, озябшая и дрожащая. В зеркале бюро выхватываю свое отражение – и тут же жалею, что забыла погасить свет в коридоре. С тех пор как началась война, я сильно потеряла в весе, и в зеркале мое тело выглядит угловатым, поджарым и очень бледным, и я боюсь вызвать разочарование. А потом Энсон подступает ко мне сзади и, обняв рукой за талию, припадает губами к изгибу моего плеча. Я закрываю глаза, всецело отдаваясь происходящему. Я желаю сейчас лишь его. Его дыхания, его рук, прикосновения его кожи.

Он увлекает меня к кровати, и вместе мы опускаемся на постель. От него веет потом и крепким карболовым мылом, которым пользуются в госпитале. Запах терпкий и землистый. Мужской. Наши губы находят друг друга в темноте, и дыхание, теплое и влажное, смешивается воедино. Руки его настойчивы и вездесущи, пальцы словно пытаются на ощупь запечатлеть карту моего тела. И притом Энсон нисколько не торопится, в высшей степени наслаждаясь моментом – наслаждаясь мною, – и я отдаюсь на его волю, полностью растворяясь в горько-сладостной магии этих последних, таких быстротечных, часов, что остались до нашего прощания.

Подождав, когда дыхание Энсона станет ровным, я тихонько выскользываю из постели. Скоро уже рассветет, а мне еще надо сложить вещи. Я примерно представляю, какая поездка меня ждет.

Многого мне не понадобится – лишь самая простая одежда, в которой удобно в пути, крепкие туфли на низком каблуке да кое-какие предметы личного обихода. Впрочем, есть и еще кое-что, чего я никак не могу не взять с собой.

Осторожно, чтобы не разбудить Энсона, я двигаюсь в темноте по комнате, собирая мамины четки, медальон с фотографией Эриха Фриде, связку писем, которые я сохранила после смерти *Maman*. Эти письма – доставшееся от нее наследие, напоминание о том, что в незапамятные времена в мире случались счастливые финалы и, может быть, будут случаться вновь.

Спустившись вниз, в мастерскую, я включаю свет и на некоторое время застываю, глядя на платье, что я начала шить, кажется, целую вечность назад. Оно уже несколько месяцев как закончено и висит в забвении во мраке мастерской, лишенное своего момента торжества. Однако мои девичьи грезы, что я лелеяла в те дни, когда только за него бралась, сильно отличаются от того, о чем я мечтаю теперь. Я покидаю Париж – причем, похоже, навсегда – и до восхода солнца мне необходимо сделать еще кое-что очень важное.

Я быстро собираю все, что мне для этого необходимо: белую свечу, бумагу с ручкой, чашу с водой, другую чашу – с солью, иголку и моток белых ниток. И, разумеется, платье. Зажигаю свечу и закрываю глаза, потом начинаю дышать медленнее, ожидая, когда мне что-то придет в голову. Записываю несколько слов, тут же их вычеркиваю, снова начинаю писать, уже жалея, что мало уделяла внимания наставлениям *Maman* о том, как писать заклинания. Времени у меня так мало – а надо же еще и успеть оберечь вшить. Я вновь пытаюсь что-то сочинить.

Наконец я готова творить заклинание. Но ладони у меня влажные, и трудно удержать в пальцах иглу. В голове звучит недовольный, ворчливый голос *Maman*: «Ты даже не приготовилась как надо, прежде чем начать! И заклинание у тебя корявое и чересчур безличное. И стежки выходят отвратительные». Причем каждое слово тут – сущая правда. И все же я, закончив наконец, откладываю иглу и оцениваю взглядом свою работу.

*Сквозь даль времен и расстояний,
Сквозь горечь тяжких испытаний,*

*Пусть отзвук души двоих влюбленных
Звучит навеки единенным.*

Неаккуратное шитье – само по себе скверно, но меня к тому же угораздило и несколько раз уколоться иглой, отчего на подкладке лифа остались маленькие пятнышки крови. И в этом мне видится некое предзнаменование. Оставшуюся нить я сжигаю в огне свечи и задуваю пламя. По маминым стандартам, моя работа далеко не на высоте, – но я сделала все, на что у меня хватило сил. Остальное уже в руках судьбы.

Глава 22

Солин

Для эффективности воздействия нужно хорошо знать свои техники и чувствовать, когда и что применить. Заговор на счастье – это заклинание, использованное для создания возможностей, то есть серии случайностей, призванных помочь изначальной судьбе, в то время как наведение очарования и внешнего блеска – суть инструменты обмана, предназначенные для искажения естественного хода событий.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

28 августа 1943 года.

Париж

Когда Энсон наконец просыпается, я, уже одевшись, сижу в кресле у окна. Он с трудом открывает глаза, и уголки рта у него лениво приподнимаются, растягиваясь в американскую улыбку, которая мне уже так полюбилась. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но у меня не получается. Единственное, о чем я сейчас способна думать – это как тикает время, унося минуты прочь.

В потемках он одевается, после чего идет следом за мной на кухню. Выскребя совсем жалкие остатки кофе, который еще до начала войны запасла *Maman*, я готовлю две почти полные чашки. Вкус у напитка немного затхлый – но это лучше, чем ничего, и им вполне можно запить галеты с джемом, которые служат нам завтраком.

В один прием осушив свою чашку, Энсон относит ее в раковину.

– Пора, – буркает хмуро. – Скоро солнце встанет.

Я молча киваю, не полагаясь на свой голос. Боюсь, что, стоит мне раскрыть рот, и я стану умолять его позволить мне остаться – а этот вопрос мы уже прошли.

Энсон тоже мне кивает:

– Я подожду внизу у выхода.

В последний раз пройдясь по нашей квартире, я проверяю, закрыты ли окна, и выключаю везде свет. Хотя это и нелепо – ведь я все это оставляю позади. Какая мне разница, заявится ли сюда кто-то другой? Отныне все это больше не мое. Закрыв дверь в спальню, я спускаюсь вниз.

Энсон стоит у входной двери, выглядывая через щелку между затемняющими шторами. Когда я оказываюсь уже внизу лестницы, он оборачивается и хмуро смотрит на мои пустые руки.

– А где твой чемодан?

Я указываю на коробку для платья недалеко от его ног.

Он взглядывает на коробку, затем снова на меня:

– Что, картонная коробка?

– Это коробка для платья, – поправляю я, как будто это все объясняет.

– Солин, тебе нельзя с этим ехать. Тебе нужен нормальный чемодан.

– У меня нет нормального чемодана.

– Но это совсем не годится. Тебе нужно что-то более крепкое. И то, что тебе будет удобно нести. – Он с силой проводит пальцами по волосам. – У тебя что, нет чего-либо другого?

– Я поеду с этим.

Энсон бросает взгляд на часы и угрюмо кивает:

– Ладно. Пошли. Ничего только не говори. Просто опусти голову и иди. Что бы ни случилось, иди, не останавливаясь, до самого госпиталя. Транспорт будет ждать тебя там.

У меня все внутри опускается.

– А разве не ты меня повезешь?

Энсон отводит взгляд:

– Нет.

– Почему? Ведь ты этим занимаешься! Ты же обычно всех транспортируешь!

– Не в этот раз.

Я впериваюсь в него недоуменным взглядом:

– Ты должен был меня предупредить. Если бы я знала...

Он обрывает меня одним лишь взглядом.

– Сама знаешь, как это работает, Солин. Существуют жесткие правила, чтобы защитить ячейку. Я на этот раз слишком близок

к объекту... слишком близок к тебе. Я использовал свои связи, чтобы привести все это в действие, но, как только мы дойдем до госпиталя, я должен буду отойти в сторону. Ради безопасности всех и каждого. Понимаешь?

На лице его сейчас то выражение, что появляется порой: будто он просто щелкнул выключателем и погасил разом все чувства. Я уже видела это выражение прежде, но никогда это не было обращено ко мне. Я напряженно склоняю голову, словно подражая такой бесчувственности его лица.

– У водителя будут твои документы. Вся информацию ты должна хорошо запомнить. Даты, места – в общем, все. Отныне – и как минимум до прибытия в Соединенные Штаты – ты Ивонн Дюфор из Шартра. Произнеси.

– Ивонн Дюфор, – повторяю я с оцепеневшим лицом. – Из Шартра.

– Умница. У тебя все получится. А теперь поцелуй меня. Потом на это времени уже не будет.

Я позволяю Энсону крепко обхватить меня руками, сама, однако, стою напряженно, держа между нами коробку. Я не желаю его целовать. Мне хочется наброситься на него с упреками – и не за то, что он отсылает меня прочь (я понимаю сама, что должна уехать), а потому, что он сейчас со мной так холоден. И из-за той опасности, в которой он окажется, как только я уеду. Ведь гестаповцы уже забирали его однажды для беседы. И они не оставят его в покое, пока не добьются своего. А если не добьются по-хорошему – его арестуют.

От такой мысли у меня пробегает по телу холодок, и это напоминает мне, сколько всего стоит сейчас на кону. Что я должна быть храброй и внести свой вклад в дело Сопrotивления – пусть даже этот вклад сейчас в том, чтобы незаметно исчезнуть. Но когда Энсон, убрав в сторону коробку, наконец крепко прижимает меня к своей груди, я вовсе не чувствую в себе храбрости. Я прикипаю к нему, хватаясь за его рубашку, и слезы неудержимо льются по лицу. Боль от тоски по нему уже сейчас слишком сильна.

Наконец Энсон отстраняется от меня.

– Все. Надо уже идти. Но сначала я хотел бы кое-что тебе дать. – Торопливо шагнув в сторону, он берет с ближнего стула полотняный ранец. Мгновение пошарив в нем, Энсон достает застегнутый

на молнию футляра из гладкой коричневой кожи и вручает мне. – Хочу, чтобы ты взяла с собой вот это.

Я смотрю на футляр, на инициалы «Э. В. П.», выгравированные золотом в нижнем правом углу, и сразу вспоминаю тот носовой платок, что он одолжил мне в первый день нашего знакомства.

– Это мой дорожный бритвенный набор. Мне его подарила мама на Рождество, незадолго до смерти. Я хочу, чтобы ты взяла его с собой.

– Но он же самому тебе понадобится.

– Я больше чем уверен, что сумею добыть в госпитале бритву. Возьми. Прошу тебя. И храни его у себя, пока я не вернусь домой.

Мы встречаемся взглядами, ничего не говоря. Он таким образом дает мне обещание. И мы оба знаем, что не в его силах это обещание сдержать. Но я все равно забираю футляр, потом опускаю руку в карман юбки, вынимаю мамины четки и, перевернув его ладонь вверх, словно выливаю в нее нитку темно-красных бусин.

– Они принадлежали моей матери, – тихонько поясняю я.

Энсон удивленно смотрит на замкнутую гранатовую нить, на маленькое серебряное распятие с потускневшей уже фигуркой Спасителя.

– Я и не представлял, что вы католики. Как-то не приходило в голову спросить.

– Мы и не католики. Мы не придерживаемся никакой веры.

– Зачем тогда вам четки?

– Для страховки, – пожимаю я плечами.

– Я никак не могу это взять, Солин. А вдруг...

Но я прижимаю палец к его губам, не давая закончить мысль.

– Я хочу, чтобы ты их взял – а потом привез мне.

Он заставляет себя улыбнуться:

– Когда вернусь домой – то сразу обменяемся.

При мысли о том, сколько может пройти времени, прежде чем я вновь смогу увидеть его лицо, – и о совершенно невообразимой возможности того, что вижу его в последний раз, – у меня больно сжимается сердце. Этот человек, которого я знаю всего каких-то несколько месяцев, стал наиважнейшей составляющей моей жизни, стал необходим мне, как воздух, которым я дышу, или как кровь в моих жилах. И тем не менее осталось еще кое-что, чем я с ним еще не поделилась. Правда, которой так и не рассказала ему. Внезапно мне

видится это очень неправильным – что мы так и расстанемся, оставив между нами нераскрытый секрет.

– Энсон, прежде чем уехать, мне необходимо кое о чем тебе рассказать. Ты должен что-то знать обо мне...

Он, нежно улыбаясь, проводит по моему подбородку костяшками пальцев:

– Ты собираешься мне признаться, что ты из нацистов? Одна из шпионок Гиммлера?

От этого вопроса я едва не расплываюсь в улыбке.

– Разумеется, нет.

– Или коммунистка?

– Энсон, пожалуйста, не дурачься. Мне нужно рассказать тебе кое-что о своей семье. Мы...

Он снова целует меня в губы, заставляя умолкнуть:

– Оставь это до того момента, как я вернусь домой.

– Но...

Однако Энсон, вновь обрывая меня, мотает головой:

– Я знаю, что люблю тебя. И что ты меня любишь. И больше ничего сейчас не имеет значения. – Раскрывая ладонь, он показывает мне мамины четки. – Я отдам тебе их, когда вернусь домой, – и тогда ты сможешь рассказать мне свою тайну. Договорились?

– Хорошо, договорились: когда ты вернешься домой.

Он опускает нитку с бусинами в карман, как бы закрепляя только что заключенное нами соглашение. Я убираю футляр в коробку с платьем. Мы сказали друг другу то, что необходимо было сказать, обменялись прощальными обещаниями. Теперь пора идти.

Нужный мне агент ждет меня, как и обещано, в госпитале. Санитарная машина с заглушенным мотором стоит позади больничной столовой. Поляк с тонкими усиками и пронзительными темными глазами представляется мне Хенриком. На нем такая же униформа, как и у Энсона, с хорошо знакомой мне нашивкой *AFS* на плече, – но я точно знаю, что ни разу этого человека не видела.

Ни слова не говоря, он открывает заднюю дверь и помогает мне забраться внутрь. Энсон тем временем, наблюдая за всем, незаметно

стоит в стороне. Я чувствую его взгляд из сумерек заднего двора и очень хочу, чтобы он подошел ко мне напоследок – сказать еще одно последнее «прощай», – но понимаю, что он этого не сделает. Мы с ним уже простились. Крепко прикусываю нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

Хенрик между тем захлопывает дверь кузова, и я оказываюсь взаперти. От этого внезапного момента полной темноты, от осознания того, что отныне я всецело во власти неизвестных мне людей, меня охватывает паническая нервная дрожь. Все то, что мне знакомо, мой родной дом, Энсон, даже мое имя – все у меня отнято.

Потом мы трогаемся в путь. Слышно, как скрежещут шестерни, когда машина понемногу набирает скорость. Я выглядываю через заднее окошко – и вижу, как Энсон, выйдя из тени на дорогу, стоит широко расставив ноги и расправив плечи. В голове раз за разом повторяющимся эхом звучат мамины слова, и, глядя, как Энсон удаляется, постепенно стираясь из виду, я всем сердцем желаю, чтобы в моем сознании навсегда запечатлелся этот образ.

«Пока ты хранишь в своем сердце его любимое лицо, он ни за что не пропадет навеки».

Глава 23

Рори

12 июля 1985 года.

Бостон

Рори уже пожалела о своем спонтанном решении поехать через весь город в дневной час пик, в самую пору ланча. Когда она в очередной раз скосила глаза на оранжевый пластмассовый контейнер, лежащий рядом на пассажирском сиденье, у нее даже мелькнула мысль развернуться. У матери этих контейнеров, любой формы и размера, было полно, и вряд ли она в ближайшее время хватится одного из них. Так отчего же у Рори внезапно возникла потребность вернуть этот контейнер именно сейчас – в пятницу?

Минуло уже почти что три недели после той непростой встречи с матерью дома у Рори, но отношения между ними так и оставались напряженными. Ни одна вроде бы и не упоминала о произошедшем, но те несколько телефонных разговоров, что состоялись у них за это время, были холодными и натянутыми. Потому что именно так всегда между ними и осуществлялось общение. Обе просто замалчивали некий неприятный эпизод, как будто его никогда не было. Потом одна из них делала первый шаг – какой-либо жест примирения, – другая ему следовала, и наступал очередной период согласия и затишья. И так все время – наступление, отход, снова наступление.

И в этот раз Рори сама собиралась сделать первый шаг. Потому что в тот день, на кухне, она уловила нечто такое, что заставило ее задуматься: возможно ли вообще навсегда разорвать этот порочный круг их вечных размолвок? А еще потому, что она большую часть утра потратила на привычные уже по пятницам звонки по поводу вестей о Хаксе, в который раз пройдясь по всем имеющимся у нее контактам: вдруг появились какие-то новости или хотя бы слухи, вдруг где-то кого-то из похищенных заметили или возник какой-то новый след. Но, как обычно, она осталась ни с чем.

«Ничего нового вам сообщить не можем. Делаем все, что в наших силах. Весьма сожалеем».

Рори сама не заметила, как это стало ее необходимым пятничным ритуалом. Она лишь понимала, что с каждой новой неделей неизвестности печальный исход становился все более вероятным. Конечно же, она была не первая, кто терял жениха. Женщинам эта доля доставалась веками – долго и тщетно ждать хороших новостей и оплакивать те вести, что пришли. Как выдержит это она? Как долго сможет хранить надежду, когда нет ни малейшего клочка информации, за который можно бы зацепиться? Когда она начала все-таки жить дальше? И что подтолкнуло ее к этому? И получилось ли у нее это в самом деле? Быть может, как раз этим и явилась для нее затея с галереей искусств? Попыткой чем-то заменить Хакса. Камилла уже однажды высказала нечто подобное. И теперь Рори всей душой жаждала услышать, что это не так. Что она взялась за дело своей жизни – и по совершенно правильным, разумным соображениям. И что она не должна чувствовать себя виноватой.

У матери она долго не засидится. Отдаст лишь контейнер да, может, выпьет чашку кофе.

Входная дверь оказалась не заперта. Скинув в прихожей туфли, Рори направилась к кухне. Когда из столовой до нее донеслись голоса, уйти было уже поздно. Слышался высокий и звенящий, раскатистый смех матери, знакомое гнусавое гудение Вики Фостер и чей-то еще голос, который Рори не смогла точно определить. Следовало ей все-таки сначала позвонить. Она была совсем не в настроении болтать с мамиными приятельницами.

Рори уже хотела развернуться и тихонько уйти, когда в дверях появилась Камилла.

– Аврора? А я решила, мне послышалось, что стукнула входная дверь. У тебя все в порядке?

– Да, все отлично. Я просто заехала вот это вернуть, – протянула она оранжевый контейнер. – Я не знала, что у тебя гости, иначе бы не пришла.

– Не говори ерунды! У меня всего лишь Вики и Хилли. Мы только что закончили ланч. Ты уже обедала? У нас осталось немного супа-пюре и целая куча салата.

– Я не голодна. К тому же я не одета.

– Да брось, кому до этого есть дело! Уверена, они будут ужасно рады тебя повидать.

Не успела Рори что-то возразить, как мать решительно увлекла ее в столовую.

– Смотрите, девушки, кого я там нашла! – объявила Камилла, когда они вдвоем ступили в комнату. – Она заглянула на минутку, чтобы вернуть контейнер, но, услышав, что вы здесь, просто не смогла уйти и не поздороваться.

Рори изобразила любезную улыбку. Вики Фостер и Хилли Стэнридж являлись членами Женского совета изящных искусств и занимали значимые места в ближайшем окружении Камиллы.

Хилли улыбнулась Рори, сделав печальные глаза:

– Как замечательно тебя увидеть, дорогая. Мы ужасно огорчились, услышав о том, что случилось с твоим молодым человеком, но все же будем надеяться на лучшее. Ты не поделишь с нами десерт? Твоя матушка наверняка вот-вот его принесет.

Как по команде, в столовую тут же вошла Камилла, неся поднос с десертом.

– Ты идеально вовремя зашла, Аврора! – возвестила она. – Я испекла твой любимый пирог. Яблочный с пряностями и с глазурью из коричневого масла^[42].

– Спасибо, но я правда не могу. Я просто захотела вернуть тебе суповой контейнер. У меня сегодня масса дел, к тому же кругом пробки...

– Ну что ты, милочка, останься хотя бы на пирог, – стала увещевать Хилли. – Не сомневаюсь, у тебя найдется несколько минут. И дай тем самым возможность своей матушке немного перед нами прихвастнуть.

Рори смущенно переступила с ноги на ногу, будучи уверенной, что Вики и Хилли взирают на нее сейчас со снисходительной улыбкой. На какое-то, крайне неприятное, мгновение она вновь почувствовала себя восьмилетней девочкой в нарядном платье из желтого шифона, которую на одном из маминых званых ужинов усадили на скамеечку перед роялем, и все лица вокруг ожидающе обратились к ней. А у нее во внезапном ступоре застыли на клавиатуре маленькие жаркие ладошки с растопыренными пальцами, в то время как из-за фотокамеры послышался высокий и натянутый голос матери: «Ну, играй же, Аврора. Ты же не хочешь опозорить мамочку перед друзьями».

Та фотография в серебряной рамке стояла сейчас в горке у матери в гостиной. Ее детское унижение, запечатленное для потомков. И сейчас это происходит опять: ее как будто снова призывают «выступить на вечеринке».

Рори устремила взгляд на Камиллу, и от внезапно подступивших слез у нее перед глазами словно все размылось. «Это все из-за чрезмерного парфюма», – мысленно объяснила она себе. В столовой витали запахи и «*Shalimar*», и «*White Shoulders*», и привычных маминых духов «*Chanel N5*». Сморгнув с глаз слезы, Рори опустила взгляд к пирогу. Он, как всегда, был идеален.

– Садись со мною рядом, – выдвинула для нее стул Камилла. – Я тебе отрежу кусочек побольше.

Рори послушно опустилась на стул, наблюдая, как Камилла с хирургической ловкостью нарезает на ломтики пирог. Вики тем временем наполнила четыре чашки из красивого маминого фарфорового сервиза. Да-да, на столе оказались именно четыре чашки, а не три! Ее мать словно заранее знала, что Рори к ней зайдет.

– Твоя матушка сказала, что после учебы ты поедешь на стажировку в Париж, – проговорила Вики, накладывая себе в кофе сахарный песок. – Должно быть, ты ждешь не дождешься. Все наши девочки отправляются после выпуска на стажировку, – но ни у кого нет такой интереснейшей практики, как в парижском музее Орсе.

– Боюсь, теперь этим планам придется подождать, – сказала Камилла, скорее для Рори. – Аврора решила реализовать свои интересы поближе к дому.

– О да, – закивала Вики, – конечно же! Но все же очень, очень жаль, что будет упущена такая замечательная возможность при том, скольких тебе это стоило хлопот. – Умолкнув, она выразительно вздохнула. – Впрочем, учеба, наверное, может подождать. Да и Париж, конечно, никуда не денется.

Рори все это время ковыряла вилкой пирог, вполне довольная тем, что застольная беседа протекает без ее участия. Однако слушать, как ее мать изображают настоящей жертвой происходящего, было уже слишком. Положив вилку, Рори повернулась к Вики:

– На самом деле, миссис Фостер, я решила не заканчивать колледж. Вместо этого я планирую открыть художественную галерею. Если повезет – то этой осенью.

– Галерею? – изумилась Хилли, и ее мышиного цвета брови поползли на лоб. – Вот это да! Как замечательно! Камилла, почему ж ты ничего нам об этом не говорила?

Камилла подняла ко рту чашку с кофе, отпила немного, после чего скупно улыбнулась:

– Это все еще на стадии планирования. Мне просто не хотелось сглазить.

– Но это вправду потрясающе! Открыть собственную галерею! Надеюсь, ты нашла для нее удачное место? Знаешь, как говорят: место решает все!

– На самом деле, место очень удачное, – кивнула Рори. – Я нашла удивительный дом, он совсем рядом с рестораном «*DeLuca's*».

– На Ньюбери? Просто идеальное...

– Погодите-ка, – перебила ее Вики, воздев вилку. – Это не тот ли это дом, где когда-то был свадебный салон? Там, где француженка шила свои волшебные платья? Якобы гарантировавшие всем надевшим их невестам счастливый финал. Хилли, ведь твоя дочь, если не ошибаюсь, как раз там и приобрела себе свадебное платье? Как раз до пожара? Как же этот салон назывался? Как-то очень броско и цепляюще...

– «Зачарованная игла», – ответила Хилли. – Эта женщина создавала изумительные вещи, причем все вручную. Хотя, скажу откровенно, и обошлось нам это в кругленькую сумму.

Рори, забыв про пирог, подалась вперед:

– И как это в итоге – сработало? Магия, в смысле?

Хилли счастливо улыбнулась:

– Трое моих внучков, я думаю, более чем это подтверждают. Хотя врачи и говорили, что после падения с той бешеной лошади у дочери вообще не будет детей, – я тем не менее трижды бабушка.

Вики возвела очи к потолку:

– Только не говори, что и правда веришь во все эти сказки!

– Я считаю, что никогда не помешает подстраховаться, дорогая. И если бы мне понадобилось сделать это еще раз – пусть даже за двойную цену, – я бы за это заплатила.

Вики фыркнула:

– Ну, как говорится: чем бы дитя ни тешилось. Хотя это и в самом деле было необыкновенное ателье. Мне кажется, я даже помню его

владелицу. Француженка и вообще очень эффектная женщина. Вроде как, помнится, ей поручали шить свадебное платье для одной из юных родственниц Кеннеди. То ли кузине, то ли племяннице – что-то вроде того. Короче, не помню, кому именно, но помню, что с этим была очень большая шумиха. Бог свидетель, как была нужна удача всему роду Кеннеди! А у той женщины была несомненная репутация. Кстати, что с ней случилось?

– Кажется, она погибла во время пожара, – отозвалась Хилли, теребя пальцами нитку жемчуга на шее. – Моя дочурка, помню, страшно расстроилась, прочитав об этом в газетах. Говорят, эта женщина спала, когда все загорелось... Пытаюсь вспомнить, как ее звали...

– Солин, – подсказала Рори. – Ее зовут Солин Руссель. И она вовсе не погибла. На самом деле, она и есть моя арендодательница.

– Твоя арендодательница?! Ну надо же! Расскажи-ка поподробнее.

– Вообще-то, ее дом в аренду не сдавался, хотя и пустовал уже несколько лет. Но когда она услышала, что я собираюсь открыть галерею для новых, еще не известных художников, то согласилась предоставить мне этот дом.

Вики повернулась к Камилле, которая на протяжении всего разговора хранила молчание.

– Камилла, дорогая, и ты все это время скрывала такое от нас! Ни словом не обмолвилась о мисс Руссель! И надо же – она, похоже, равнодушна к изящному искусству. Может, стоит пригласить ее войти в наш Совет?

С совершенно непроницаемым лицом Камилла начала размешивать ложечкой кофе.

– Боюсь, это как раз Аврора все от нас скрывала. Мне никогда не доводилось встречаться с мисс Руссель, хотя, насколько я успела понять, она ведет, скорее, затворнический образ жизни. Быть может, вместо участия в Совете стоит предложить ей сделать благотворительный вклад?

Хилли развернулась к Рори:

– Так, может, ты поговоришь с ней насчет того, чтобы присоединиться к нашему маленькому обществу? То есть просто прозондируешь почву?

Камилла со стуком положила ложечку на стол.

– А мы с вами не бежим впереди паровоза? Каких-то пять минут назад вы даже не могли вспомнить, как эту женщину зовут. А теперь уже готовы пригласить ее в состав Совета. Вы не находите, что сначала следовало бы узнать, по крайней мере, из нашего ли она круга?

– Бог ты мой, Камилла! – закатила глаза Хилли. – Сейчас на дворе 1980-е, а не 1880-е! Все эти соображения остались уже в далеком прошлом!

Вики вздохнула и положила на стол салфетку.

– Лично я до смерти устала слышать про этот «наш круг». Если ты еще не заметила, Камилла, наше членство в Совете давно уже ни для кого ничего не значит. Так что не нам изображать высокомерие и чванливость. Быть может, пора уже встряхнуться немножко? Она, должно быть, знает массу интересных людей. Представляете, какое это вызовет оживление?

На лице у Камиллы появилось искреннее изумление. Она не привыкла, чтобы ей перечили – и уж тем более в ее собственном доме!

– Я лишь имела в виду, что, может быть, лучше держаться тех людей, которых мы хорошо знаем.

Однако Вики ее отповедь ничуть не поколебала.

– Давай в следующий раз, Аврора, когда ты будешь с ней говорить, вверни пару намеков – чтобы узнать, готова ли она, так сказать, объединить наши силы?

Рори потянулась за чашкой кофе, чувствуя себя в очень неловком положении.

– Сказать откровенно, я даже не знаю, когда буду с ней разговаривать в следующий раз. Обычно по всем вопросам, связанным с домом, я общаюсь с ее поверенным. Кстати, спасибо, что напомнили, – добавила она и, торопливо допив кофе, поднялась из-за стола. – В четыре я условилась встретиться с подрядчиком. Приятно было снова вас обеих повидать!

Камилла разом изменилась в лице.

– Что, уже уходишь?

– Я же предупредила, что не могу задержаться.

– Но я так надеялась, ты поучаствуешь в нашем «мозговом штурме» насчет благотворительной кампании. Мы, похоже, крутимся

все по одним и тем же, заезженным темам, а у тебя всегда бывают какие-то новые творческие идеи.

– Думаю, вы прекрасно справитесь, – сказала Рори, поворачиваясь, чтобы уйти. – Как и всегда.

Почти уже на выходе из дома Камилла ее задержала:

– Аврора, надеюсь, ты не собираешься и в самом деле разговаривать с этой женщиной о том, чтобы примкнуть к нашему Женскому совету?

– Эту женщину зовут Солин. Впрочем, тебе и так это известно, поскольку мы только что ее обсуждали. И почему, по-твоему, так ужасно, если она и правда присоединится к вашему дражайшему Совету?

– Ну, для начала, мы ничего о ней не знаем.

– Позволь уточнить: *ты* ничего о ней не знаешь. А я о ней знаю довольно много, и мне она нравится.

– Это более чем очевидно. Судя по тому, как ты о ней сейчас распространялась – как будто она какая-то святая покровительница безвестных художников или что-то в этом роде.

– Я о ней не распространялась. Меня о ней спросили – причем твои же подруги. И я сюда пришла совсем не для того, чтобы о ней говорить или есть пирог. Я пришла... Ладно, неважно. Не обращай внимания.

– Что «неважно»? Что ты хотела сказать?

– Ничего. Я ничего не хотела сказать. Просто у меня сегодня плохой день. И я не ожидала, что увижу здесь кого-то постороннего. Я думала... мы сможем с тобой поговорить.

– Конечно, сможем. Они скоро уйдут, и мы сможем говорить, о чем только захочется. Ты же можешь остаться со мной на ужин. Приготовим что-нибудь вместе, как когда-то. Или можем куда-нибудь сходить – на твой выбор.

Но уже поздно было о чем-то говорить. Где-то в промежутке между тем, как она скинула туфли, и тем, как сидела за пирогом, потребность излить матери свои переживания куда-то испарилась.

– Не надо, уже все в порядке.

– Но что-то все же не так. Я же вижу.

– Что-то было не так, когда я сюда пришла. И я тебе это сказала – но вынуждена была есть пирог с твоими подругами и улыбаться,

и любезничать с ними, чтобы ты могла сыграть свою роль хозяйки дома.

– Это ведь не из-за Мэттью, надеюсь? Никаких плохих вестей о нем?

Рори устало покачала головой:

– Нет. О нем ничего не слышно.

– А что тогда?

– Возвращайся к своим гостям, мама. Если повезет, то о Солин они и сами позабудут.

– Я вовсе не имела в виду...

– Вот именно, что имела. У тебя на лице это было написано. Тебе вообще было неприятно упоминание ее имени. Не знаю почему, но это так. Или, может, тебя так вывело из себя то, что я заговорила о своей галерее? Сначала ты вынуждаешь меня остаться – а потом, когда я позволяю себе непростительный грех отклониться от твоего сценария, ты пыхтишь и злишься. Ты ожидаешь, что все станут плясать под твою дудку. Даже я.

– Это неправда.

– Да нет, правда. И когда мне было восемь лет, и сейчас – самая настоящая правда.

– Когда тебе было восемь лет?.. Аврора, о чем ты говоришь?

– Ладно, забудь. И не беспокойся: я не стану заикаться Солин о твоём драгоценном Совете. Сильно сомневаюсь, что она в него впишется, хотя и вовсе не по той причине, которую ты имеешь в виду.

– В смысле? – в недоумении уставилась на нее Камилла.

– В том смысле, что вряд ли она захочет влиться в твою свиту. – Помолчав мгновение, Рори качнула подбородком в сторону столовой: – Она не такая, как они. И, уж разумеется, не такая, как ты. Она признает меня такой, какая я есть, а не такой, какой я, по ее мнению, должна была бы быть. Быть может, потому-то она так пришлась мне по душе.

С этими словами Рори развернулась и вышла в прихожую, всячески отгоняя от себя воспоминания о восьмилетней девочке в нарядном платье, усаженной на фортепианную банкетку и замершей, заледеневшей от страха.

Глава 24

Рори

Спустя час Рори почти неожиданно для себя очутилась на крыльце перед красной парадной дверью Солин, держа в руках пакет готовой еды от «*Gerardo*». Она позвонила уже четыре раза и готова была побарабанить еще и молоточком – когда дверь чуточку приоткрылась.

– Что бы вы там ни продавали, мне это неинтересно.

– Это я! – поспешно выпалила Рори. – Простите, мне, наверное, следовало сначала позвонить.

Дверь открылась шире, и из проема на крыльцо повеяло свежесваренным кофе.

– Рори?

Солин оказалась с босыми ногами и очень просто одета: в однотонную белую футболку и джинсы, завернутые на лодыжках. Волосы были скручены в небрежный пучок, на лице не наблюдалось ни малейшего макияжа. Что вот такое кроется во француженках – даже в немолодом возрасте, – что позволяет им вскочить с постели, накинуть на себя первое, что попадет в шкафу, и уже хоть напрямиком идти на фотосессию?

Глаза Солин цепко прищурились, не отрываясь от лица Рори:

– Что случилось?

– Ничего. Или, может быть, все сразу. Как насчет перекусить?

Солин глянула на пакет в руках у Рори и отступила в сторону:

– Проходи.

Кухня у нее располагалась в самой глубине дома и была намного больше, чем ожидала увидеть Рори, с высоким потолком и просторными окнами, через которые сейчас всюду лился солнечный свет. Причем помещение это явно всюду использовалось по назначению: на стене висели связки лука и чеснока, на полке над плитой выстроились в ряд бутылочки с уксусом, на подоконнике дозревали помидоры.

– Что ж, пахнет очень аппетитно, – сказала Солин, принявшись доставать из пакета готовую еду. Там был контейнер с пастой,

смешанной с грибами, цукини и баклажанами, еще один – с салатом, также имелся бумажный пакет с ароматными шариками чесночного хлеба. – Где ты все это раздобыла?

– Есть одно заведение недалеко от моего дома. Я у них заказываю пару раз в неделю. У них всегда все очень вкусно, и к тому же есть доставка. Можно я накрою на стол?

– Сегодня такой чудесный день. Почему бы нам не пообедать в патио? Прихвати тарелки и стаканы из шкафчика возле плиты. Ниже, в ящике, столовые приборы. А я сейчас расставлю еду на поднос и через минуту выйду.

Найдя все необходимое, Рори понесла это на залитый солнцем задний дворик, заставленный горшками с пряными травами и томатами. В углу патио, в увитой розами беседке, пристроился кованный столик. Местечко было восхитительным – тенистым и прохладным, с ароматами роз и базилика, навеваемыми легким предвечерним ветерком.

Когда Рори уже закончила накрывать на стол, появилась с подносом Солин.

– Вот и славно. Помогите мне, пожалуйста. Оказалось тяжелее, чем я ожидала, и руки сразу начинает сводить.

Рори поспешно приняла у нее поднос.

– Ой, простите! Я не подумала. Мне самой надо было это вынести.

– Я же не инвалид, *chérie*. Я неплохо и сама себя обслуживаю. Почти что всегда.

– Конечно. Простите. Я вовсе не имела в виду... – Рори выставила на столик еду и опустилась в одно из стоявших там кресел. – Спасибо вам. За то, что позволили так вот бесцеремонно к вам ворваться. Надеюсь, я не нарушила ваши планы на ужин?

– Мои планы? – фыркнула с усмешкой Солин. – У меня уже несколько лет не бывает никаких планов. А уж тем более на ужин. – Она протянула перед собой обе руки. Ничем не прикрытые, поскольку Солин не ожидала гостей. – И большей частью – из-за необходимости перчаток. Из-за них я выгляжу неуклюжей, особенно во время еды. К тому же в наши дни это то еще зрелище – эдакая эксцентричная старушенция, застрявшая где-то в прошлом.

Рори с сомнением взглянула на нее. Никто в здравом уме не принял бы Солин Руссель за эксцентричную старушку. Даже сейчас – без косметики и не готовая к приему гостей – она смотрелась потрясающе элегантно. В точности, как у тех женщин из журнала «*Condé Nast Traveler*», которые были красивыми без малейших усилий, весь ее эффектный облик говорил о необычайных романтических приключениях, об удивительной жизни, прожитой где-то в дальних даях.

– А мне всегда нравились перчатки, – заметила Рори. – Мне кажется, в них выглядишь изысканней.

С неубедительной улыбкой Солин склонилась над столом, чтобы налить в стакан Рори воды.

– До чего ж ты милое создание! Ну а теперь поведай-ка мне, что привело тебя сюда. Только не говори, что теперь твоя очередь. У тебя лицо, как грозовая туча. Что стряслось?

– Да ничего, на самом деле. Просто... – Рори качнула головой, внезапно застеснявшись. – Ничего.

Солин изогнула бровь дугой:

– Ты постучалась ко мне в дверь, потому что ничего не случилось? Как это понимать?

Рори положила себе в тарелку кусок баклажана, равнодушно потыкала его вилкой.

– Простите. У меня сегодня не самый лучший день, и мне необходимо было с кем-то поговорить.

Лицо Солин потеплело.

– Так давай поговорим.

Рори пожала плечами:

– Сегодня пятница. В этот день я обычно звоню узнать, есть ли какие-то новости о Хаксе. Новостей никаких. На самом деле, я и не ожидала, что мне что-то новое скажут, но...

– Но?..

– Я не представляю, чем все это закончится, и меня это пугает. Я боюсь, что он никогда уже не вернется, и моя галерея окажется единственным, что у меня останется. А вдруг...

– Ты превратишься в такую же, как я? – тихонько подсказала Солин. – Говори, не бойся.

– Нет. Дело не в этом... – «Во всяком случае, не только в этом», – про себя добавила Рори. – Дело в том, что сказала однажды моя мать. Она считает, что в затее с галереей мною движет не то, что нужно.

– И почему же она так говорит?

– Потому что именно Хакс вложил в меня эту идею. У меня крутились подобные соображения, когда наскучивала учеба в колледже. На уровне: «А что, если...» Но именно благодаря Хаксу эти идеи стали казаться реально воплотимыми. Он сказал, что это та великая мечта, к которой следует стремиться. И я стала стремиться к этому.

– И ты полагаешь, что это неправильно? Потому что тебя к этому вдохновил Хакс?

– Мать предполагала, что я закончу колледж, а потом отправлюсь на стажировку в музей Орсе. Когда я сообщила ей, что бросаю учебу, чтобы открыть свою галерею, она заявила, что этим я пытаюсь доказать что-то тому, кого уже здесь даже нет. Потому что мною движет страх.

– Но ведь это не так, верно?

– Не знаю. Прежде я так не считала, но теперь... Я просто задним числом стала во всем вдруг сомневаться. Мне уже начинает казаться, что Хакс никогда больше не вернется и что, может быть, я уже какое-то время это подспудно понимаю. Иначе почему я решила открыть свою галерею именно сейчас – если не потому, что отчасти я сознаю, что действительно пришла пора двигаться дальше без него.

– И твоя мать все это тебе высказала?

– Нет. Она не говорила все это так многословно, но она умеет, что называется, засесть в печенках. Ей не нравится, когда я самостоятельно строю свои планы, и всякий раз, как это происходит, она начинает под них подкапываться. За двадцать три года до нее так и не дошло, что я действительно способна знать, чего хочу от жизни.

– И чего же ты на самом деле хочешь?

Рори на мгновение закрыла глаза, борясь с перекрывшим горло комком.

– Хочу, чтобы Хакс вернулся домой. Здоровым и невредимым. Хочу знать, что ждет нас дальше. И меня, и нас обоих.

В улыбке Солин проступила печаль.

– Это понятное желание. Но тебе это не дано знать, *chérie*. И никому из нас не дано. Мы можем жить лишь тем, что дано нам сейчас, сегодня.

– В том-то и проблема. Что у меня нет этой жизни. По большому счету нет. И отчасти я опасаясь, что совершаю сейчас огромную ошибку. А мать постоянно мне напоминает, что у меня совсем нет опыта, что восемьдесят процентов новых галерей не доживают до второго года. Если я пролечу с этим – что тогда? А если еще и Хакс... – Рори осеклась, чувствуя, как срывается голос, и тяжело сглотнула. – Мне кажется, я не смогу перенести еще одну потерю.

Солин положила вилку и прямо, открыто посмотрела Рори в глаза.

– Рори, ты должна научиться разделять галерею и Хакса. Сейчас они слиты у тебя в сознании воедино, как будто бы не могут существовать один без другого. Но это неправильно. Мне пришлось этому научиться... после смерти Энсона.

Рори шумно выдохнула:

– Только прошу вас: не говорите, что мне следует жить своею жизнью, не оглядываясь назад. Когда мать излагает что-то подобное, это доводит меня до бешенства.

– Хорошо, не буду. Но твоя мать вовсе не ошибается. Ты была полноценной личностью и до того, как в твоей жизни появился Хакс. И ты останешься этой личностью, даже если он уйдет из твоей жизни. И это никакой не выбор. Так устроен мир. Вопрос в том, что за личность ты будешь собою представлять? И как ты распорядишься своею жизнью, своими мечтами, своим творчеством, наконец?

Рори недоуменно уставилась на нее через стол:

– Моим творчеством?

– Да, глупышка. Конечно же, твоим творчеством! У тебя несомненный дар. Думаешь, он дан тебе просто так?

– Но я как-то не...

– Если ты передумала, то мы можем просто взять и разорвать договор аренды. Ты вовсе не обязана всем этим заниматься.

Рори пристально посмотрела на Солин. Неизвестно, что она ожидала услышать в ответ, но уж точно не предложение расторгнуть договор аренды. От одной этой мысли внутри у нее все будто сжалось.

– Нет, этого я не хочу.

Солин понимающе улыбнулась:

– Я так и думала. У тебя сейчас то, что называется желанием спасовать в последний момент. Но если тебе действительно очень нужна эта галерея – у тебя все получится.

– Как с вашим свадебным салоном?

– Когда я сюда приехала, у меня не было абсолютно ничего. Я была одинокой иностранкой с разбитой жизнью. Для меня это было очень тяжелое время – тяжелее даже, чем во время войны, – из-за того, чего я лишилась. Но я не могла просто лечь и умереть – даже когда мне самой этого хотелось.

Солин задумчиво откусила кусочек чесночной булочки и медленно прожевала. Было очевидно, что даже спустя столько лет боль ее потери по-прежнему остра. Рассказывала она свою историю достаточно легко, и все же Рори чувствовала, что там кроется что-то еще – глубокие душевные страдания, которые ее по-прежнему не отпускают.

– Вы сказали мне, что вас с Энсоном разлучила война и до вас дошла весть, что он пропал без вести. Когда это случилось, вы были еще в Париже?

– Нет. Я вынуждена была уехать. Мне очень этого не хотелось, но Энсон заставил меня бежать. Он участвовал в движении Сопротивления, помогая тайно эвакуировать людей – тех, кого разыскивали нацисты. Я тоже начала ему помогать, пока это не стало... проблематично.

Рори изумленно уставилась на нее через стол:

– Вы были в рядах Сопротивления?

– В ту пору, если ты жил в Париже, то либо сотрудничал с нацистами, либо работал на Сопротивление. Были отдельные люди, которые пытались придерживаться некой середины, но рано или поздно любому приходилось сделать выбор. Мы делали то, что могли. Я, к примеру, была курьером и связной. Женщинам больше сходило с рук. Особенно хорошеньким. – Солин помолчала, с горечью улыбаясь. – Немцам нравились молоденькие француженки. Они так отвлекались на то, чтобы с нами пофлиртовать, что забывали о бдительности. Однако им удалось узнать о наших отношениях с Энсоном – и тогда они использовали меня как рычаг против него.

Опустив на стол стакан, Рори затаила дыхание в ожидании продолжения.

– Однажды ночью, когда он возвращался с задания, его санитарный фургон сломался, и Энсона забрали в гестапо. Они несколько часов допрашивали его. А когда он отказался сотрудничать, они сообщили, что знают, кто я такая. И сказали, что если он не выдаст все нужные им имена, то они заберут меня. Фашисты нередко такое практиковали, арестовывая жен или возлюбленных и отсылая их в разные ужасные места. В концлагеря или в солдатские бордели. Энсон отказался им что-либо говорить. Но они его все же отпустили, и на следующее утро он заставил меня уехать.

– Одну?

Солин потянулась за стаканом с водой, но он оказался уже пустым. Дрожащими руками она вновь его наполнила и сделала несколько глотков.

– Работа, которой он занимался, была крайне необходимой. Если у людей не получилось бы выбраться из оккупации, то все остальное пошло бы насмарку. Так что он не мог позволить себе на что-то отвлекаться. Поэтому он договорился, чтобы меня вывезли из Франции. Мне это было не по душе, но я это поняла его решение.

– И куда он вас отправил?

– Меня переправили через границу в Испанию. Спустя какое-то время я оказалась в Англии, а потом уже и здесь, в Америке. Это был уже отработанный маршрут, так что я знала, чего ожидать. Не знала только, каким долгим окажется мой путь и каким тяжелым он будет. Вплоть до этого я могла лишь представлять, что происходит с людьми, которых мы передаем с рук на руки. А тут вдруг я сама оказалась на их месте, и это *меня* теперь переправляли.

Рори с трудом подавила дрожь, представив себя на месте Солин, покидающей свой родной дом и человека, которого она любила, и отдающейся в руки незнакомых сочувствующих людей.

– А это разве было не опасно? Прodelывать такой путь в то время, когда еще не кончилась война?

– Разумеется, опасно. Однако для многих людей оставаться в Париже было равносильно смертному приговору. Кое-кого мы

потеряли, и все же успехов у нас было гораздо больше, чем поражений, и поэтому стоило пойти на риск.

– Даже представить не могу! Уехать из Парижа и очутиться здесь, в Бостоне. Это ж все равно что приземлиться в совершенно другом мире!

Солин на несколько мгновений умолкла, замершими и побелевшими пальцами взявшись за тарелку с обеих сторон.

– Я не сразу попала в Бостон, – наконец произнесла она. – Сначала я отправилась в Ньюпорт – к отцу Энсона. Энсон предупредил его в письме, что я приеду.

Рори это немало удивило. Солин еще ни разу не упоминала отца Энсона.

– С его семьей вам, должно быть, было намного комфортнее, чем оказаться одной в незнакомом месте.

Солин медленно покачала головой, и глаза ее омрачились воспоминаниями.

– Нет. Для меня это было ничуть... не комфортно.

Глава 25

Солин

Если же кто использует la magie для собственных, эгоистичных интересов, тот навлечет несчастье на весь наш род. Так что позаботься о том, чтобы твоя игла творила дело истины, и никогда не используй свои заклинания для достижения того, что тебе не предназначено.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

22 сентября 1943 года.

Ньюпорт

На вокзал Ньюпорта я приезжаю зябким, неприветливым утром среды. После долгих часов в поезде я выгляжу помятой и растрепанной. Изможденная после нескольких недель морской болезни и уставшая от неопределенности, я тонкая, как щепка, в одежде с чужого плеча. В последние дни я ни о чем другом не способна была мечтать, кроме как о горячей ванне и нормальной постели с чистым бельем, однако теперь, когда я стою на многолюдном перроне, ища в толпе лицо, похожее на Энсона, мои мысли принимают несколько иное направление.

Я сделала все, что было в моих силах, прибирая волосы, но у меня не нашлось достаточно шпилек, чтобы заколоть их как надо. Шпильки в наши дни вообще добыть затруднительно – но куда труднее их найти на корабле, в поезде или в автоколонне, где почти сплошь одни мужчины. Мне страшно представить, как я выгляжу. Без шляпки, без перчаток, без нормальных туфель. То есть совсем не так, как хотелось бы выглядеть девушке, которая впервые встречается со своим будущим свекром.

Толпа на платформе понемногу рассеивается. Я стою на месте, то и дело поднимаясь на цыпочки и внимательно разглядывая лица оставшихся людей, но ни одно из них мне не напоминает Энсона. Молодой человек с высоко засученными рукавами. Старичок,

сжимающий в руках помятый бумажный пакет. Двое солдат в зеленой армейской форме, на пару несущие большой чемодан. Но никого, хоть отдаленно похожего на Оуэна Перселла.

Внутри у меня от страха все словно переворачивается, я начинаю гадать: то ли случилось какое-то недопонимание, то ли просто не дошло письмо. И тут я вижу, как по платформе прямо ко мне направляется мужчина. На нем черный однотонный костюм и шляпа с полями.

Оглядев меня с головы до пят, он удивленно вскидывает брови:

– Не вы ли будете мисс Руссель?

Меня охватывает чувство облегчения.

– *Oui*, это я... – Я тут же осекаюсь, припомнив, что я теперь в Америке. – Да, это я мисс Руссель.

– Меня зовут Стэнтон. Я водитель мистера Перселла. Если вы покажете, где ваш багаж, я отнесу вещи в машину.

– У меня нет никакого багажа. Только вот это, – отвечаю я, приподнимая перед собой изрядно потрепанную в дороге коробку.

Он с сомнением ее оглядывает, после чего кивает:

– Как скажете, мисс.

Но когда Стэнтон протягивает руки, чтобы ее принять, я непроизвольно отшатываюсь назад. В этой коробке – все, что только есть дорогого и значимого для меня, и я уже долгие недели привыкла не спускать с нее глаз.

– Спасибо, я сама ее понесу.

– Как вам угодно. – Его лицо становится вежливо-непроницаемым, как когда-то у *Maman*, работающей с привередливой невестой. – Прошу вас следовать за мной.

Он ведет меня к огромному, чуть не с корабль, автомобилю – черному и блестящему, с сияющей решеткой радиатора, с широкими белыми кругами по бокам колес. При виде этой машины у меня перехватывает горло. Она так напоминает мне гестаповские длинные авто, зловеще рыскающие по улицам Парижа. Я вглядываюсь в окно машины, ожидая увидеть там отца Энсона, однако в салоне никого нет.

Если Стэнтон и замечает разочарование на моем лице, то виду не показывает. Он широко открывает заднюю дверцу машины, и я забираюсь внутрь. В салоне тепло и очень удобно, и внезапно на меня накатывает невероятная усталость. Я откидываю голову на кожаное

сиденье и закрываю глаза, стараясь не думать о том, почему отец Энсона не приехал на вокзал меня встречать.

Когда я вновь открываю глаза, машина уже вкатывается по длинной, выложенной кирпичом на подъездной дороге. И я оказываюсь совершенно не готовой к первому впечатлению от дома, где прошло детство Энсона. Передо мной широкое раскидистое сооружение в три этажа из кремово-серого камня с ромбовидно-решетчатыми окнами на верхних этажах и с таким множеством фронтонов и дымоходов, что из движущейся машины я с ходу даже не способна их сосчитать. Я пробегаю взглядом по верхним окнам, маленькие стекла которых в свете прохладного утра превратились в зеркала, и невольно гадаю, не стоит ли за одним из них в ожидании моего приезда Оуэн Перселл.

Я нервно тереблю в руках свою коробку, между тем Стэнтон открывает заднюю дверь. Выбираюсь наружу, в полной мере сознавая свой потрепанный вид. Здесь все такое огромное и предельно аккуратное. И автомобиль, и дом, и даже Стэнтон, возвышающийся сейчас надо мной в своей строгой черной сарже. Он молча указывает мне на двойные стеклянные двери, оправленные в кованый орнамент с завитками, и бесстрастно проходит мимо меня.

Не успеваю я нажать на звонок, как дверь резко открывается внутрь, и передо мной внезапно предстает сам Оуэн Перселл, безукоризненно одетый в темно-серую тройку, почти наверняка шитую на заказ. Он такой же высокий, как и Энсон, с широкими плечами и плотно сбитый – на той возрастной стадии, когда немолодое уже тело вот-вот начнет обмякать. У него густые, золотистые с проседью, волнистые волосы, а глаза такие же зеленовато-голубые и блестящие, как у Энсона. Не упуская ни детали, он окидывает меня взглядом, немного задержавшись на моих обшарпанных черных туфлях.

– Мисс Руссель, ну наконец-то.

Я выдавливаю неуверенную улыбку:

– Доброе утро, мсье Перселл.

Без малейшего намека на улыбку, он встречается со мною взглядом:

– Он писал, что вы француженка.

Затем мистер Перселл смотрит куда-то мимо меня, в сторону дороги:

– Стэнтон, принесите, пожалуйста, вещи мисс Руссель.

– У нее нет никаких вещей, сэр. Только эта коробка.

Мистер Перселл вновь окидывает меня взглядом и, нахмутив брови, смотрит изучающе на висящую у меня в руке картонку для платья.

– Что ж, хорошо. Заходите.

Я вытираю ноги раз, другой и даже третий, прежде чем переступить порог широкой прихожей. Из-за блестящего полированного паркета это помещение воспринимается скорее как бальный зал. Стены окрашены в мягкий сливочно-желтый оттенок, высокий потолок отделан декоративной лепниной. Большая люстра с хрустальными подвесками словно разбрызгивает по стенам и полу маленькие осколки света, и от этих танцующих вокруг огней у меня голова идет кругом, и я уже опасаясь, что свалюсь сейчас комком у ног своего будущего свекра.

– Вам нездоровится?

Я сглатываю возникшее вдруг ощущение вязкости во рту и качаю головой:

– Нет, просто... путь оказался чересчур долгим.

– Да, понимаю. Возможно, перед ланчем вам следует немного отдохнуть. Я провожу вас в вашу комнату.

Возражать времени нет: мистер Перселл уже поднимается по лестнице, не удосуживаясь даже убедиться, иду ли я за ним. Он слегка прихрамывает – у него неровная походка с негнущейся ногой, мешающей нормально двигаться. Наверное, последствие того самого ранения в Первую мировую, о котором обмолвился Энсон.

Наверху лестницы в обоих направлениях тянется широкий коридор, увешанный английскими охотничьими эстампами. Когда я в нерешительности останавливаюсь, он быстро оглядывается:

– Сюда, пожалуйста. Последняя дверь справа.

В самом конце коридора он толчком открывает дверь и отступает в сторону.

– Я велел проветрить комнату и застелить постель. В вашем распоряжении отдельная ванная – прямо тут, при спальне, – если вам

захочется освежиться перед ланчем.

Я захожу внутрь. Занавески на окнах задернуты, и в помещении довольно сумрачно. Это небольшая комната с двуспальной кроватью, ночным столиком с лампой, с пустым необжитым бюро и длинным овальным зеркалом. Обои на стенах с огромными махровыми розами на бледно-зеленом фоне. Узор кажется чересчур громоздким для такого маленького пространства, отчего он выглядит несколько угнетающим.

– Благодарю вас, – говорю я со всей любезностью, на какую сейчас способна, – здесь очень мило.

Он лаконично склоняет голову – что, очевидно, означает единственный ответ, на который я могу рассчитывать, и я ловлю себя на том, что пытаюсь распознать этого незнакомого пока человека. Для мужчины за пятьдесят он довольно красив, с высокими скулами и широким открытым лбом, с небольшим бугром на переносице, как будто она когда-то была перебита. Но особенное внимание привлекают его губы – полные и вместе с тем суровые. Губы человека, не привыкшего улыбаться.

– Ланч будет подан к двенадцати тридцати. За вами придут.

На этом он закрывает дверь, оставляя меня одну. Точно квартирантке, мне показали отведенную комнату и предоставили самой себе. Поставив коробку на бюро, я скидываю туфли, затем прямо как есть, в полном облачении, вытягиваюсь на кровати и закрываю глаза.

Ни разу за все это время Оуэн Перселл не произнес имени сына.

Меня едва не уносит дрема, но вдруг я быстро стряхиваю сон. Дверь чуточку приоткрыта, и в появившейся щели виден чей-то глаз – широко раскрытый, пылливый. Я резко сажусь на постели. В голове по-прежнему все плывет и кружится.

– *Vous pouvez entrer*^[43], – хрипло говорю я, но тут же вспомнив, что я в Америке, добавляю: – Войдите.

Дверь открывается еще на несколько дюймов. В проеме уже видно все лицо – с полными щеками, зеленовато-голубыми глазами и с густой копной светлых, пшеничного цвета, волос. Юная копия Энсона, причем в девичьем варианте.

– Ты Тия? – с улыбкой произношу я. – Сестра Энсона? Твой брат мне столько про тебя рассказывал. И как ты любишь рисовать, и как

играешь на гитаре.

Она продвигается немного вперед – стеснительность в ней борется с любопытством. Ей лет одиннадцать-двенадцать, но она достаточно высока для своего возраста и немного неуклюжа, с крупными передними зубами и щедрой россыпью веснушек. Из-за мешковатого свитера и плохо сидящей юбки она кажется угловатой и невзрачной, однако под этими безвкусными слоями одежды явно скрывается красота, лишь ожидающая своего расцвета.

– А вы правда француженка? – шепчет она с неким даже благоговением. – Папа сказал, что да. Он называет вас французской белошвейкой Энсона. А что означает «белошвейка»?

Я сознаю этот презрительный щелчок, однако стараюсь сейчас сосредоточиться не на этом, а на Тие, которая изучающе рассматривает меня, склонив голову набок. Она в точности Энсон с буквы Т, и неожиданно я чувствую желание крепко обнять эту девочку.

– Белошвейка – это женщина, которая шьет белье и красивые платья, – объясняю я. – И да – я из Парижа.

Уголки ее рта огорченно опускаются.

– У них там сейчас война.

Это заявление может показаться странным – хотя, наверное, не в устах ребенка. Америка, конечно, посылает своих мужчин воевать – но здесь все же нет ни ужасов оккупации, ни бомбежек.

– Да, – тихо отвечаю я. – У них война.

Тия усаживается со мною рядом, зажав ладони между коленями.

– И Энсон там. Он возит больных и раненых на «Скорой».

Я невольно улыбаюсь, очарованная ее простодушием.

– Да, это так. И у него очень неплохо получается.

– А вас он тоже куда-то возил? Вы так с ним и познакомились?

– Нет. Мы познакомились в госпитале, где оба работали. В первый день работы мне стало дурно, и он мне помог.

Она расплывается в улыбке, наморщив носик:

– Энсон всегда всем помогает. Он замечательный.

– Я тоже считаю, что замечательный.

– Только, пожалуйста, не говорите моему отцу, что я за вами подглядывала. Ему бы это не понравилось. Меня послали только постучаться и привести вас на ланч, но я надеялась, мы сможем подружиться.

Глядя на ее лицо – такое застенчивое и полное надежды, – я чувствую, как мое сердце тает.

– Конечно же, мы можем стать друзьями. И можешь заходить ко мне в любое время. Твоя комната где-то рядом с моей?

– Нет. – И она вытягивает руку, указывая в противоположный конец длинного коридора. – Комнаты домашних в другой части. Моя дверь – первая справа. А Энсона – напротив, через коридор. Спальня мамы с папой – в самом конце, хотя теперь это только папина комната.

– А кто живет в этой части?

– О, здесь совсем никто не живет. Здесь мы только размещаем гостей. Тетя Диана тут жила, когда приезжала на мамины похороны. Она мамина сестра, хотя папа и говорит, что она нам не кровная родственница.

Я понимающе киваю. Для Оуэна Перселла родня означает только свою кровь. Свояченица не в счет. Равно как и французская невеста.

– Пойдемте лучше вниз, – говорит Тия. – Папа не любит, когда кто-то опаздывает.

Девочка остается ждать, пока я иду в ванную, чтобы умыть лицо и как-то пригладить волосы. Мое отражение пугает меня саму. От скудной пищи и постоянного недосыпа лицо у меня ужасно бледное, с заострившимися скулами и подбородком. Я провожу ладонями по одежде. Моя блузка с юбкой после столь долгой носки кажутся совсем задрипанными и очень мятыми, но у меня нет при себе ничего лучше, как нет и денег, чтобы что-то новое купить.

Выйдя из ванной, я застаю Тию возле бюро – та робко проводит рукой по крышке моей коробки. На мгновение меня охватывает паника – видимо, срабатывает территориальный инстинкт.

Тия тут же отдергивает руку, но уже через мгновение ее взгляд сам собой возвращается к бюро.

– А что там? – с застенчивым любопытством спрашивает она.

Я улыбаюсь, заговорщицки подмигивая:

– Все мои секреты. Ну что, пойдём вниз?

В столовой Оуэн уже сидит за длинным столом, накрытым льняной скатертью и сервированным на троих. Когда мы с Тией появляемся в дверях, он тяжело взглядывает на нас и, увидев меня, сжимает губы.

– Я полагал, вы переоденетесь к ланчу, – холодно говорит он. – Вам удалось отдохнуть?

– Да, благодарю вас. Я чувствую себя намного лучше. Тия постучала в дверь моей комнаты, давая знать, что пора идти вниз.

Девочка благодарно мне улыбается, когда мы рассаживаемся по местам. Между тем мистер Перселл продолжает смотреть на меня волком.

– Ее зовут Синтия, – жестко произносит он. – В честь моей матери. И мы не поощряем уменьшительных форм в именах.

– Прошу прощения, я не знала... Но именно так всегда называл ее Энсон.

– Ну да, сын всегда и во всем ей потакал. Я полагаю, это связано с разницей в их возрасте. Синтия, помни про салфетку.

Насупившись, Тия стягивает салфетку себе на колени. Я следую ее примеру, думая о том, не предназначался ли его попрек на самом деле мне.

Несколько мгновений проходят в молчании. Я с интересом рассматриваю столовую, избегая встречаться взглядом с Оуэном. Комната очень красивая, здесь все бело-золотое, сверкающее чистотой, и внезапно посреди этого великолепия я начинаю чувствовать себя таким бросающимся в глаза, грязным пятном.

Наконец через распахивающиеся в обе стороны двери в столовую входит женщина в бледно-сером, строгом, будто форменном платье, неся в руках супницу и большой серебряный половник. Когда она ставит супницу на середину стола, Оуэн холодно кивает ей.

– Спасибо, Белинда, – бесстрастно говорит он, снимая с супницы крышку. – Синтия, твою тарелку, пожалуйста.

Тия послушно протягивает ему свою тарелку и хмуро, брезгливо наморщив нос, наблюдает, как отец наливает ей ярко-красную густую жижу.

– Тома-атный?

– Именно, – отвечает Оуэн, наливая суп в свою тарелку, после чего передает половник мне. – И ты будешь это есть. Каждый должен вкладывать свою лепту в идущую сейчас войну, Синтия. И ты не исключение. А это означает, что мы будем обходиться тем, что сами тут выращиваем. Или же ты предпочитаешь, чтобы твой брат голодал где-то в другой половине земного шара?

Глаза Тии блестят от мгновенно подступивших слез, и я чувствую вспышку гнева, ошеломленная тем, что отец может быть настолько бесчувственным.

– На самом деле, – говорю я как бы между прочим, наполняя свою тарелку супом, – в тот госпиталь, где работает Энсон, Красный Крест регулярно поставляет продовольствие. А еще там все клумбы превратили в овощные грядки, так что теперь выращивают даже собственные помидоры.

Оуэн бросает на меня суровый взгляд.

– Сын написал мне, что вы с ним познакомились в этом самом госпитале, но больше ничего не сообщал. Вы что же, работали там медсестрой?

– Нет, не медсестрой. Я была волонтером.

– Волонтером, значит... И что же эта работа собою представляла?

– Мы ухаживали за ранеными.

Он с едким холодком бросает на меня взгляд поверх поднесенной ко рту ложки с супом.

– Ну да, понятно.

Я игнорирую его ледяной тон, а также невысказанное предположение, будто в том, чем я занималась, было нечто неподобающее. Он же сам был ранен на Первой мировой войне! И он прекрасно знает, что делают в госпитале волонтеры.

– Мы кормили тех, кто был не в состоянии есть сам, помогали принимать ванну, читали им письма от родных, помогали писать письма домой.

– Уверен, это достойно всяческих похвал. И как повезло при этом нашим юношам. Поведайте же мне о том, как вы с моим сыном... сдружились.

«Сдружились»?

При этом слове, намеренно принижаящем наши с Энсоном отношения, я внутренне ощетиливаюсь. Но не успеваю я открыть рот, чтобы ответить, как Тия вклинивается в разговор:

– Ой, а я знаю! Ей стало нехорошо в первый день работы в госпитале, и Энсон ей помог!

Оуэн сердито смотрит на дочь, после чего вновь переводит внимание на меня.

– В ваш первый день, значит... Что ж, неплохо, быстро у вас все получилось. Похоже, что и с моей дочерью вы так же быстро подружились.

– Она спросила об Энсоне, когда мы сюда спускались, – отвечаю я, наливая себе еще томатного супа. – Ей, несомненно, сильно не хватает брата.

Он опускает ложку и впериается в меня холодным взглядом.

– Нам всем здесь его не хватает, мисс Руссель. И все мы будем очень счастливы, когда он вернется домой, где его ждет семья. Где ему, собственно, и место.

Я изображаю в ответ улыбку, но ничего не говорю, выбитая из колеи тем, как он произнес эту фразу насчет «домой, где его ждет семья». Безусловно, у него и в мыслях нет того, что мы с Энсоном поженимся и станем жить под его кровом. Я пытаюсь представить это существование под неотступным взглядом холодных цепких глаз мистера Перселла, когда постоянно стараешься снискать его одобрение и всякий раз терпишь неудачу. От подобной перспективы у меня даже к горлу подступает тошнота.

В столовой снова – точно призрак в своем сером форменном платье – появляется Белинда, удерживая сразу три тарелки, которые она так же без единого слова расставляет перед нами. Я смотрю на еду – на небольшую горку салата с зеленью и стейк из лосося, украшенный огурцом и укропом. После нескольких недель дороги, когда мою пищу составляли лишь хлеб да жалкий водянистый суп, это было самое настоящее пиршество. Вот только теперь, опустив взгляд в свою тарелку, я больше не чувствую себя голодной.

Глава 26

Солин

Невесте следует помнить, что, обретая вечные узы со своим женихом, она тесно связывается также и с его семьей, и мы не имеем ни малейших притязаний на успех этих взаимоотношений. Это уже не наша работа.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

5 октября 1943 года.

Ньюпорт

Минуло уже две недели после того, как я сошла с поезда в Ньюпорте, но отношения с отцом Энсона лучше не стали. Когда возникает необходимость общения, мистер Перселл предельно вежлив, однако он редко утруждает себя разговором со мной, даже за столом, хотя меня усаживают прямо напротив него. Бóльшую часть дня он отсутствует – что, хоть и маленькая, но радость, – или допоздна посвящает себя работе, посещая некие сборища и заседания или ужиная с клиентами у себя в клубе. Когда же ему случается проводить вечер дома, он, как правило, запирается в своем кабинете.

Пустые дни тянутся долго, и когда Тия в школе, разве что радио составляет мне компанию. Я то и дело слушаю новости, и внутри у меня все сжимается при мысли, где сейчас Энсон. Я могу лишь молиться, чтобы он остался жив и поскорее вернулся домой. Несколько раз я писала ему еще в дороге и один раз – когда прибыла в Ньюпорт, давая знать, что добралась благополучно. И вот уже прошло столько недель – а я до сих пор не получила от него ни единого письма, и это постоянное ожидание лишает меня покоя.

С самого своего приезда я не покидала этот дом, если не считать долгих сидений возле бассейна или прогулок по маленькому отрезку пляжа прямо за воротами патио. Свежий морской воздух хорошо снимает головные боли и освобождает меня от ощущения замкнутого пространства. По дому мне бродить крайне неудобно: я ощущаю себя

здесь не в своей тарелке – словно вторглась без спроса на чужую территорию. Впрочем, в особняке я остаюсь не совсем одна. Здесь есть Белинда, отвечающая за питание, и есть еще уборщица по имени Клара, которая приходит дважды в неделю. Но обе они, встречая меня где-то в доме, относятся ко мне, как к мебели. Так что я стараюсь больше сидеть у себя в комнате с ее чудовищными обоями и вечным давящим на нервы полумраком.

Единственная моя отдушина – это Тия. Она такая восторженная натура, так жаждет внимания и любви! И от отца она не получает ни того, ни другого. Не то чтобы он был намеренно жесток – нет. Это потребовало бы от Оуэна больше усилий, чем он готов ей уделить. Он просто будто бы ее не видит – что жестоко само по себе. Возможно, именно поэтому она так быстро сделала меня своей близкой подругой – своей «будущей сестрой», как она меня называет. И, признаюсь, это мне очень по душе.

Каждый день, возвращаясь из школы, она торопится ко мне, в нетерпении заняться со мной уроками. Она попросила меня научить ее французскому языку, чтобы, в будущем, когда она станет известной художницей и переедет в Париж, она могла свободно говорить по-французски. Но сегодня она приходит ко мне в комнату, зажав под мышкой один из своих альбомов для рисования. Девочка плюхается на кровать и ждет, когда я присяду с ней рядом. Затем раскрывает альбом и кладет его мне на колени.

Я опускаю взгляд и вижу портрет Энсона с поворотом в три четверти. У меня перехватывает горло.

– Как у тебя чудесно получилось! – шепчу я, ведя пальцем вдоль контура его лица.

– Я очень тоскую по нему.

– Я тоже.

Тия вскидывает голову, изо всех сил стараясь улыбнуться:

– Он ведь храбрый, правда?

– *Oui, chérie*. Он очень храбрый. Храбрее мужчины я еще не встречала.

Девочка несколько раз моргает, и на кончиках ее ресниц поблескивают слезы.

– Надеюсь, он скоро вернется домой. Тогда вы наконец сможете пожениться, и я уеду жить с вами.

Ее слова проникают мне в душу, и от этого у меня едва не разрывается сердце. В ее возрасте я отчаянно мечтала уехать от *Maman* и жить с *Tante* Лилу, упорхнуть из своей клетки, как это сделала Лилу, и устремиться к своим грезам. Однако здесь ситуация совсем иная. Это не беспокойство духа, жаждущего наконец расправить крылья, – здесь горькая, неизбывная тоска ребенка, который знает, что его не любят.

Запечатлев поцелуй на ее светлой макушке, я пытаюсь сменить тему.

– Я в твоём возрасте тоже все время рисовала. Изрисовывала множество страниц, и на всех были великолепные платья, которые я когда-нибудь сошью.

У девочки расширяются глаза.

– Правда?!

– Когда-то я хотела прославиться. Но не своими рисунками, а платьями, что буду шить. Нарядами с моим именем на ярлычке.

– А что стало с теми рисунками?

– Мне пришлось оставить их в Париже. Они не были настолько прекрасны, как твои, но этого и не требовалось. Это были всего лишь задумки, эскизы.

– А ты уже когда-нибудь шила сама платья?

Я лукаво улыбаюсь:

– Сшила одно. Но потом началась война, и такие платья, как у меня, некому уже было покупать.

Тя мечтательно вздыхает.

– Как бы мне хотелось его увидеть! Я имею в виду то платье. Уверена, оно было восхитительным.

Тут я подношу палец к губам, иду к шкафу, достаю свою дорожную коробку и возвращаюсь с ней к кровати. Стоит мне открыть крышку и расправить платье – и глаза девочки становятся круглыми, как блюдца.

– Оно же как из сказки!

– Да, – тихо отвечаю я. – Это... да, вроде того. Это мое платье счастливого финала.

Тя недоуменно смотрит на меня:

– Платье... чего?

– Ну, так мы с матерью обычно говорили.

– И ты правда сама его сшила?

– Сама.

– Прямо от и до?

Эта забавная фраза вызывает у меня улыбку.

– Да, прямо от и до.

– Это самая прелестная вещь, что я когда-то видела! – Она тихо вздыхает, с нежностью водит пальцем по бисеру. – Ты его сшила, чтобы надеть, когда будешь выходить замуж за Энсона?

Складывая платье обратно в коробку, я пытаюсь побыстрее сообразить, как ответить на этот вопрос. Правда в том, что я начала шить это платье задолго до того, как познакомилась с Энсоном. Единственное, что меня серьезно беспокоило тогда – это желание заявить о себе матери. Хотя во мне жила мечта о ком-то вроде Энсона. О прекрасном принце – добром, храбром и красивом. О таком, каким был английский возлюбленный тетушки Лилу.

– Да, – отвечаю я наконец. – Я сшила его для свадьбы с Энсоном.

Тия вскидывает на меня сияющие глаза:

– Жду не дождусь, когда он увидит тебя в нем! Ты будешь самой прекрасной невестой во все времена!

Я сглатываю стеснивший горло ком, удивленная той глубокой привязанностью, что появилась у меня к этой девочке.

– А ты будешь прекраснейшей подружкой невесты. Какого цвета ты бы хотела себе платье?

– Голубое, – отвечает она не задумываясь. – Мамочке всегда нравилось видеть меня в голубом. Она говорила, этот цвет подчеркивает мои глаза. У меня было голубое платье несколько лет назад, с красивыми пышными рукавами, но оно мне больше не подходит. И ни одно из моих нарядных платьев мне уже не впору. Но папа говорит, что это дурно – мечтать о новой одежде, в то время как наши юноши обходятся без нее. Дескать, мы должны нести свою ношу в этой войне.

Убирая обратно платье и возвращая свою коробку в шкаф, я едва сдерживаюсь, чтобы не выказать взглядом злость. Я уже много раз слышала эту мантру Оуэна и теперь прекрасно понимаю, для чего она ему нужна: это его способ заставлять ходить по струнке свою дочь. И все же, окидывая взглядом бесформенный джемпер и чересчур узкую юбку Тии, я начинаю вынашивать идею, как ей помочь, ничуть

не обделяя при этом американских воинов. Однако я не стану ничего ей говорить, пока не обсужу это с ее отцом.

Когда Оуэн, откуда-то вернувшись поздним вечером домой, обнаруживает, что я дожидаюсь его в библиотеке, это вызывает в нем одновременно удивление и раздражение. Я сижу на диване с кремовой обивкой, делая вид, будто читаю позаимствованную у него книгу. В этот момент мне становится совсем не по себе: я переживаю о том, как сейчас выгляжу, как скрещены мои ноги, чем заняты руки. Однако мистер Перселл, зайдя сюда, чтобы налить себе выпить, притворяется, будто не видит меня в упор.

Я молча наблюдаю, как он бросает в стакан пару кубиков льда, потом вливает туда немного янтарной жидкости, и в этот момент я непроизвольно начинаю гадать, откуда у него в ведерке лед. По всей вероятности, позаботилась Белинда. Но у самого Оуэна появление льда в библиотеке никакого удивления не вызывает. Он, видимо, привык, что все происходит именно так, как он этого ожидает. Вот почему я ему не нравлюсь – потому что я совсем не такая невеста, какую он хотел бы для своего сына.

Наконец он разворачивается, неуклюже опираясь на больную ногу. Я сразу закрываю книгу и молча жду, когда он сделает глоток из стакана. В конце концов он вперивается в меня своим леденящим взглядом:

– Что задержало вас здесь в такое позднее время, мисс Руссель?

Я здесь уже больше двух недель, а он все так же избегает называть меня по имени, как будто наше знакомство слишком мимолетно.

– Я надеялась поговорить с вами о Синтии... точнее, о ее гардеробе.

– О ее гардеробе?

– Видите ли, девочки сильно отличаются от мальчиков.

– Что вы говорите!

В его тоне нет ни намека на юмор, и все же я решительно продолжаю говорить, нацелившись высказать свою точку зрения:

– В некотором возрасте девочки начинают сравнивать себя с подругами. Им становится важно, как они выглядят, что они носят.

Их беспокоит, как на них сидит одежда. Синтия сейчас как раз в таком возрасте.

– В гардеробе моей дочери нет ничего плохого.

– Он не плохой, нет. Просто он немного... невзрачный. И ее вещи не сидят на ней так, как бы того хотелось.

– С тех пор как началась война, нам всем приходится без очень многого обходиться. Экономить бензин, растительное масло. Не хватает даже бумаги: когда все мужчины отправились воевать, некому стало валить деревья. Это вопрос самопожертвования ради своей страны.

Я пристально смотрю на него, глубоко задетая этими банальностями. С моей точки зрения, Перселлы как раз мало чего лишились в сравнении с жителями Франции или Англии. Еще ни одна бомба не упала сюда, на американскую землю. Здесь нет захваченных или разграбленных лавок, салонов и ресторанов. Здесь тупые солдафоны не разоряют магазинные полки. Да, это, конечно, правда, что их мужчины отправились воевать за океан против нацистов, и это действительно великое самопожертвование с их стороны, – но это далеко не то же самое.

– Там, откуда я родом, мистер Перселл, очень хорошо известно, что такое потери и самопожертвование. Мы узнали это с того самого дня, как гитлеровцы вошли в Париж и развесили по всему городу свою свастику.

Он холодно смотрит на меня, и в его глазах я вижу некоторую тень удивления. Он явно не привык, чтобы кто-то ему прекословил – а уж тем более двадцатилетняя девчонка-белошвейка без единого су за душой.

– Какая удача, что мой сын в один прекрасный день явился вам на помощь.

Я кротко улыбаюсь, делая вид, будто не замечаю этой шпильки.

– Да, мне повезло. И не только в том, что мы познакомились с Энсоном и полюбили друг друга, но также и в том, что вы оказались так добры, что приняли меня в своем доме. На самом деле я много размышляла, как бы я могла отплатить вам за это великодушие. И вот я подумала: может быть, я могла бы сшить несколько новых платьев для Синтии? Она такая хорошенькая девочка, и пара новых платьев для нее были бы более чем кстати.

Оуэн прищуривается, словно пытается распознать в моем предложении некий подвох.

– Это она вас подговорила, да?

– Нет, это целиком моя идея. Она даже не знает о моем намерении. Но я хотела сначала получить ваше одобрение, прежде чем говорить ей что-либо.

Он снова подносит ко рту напиток, продолжая изучать меня взглядом.

– Гардероб моей дочери идеально подходит духу времени, мисс Руссель. Он добротен и прочен.

«И ужасен», – добавляю я про себя.

– На самом деле, из многих своих платьев она просто выросла. Синтия ничего вам об этом не говорила, поскольку ей не хотелось показаться эгоистичной. Она понимает, что вещей и средств сейчас не хватает и что в первую очередь следует думать о военных нуждах. Однако у меня есть одна идея.

Оуэн поворачивает стакан, побрякивая кубиками льда и явно выказывая нетерпение.

– Какая же?

– Когда в Париж пришли нацисты, они прокатились по магазинам, точно стая саранчи, расхватывая еду, одежду, обувь, даже книги, пока не остались только голые полки. А потом ввели нормирование и карточки. Новую одежду взять было негде и сшить тоже не из чего. Но мы к этому приспособились. К тому времени, как я уехала из Парижа, наши женщины нередко распарывали оставшиеся после мужей костюмы, чтобы сшить себе одежду. Вот я и подумала: вдруг у вас в доме есть какая-то старая одежда – может быть, что-то, оставшееся после матери, – я могла бы перешить их для Синтии.

– В этом нет необходимости. Моя секретарша...

– Всего-то пару вещиц, – не отступаю я. – Пожалуйста! Ей будет так приятно, если у нее останется что-то из вещей матери – хотя бы даже на память!

Оуэн опускает свой стакан, и на мгновение кажется, будто лицо его смягчилось.

– В гардеробной у Лидии осталась кое-какая одежда. Думаю, вы можете взять оттуда пару-тройку платьев. Но не больше. И чтобы ничего слишком вычурного или взрослого. Ей всего одиннадцать.

– Да, разумеется, – уверяю я, с трудом подавляя улыбку, чтобы не выказать свое торжество.

По крайней мере, в этом раунде я победила. Хотя в том, что я сейчас сказала Оуэну, я нисколько не кривила душой. Я действительно хочу выразить ему свою благодарность, а также занять себя чем-то полезным до возвращения Энсона. А еще я смогу снова шить. Только не свадебные платья, призванные гарантировать счастливый финал, а девчоночьи наряды, которые, возможно, всем нам принесут какое-то счастливое начало.

Глава 27

Солин

Для новичка la magie может оказаться изнуряющей, напрочь лишаящей сил.

Перед тем как взяться за Дело, начинающей колдунье необходимо как следует отдохнуть, а потом не забывать делать частые перерывы для восполнения энергии.

Иначе ее силы быстро истощатся, и заклинание окажется неэффективным.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

22 октября 1943 года.

Ньюпорт

И снова я потихоньку занимаюсь шитьем. Только на этот раз я шью не для себя, а для Тии. *Ma pauvre fille*^[44]. Как я могу не болеть за нее сердцем! Ей было всего восемь, когда умерла мать. Отец в ее жизни – не более чем мрачный призрак, а брат – вообще по ту сторону океана. Так что для утешения у нее остаюсь только я, ее «будущая сестра». И хотя я люблю ее и души в ней не чаю, я не могу заменить ей родителей.

Отношения с Оуэном у нас лучше не стали. Я надеялась, что разговор о Тие как-то расположит его ко мне, однако это, похоже, имело прямо противоположное действие. Он больше не разделяет с нами стол и вообще редко когда возвращается домой до полуночи. Порой я думаю: может, у него есть женщина, с которой он проводит время, некая пассия, помогающая ему заполнить пустоту, оставленную умершей женой? Однако мне очень трудно представить в этом мужчине хоть какую-то страсть или любого рода теплые чувства.

Но тем не менее сегодня утром, надевая шляпу и готовясь уехать на весь день, мистер Перселл вдруг поинтересовался, не получала ли я от Энсона какого-либо письма за время, прошедшее с моего приезда. Вопрос этот застал меня врасплох. Он никогда в разговоре со мной

не упоминал имени сына. Когда я сообщила, что писала Энсону, но так и не получила ни одного письма в ответ, лицо Оуэна еще сильнее помрачнело, и на мгновение мне даже стало его жаль.

Я попыталась успокоить его, объяснив, что Энсон чрезвычайно предан своему делу и что я сама видела, как он по нескольку дней работал без сна и без отдыха, когда случилось большое поступление раненых. Закончила же я тем, что напомнила ему, как ненадежна французская почта по части заокеанских писем. Он покивал, со всеми доводами вроде бы соглашаясь, но все же груз молчания Энсона тяжело повис между нами, потому что я тоже начала его ощущать. А еще меня сильно беспокоит, что со мною что-то не в порядке. Я постоянно чувствую какую-то усталость, слабость и тошноту, и иногда не могу уснуть. И все это, вкупе с полным отсутствием вестей от Энсона, делают мои дни унылыми и бесконечными, приносящими лишь пустоту и постоянное физическое недомогание.

Но теперь, по крайней мере, я могу занять себя шитьем платьев для Тии. У меня было такое странное чувство, когда я перебирала в гардеробной одежду Лидии Перселл – и повседневные платья, и вечерние костюмы. Все они явно шились на заказ – даже самые простые, – все были сделаны со вкусом и определенно стоили недешево. Из них-то я как раз и выбрала материал для своей работы. Но были еще и вечерние платья: и атласные в тонах драгоценных камней, и бархатные, отделанные стразами; и шифон, и гипюр, и поблескивающая серебром ламе. Я посмотрела на ярлычки: Уорт, Диор, Ланвен. Некоторые платья были совершенно потрясающими – как раз такие я и мечтала сама создавать, когда была еще юной девочкой. Однако в сравнении с будничной одеждой Лидии они казались сногшибательно роскошными – как будто принадлежали совсем другой женщине. И я поймала себя на мысли: какие платья принадлежали *настоящей* Лидии Перселл, а какие были выбраны для той особы, что Оуэн Перселл желал видеть в своей жене? Я сделала для себя мысленную пометку разузнать об этом у Энсона, когда тот вернется домой. А до той поры решила сосредоточиться на том, чтобы закончить платья для Тии.

Два из них я уже полностью сшила и сегодня к концу дня должна уже закончить третье. Вновь беря в руку иглу, я не могу сдержать улыбку. Тия уже вернулась домой из школы, и мне слышно, как она

гремит на кухне, давая мне понять, что она там – она все еще сердится на меня. Я пока что ничего не сказала ей про платья, позволив ей думать, будто я сегодня пропустила наш ежедневный урок французского, чтобы что-то сделать для себя. Но сегодня после ужина я покажу ей новые платья, и она наконец поймет, почему я напускала на себя такую таинственность.

На ужин нам подают говядину, картофель и морковь в обильном маслянистом соусе. Белинда уже не так старательно готовит и сервирует с тех пор, как Оуэн перестал питаться дома. От запаха жира меня начинает мутить, но из вежливости я ковыряюсь в тарелке, распахивая еду по краям. Сидящая наискосок от меня Тия угрюмо тыкает вилкой в ломтик моркови, пряча лицо под снопом густых светлых волос.

Наконец я кладу вилку и обращаюсь к ней:

– Не хочешь ли зайти ко мне в комнату после ужина? Мне надо кое-что тебе показать.

Девочка медленно поднимает голову:

– Что?

Она пытается изображать обидчивость, но я все же чувствую в ней любопытство.

– Это сюрприз, – полушепотом говорю я.

– Для меня?

На мгновение она кажется настолько похожей на Энсона, что у меня перехватывает дыхание.

– *Oui, ma fille.* Для тебя.

– Ой, да! Конечно!

Вот и все! Наша дружба восстановлена!

После ужина она поднимается вслед за мной по лестнице и идет вдоль длинного коридора. Прежде чем распахнуть дверь, я заставляю Тию закрыть глаза и потом не торопясь веду к кровати.

– *Voilà!* – помпезно восклицаю я. – Теперь можно смотреть.

При виде платьев, разложенных на моей кровати, точно куклы с человеческий размер, Тия ахает.

– Это все... для меня?

– Конечно же, для тебя, глупышка! Мне они уж точно не по размеру.

Она робко делает шаг вперед, с изумлением разглядывая платья. Одно из них нежно-розовое в цветочек с мелкими буфами на лифе и пышными рукавами, второе – платье-колокольчик из белого шитья с шелковым желтым поясом, и, наконец, мое любимое – темно-синяя матроска с плиссированной юбкой и накрахмаленным белым воротником. Тия тянет руку, чтобы их потрогать, но в последний момент отдергивает, словно боясь, что от ее прикосновения наряды исчезнут.

– Откуда же ты их взяла?

– Это из платьев твоей мамы, – осторожно объясняю я. – Твой отец сказал, что он не возражает, если я переделаю их для тебя. Я позаимствовала у тебя в гардеробной одно из твоих платьев, чтобы сделать выкройку, так что, возможно, еще кое-где понадобится немножко подогнать по фигуре. Но мне очень хотелось сделать тебе сюрприз.

– Поэтому у нас и не было французского?

– *Oui, chérie*. Именно поэтому.

И, совершенно неожиданно для меня, она кидается ко мне с объятиями:

– Спасибо! Спасибо тебе! Мне так они нравятся!

Ощущение ее рук, крепко меня обхвативших, неожиданно вызывает во мне пронзительную тоску, и на мгновение я представляю, как это будет замечательно – когда у меня будет собственная дочь с такими же светлыми, как у Энсона, волосами и зеленовато-голубыми глазами.

– И какое ты наденешь первым?

Тия вновь подходит к кровати, с жадностью смотрит на матроску, но все же показывает на розовое с цветами:

– Вот это.

– В самом деле? Я думала, ты выберешь синее.

– Я так и хотела, но потом решила приберечь его до приезда Энсона. Ничего, если я тогда его надену?

На мои глаза наворачиваются слезы, но я улыбаюсь девочке:

– Я думаю, это будет замечательно. Мы пока его повесим...

– Папочка! – резко оборачивается Тия к двери. – Ты только посмотри!

Оуэн со стаканом в руке стоит, тяжело привалившись к дверному косяку, и смотрит на меня одновременно с удивлением и раздражением, как будто забыв о том, что я тоже обитаю под его кровом. Я пытаюсь изобразить улыбку, однако его внезапное появление выбило меня из колеи.

– А я как раз показываю Синтии ее новые платья.

– Я полагал, что для начала вы покажете их мне.

Речь его медлительна и немного невнятна, взгляд почти неподвижен.

– Простите, но я не думала, что стоит из-за этого вас беспокоить. Я понимаю, насколько вы заняты.

– Иди скорее, посмотри, папа! – восторженно указывает Тия на платья. – Они такие красивые!

Оуэн отрывается-таки от дверного проема и, резко пройдя мимо меня, останавливается рядом с дочерью.

Тия проводит ладонью по плиссированной синей юбочке, потом скидывает глаза на отца:

– Вот это мне больше всего нравится. Солин сказала, оно раньше было маминым. Ты его помнишь?

Лицо его на миг словно размякает, и мне даже кажется, что он ничего не ответит дочери. Но спустя мгновение Оуэн все же кивает:

– Да, помню.

Однако больше его внимание привлекает платье из белого шитья. Оуэн легонько проводит костяшками пальцев по его горловине, и я замечаю, как вздрагивает у него кадык. Это прикосновение к платью кажется мне настолько интимным, что я едва не отвожу взгляд. Тоже это почувствовав, Тия берет отца за руку:

– Я знаю, как ты по ней тоскуешь, папочка.

Оуэн поднимает на нее глаза, словно только сейчас вспомнив, что здесь его дочь. Высвободив руку, он смотрит на меня:

– Такие вполне подойдут, – бормочет он и, вновь поднеся ко рту стакан, залпом осушает содержимое. – Спасибо, мисс Руссель.

Он поворачивается, чтобы уйти, но Тия снова хватается за руку:

– Пап, а в маминой гардеробной не найдется каких-нибудь платьев для Солин? У нее совсем нет никаких нарядов – если

не считать того, что в коробке, а его она не сможет надеть, пока не вернется Энсон.

Оуэн резко выдергивает от нее руку:

– В какой еще коробке?

– Ну, в той, что она привезла с собой из Франции. – И девочка поворачивается ко мне с улыбкой до ушей: – В той, где она хранит все свои секреты.

Оуэн неуклюже поворачивается обратно:

– Коробка с секретами?

Я улыбаюсь Тие:

– Это наша с ней маленькая шутка. Небольшой девчоночий секрет.

– Мы ведь будущие сестры, папочка!

Мистер Перселл становится заметно жестче.

– Уже девятый час, Синтия. Тебе пора в постель.

Тия слегка поникает, однако нисколько не противится и, подхватив новые свои платья, выскользывает в коридор. Оуэн закрывает за ней дверь, и комната внезапно начинает навевать мне клаустрофобию.

– Моя дочь к вам сильно привязалась.

– Она такая милая девочка! И так похожа на своего брата.

– И все же она совсем не то, что ее брат.

– Разумеется, нет, – тихо отвечаю я, плохо представляя, к чему он клонит.

– У Синтии очень быстро возникают привязанности, и, к сожалению, она не всегда разборчива в своем выборе. В этом она как раз очень похожа на брата: набрасывается на нечто такое, что впоследствии не оправдывает его доверия. И ни один из них даже не задумывается о том, что это может причинить страдания.

Уязвленная, я смотрю на него в упор:

– Вы считаете, что я желаю страданий вашему сыну?

– Я вас не знаю, мисс Руссель. И совершенно не представляю, чего именно вы хотите.

– Я люблю вашего сына, мистер Перселл. И хочу стать его женой.

– В этом я ничуть не сомневаюсь, – сухо отвечает он. – По крайней мере, в последнем заявлении. Потому-то у меня и нет ясного представления о ваших намерениях.

Меня вдруг поражает мысль, что каким-то образом я всегда это предвидела: что его подозрения рано или поздно выплеснутся наружу. И тем не менее от этих слов у меня все холодеет внутри.

– В чем вы меня обвиняете?

– Я вас ни в чем не обвиняю. Я просто пытаюсь понять. Мало того, что мой сын решает от меня сбежать и пойти в Красный Крест вместо того, чтобы поступить на службу в Военно-морской флот Соединенных Штатов, где, вообще-то, ему и место. Так он еще и усложняет дело, присылая мне вас – бывшую швею, ставшую помощницей у санитарки, чьего имени я до сих пор ни разу от него не слышал и которое едва способен произнести, – и присылает мне письмо, уведомляя о предстоящей свадьбе. Не находите ли вы, что все это как-то чересчур скоропалительно? И кому-то такая поспешность очень на руку?

Кровь приливает к моим щекам, пульс резко учащается.

– По-вашему, мне на руку было сбежать из Парижа, когда мне чуть ли не на пятки не наступали гестаповцы? Оставить свой родной дом? Оставить Энсона?

– Зато это привело вас в Штаты, разве нет?

На меня накатывает волна тошноты, и комната внезапно идет кругом. Я судорожно сглатываю подступивший к горлу едкий ком.

– Я приехала сюда, потому что это дом Энсона. Потому что здесь его семья, и мне хотелось, чтобы, когда мы поженимся, и вы, и Тия стали и моей семьей тоже.

– А ваши родители? Где они?

– Моя мать умерла в прошлом году.

– А отец?

Я касаюсь пальцами висящего у меня на шее медальона и вспоминаю об Эрихе Фриде, гадая, как и *Матан*, о том, что с ним случилось.

– Я не знаю, – тихо отвечаю я. – Быть может, в одном из фашистских лагерей. Или уже умер.

Он резко прищуривается:

– Вы что, еврейка?

Я вижу, что эта мысль его совсем не радует, и ловлю себя на том, что дико этому рада.

– Мой отец был евреем. Однако не только евреев нацисты отправляют в лагеря. Любой, кто восстает против них, попадает под угрозу ареста.

– Все это меня на данный момент не беспокоит, мисс Руссель.

– Конечно, в этом я не сомневаюсь. А вот Энсона беспокоит. Вот почему он до сих пор там – чтобы остановить то, что творится.

Он смотрит на меня со смесью презрения и раздражения:

– Тем, что разъезжает по Парижу с какой-то тряпкой на руке – вместо того чтобы *по-настоящему* сражаться?

Такое его пренебрежение меня сильно удивляет. Я уже открываю рот, чтобы защитить дело Энсон, но вовремя спохватываюсь. Вместо этого я вскидываю подбородок и открыто встречаю его взгляд.

– Вы действительно настолько невысокого мнения о своем сыне, мистер Перселл? Потому что он не служит сейчас где-то на корабле, который может в любой момент взорваться? Вы разочарованы тем, что он не сможет вернуться домой с полной грудью орденов – или их не доставят вам в коробочке? Но я думаю иначе. Война научила меня тому, что настоящие герои бывают очень разные – и мало кто из них может похвастаться сияющими значками, пришпиленными на груди.

Сильно покачнувшись, Оуэн в глумливом приветствии воздевает свой стакан:

– Красивые слова. И довольно... трогательны. Однако в конечном итоге имеет значение то, что мы делаем, мисс Руссель. Тот след, что останется после нас. И Перселлы всегда с большим вниманием относились к тому, какую славу мы после себя оставляем. Наша фамилия неизменно служила синонимом респектабельности, чести и надежности. А мой долг – сохранить это для будущих поколений, сберечь наши традиции. И все это непосредственно касается моего сына.

– Почему вы никогда не называете его по имени?

– Что? – прищуривается Оуэн.

– Когда вы о нем говорите, то упоминаете его исключительно как «мой сын» или «брат Тии» – но никогда не называете по имени. Энсоном.

– Я упоминаю его так, как сам считаю нужным. Это мой сын. И я не для того лез из кожи вон, поднимая его на ноги, чтобы он мог запросто швыряться своей жизнью из-за первой приглянувшейся ему

красотки. Ему еще надо закончить учебу, а после окончания университета я привлеку его к своим планам.

– И эти планы не включают женитьбу?

Он заглядывает в стакан, побалтывая в нем тающий лед.

– Я полагаю, будут включать – в какой-то момент его жизни. Но когда это время придет, мой сын женится на женщине, которая будет знать, как способствовать его успеху.

– Почему вы решили, что я не буду этому способствовать?

– Наш образ жизни, мисс Руссель, подчиняется весьма специфическим правилам. И среди нас не место тому, кто эти правила не приемлет. Моя задача – заставить вас это понять.

Когда до моего сознания доходит смысл его слов, я словно покрываюсь липким потом. То есть он открыто сообщает мне, что решительно не намерен одобрить нашу свадьбу с Энсоном. От внезапного головокружения розы на обоях начинают плыть по кругу. Я опускаю взгляд и хватаюсь за бюро, чтобы не упасть. В глазах у меня слезы, в горле – застывший плач.

– Вы написали ему, да? Сообщили, что не одобряете его выбор. Вот почему вы спрашивали меня, не получала ли я от него письмо. Не потому, что вы за него тревожитесь. А потому, что ожидаете, что он мне напишет и порвет со мной. – Оуэн молчит, но я и сама вижу, что не ошибаюсь. – Вы собираетесь поставить его перед выбором, – тихо добавляю я. – Или вы, или я.

– Жизнь – это выбор, мисс Руссель. И я намерен сделать все, чтобы мой сын совершил мудрый выбор.

– А что будет, если он выберет меня, а не вас?

На его губах появляется тонкая, неприятная, не предвещающая ничего хорошего улыбка, от которой у меня по спине пробегает холодок.

– Как долго вы знакомы с моим сыном? Месяцев шесть-семь? А я знаю этого юношу всю его жизнь. Он всегда питал слабость к тем, кто отбивается от стада. В этом отношении он – как его мать. И тоже вечно загорается то одной идеей, то другой. И все же воспитан он был так, что знает, чего от него ждут. Возможно, он забыл об этом, находясь во Франции, но, как только вернется, непременно вспомнит. – Улыбка исчезает. Оуэн ставит на бюро пустой стакан и поворачивается, чтобы уйти. – Вас он точно не выберет.

Пока он удаляется за дверь, я стою, застыв на месте и задержав дыхание, после чего стремглав кидаюсь в ванную и извергаю ужин.

Глава 28

Солин

Наше Дело – это наше наследие, подаренное миру. Это и заклинания, что мы ткем, и влюбленные сердца, которые мы связываем навеки, это и будущие поколения. Так и заявляет о себе наш Дар.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

29 октября 1943 года.

Ньюпорт

В пятницу, во второй половине дня, когда я возвращаюсь с небольшой прогулки по пляжу, в доме царит какая-то зловещая тишина. Тия вернулась из школы, но я не вижу ее уже несколько дней. Белинда всякий раз говорит, что той нездоровится и что отец не желает, чтобы девочку беспокоили. Оуэна я все это время тоже почти не видела – он запирался или у себя в кабинете, или в спальне, оставляя меня обедать в одиночестве.

Настроение у меня в последнее время все мрачнее. Здесь я себя чувствую совершенно изолированно, будучи вырвана из своего мира и чуждая миру Энсона. У меня нет друзей, мне нечем заполнить свое время и нет возможности заняться чем-то самостоятельно. Пустые, тоскливые дни тянутся передо мною без конца и края, и нет никаких вестей от Энсона, которые подарили бы мне хоть какую-то надежду. Моя единственная отрада – это Тия, и, подозреваю, я для нее являюсь тем же самым. Оуэн тоже об этом подозревает, хотя он, надеюсь, выше того, чтобы разлучать нас, чтобы сделать мне больнее.

Поднимаясь по лестнице, я невольно задумываюсь, какой должна была быть женщина, которая могла полюбить Оуэна Перселла – человека, обращающегося со своими детьми, точно с фигурами на шахматной доске, которые он переставляет лишь так, как считает нужным. И все же, несмотря на столь холодного и расчетливого,

с диктаторским нравом супруга, Лидии Перселл удалось вырастить двоих прекрасных добросердечных детей.

Почти дойдя до конца коридора, я вдруг улавливаю из комнаты слабый шорох и замечаю, что моя дверь слегка приоткрыта. Предвкушая, что это Тия сидит у меня на кровати по-турецки с одним из своих альбомов, я сразу чувствую подъем духа. Однако вместо этого я вижу рядом с кроватью Оуэна, перерывающего содержимое моей дорожной коробки.

– Что вы здесь делаете?

Он со злостью смотрит на меня. На лице Оуэна нет ни малейшего чувства вины – лишь раздражение от того, что прервали его занятие. Нижняя часть его лица покрыта бледной щетиной, глаза опухшие и налиты кровью. Он как будто постарел лет на десять и словно бы даже ужаснулся в размерах после нашего последнего разговора. И тут я понимаю, что именно изменилось в его облике. Я впервые увидела его не в респектабельном костюме от дорогого портного – сегодня Оуэн одет в серый кардиган и мятые штаны, которые выглядят так, будто он во всем этом спал. И эта перемена в нем меня шокирует.

– А как ты сама думаешь? Перебираю твою коробку с секретами. – Язык у него заплетается, «с» звучат странно шепеляво. Сейчас еще только три пополудни, а пил он уже, похоже, несколько часов.

Я с трудом сдерживаю ругательство, когда вижу, как мое драгоценное платье – то самое, в котором я предполагала идти к алтарю с Энсоном, – эта воздушная пена белого шелка с нежным бисером – жалко валяется у его ног, обвиваясь вокруг лодыжек. Наклонившись, я быстро выхватываю его и прижимаю к груди, точно спасенного от опасности ребенка.

– Вы не имеете права рыться в моих вещах!

– Ты живешь в моем доме, – говорит он с ледяным блеском в глазах, – ешь с моего стола и спишь на моем белье. Так что, я считаю, это дает мне полное право делать то, что я считаю нужным.

– Что вы рассчитываете там найти?

– Ты что, думаешь – ты такая умная? Являешься к моему порогу – эдакая сиротка военной поры, не имеющая даже двух пятицентовиков за душой, все имущество которой помещается в жалкую картонную коробку, – и заявляешь, что заполучила самого видного жениха

в Ньюпорте. Я тебе вот что скажу: когда ты отоваривала себе талончик на питание, ты даром времени не теряла. У тебя нет даже приличной пары туфель – но зато ты умудрилась привезти себе свадебное платье аж из самого Парижа! Вот это я называю – планировать на перспективу.

– Все совсем не так!

Он шагает в мою сторону шаг, сильно качнувшись в попытке изобразить грозный вид.

– А как?

Я пытаюсь придумать, что сказать, – что-то такое, что заставит его поверить мне. Но ничего на ум не приходит. Потому что он не хочет мне верить. Глядя на меня, Оуэн видит лишь то, что хочет видеть: авантюристку, которая своими уловками и обманом заставила его сына сделать предложение руки и сердца. Опустив взгляд, я вдруг замечаю письма, перевязанные ранее в пачку, которые теперь разбросаны по сторонам. Некоторые конверты открыты, и их содержимое выдернуто наружу. От этого зрелища мне становится плохо.

– Вы что, читали мои письма?

– Прочитал бы, не будь они на французском. От любовников, я полагаю? А мой сын об этом знает?

В его тоне нет ни малейшего стыда, никакого признания того, что он бесцеремонно вторгся в ту область жизни, которая его не касается. Только ледяное обвинение в глазах. Я наклоняюсь, чтобы собрать письма, с жуткой брезгливостью представляя, как он открывал конверты, как касался этих посланий.

– Это принадлежит мне, – резко говорю я. – И к Энсону это не имеет никакого отношения.

Потянувшись за ленточкой, которая связывала эти письма в пачку, я вижу дорожный бритвенный набор Энсона, лежащий перевернутым под брошенными на пол конвертами. Оуэн тоже его замечает. Я бросаюсь к несессеру, успев добраться до футляра раньше, чем его выхватит он. Мне невыносима сама мысль, что и к этой вещи Оуэн прикоснется.

Глаза его тускло поблескивают, ярость заметно притуплена алкоголем.

– Откуда у тебя это?

– Мне это дал Энсон в то утро, когда я покинула Париж.

С удивлением я вижу, как его плечи обмякают, как будто из груди вдруг вышел весь воздух. На мгновение мне кажется, что он вот-вот расплачется.

– Это подарила ему на Рождество мать перед самой своей смертью.

– Да, он мне говорил, – мягко отвечаю я.

– Отдай это мне.

Меня пугает столь внезапная перемена в его голосе. Глядя на его протянутую руку, я непроизвольно отступаю.

– Нет. Мне его дал Энсон. Это мое.

Я не успеваю вовремя заметить пощечину – лишь в тот момент, когда его ладонь касается моего лица, в голове у меня раздается звонкий треск и вспыхивает яркий сполох. Голова резко откидывается назад, а на губах появляется вкус крови. И, прежде чем я успеваю прийти в себя, кожаный футляр грубо вырывается из моих рук.

– Здесь нет ничего твоего! – злобно шипит Оуэн. – И ничего твоим не будет! По крайней мере, теперь я в этом даже не сомневаюсь.

Словно ледяное лезвие скользит по моему позвоночнику. От того, каким тоном он произнес последние слова – с каким-то хладнокровным удовлетворением, – у меня стынет кровь в жилах. Я вижу, как Оуэн опускает руку в карман брюк и вытягивает сложенную пополам бумажку. Он пытается сунуть ее мне в руки, но я мотаю головой, отказываясь ее брать. Оуэн снова мне ее пихает. На этот раз я все же беру листок, но тут же зажмуриваю глаза, не желая читать слова, которые уже предвижу. Не желая обращать их в реальность.

Любая мать, сестра, жена или любовница когда-нибудь представляла такой момент, как бы проигрывая его в сознании и молясь, чтобы он никогда не наступил. И теперь пришла моя очередь его пережить. Я заставляю себя открыть глаза и при виде написанных наверху листочка двух слов – «*Western Union*»^[45] – у меня судорожно сжимается горло.

25 октября 1943 года

М-р О. Перселл!

С глубочайшим сожалением вынужден передать весть о том, что Ваш сын – Энсон Вильям Перселл – объявлен

пропавшим без вести после того, как 19 октября сего года не возвратился в госпиталь из транспортной миссии. Если нам станет доступна более подробная информация о произошедшем, вы будете незамедлительно уведомлены.

Чарльз М. Петри,

старший офицер Американской полевой службы

Мои легкие словно разом отключаются, как будто я получила неожиданный удар под дых. Он не погиб – пропал без вести. Я пристально смотрю на это слово. Вроде бы оно должно нести какое-то утешение, пусть даже тоненькую ниточку надежды... Но я слышала слишком много разных историй. И знаю, как редко случается такое, чтобы пропавший без вести все-таки оказывается жив. Внезапно в памяти всплывает то, что сказал мне Энсон в последний вечер, прежде чем отослать меня подальше от Парижа: «Мне не важно, что со мной сделают, если ты будешь в безопасности».

Я уверяю себя, что, если бы он погиб, я бы это как-то поняла, почувствовала. Я в тот же миг ощутила бы эту утрату – как будто бы от меня что-то оторвали. Но я этого не ощущаю. Однако тут же вспоминаются слова *Maman*, сказанные ею на смертном одре в ночь ее ухода, и я понимаю, что она готовила меня именно к этому. К этому страшному дню. К этому моменту.

«Пока ты хранишь в своем сердце его любимое лицо, он ни за что не пропадет навеки».

И тем не менее он пропал. Об этом ясно говорит бумажка, которую я держу в руках.

Я заставляю себя вернуться к тексту телеграммы, как будто слова в ней могли в эти мгновения чудесным образом измениться. Но там все то же самое. Когда дочитываю до последней строчки, буквы перед глазами начинают расплываться. *«Если нам станет доступна более подробная информация...»*

Более подробная...

Я стараюсь не рисовать в воображении жуткие картины, как он лежит где-то, раненный, окровавленный. Или еще хуже. Но это единственное, о чем я сейчас способна думать. Какому количеству

женщин довелось прочитать подобные слова? И сколько все же дождались своих вернувшихся солдат – или хотя бы узнали о той участи, что на самом деле выпала их любимым? Как член *AFS* Энсон официально солдатом не является. А его задания в деле Сопrotивления никак не координируются с военными силами. Они секретны и зачастую спонтанны, и порой только малая горстка людей в курсе, где действительно можно его найти. Раскрытие подобной информации может выдать врагу всю ячейку, и первое, наиважнейшее правило участников Сопrotивления – ради безопасности одного человека нельзя подвергать риску всю ячейку.

Так что никто и ничего не сообщит.

Я бессильно роняю телеграмму на кровать... и только тут замечаю дату. 25 октября. Я вновь беру ее в руки, чтобы точно убедиться, потом сквозь пелену слез смотрю на отца Энсона:

– Письмо пришло четыре дня назад!

Он молча смотрит на меня.

– Вы это знали уже несколько дней – и ничего мне не сказали?

– Оно адресовано мне.

Я ошеломлена его ответом.

– И когда же вы предполагали показать мне это сообщение?

– Вот, показываю сейчас.

И вновь в его тоне я не слышу ни малейшего оправдания. Как нет и ничего, что выдавало бы сожаление или сочувствие. Только ледяная бесстрастность, которой мне никак не понять.

«Тия!» – тут же возникает в голове, и грудь сжимается от боли. Ведь Энсон – ее герой. Единственное светлое пятно в этом холодном и бесчувственном доме. Ее придется особенно утешать – а я даже представить не могу чего-то подобного от ее отца. Мне необходимо пойти к ней, помочь девочке пересилить эту боль.

– А Синтия об этом знает?

Оуэн вперивает в меня тяжелый, как бы предупреждающий взгляд.

– Нет, не знает. И не узнает, пока я сам не буду готов ей это сообщить. Это вам ясно?

Я киваю, поскольку у меня нет никакого права голоса в этом вопросе. Хотя и не уверена, что это правильно – скрывать от Тии правду – и что она скажет спасибо своему отцу за это молчание,

когда наконец все узнает. Впрочем, может, ей и не доведется ничего такого узнавать – ведь есть какой-то шанс, что Энсона найдут живым и невредимым и девочка так никогда и не узнает об этой страшной телеграмме. Я тут же хватаюсь за эту мысль, как за спасательный круг.

– Но, наверное, можно кому-то позвонить – кому-нибудь из Красного Креста, – кто может что-то знать.

Оуэн смотрит на меня без тени эмоций, но чувствуется, что каждый его мускул напряжен, как будто он силой заставляет себя сдерживаться.

– У меня весьма обширные связи, мисс Руссель, и целая сеть налаженных контактов со всевозможными ветвями власти. Смею вас заверить, я уже сделал все необходимые звонки.

– А вы звонили в госпиталь в Париже? Говорили с доктором Джеком? Он там главный хирург.

– Хирург? – Он как будто очень удивлен моим вопросом. – Юная леди, мои связи доходят до Белого дома. И даже они не принесли мне ничего полезного. Никто не в состоянии мне что-либо сообщить, кроме того, что мой сын не вернулся в госпиталь в нужное время и что его санитарный фургон был найден брошенным на одной из дорог там, где он совсем не должен был находиться. Никто не знает почему. Он не числится ни захваченным в плен, ни убитым, что вселяет надежду – хотя меня и предупредили, чтобы я не слишком на это полагался. В машине и вокруг обнаружено очень много крови, и найдены два свидетеля, утверждающие, что видели, как пара немецких солдат уводили в лес человека, подходящего под описание моего сына. И что спустя считанные минуты они слышали огнестрельные выстрелы. Больше о нем нет никаких упоминаний.

Голос мистера Перселла становится низким и хрипловатым. Его внутренняя боль наконец становится ощутимой. Подняв с кровати телеграмму, он начинает медленно ее складывать.

– Официальная версия – «захвачен в плен или убит», хотя они считают, что, скорее всего, он погиб и уже похоронен. По всей видимости, даже Гитлеру понятно, что убивать работника Красного Креста – дурной тон. Как бы там ни было, но, по всей вероятности, мой сын мертв.

Перед моими глазами снова все плывет. Я с чувством беру его за руку:

– Я искренне вам соболезную.

Это единственное, что мне удастся придумать. Я понимаю, что этого недостаточно, что вообще никаких слов не хватит, чтобы описать боль от такой потери. Но я вдруг чувствую себя какой-то непривычно оцепенелой – как будто мне удалось каким-то образом выскользнуть из своего тела и наблюдать за всем происходящим со стороны. Причем я знаю о существовании этой другой меня – той, что стоит сейчас, прижимая к себе подвенечное платье, которое ей уже не суждено надеть, той, у которой разрывается сердце, разбитое, кровоточащее. Просто физически я ничего этого не ощущаю.

Оуэн отдергивает руку, словно я его обожгла:

– А ну, прочь от меня!

Я изнеможенно опускаюсь на кровать. Выносить такую его ненависть становится выше моих сил. Мне казалось, в такой момент общей скорби мы могли бы найти утешение друг у друга, однако я ошибалась. Мое утешение ему не нужно. Равно как и я ничего подобного от него не получу. И в этом я тоже буду совершенно одинока.

Без всяких предупредительных симптомов подступает резкая волна тошноты, едким липким потом меня окатывает так внезапно, что на мгновение я даже боюсь, что потеряю сознание. Едва успев проскочить мимо Оуэна, я бросаюсь в ванную, пока меня не вырвало. На этот раз спазмы такие жестокие, что кажется – сейчас меня вывернет наизнанку. Я падаю на колени на холодный плиточный пол, и меня скрючивает так ужасно, что даже темнеет в глазах. Скорчившуюся над унитазом, меня безудержно рвет, пока в желудке уже ничего не остается.

Спустя какое-то время я стою у раковины на дрожащих ногах и ополаскиваю рот. Лицо мое в зеркале – белое как мел и липкое от пота. И неожиданно мне вспоминается тот день, когда мы с Энсоном познакомились в госпитале. Как он проводил меня в туалет и оставался со мной все время, пока я вытиралась его носовым платком. Тогда меня вывернуло при виде небольшого пятна крови. Но сегодня я никакой крови не видела. И вообще не видела ее уже давно. Ни в этом месяце, ни в предыдущем. И внезапно до меня в самой полной мере доходит тот факт, что я оставляла без внимания вот уже несколько недель.

Что у меня будет ребенок.

Глава 29

Солин

В основе нашего Дела лежит ворожба, и именно с нее следует начинать «ткаательнице заклинаний». Ей должен быть предоставлен какой-нибудь сугубо личный предмет – причем предоставлен с полным осознанием того, что ничто из увиденного не будет использовано для манипулирования или причинения вреда.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

Когда ушел Оуэн, я не слышала. Знаю лишь, что, когда я вернулась из ванной, в комнате его уже не было. Он удалился, оставив меня одну с моим горем и с этим жутким осознанием реальности. Никакой свадьбы не будет. Но точно будет ребенок.

Enceinte. Беременна...

От этого слова в горле набухает комок – точно застрявший в глотке камень, который я не в силах проглотить. Дети должны приносить радость – однако радости я не ощущаю. Да и, сказать откровенно, не чувствую ничего. Меня вывернуло до последней капли, я выплакала все слезы – и я теперь опустошена, словно меня выскребли до дна. И при этом на меня нашла странная отрешенность. Наверное, все же есть предел той боли, что способно принять сердце?

В комнате темно, и я сейчас напрочь лишена чувства времени. Мне удалось немного поспать. Но теперь я проснулась в этой всепоглощающей тишине. В горле саднит от едкого привкуса желчи. Мне как-то не приходило в голову, что после одной-единственной ночи, проведенной вместе, может родиться ребенок. *Maman* никогда не говорила со мной о подобных вещах, но я всегда была уверена, что зачать ребенка – дело намного более трудное. Теперь-то я понимаю, насколько была неискушенной! И частые головные боли, и тошнота, и постоянная слабость. Все это началось еще на корабле – спустя почти месяц после отъезда из Парижа. Я думала, у меня *mal de*

mer, морская болезнь. А потом, позднее, я решила, что так отразилось на моем организме это долгое путешествие: множество дней с очень скудной пищей или вообще без нее, в постоянном передвижении и в непреходящем страхе, что меня вот-вот схватят и бросят за решетку. Какой же я была *imbécile!* Просто дурочкой!

Прикрыв ладонью глаза, включаю лампу и оглядываюсь. Вокруг разбросанные письма, в ногах кровати зияет раскрытым пустым зевом моя дорожная коробка. Мое, уже не нужное, свадебное платье валяется рядом со мной, будто призрак невесты, которой я некогда себя представляла. Дорожный бритвенный набор Энсона – единственное, что у меня осталось от него и который я обещала хранить, – исчез.

Мне тут же вспоминаются мамины четки, мой прощальный подарок Энсону, и я невольно гадаю: где они сейчас? В руках у какого-нибудь эсэсовца, который, пристрелив Энсона, обшарил его карманы? Или в грудке мусора в каком-то из фашистских лагерей?

«Захвачен в плен или убит».

Я крепко зажмуриваю глаза, но страшные образы никуда не исчезают. Они словно прожигают мои веки изнутри. Я вижу лицо Энсона – его милое, прекрасное лицо – окровавленным и неподвижным. И его большие глаза – глаза цвета спокойного летнего моря – широко раскрытые и невидящие.

Он не мог умереть. Никак не должен быть умереть.

Если бы я только могла увидеть вновь его лицо – таким, как в тот последний раз, когда видела Энсона живым, – я могла бы хранить его образ точно так же, как хранила для себя *Maman* моего отца. В своем любящем сердце. Рука непроизвольно тянется к медальону, маленькому и теплomu, пристроившемуся в ложбинке на груди. Если бы только у меня была его фотография! Я бы всегда носила его с собой и однажды показала бы эту фотографию нашему ребенку.

И, не успев как следует подумать и остановиться, я тихонько выскальзываю из своей комнаты в коридор. В доме все будто замерло, вокруг царят тишина и мрак. Затаив дыхание, я иду по длинному проходу, неслышно ступая по ковровой дорожке. Я ни разу еще не была в этом крыле коридора – в «семейном крыле», – но я знаю, что комната Тии первая справа, а Энсона – как раз напротив.

На мгновение я замираю возле двери Тии, прислушиваясь. Все тихо. И в этот момент я рада хотя бы тому, что ей ничего

неизвестно о телеграмме, что, когда взойдет солнце и девочка откроет глаза, она не будет знать того, что знаю я. Что ее любимый брат домой не вернется.

Я сворачиваю к двери Энсона, и при мысли, что откуда-то из темноты коридора сейчас появится Оуэн и застанет меня крадущейся к комнате его сына, в ушах начинает часто и гулко стучать кровь. Но тут же я вспоминаю, что худшее, что могло быть, уже случилось. Если Энсона и в самом деле нет уже в живых, то, что бы ни сказал или ни сделал его отец, мне уже не станет больнее.

Округлая стеклянная ручка двери кажется прохладной на ощупь. Я еще раз напоследок всматриваюсь в конец коридора – ни света, ни звука. Тихонько вздохнув, я толкаю дверь внутрь.

Меня мгновенно обволакивает его запах. Терпковатый аромат лайма, запах чистоты и мужского тела. И на мгновение присутствие Энсона становится почти физически ощутимым. Кажется, будто, стоит мне протянуть руку – и я найду его в темноте.

Дожидаясь, пока рассеется это острое, болезненное напоминание об утрате, я прижимаюсь спиной к закрытой двери. Сквозь прозрачные занавески за кроватью просачивается холодный свет луны, наполняющий комнату угловатыми тенями. Штор затемнения здесь нет – возможно, потому, что комнатой этой не пользовались с тех самых пор, как Энсон уехал в Париж, задолго до того, как американцы вступили в войну.

Я подхожу к окну и опускаю затеняющий экран, и только после этого зажигаю небольшой светильник на прикроватном столике. Комната выглядит довольно скромно. Она ненамного больше моей спальни, отделана в песочных и оловянно-серых тонах. В ней есть двуспальная кровать, застеленная покрывалом из бледно-серого штофа, массивный комод с несколькими ящиками, небольшой письменный стол и мягкое кресло в углу. Все совершенно в его духе. Просто и аккуратно, без вычурности.

Точно вор, я крадучись обхожу комнату, один за другим вытягивая и задвигая ящики, заглядывая в стенной шкаф – слой за слоем открывая для себя тот образ жизни, который вел Энсон до нашей с ним встречи. Находиться здесь, прикасаться к вещам, которыми он пользовался каждый день, – на самом деле ужаснейшая пытка, но я, похоже, не в силах себя остановить. Я извелась, ожидая Энсона, и в

отчаянии хочу хотя бы притронуться к тому, что он после себя оставил, раз уж это единственное, чем я могу довольствоваться теперь.

Я перехожу к письменному столу. На нем ничего нет, кроме небольшой лампы и старого кожаного пресс-папье. Провожу ладонью по спинке стула, представляя, как Энсон сидит за столом, читает книгу или пишет письмо. Затем выдвигаю ящик в центре, под столешницей. Оттуда на меня смотрит фотография в рамочке, с треснувшим посередине стеклом. На ней – Энсон и Тия в одинаковых белых свитерах застыли, позируя, рядом с матерью на фоне большой парусной яхты. Все трое щурятся на солнце, улыбаясь в объектив. У Тии не хватает переднего зуба.

Я пытаюсь угадать возраст Энсона на снимке, и у меня едва не разрывается сердце. Сколько ему там? Пятнадцать или, может быть, шестнадцать? Он худенький, почти что долговязый – уже немного возвышается над матерью. По моей щеке скатывается слеза, и я успеваю стереть ее тыльной стороной руки, не дав упасть на фото. Это не совсем то, что я надеялась найти – запечатлен там Энсон уже много лет назад, – но на сегодняшний день это большее, что у меня может быть. Можно было бы вырезать его из снимка и вставить в медальон. Однако, глядя на эти три счастливо улыбающихся лица, я ужасаюсь самой мысли вырезать Энсона из фотографии с его матерью и сестрой.

Я выдвигаю ящик чуть побольше, чтобы вернуть на место фотографию, и тут замечаю засунутый в самую глубину фотоальбом в переплете. Подтягиваю его к себе поближе, потом вынимаю из ящика. Обложка его затянута шершавой синей тканью с золотым тиснением, напоминающим герб. На корешке написано: «Альбом курса за 1941 год. Йельский университет».

Я отношу альбом к кровати, сажусь и раскладываю его на коленях. Сначала очень медленно переворачиваю страницы, рассматривая одно за другим незнакомые мне лица, пока они не начинают мне казаться одинаковыми. И вот наконец передо мной он сам – смотрит прямо на меня с плотной белой страницы альбома. Энсон Вильям Перселл. Студент второго курса.

С легкой улыбкой я вожу пальцем по снимку. Он так красив в своем костюме с галстуком, с аккуратно уложенными густыми светлыми волосами. Подростковая нежность черт на предыдущем фото

здесь сменилась дерзкой, упрямой целеустремленностью, мужской решимостью проложить в мире собственный путь, стать самостоятельным и независимым.

Тут меня сотрясает волна негодования, и из, казалось бы, уже иссушенных глубин поднимается новый приступ рыданий. Я оплакиваю те обещания, что никогда не будут выполнены, все то добро, которое ему уже не сделать. Дитя, которое не будет знать отца.

От долгих слез у меня уже щиплет глаза. Сомкнув веки, я опускаюсь на покрывало, крепко прижав к груди фотоальбом. Я чувствую себя невероятно усталой. «Видимо, это из-за беременности, – всплывает в тумане путающихся мыслей. – Это будущее дитя отнимает мои силы. Дитя Энсона...»

Внезапно я резко просыпаюсь от того, что между веками просачивается яркий свет. Спросонок я сажусь на кровати, смутно сознавая, что что-то стучит по полу и что я не у себя в комнате. Зрение еще не прояснилось, но силуэт Оуэна Перселла у изножья кровати угадывается безошибочно.

– Какого черта ты тут делаешь?! – рычит он на меня.

Я сонно моргаю, пытаюсь придумать объяснение. Он включил в комнате люстру, и яркий свет режет глаза.

– Простите... – От слез мое горло саднит, и звуки напоминают скрежет. – Я лишь хотела увидеть его комнату, побыть рядом с его вещами...

Перселл проходит к столу, где я оставила выдвинутым ящик, берет в руки рамку с треснувшим стеклом и всматривается в фото. С того момента, как я видела Оуэна последний раз, он успел побриться, однако на нем все тот же мятый кардиган с засученными до локтей рукавами. Я вскакиваю, глядя, как он нагибается и поднимает с пола университетский альбом Энсона. Мгновение его ладонь скользит по переплету, как будто Оуэн собирается его раскрыть. Но вместо этого Перселл резко разворачивается ко мне, и его лицо оказывается так близко к моему, что я ощущаю затхлый запах его лосьона для волос и несвежей одежды.

– Ты не имеешь права прикасаться к вещам моего сына. Или же валяться на его кровати. У тебя вообще нет никакого права здесь находиться. Это – не *твой* дом.

Я непроизвольно отшатываюсь назад. Злость Оуэна по отношению ко мне ужасает. В нос ударяет его кислое после вчерашних возлияний дыхание.

– Я просто искала какую-нибудь фотографию Энсона и нашла в столе альбом его курса. Присела на кровать посмотреть и, видимо, заснула.

Он прищуривается, глядя на меня, словно осененный внезапной мыслью.

– Зачем это тебе понадобилась фотография моего сына?

– Я хотела видеть его лицо, – мягко, почти умоляюще объясняю я. – И оставить себе что-нибудь на память о нем. Несессер Энсона – единственное, что у меня было, и вы его отобрали. Поэтому я подумала...

– Убирайся из этой комнаты! – рычит он, указывая пальцем на дверь. – Или же я сам тебя отсюда выволоку!

Слезы вдруг застилают глаза, но я не хочу сейчас плакать.

– У меня будет ребенок, – тихо произношу я. – Ребенок Энсона.

Его взгляд опускается к моему животу, затем вновь возвращается к лицу, едва ли не искрясь новым обвинением.

– Полагаю, примерно чего-то подобного мне и следовало ожидать. Теперь, когда ты поняла, что свадьбой не пахнет, ты решила сделать новый ход. Интересно, мой сын об этом знает?

Я отрицательно качаю головой:

– Я поняла это только вчера. После того, как вы показали мне телеграмму.

– Какое своевременное совпадение, должен заметить!

Его бесчувственность меня изумляет.

– Ваш сын уже не вернется домой, а я ношу его дитя. И это все, что вы мне можете сказать?

Он презрительно смотрит на меня сверху вниз:

– Я вовсе не оспариваю тот факт, что ты носишь дитя. Только дурочка может соврать о том, что со временем и так станет очевидным. И хотя я много в каких вещах тебя подозреваю – глупость уж точно не в их числе. Вот только никто не может точно утверждать, кто именно отец этого ребенка. – Сделав паузу, он окидывает меня брезгливым взглядом. – Насколько я понимаю, даже *ты* этого не знаешь.

Прежде я и представить не могла, насколько больно могут ранить слова!

– Вы сами не верите в то, что сейчас сказали. Вы не вправе так думать.

– Не вправе?! – И его рот отвратительно округляется от гнева. – Знаем мы таких дамочек, как ты! Умелиц по заманиванию наших юношей в брачный капкан. И ведь почти уже сработало! Тебе не только удалось переплыть огромный синий океан – ты еще и водворилась в мой дом. Тебе даже удалось приручить мою дочь! Вот только телеграммы такой в твоих планах не было. Верно?

– Это неправда! Все было совсем не так!

– Избавь меня от своего возмущения. Это тебе ничего хорошего не даст!

Оуэн подходит к столу и, наскоро оглядев треснутую рамку, сует ее обратно в ящик. Когда он поворачивается ко мне снова, лицо его сурово и напрочь лишено эмоций.

– Ты думала, что такая умная – явилась на мой порог со своей коробкой с тряпками. Ты рассчитывала, я просто закрою на это глаза и позволю, чтобы ты, довольная, шла к алтарю с моим сыном? Но этого ни за что бы не случилось! А теперь ты думаешь, что твое пузо тебя спасет? Что ребенок позволит тебе что-то поиметь от Перселлов. Изволили просчитаться, *мадемуазель!* У твоего ребенка ничего не будет от Перселлов – ни имени, ни чего-либо еще. И вам обоим здесь больше не место.

Я пристально смотрю на него, постепенно сознавая всю реальность ситуации, в которой оказалась. Я для него – ненужное неудобство, ошибка, которую необходимо исправить. И чем скорее, тем лучше.

– Вы в самом деле так жестоки и настолько полны ненависти, что сможете спокойно жить, отвернувшись от собственного внука или внучки? Неужели Тия тоже сможет с этим жить?

Он напрягается, сжав кулаки.

– Моя дочь ничего не должна знать о тебе и твоей беременности. Равно как и о судьбе своего брата. Я понятно выражаюсь? Я устроил так, что она отправится учиться в Коннектикут. Уезжает она послезавтра. И до тех пор, пока она не уедет, ты будешь держаться

от нее подальше. А к тому времени, как она вернется, тебя здесь уже не будет.

Эта мысль повергает меня в страх. У меня здесь никого нет, как нет ни денег, ни работы. Но сейчас главная моя тревога – о несчастной Тии.

– Можно я хотя бы с ней попрощаюсь?

– Нет, нельзя. Я не хочу, чтобы ты и дальше воздействовала на нее.

Мне уже нечего ему сказать. Он все для себя решил. И по поводу меня, и по поводу всего прочего.

– Что же будет дальше? – просто спрашиваю я.

– Необходимо предпринять кое-какие действия. По устранению негативных последствий. Денег у тебя, я так полагаю, нет?

– Совсем немного, и те не американские.

– Я знаю одного человека в Провиденсе. Это врач, который как раз работает с такими женщинами, как ты.

– С женщинами, как я? Что вы имеете в виду?

– Вот что: с незамужними, беременными, не имеющими близких родственников или средств к существованию. Я ему сегодня же позвоню, и начнем приготовления.

Я чувствую, как бледнею. В Париже были женщины, специализировавшиеся на подобных вещах. Сведущие в снадобьях и... производившие некоторые процедуры. *Avorteuses*^[46]. Я скрещиваю руки на животе, словно инстинктивно пытаюсь его защитить.

– Какого рода... приготовления?

– Нужно договориться о месте, где тебя примут. Найти подходящую семью, которая готова усыновить ребенка. Помочь тебе подняться на ноги, когда все это будет позади. А ты что подумала?

Я мотаю головой, не в силах произнести это слово вслух.

Оуэн опускает глаза в пол, явно чувствуя себя неудобно.

– Я не жестокий варвар, что бы ты обо мне ни думала. Но я не допущу, чтобы твое положение стало достоянием общественности и окружило скандальными сплетнями меня и мою дочь. Никто не будет знать о твоей связи с моим сыном – и тогда все останется, как я уже сказал. И если ты действительно такая умная, как мне показалось, то и ты тоже будешь следовать моему плану. Будь это кино – я бы тотчас выписал тебе чек или помог организовать какой-

нибудь маленький бизнес, на этом бы все и закончилось. Но у нас тут не кино. В реальном мире подобное участие будет скорее принято за признание некоего факта, нежели за то, чем это является на самом деле. Простым проявлением христианской доброты.

– Это ваша доброта? Обращаться со мной, как с какой-то мелкой интриганкой – притом что я вообще ничего у вас не просила?

Оуэн доходит до двери, как будто и не слыша моих слов.

– Разговор окончен. Осталось лишь сказать, что, если ты надумаешь портить мне жизнь, если попытаешься как-то связаться с моей дочерью или вообще хоть одной живой душе сболтнешь имя моего сына – я уничтожу тебя. Иными словами, мисс Руссель: я могу помочь, но могу и погубить. Выбирай.

Я стою как оглушенная, усваивая этот ультиматум и вглядываясь в человека, которого еще недавно предполагала увидеть в роли свекра. С какой холодностью он хочет избавиться от меня! Такой жесткий, деловой и несгибаемый. Предлагая мне заключить сделку. Нацелившись поскорее прибрать непредвиденный беспорядок. Энсон когда-то назвал его «пугающе внушительным», и он не ошибся. Его отец уже все за всех продумал.

Хотя кое в чем Оуэн все же прав. У меня действительно мало выбора. Точнее, его просто нет. Мне нужно жилье – причем достаточно чистое и безопасное – до тех пор, пока я не найду работу и не устрою как-то свою жизнь. И я приму то, что он мне предлагает. Вот только ребенку не надо подыскивать семью. Его семьей буду я.

Глава 30

Рори

12 июля 1985 года.

Бостон

Солин сидела, опустив глаза, сама потрясенная той историей, что вот уже около часа рассказывала своей гостье. Рори внимательно вглядывалась в нее, пытаясь представить, каково это – когда обрушивается столько всего сразу? Ужасающее бегство из родного города. Телеграмма, разбившая сердце и мечты. Незапланированный ребенок. И сущее чудовище, бросившее ее на произвол судьбы. Как она вообще смогла все это пережить?

И как бы сама она, Рори, проявила себя в подобных обстоятельствах?

Этот вопрос заставил ее даже немного устыдиться. Она порой забывала, как комфортно у нее всегда была устроена жизнь. И что у нее чуть не от рождения имелся трастовый фонд и имя, гарантировавшее то, что ей везде будут открыты двери, и что она никогда и отдаленно не знала никаких лишений и тягот. Откровенно говоря, до исчезновения Хакса самой большой проблемой в ее жизни было лавирование в непростых взаимоотношениях с матерью.

– Мне стало стыдно, – призналась Рори. – Большинство людей сдались бы, сложили бы руки после выпавших вам испытаний. Но вы все равно продолжали бороться за жизнь. И тут я, такая несчастная, заявляюсь к вам с пакетом из забегаловки и ною о том, как мне, видите ли, тяжело! Почему я не такая сильная, как вы?

Солин прикрыла веки и протяжно вздохнула:

– Когда слишком долго бываешь сильным, то становишься хрупким, *chérie*. А все хрупкое очень легко ломается. – На мгновение она отвернулась, промакивая глаза салфеткой. Потом все же выдавила улыбку. – Ну вот, видишь? Не такая уж я и сильная. Возможно, для меня не все еще потеряно.

– Простите, что вам пришлось все это вспоминать. Вы в порядке?

Солин кивнула, но, когда она встала, улыбка сошла с ее лица.

– Все хорошо. Только вот хочется согреться. Почему бы нам не пройти в дом? Я быстренько помою посуду, а потом мы организуем маленький десерт. Я покажу тебе, как готовить настоящий кофе, в прессе. Обещаю, после него ты больше не станешь пользоваться этими вашими капающими агрегатами.

На кухне Рори сама занялась посудой, а Солин тем временем стала просвещать ее о достоинствах френч-пресса, заявляя, что это единственный цивилизованный способ приготовления кофе. Наконец она наполнила две чашки, разложила на тарелке печенье «Мадлен», поставила все на поднос, и они отправились в гостиную.

Они расположились в разных концах дивана, взяв в руки по чашке. Комната оказалась большая, но вместе с тем уютная, обставленная так, чтобы в ней было приятно находиться, а не для того, чтобы кого-то впечатлить. Она как нельзя лучше соответствовала самой Солин. Со вкусом и изяществом – но без всей той вычурности «дома идеального стиля» Камиллы. И насчет кофе Солин тоже оказалась права. На самом деле, Рори здесь решительно все было по душе.

Она взяла с тарелки печенье и, задумчиво его покусывая, внимательно посмотрела на пьющую кофе Солин. Ей трудно было объяснить, что именно их так связало. Она знала лишь, что эта связь совершенно реальна, что судьба почему-то сочла необходимым сплести нити их жизни воедино. Но почему?

– Вы когда-нибудь задумывались, почему мы с вами подружились? – тихо спросила Рори. – И то, как я выбрала ваш дом, и то, как нашла там коробку... Все это что-то вроде... – Она замялась, подыскивая подходящее слово. – Нечто фатальное, быть может. Вы верите в подобное? В то, что определенным событиям неминуемо суждено случиться?

Солин долго не отвечала, словно осторожно взвешивая вопрос Рори.

– Когда-то верила, наверное, – ответила она наконец. – Я верила в то, что нам с Энсоном суждено стать мужем и женой, что он вернется домой с четками моей матери и я отдам ему наконец его несессер, и мы будем жить долго и счастливо.

Рори грустно кивнула, потом вдруг нахмурилась, словно что-то вспоминая из рассказа Солин:

– Погодите. Вы ведь сказали, что отец Энсона отнял у вас тот футляр, но я, помнится, видела его у вас в коробке.

Солин пожала плечами:

– Да, он вернул мне несессер. Уж не знаю, что именно заставило его это сделать, и я даже не заметила, когда он успел его вернуть. Через неделю меня уже не было в его доме. Шофер отвез меня на вокзал, а в Провиденсе меня встретила женщина по имени Дороти Шеридан.

– А кто такая была эта Дороти Шеридан?

– Она руководила «Обществом семейной поддержки», которое, иначе говоря, являлось пристанищем для незамужних будущих матерей. Таких, как я, там было восемь. Некоторые были совсем еще юные девочки, некоторые называли себя вдовами войны, но всех нас объединяло общее: все мы забеременели без мужа и нам некуда было пойти. Первый день я все время плакала. Я не могла поверить, что Оуэн меня так сильно ненавидит. Но когда я открыла свою коробку, то на ее дне лежал несессер Энсона. Трудно, конечно, представить, чтобы этот человек испытывал угрызения совести, но, может быть, он это сделал ради памяти Энсона. Уж точно не ради меня.

– Но вам удалось хотя бы попрощаться с Тией?

Солин с грустью покачала головой:

– Он отослал ее уже на следующий день.

Рори долго молчала, пытаясь представить весь ужас ситуации. Беременная и в одиночестве скорбящая по любимому.

– Вы, думаю, самая храбрая женщина, которую я только знаю. Чтобы все это пережить и найти в себе силы двигаться дальше...

Солин посмотрела на свои кисти, которые она попеременно то сжимала, то вытягивала, расправляя. Видимо, этот жест стал для нее привычным, когда она погружалась в какие-то мысли.

– Я двигалась дальше, потому что мне просто ничего другого не оставалось.

– Я понимаю. Но, отдавая ребенка...

– Я ее не отдала, – сказала, отворачиваясь, Солин. – Она умерла.

Рори замерла. Эти слова сразили ее, точно удар в солнечное сплетение.

– Простите... Я просто предположила... Что с ней случилось?

– Однажды утром я встала с постели – а у меня вовсю отходят воды. Я знала, что это когда-то произойдет, но не думала, что так скоро. Я попросила врачей что-то сделать. Ведь ребенок должен был родиться только через месяц. Но мне сказали, что роды уже начались, и мне остается только молиться. Меня проводили в маленькую комнатку без окон, где стояла узкая койка с кожаными ремешками. Еще там была маленькая колыбелька – такая, знаешь, больничная люлька для новорожденных. Мне дали какой-то препарат – вкололи в руку иглу и надели на лицо маску. И что было потом, я не помню.

У Рори удивленно расширились глаза.

– Вам сделали общий наркоз при родах?

– Обычная практика в те времена. Это называлось «сумеречный сон», или полусон. После него, как правило, ничего не вспоминается. Когда я проснулась, то почувствовала себя так, будто меня избили. На лодыжках и запястьях были синяки от ремешков. Но это было неважно. Я умоляла дать мне ребенка, покормить дитя. Но мне сказали, что еще слишком рано. Что, дескать, девочка еще не настолько окрепла, чтобы с ней нянчиться. Должно быть, в какой-то момент я уснула. Я еще чувствовала себя слишком усталой. Когда же я проснулась, колыбелька исчезла. Я начала рыдать. Наконец кто-то улышал мои крики и пришел – вроде как сестра-хозяйка, – но она почему-то избегала смотреть мне в глаза. Я уже догадывалась, что сейчас услышу, но, когда она произнесла эти слова, я думала, меня расколет надвое: «Была слишком маленькая, чтобы выжить. Легкие недостаточно развиты. Она теперь с ангелами».

Рори плотно зажмурила глаза, не в силах найти слова для утешения. Не существовало слов, уместных при таком горе.

– Мне очень жаль, – слабым голосом произнесла она.

– Я знала, что у меня будет девочка. Я даже придумала ей имя – Асия. Оно означает: «приносящая утешение». – Солин на пару мгновений умолкла, словно у нее перехватило горло. – Я слышала ее первый крик, – прошептала она. – Когда она родилась, я ее услышала. Я иногда даже жалею, что это помню. Если бы она родилась мертвой, я бы, наверное, перенесла это легче. Но осознание того, что пусть даже несколько часов она прожила без своей *mère*^[47], что она умерла, так и не познав материнской ласки, – это до сих пор разрывает мое

сердце. Я просила дать мне на нее посмотреть, подержать ее на руках, но они сказали, что ее уже увезли.

– Куда увезли? – с ужасом в голосе спросила Рори.

– Служащие позвонили в приемную coronера, чтобы за девочкой приехали. Таков, дескать, закон. Чтобы удостоверить причину смерти для свидетельства. А поскольку я неимущая, объяснили они, то Асию похоронят на государственном кладбище округа. Без всяких служб, без какой-либо таблички над могилой. Я умоляла их дать мне время найти деньги и похоронить ее как полагается. Я собиралась позвонить отцу Энсона и попросить у него денег – но мне не разрешили воспользоваться телефоном. Спустя три дня мне сообщили, что уже все сделано.

Рори сглотнула подступившее к горлу рыдание.

– Они, по крайней мере, сказали вам, где ее могила, чтобы можно было ее навещать?

– Нет, – тихо произнесла Солин. – Но, может быть, это и к лучшему. Я знаю, это, наверное, звучит странно, однако вид ее могилы сделал бы для меня смерть дочери более реальной.

– Но ведь эта смерть и так случилась в реальности.

– Это так. И все же, если кого-то очень любишь – по-настоящему любишь, – то связан с этим человеком настолько, что вы никогда не сможете разлучиться. Даже если его от тебя что-то отрывает, ты и спустя годы продолжаешь его чувствовать. Словно бы постоянно возвращающийся к тебе отзвук. И какая-то часть твоей души радуется этим моментам, даже если при этом ты порой чуть не сгибаешься от боли.

«Словно бы постоянно возвращающийся к тебе отзвук...»

От этой мысли Рори похолодела, точно от пронизывающего ветра. Не это ли у нее останется после Хакса? Ни «до свиданья», ни ответов на множество вопросов – лишь масса расплывчатых воспоминаний?

– Иногда я представляю, как будто вижу ее, – каким-то далеким, потусторонним голосом продолжала Солин. – Так же, как это бывало с Энсоном. Я вижу в толпе чье-то маленькое личико – и на какой-то миг у меня замирает сердце. Я представляю, что у нее глаза, как у отца, а улыбка – как у ее тетушки Ти. Но потом она поворачивает голову – и лицо оказывается совсем не таким. И я сразу вспоминаю, что Асии нет.

Некоторое время Рори сидела в молчании, ошеломленная этим немислимым количеством потерь в жизни Солин. Эта женщина отрицала в себе храбрость, но, разумеется, она была не права. Всю свою жизнь она построила из ничего – разве что из горя. Совершенно одинокая женщина, оказавшаяся одна в незнакомом городе, в чужой стране, когда в мире бушевала война и невозможно было найти какой-то стоящей работы, – и тем не менее ей удалось построить себе прибыльную карьеру и, судя по всему, заработать в своем бизнесе немало денег. Интересно, чего еще она могла бы достичь, если бы новая череда ударов судьбы не изменила так жестоко ход ее жизни?

– А долго вы там оставались... потом?

– Не долго. Как только дети родились, нас всех попросили на выход. Спустя неделю после родов ко мне зашла Дороти Шеридан и сообщила, что она подыскала для меня жилье и работу. Так что мне следовало сложить свои вещи и на следующий день быть готовой перебраться на новое место. Потом, когда в Провиденсе работы не стало, я переехала в Бостон. Но, когда начали возвращаться с войны мужчины, работы там тоже было не найти. Некоторое время я работала в обувной мастерской – в обмен на жилье и питание, – еще со стороны брала заказы на шитье. Свою еду мне приходилось делить с мышкой, но я не слишком возражала против такой гостии. Мыши тоже голодали.

– И вы никогда больше не общались с отцом Энсона?

– Нет. Я запомнила его обещание уничтожить меня, если я только попытаюсь как-то связаться с ним. К тому же мне ничего от него было не надо. С Тией я бы, конечно, хотела повидаться, чтобы, по крайней мере, объяснить ей свой внезапный отъезд. – Солин мечтательно улыбнулась. – И чтобы сказать ей, что в итоге я смогла шить прекрасные платья, ставя на ярлыке собственное имя.

– Я до сих пор под впечатлением! – сказала, точно выдохнула, Рори. – Начать с ничего – и достигнуть так многого! Как вам такое удалось?

– Как у многих героинь всех прекрасных историй, у меня была своя фея-крестная.

Рори усмехнулась:

– И как же вы ее нашли?

– Их не находят, *chérie*. Они просто однажды появляются. И чаще всего именно тогда, когда ты больше всего в этом нуждаешься. А насчет того *как* – это у каждого по-своему. Мою фею звали Мэдди, и он был чудеснейшим человеком.

– Ваша фея-крестная оказалась мужчиной?

– Именно. – Лицо Солин осветилось улыбкой.

– Ну хорошо, тогда скажите: как же *он* вас нашел?

Улыбка Солин так же быстро потускнела:

– Это уже, думаю, отдельный разговор.

– Простите, я не хотела показаться назойливой.

– Ты вовсе не найзалива. Просто я уже устала от воспоминаний.

Рори взглянула на часы и с изумлением обнаружила, что уже давно за семь. Поднявшись с дивана, она начала собирать на поднос чашки.

– Я не предполагала, что так сильно задержусь. Собиралась сегодня подбирать элементы подсветки. Я только помогу вам перед уходом все прибрать.

Но Солин подхватила поднос, опередив Рори:

– Тут почти что и нечего прибирать. Отправляйся по своим делам. Мне так удобнее.

Рори неохотно нацепила сумочку на плечо и двинулась к прихожей.

– Мне правда очень неудобно, что я отняла у вас так много времени. Вам следовало бы расстаться со мной уже несколько часов назад.

– Не говори ерунды. Чем бы я тут занималась?

– И все же обещаю больше так бессовестно к вам не вторгаться. Хотя за разговор – огромное спасибо. Мне в самом деле совершенно не с кем поговорить о Хаксе. В смысле, нет никого, кто бы это понимал.

– Помни, о чем я тебе уже сказала, Рори. Если ты передумаешь – мы порвем договор аренды и просто о нем забудем. Но мне все же кажется, твой Хакс был прав: в этой мечте и правда твое имя – огромными буквами.

Рори сморгнула подступившие слезы, борясь с желанием крепко обнять Солин.

– Спасибо вам за это, – ответила она и вышла на крыльцо, искренне радуясь, что эта прекрасная и непостижимая женщина так внезапно вошла в ее жизнь.

Когда Рори уже спустилась с крыльца, ей в голову пришла одна мысль. Она остановилась и оглянулась на изящный силуэт Солин в дверном проеме.

– Знаете, я только что кое-что поняла.

– И что же?

– Что вы – моя фея-крестная.

Глава 31

Солин

Хотя и вполне справедливо ожидать денежной компенсации за наше ремесло, все-таки финансовая выгода никак не должна учитываться при решении, браться или нет за очередной заказ. Доверься Великой Матери – она позволит тебе получить свое иными способами, – и помни, что для нас первым и последним соображением является наше Дело.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

Я закрываю дверь, а в ушах еще звучат последние слова Рори. Боюсь, я слишком жалкий вариант для феи-крестной, но тем не менее, услышав от нее эти слова, я ощутила в груди такое тепло, какого не испытывала уже очень давно. И все же я чувствую какую-то странную меланхолию. Мой дом мне кажется вдруг опустевшим, равно как и моя душа.

Я иду в кухню, открываю бутылку вина, которая разбавит мое одиночество, затем прихватываю тарелку с оставшимся печеньем и отправляюсь в кабинет. Именно здесь в последнее время я в основном провожу свои вечера, перебирая воспоминания и постепенно нагружаясь так, чтобы уснуть без снов.

Эти «мадленки» – со вкусом лимона. Взяв одну с тарелки, я ее надкусываю и оставляю кусочек медленно таять на языке. И внезапно ловлю себя на том, что улыбаюсь. Пикантная сладость этого печенья напоминает мне о Мэдди – вот почему я время от времени их покупаю. Лимонные «мадленки» были его любимыми и, в каком-то отношении, стали поводом для нашей дружбы.

Порой кажется, будто это было только вчера, а иногда – словно прошла целая вечность. Я тогда только приехала в Бостон и все еще искала работу. Тогда у меня еще был довольно сильный акцент, и в магазинах одежды, в модных ателье не желали нанимать иностранку, которая будет напоминать их заказчицам о войне. Поскольку деньги

у меня стремительно таяли, я не могла себе позволить излишнюю разборчивость, а потому просто начала ходить от магазина к магазину, от ателье к ателье, готовая выполнять любую работу.

И вот как-то раз я заглянула в маленькую кондитерскую под названием «*Bisous Sucrés*». «Ну, наконец-то, – подумала я, – хоть где-то мой акцент окажется полезным». Однако было уже поздно, и я за день очень устала, да еще и ароматы кофе и шоколада так напомнили мне о доме, что, когда женщина за стойкой спросила, чего я желаю, мои глаза наполнились слезами, и я не смогла выговорить ни слова.

Женщина пожалела меня – благослови ее господь! Она провела меня в закуток в глубине заведения, после чего принесла тарелку с восхитительнейшими пирожными, вкуснее которых я в жизни не пробовала. Я с жадностью набросилась на них, наевшись до отвала, хотя хозяйка и делала вид, будто не замечает такой ненасытности, и за несколькими чашками кофе я рассказала ей свою историю – или, по крайней мере, те ее фрагменты, которыми могла поделиться.

Она была на десять лет меня старше, но у нас оказалось много общего. Ее привезли в Штаты из Шартра родители еще в самом начале Первой мировой войны, и она научилась своему ремеслу от матери. Ее брат погиб при высадке в Нормандии^[48], муж утонул, и теперь она одна, выкручиваясь как могла, растила дочь. Она знала, что такое лишения и потери, а также понимала, насколько для женщины важно суметь найти в жизни свой путь. Она не могла себе позволить меня нанять, но знала человека, который, по слухам, искал девушку, умеющую шить, – одного портного, недавно лишившегося сразу двоих помощников и находящегося теперь в полном унынии.

На обороте старого конверта она написала его имя и адрес и посоветовала заглянуть к нему утром, сослаться на нее и – главное! – не принимать «нет» за окончательный ответ. Перед моим уходом она вручила мне коробочку с выпечкой, перевязанную бечевкой, и велела взять утром с собой – чтобы, как говорится, его задобрить.

И вот утром, сразу после девяти, с коробочкой в руке я постучалась в дверь красивого кирпичного дома на углу Ньюбери-стрит, на витрине которого было выведено золотыми буквами: «Мэддисон».

4 августа 1944 года.

После того как я постучала во второй раз, он наконец открывает дверь – высокий мужчина за пятьдесят в мятом халате из темно-серого шелка и в еще более мятых брюках. У него волнистые волосы цвета ирисок, слегка подернутые сединой, и тонкие усики, которые, как я подозреваю, он подкрашивает карандашом для бровей или специальной мастикой, поскольку они на несколько тонов темнее волос.

– Нет, – недовольно выпаливает он, не дав мне вымолвить ни слова.

Я непонимающе смотрю на него:

– Что, простите?

– Что бы вы ни продавали – мне ничего не нужно.

– Вы Майлз Мэддисон?

– А кто спрашивает?

Он такой сердитый и угрюмый, от него исходит такое пренебрежение, что я едва не разворачиваюсь, чтобы уйти. Но потом вспоминаю данные мне наставления: «Не принимай “нет” за окончательный ответ».

– Меня направила к вам Клэр Брюно. Она сказала, что вы, возможно, ищете того, кто будет выполнять для вас швейные работы.

Он, нахмурясь, проводит ладонью по волосам.

– Клэр?

– Да. Из «*Bisous Sucrés*». И она просила передать вам это.

Глаза у него бледно-серые, с тяжелыми веками и длинными золотистыми ресницами. При виде коробки они загораются блеском, затем взгляд возвращается ко мне.

– «Мадленки»? – недоверчиво спрашивает он.

– Не знаю. Она только просила вам их отнести – чтобы поднять вам настроение.

Ворча, он все-таки берет у меня из рук коробочку, отворачивается и идет вглубь дома – это, я так понимаю, приглашение войти. Я его принимаю и вскоре оказываюсь в тускло освещенной гостиной, обставленной глубокими кожаными креслами и темными массивными столами. Мне кажется, именно так я всегда представляла себе мужской

клуб. Плотные парчовые шторы. Бронзовые светильники с темно-зелеными абажурами. Роскошный турецкий ковер в бордово-шалфейных тонах. Все подобрано со вкусом и отполировано до блеска.

– И что вы от меня хотите? – спрашивает он все тем же ворчливым тоном, как и в дверях. Он успел развязать бечевку на коробочке и теперь заглядывает внутрь, воспринимая меня как помеху предстоящему удовольствию.

– Работу, – невозмутимо отвечаю я. – Клэр сказала, вы остались без помощников. У моей матери вплоть до войны в Париже был свадебный салон. И я с ней там работала.

– Здесь вам не салон, юная леди. И платьев я не шью.

– Разве иголке не все равно, что шить?

Он вздергивает подбородок, косится одним глазом на меня.

– Как вас зовут?

– Солин Руссель, – отвечаю я, стараясь не дрогнуть под его изучающим взглядом. – А вы – Майлз Мэддисон, лучший портной в Бостоне. Так, по крайней мере, отзывалась о вас Клэр. Я хорошо владею иглой, мсье Мэддисон, и вполне способна выполнять любую работу, которую вы мне поручите... И еще – мне позарез нужна работа.

Выражение его лица немного смягчается, но глаза все с той же холодностью разглядывают меня. Медленно, оценивающе. Отсутствие шляпки и штопаное-перештопаное платье, поношенные туфли и порядком потертая сумочка, отсутствие кольца на пальце. В точности как у *Maman*, оценивавшей потенциальную заказчицу, его взгляд не упускает ни единой детали.

– Да уж, – сухо говорит он. – В этом трудно усомниться. А что еще рассказала вам обо мне Клэр?

Я хмурю лоб, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– Больше ничего.

– Не рассказала, почему я вдруг лишился обоих помощников?

Я мотаю головой, уже встревоженная тем, к чему он, возможно, клонит.

– Я так полагаю, вы не замужем.

– Нет.

– Нет. Так я и думал. И сколько вам – восемнадцать?

– Двадцать один.

– Очевидно, вы мало знакомы с этим миром?

– Я хорошо знакома с этим миром, мсье. Намного лучше, чем мне бы того хотелось.

– Что ж, ладно, – говорит он, проходя к небольшому бару в углу гостиной и доставая себе стакан. – В этом мы с вами похожи. Может быть, мне надо рассказать вам свою историю, прежде чем мы двинемся дальше. – Он наливает себе в стакан на пару дюймов прозрачной жидкости, смотрит на нее пару мгновений, потом разворачивается, словно внезапно вспомнив о хороших манерах. – Простите. Могу я предложить вам выпить?

Мой взгляд непроизвольно переходит к часам на каминной полке. Еще даже нет десяти.

– Благодарю, но нет. В этот час я в основном предпочитаю кофе.

– Как вам угодно. – Он поднимает, будто в тосте, стакан, затем делает большой глоток и тут же морщится. Потом, отвернувшись, доликает себе напиток, и я уже начинаю гадать, не забыл ли он снова обо мне.

– Вы собирались рассказать мне свою историю, – напоминаю я.

– Ах да, свою историю. Ладно, как скажете. Видите ли, я обслуживаю весьма состоятельную клиентуру, мисс Руссель... Вернее, обслуживал. Утонченных аристократов – как они о себе заявляют. Важных людей при важных должностях. Мужчин с деньгами и властью, и с именем, восходящим к кровавому сословию пэров. У этих людей тоже есть свои секреты. Но только не от меня. Я вижу своих заказчиков раздетыми – прямо как врач. И эти отношения ведут к некоторой... как бы это сказать... доверительности. Я в курсе, кого из них подводит здоровье, у кого – финансовые затруднения, кому повезло на бирже, кто бегаёт от жены к любовнице, а кто изменяет любовнице со смазливой новой тренершей в теннисном клубе.

Он выдерживает паузу, ожидая, по-видимому, что я зардеюсь или засмушаюсь. Когда же этого не происходит, он продолжает рассказ:

– Как вы, должно быть, угадали, мне редко случается проводить время в обществе тех мужчин, которых я одеваю. Мое положение намного ниже, чем у них. Однако несколько недель назад я был с друзьями в баре отеля «Statler» и случайно наткнулся на своего нового клиента. Одного политика, имеющего жену, важную светскую даму, и большущие планы на карьерную лестницу.

Он на миг умолкает, принимая мелодраматическую позу и соответствующий тон:

– Лоуренс Тейт – из тех самых Тейтов, отцов-основателей с «Мэйфлауэра». Великая честь для меня!.. Нет необходимости объяснять, насколько я был удивлен, увидев его там. Хотя и не настолько сильно, как он, увидев меня в баре.

– А почему?

Мэддисон весело смотрит на меня с нескрываемым изумлением, с откровенно сексуальной улыбкой, и я вдруг понимаю, что он на самом деле красив – или, по крайней мере, был таким совсем недавно.

– Потому что, милая моя девочка, тот клуб, о котором я говорю, как правило, не посещают господа с башни из слоновой кости, ищущие себе благовоспитанных юных леди. Там собираются те, кто ищет любовников-мужчин, и у них не такие знатные фамилии.

Я в ответ молчу.

– Вы понимаете, о чем я говорю?

– *Oui*, – невозмутимо отвечаю я. – Понимаю.

Я снова взглядываю на часы и чувствую растущее нетерпение. Я пришла сюда получить работу. И если его ответ «нет», то мне надо снова продолжать поиски.

– Так вы берете меня на работу или нет, мсье?

Майлз опрокидывает в себя содержимое стакана и отворачивается вновь, чтобы его наполнить. Его рука с бутылкой заметно дрожит, и сквозь все его фанфаронство я первый раз вижу скрывающуюся под этим слабость и уязвимость. Я понимаю, что на самом деле он вконец разбит и, возможно, к тому же болен. И последнее, что сейчас ему необходимо, это новая порция выпивки.

– Не пейте больше, – говорю я, перехватывая из его руки стакан. – Давайте я вам вместо этого приготовлю что-нибудь поесть, а вы расскажете мне о работе.

– Я гомосексуалист, мисс Руссель.

Я смотрю на него в упор без малейших эмоций:

– Вы надеялись этим повергнуть меня в шок?

Он нервно проводит рукой по волосам, явно раздраженный моим ответом.

– Вам известно это слово? Вы вообще понимаете, что оно значит? Кто я такой?

– Да.

– И известно ли вам, что делает общество с людьми вроде меня, когда узнает о них правду? Нас планомерно уничтожают. Губят ложью и надуманными обвинениями. До тех пор, пока мы не потеряем все. И я действительно все потерял, дорогая моя! Своих клиентов, свою репутацию. Все, ради чего я столько лет работал, – рассыпалось в прах. Вот почему от меня ушли. Никто даже работать со мной не желает!

– Я желаю.

– Вы что, меня не слышите? Здесь *нет* никакой работы! Быть может, там, откуда вы приехали, все совсем иначе, но здесь мужчины вроде меня становятся изгоями.

Вскинув подбородок, я решительно смотрю ему в глаза:

– Там, откуда я приехала, мсье, мужчин вроде вас отлавливают и отправляют в лагеря, где их избивают, морят голодом и нередко убивают. Вас же здесь никто не арестовал, не бросил за решетку. Никто вас не убил. А если вы целы и невредимы, то вполне можете начать все заново.

– Но как? – качает он головой, глядя на меня совершенно пустым взглядом своих светло-серых глаз. – У меня же ничего не осталось!

Я демонстративно обвожу взглядом его изысканно обставленную комнату, мысленно сравнивая увиденное с тем, что я запомнила, когда в последний раз окинула глазами мамин салон, навсегда покидая Париж, и неожиданно во мне вспыхивает ярость.

– Вы и понятия не имеете, что значит «ничего не осталось», – ледяным тоном отвечаю я. – А вот я имею. Через пару недель у меня закончатся деньги, и я останусь на улице. У вас есть для меня работа? Да или нет?

Мэддисон бросает на меня возмущенный взгляд, на его лице вспыхивает раздражение.

– Здесь *нет* никакой работы – ни для вас, ни для кого-то еще. Потому что мое дело в полном упадке. Хотите знать почему?

Я не хочу этого знать, но вижу, что ему очень хочется мне это рассказать.

– На следующий же день после нашей случайной встречи мистер Тейт заявился ко мне в ателье – ему якобы было необходимо перешить брюки. Я не удивился его визиту. На самом деле, мне было даже любопытно, как скоро он найдет какой-нибудь предлог, чтобы объяснить мне свое присутствие в «Statler». Ну, что-то вроде: «Я и не представлял, что это за заведение, когда туда пошел. Почувствовал себя там очень глупо». Или: «Договорился встретиться там с другом. Откуда же мне было знать!» Короче, я отвел его в одну из примерочных в глубине салона и спросил, что именно он желает сделать с брюками. Но вместо ответа он внезапно прижал меня к стене и провел языком по горлу.

Я оторопела. На свете, пожалуй, нет ни одной женщины, которая хоть раз не оказалась бы объектом притязаний, но я и предположить не могла, что таким образом могут приставать к мужчине.

Майлз между тем хрипло усмехается:

– Все-таки вас удалось повергнуть в шок.

– Я вовсе не шокирована. Просто я ожидала, что все закончится иначе.

Он свирепо поводит бровями.

– Вот и он ожидал, что будет иначе. Он-то собирался со мной договориться. Тайно, разумеется, но очень выгодно для меня – если я правильно разыграю карты. А когда я его отверг, он пошел домой и сообщил своей жене, будто бы я лез к нему с непристойностями. Я! Можно подумать, мне вообще был интересен этот паразит! Разумеется, слухи распространились, как лесной пожар. Та дамочка, на которой он женат, растрезвонила об этом всем и каждому. Дескать, Майлз Мэддисон – это блудливый старый педик, который не может удержаться, чтобы не приставать к клиентам.

Он на мгновение умолкает, приглаживая пальцами усы.

– Попомните мое слово: однажды эта болтливая старая корова сама станет посмешищем. Такие мужчины, как ее супруг, всегда могут публично оконфузиться. Вот тогда-то мы и посмотрим, кто окажется изгоем! Этот пуританский городок набросится на них, как собачья свора!

Майлз уже слегка покачивается, его речь становится невнятной. Я скептически окидываю его взглядом:

– Это слабое утешение. Ведь когда это случится, вы можете оказаться на мели.

– Я никогда не окажусь на мели. Деньги – может, и единственное, что у меня осталось, но их у меня предостаточно.

– Что ж, вам очень повезло! – холодно отвечаю я и направляюсь к двери. – Хорошего вам дня, мсье.

– Вы куда?

– Пойду искать работу. Потому что в отличие от вас у меня *нет* предостаточно денег.

– Это у вас такая манера? Постучаться к человеку ни свет ни заря, затеять какой-нибудь спор, а потом просто взять и уйти посреди разговора?

– Сейчас уже далеко не «ни свет ни заря», и вы бы это заметили, если бы с утра не приняла на грудь. И я пришла не для того, чтобы затевать какой-то спор. Я пришла, потому что мне нужна работа, но явно попала не по адресу. – Я с вызовом смотрю на него. – Клэр велела мне не принимать «нет» за отказ, но я, пожалуй, ее не послушаюсь. Жалость к самому себе – недопустимая для меня роскошь, и я боюсь, как бы эта ваша жалостливость не прилипла и ко мне. Простите, что побеспокоила.

– Вы совсем еще дитя, – недовольно ворчит он. – Что вы можете знать!

– Да, я очень молода, но я вовсе не дитя. Я видела такое, что никому не пожелаешь видеть. Я видела страны, буквально заполоненные злом. Видела, как отправляют целые семьи за решетку и там всех до единого уничтожают. Видела мужчин, которых разрывает снарядами на куски, и женщин, потерявших все, что им было дорого. В мире очень много настоящих трагедий, мсье. Но сплетни совсем не из их числа. Вы хвастаетесь, будто никогда полностью не разоритесь, – но вы уже разорены, потому что сами выбрали такую жизнь.

С этими словами я вешаю на локоть сумочку и торопливо иду к двери, чтобы покинуть этот дом. Я уже берусь за дверную ручку, когда он наконец страдальчески, со вздохом произносит:

– Ладно, согласен. Только, если я вас найму, вы должны пообещать, что перестанете называть меня «мсье». Не перевариваю французский.

Мое сердце от радости начинает биться быстрее.

– Как же мне тогда к вам обращаться?

– Друзья зовут меня Мэдди.

Затем я готовлю яичницу, завариваю крепкий кофе, и мы вместе завтракаем в его маленькой, залитой утренним солнцем кухне. Пока он курит, я рассказываю ему свою историю – на сей раз подробно. Потому что я почему-то поняла, что могу доверить ему все свои секреты, и его ничего не шокирует. Я рассказываю ему и про *Maman*, и про Энсона, и про Сопротивление. А он рассказывает мне о Ричарде – любви всей его жизни. И как они влюбились друг в друга в первый же вечер знакомства. И как тот умер у него на руках после изматывающей борьбы с раком. И как родственники Ричарда запретили ему присутствовать на похоронах. А я поведала ему о Дороти Шеридан и об Азии, о том, как у меня забрали мою девочку, чтобы тихо ее похоронить, ничего мне при этом не сказав. Мы с ним оба плакали, сцепив ладони над давно опустевшими тарелками. Так мы с ним стали одной семьей – родственные души, связанные горечью потерь и одиночеством.

Часы на камине выбивают приятную мелодию, вырывая меня из воспоминаний. Но я пока что не готова с ними расстаться. Я вновь наполняю вином бокал и беру в руки фото в рамочке, обычно стоящее возле моего локтя, которое снято в тот день, когда мое имя было так же по трафарету выведено на витринном окне под фамилией Мэдди. Он довольно улыбается в объектив и смотрится особенно щеголевато в новом темно-синем костюме в тонкую полоску, отведя назад плечи, выпятив грудь – невероятно гордый своей «пичужкой», как он меня всегда называл.

Это был очень радостный и запоминающийся день, с тортом и шампанским, после чего нас ждал ужин в «*Marliave*» – в роскошном французском ресторане, о котором Мэдди говорил, будто терпеть его не может, но при этом, похоже, знал там по имени всех официантов. Мы выпили слишком много вина и танцевали до рассвета, празднуя таким образом возрождение Мэдди из пепла.

Разворот курса произошел очень стремительно, большей частью благодаря новой линии вечерних дамских платьев. Мэдди совершенно бесстыдно рекомендовал меня как «кутюрье из Парижа, создававшую свадебные наряды для самых взыскательных особ Европы». И мне неважно было, что это не соответствовало правде, потому что в душе-то так оно и было. Наконец я начала создавать именно такие платья, о каких всегда мечтала!

Мэдди называл себя моей крестной феей. Это была понятная нам одним шутка – и все же для меня это являлось чистой правдой. Я столько всего от него узнала – об одежде, о ведении бизнеса, о жизни. Как продавать свои товары и снабжать их всевозможными аксессуарами, как очаровывать поставщиков и управлять денежным потоком, как создавать иллюзию эксклюзивности, чтобы клиенты гонялись за моим дизайном. Я впитывала его уроки, точно губка.

А потом настал день, когда внезапно все в нашей жизни изменилось. Миссис Лорейн Эпплтон, явившись на примерку, случайно оговорила, что у ее внучки Каталины только что произошла помолвка. Мэдди, никогда не упускавший возможности расширить свой бизнес, как бы вскользь заметил, что свадебное платье от самого настоящего кутюрье вызвало бы к ее внучке зависть всего Бостона. И заговорщическим шепотом добавил (причем, достаточно громко, чтобы его могли услышать), что по Парижу бродили слухи, будто платье от Руссель практически гарантирует невесте счастливый брак.

Как только по городу разошелся слух о том, что на одной из значительнейших свадеб сезона невеста будет в платье от Руссель, заказы посыпались один за другим. Первое время никакой магии в них не было. Нам так была нужна работа, что мы не отказывали никому. Я разрабатывала платья для всех, кто готов был за них платить, и мне очень повезло с невестами, дабы укрепить те слухи, которые Мэдди продолжал бесовестно распространять. Довольно скоро у меня уже имелся лист ожидания с именами невест, желающих подвергнуться моей «экстрасенсорной проверке», если это требовалось, чтобы пойти к алтарю в одном из моих платьев. Как *Maman* с ее четками, они желали оградить себя от невезения и злого умысла. Каким-то образом, сама того не желая, я прослыла «*la Sorcière de la Robe*», «Колдуньей над платьями», и странным образом меня это обрадовало.

Может быть, потому, что теперь я уже понимала, как редко в нашей жизни на самом деле случаются счастливые финалы.

В скором времени Мэдди обустроил для меня небольшой салон на втором этаже, а заодно и мою собственную мастерскую. Спустя год мой салон занял уже весь второй этаж, и я наняла двух девушек, которые занимались выкройками и примерками с подгонкой. Таким образом, я хотя бы в небольшом масштабе воплощала свою мечту и мечту *Maman*.

А потом, спустя пару лет, у Мэдди развился сильный кашель – он курил почти по две пачки сигарет в день. Я к тому времени тоже пристрастилась к этой привычке. Курение расслабляло и давало рукам какое-то занятие, когда я не работала. Кашель у Мэдди становился все хуже и хуже, и вскоре его великолепные костюмы стали висеть на нем мешком. Теперь, глядя на него, я то и дело вспоминала *Maman*, хорошо понимая, к чему это ведет. Но знание правды ничуть ее не облегчало.

Я делала все, что было в моих силах, чтобы в конце жизни окружить его уютом и заботой. Я купила Мэдди телевизор, который он якобы ненавидел, хотя и смотрел его теперь беспрерывно. Я каждый вечер после второго ужина читала ему газету. Я даже время от времени курила за него, когда он просил меня: давай, мол, перекурим. Я ложилась с ним рядом в полутьме и выдыхала в воздух над головой целые столбы сизого дыма, чтобы он мог этим насладиться хотя бы из вторых рук. Его врача раз десять бы, наверное, кондрашка хватила при виде такого кощунства, – но мне было наплевать. Я была обязана ему всем – и он заслуживал хоть какую-то радость в свои последние дни.

Он умер в одно из воскресений, завещав мне свое ателье и все до последнего цента. А также оставил мне записку с несколькими словами от руки: «Теперь это твое гнездо, пичужка. Настало время расправить крылышки – и лететь, лететь, лететь!» Спустя два месяца на витринном окне осталось только мое имя рядом с выведенным красивыми золотыми буквами названием «*L'Aiguille Enchantée*»^[49].

Я до сих пор ужасно по нему скучаю.

Он был для меня всем – и отцом, и наставником, и очень дорогим и близким другом. Я знала все его тайны, а он знал мои. Порой я доводила его до белого каления, а он, как никто на свете, заставлял

меня смеяться. Я сумела вернуть ему волю к борьбе, а взамен он подарил мне будущее.

Глава 32

Рори

7 сентября 1985 года.

Бостон

Положив сумочку на комод, Рори устало села на кровать и, чувствуя на себе взгляд Хакса, стала расшнуровывать кроссовки. Потом взяла с ночного столика фотографию в рамочке и положила на колени, внезапно охваченная таким острым чувством одиночества, что у нее едва не перехватило дыхание. Неужели это все, что у нее теперь осталось от него? Небольшой снимок за прямоугольником стекла?

Он пропадавал уже почти что девять месяцев, и о нем не было ни малейших известий. Сколько надо ждать, чтобы перестать надеяться на счастливый исход? Год? Два? И что потом? Какой станет ее жизнь, когда в ее надеждах и мечтах о будущем не останется Хакса?

У нее будет своя художественная галерея и постоянно обновляющаяся группа художников, работы которых она станет продвигать. Но сможет ли она жить только этим? Или же она закончит, как Солин, отгородившись от всего мира своей скорбью? Хакс бы этого уж точно не хотел. Он бы надеялся, что она будет двигаться дальше – причем во всех аспектах жизни. Но желала ли она этого сама? Она и представить не могла, чтобы кто-то другой смог заполнить ту пустоту, что осталась в ее сердце после исчезновения Хакса. И ей не хотелось эту пустоту кем-либо заполнять. Ее сердце принадлежало только Хаксу – и будет ему принадлежать еще очень долго. Теперь же, тоже на «очень долго», она заполнит свою жизнь галереей. Так же, как Солин – своим салоном.

И, надо сказать, на этом фронте у Рори все уже начало неплохо складываться. Маляры с сегодняшнего дня взялись за дело, и Рори пробыла там допоздна, с нетерпением желая увидеть, как будет выглядеть выбранный ею шиферно-серый оттенок стен после нанесения второго слоя. И хотя, задев ненароком лестницу и выбив валик из лотка, Рори оказалась вся в краске, – все-таки цвет на стенах смотрелся идеально. В довершение всего ей удалось договориться

на завтра о встрече с Кендрой Патерсон – художницей, чьи потрясающие витражные скульптуры из морского стекла в прошлом году привлекли ее внимание на ярмарке искусств в Портсмуте. Если все пойдет как надо, то на открытии галереи работы Кендры станут гвоздем выставки.

Так что теперь ей, хочешь не хочешь, следовало позвонить матери и объяснить, почему она завтра не сможет приехать на бранч. Опять.

Рори стянула с себя заляпанную краской одежду, включила душ и по пути в прачечную комнату прихватила беспроводную трубку.

– Привет, это я, – сказала Рори, невольно поморщившись, когда Камилла ответила на звонок. Она так надеялась на автоответчик!

– Позволь, я угадаю: ты завтра не придешь?

– Я не смогу. Прости, пожалуйста. Я завтра прямо с самого утра еду во Фрипорт на встречу с художником.

– Неужели у нас в Бостоне не осталось больше хиппи?

– Она не хиппи, мама. Уже 1985 год. Уже давно нет никаких хиппи. – Рори замолчала, свободной рукой закладывая в стиральную машину порошок, после чего с глухим щелчком захлопнула крышку. – Она с утра до вечера работает и еще по совместительству преподает в школе. Она может со мной встретиться только в это время.

– Что у тебя там за шум?

– Стиральная машина. Я сегодня вся перепачкалась краской.

– Ты в курсе, Аврора, что есть люди, которых можно нанять для подобных работ? Можно подумать, ты настолько ограничена в средствах.

– Я наняла. Даже нескольких людей. Но мне хотелось посмотреть, как ляжет цвет. Боюсь, мое присутствие им помешало, хотя они этого и не показывали.

– Так, значит, дело продвигается?

– Потихоньку. На самом деле, это уже начинает действительно походить на галерею. Знаешь, ты можешь зайти туда и все увидеть сама.

– Непременно зайду, но сейчас я просто катастрофически занята. Я рада, что у тебя все идет по плану.

– Даже, я бы сказала, с опережением. Я рассчитываю открыться в следующем месяце. Помню, я обещала пригласить на открытие Вики

и Хилли. Так что для приглашений мне понадобятся их адреса. А еще адреса тех, кого, по-твоему, мне стоит пригласить.

– Я бы включила в список Марин Кордейро и Лору Лэдд. Ах да, и еще Кимберли Ковингтон Смит. Они помоложе, и у них масса связей. Они будут тебе полезными.

– Спасибо, – ответила Рори, приятно удивленная услышанным. – А как же ты? Сама ты хочешь быть в числе приглашенных?

– Ну, разумеется, хочу! Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

– Я просто дала тебе возможность для маневра. Я знаю, что ты далеко не в восторге от моей идеи. И мне не хотелось ставить тебя в такое положение, когда тебе придется стиснуть зубы и пойти или придумать вежливую отговорку, чтобы отказаться.

– О чем ты говоришь! Я же твоя мать, Аврора. Конечно, я хочу быть частью столь важного для тебя события. Кстати сказать, ты уже задумывалась о том, кто будет обслуживать праздник? Я могла бы сделать несколько звонков, составить меню для фуршета. И тебе будет легче. А еще надо подумать насчет музыки. Правильно подобранное сопровождение может сделать праздник более качественным, а в противном случае – его испортить. Когда-то Лори Лоренц совершила большую ошибку, наняв пианиста, который играл, но не был виден гостям. Тот парень весь вечер наигрывал песенки Барри Манилоу. Я предлагала ей связаться с чудеснейшей арфисткой, но Лори настояла на том, что будет все делать сама. И это была катастрофа!

Рори прикусила губу. На открытии ее галереи ни при каких обстоятельствах не будет арфы! Нельзя было отрицать, что Камилла Грант знала толк в организации мероприятий – и все же на этом вернисаже все должно было диктоваться только ее собственными соображениями.

– Спасибо, у меня уже есть кое-какие идеи, и я действительно хочу все устроить сама.

Камилла шумно выдохнула.

– Как тебе угодно. Но если вдруг передумаешь – я всегда к твоим услугам. Как насчет того, чтобы вместо этого помочь тебе с макияжем? «О бог ты мой!..»

– Мне не нужен макияж, мама.

– Солнышко... Как бы тебе это сказать, чтобы не прозвучало грубо?.. У тебя в последнее время столько разных хлопот, что ты стала

немножечко, знаешь... затерханной.

– Тебя послушать – так я уже чуть не уличная побирушка.

– Ну да, извини. Но ты все же должна признать, что в последние несколько месяцев уделяла внимание совершенно другому. Тебе не помешало бы чуточку... навести красоту. И если ты не даешь мне помочь тебе в чем-либо другом, так позволь хотя бы это, это будет мой вклад, так сказать. Подберем тебе новый наряд – что-нибудь сногшибательное, – и, быть может, сделаем что-то с твоими волосами.

– Мне не нужно ничего сногшибательного. Это совсем не то мероприятие... вернее, не такая галерея...

– Ну, хорошо, мы найдем тебе что-нибудь не слишком сногшибательное. Можем сделать это в следующую субботу. Я запишу тебя к Лорне сделать прическу. И заодно на маникюр, пожалуй. А потом можем посидеть за ланчем в «*Seasons*».

– Посмотрим. Мне надо идти. У меня уже душ вовсю льется.

– Так что? В субботу?

– Я перезвоню тебе на неделе.

Вернувшись в ванную, Рори все еще раздумывала над маминим словечком «затерханный». Она, что, и впрямь стала такой? Рори протерла ладонью запотевшее зеркало и вгляделась в свое лицо. Щеки и лоб испачканы краской, серые крапинки также усеивали выбившиеся из хвоста волнистые пряди подкрашенных в пшеничный оттенок волос. Стянув резинку, Рори разметала непослушную копну на голове. Волосы были уже ниже плеч, челка едва не закрывала глаза. Она уже и не помнила, когда в последний раз делала стрижку, а осветленные волосы отросли на добрые три дюйма, выявляя не броскую, но вполне отличимую «демаркационную полосу».

Быть может, мама права? И она действительно себя немного запустила? Она никогда не была барышней с чисто девчоночьими склонностями – с полными ящиками всевозможной косметики, с ежедневным двукратным уходом за кожей лица, – однако она никогда не забывала следить за своей внешностью. Может, и правда пора как-то измениться? Ничего радикального или замысловатого – просто заявить о своем вхождении в новую роль хозяйки галереи.

Рори выключила душ, вытерлась полотенцем и, прошлепав обратно в спальню, распахнула стенной шкаф. Ее гардероб был еще одной сферой, которую Рори предпочитала игнорировать – отчасти

потому, что от одной даже мысли о покупке одежды она покрывалась пятнами и нервной сыпью. Казалось, ни одна вещь не сидела на ней как надо, как будто все, что только производилось в мире из одежды, шилось на кого-то другого. Рори не была такой же миниатюрной, как ее мать. Она была высокой, с длинными конечностями, широкими плечами и узкими бедрами. Иначе говоря, с телом пловчихи.

Она заглянула в дальний конец шкафа, где висела ее одежда на выход. Большею частью подаренная матерью, задавшей целью сделать более женственной свою мальчишницу-дочку. И белое с легким желтоватым оттенком, и цвета слоновой кости, и бежевое, и серо-коричневое, и еще кое-что в пастельных тонах – большинство нарядов так и висели с фирменными ярлычками. И если она договорится отправиться с матерью на шопинг в следующую субботу, то, значит, ее коллекция одежды пополнится еще одним ненужным бежевым нарядом.

Во внезапном порыве она нашла телефонный номер Солин, взяла трубку и набрала нужные цифры.

– Алло?

– Это горячая линия феи-крестной?

– Рори? Что-то случилось?

– Нет, но я хочу просить вас об услуге. Мне необходима помощь с вечерним туалетом для открытия галереи. Матушка хочет устроить со мной шопинг. Она вообще хочет создать мне новый имидж.

– И что, это для тебя проблема?

– Я не выношу ходить по магазинам. Для меня это все равно что лечить зубы без анестезии. Да еще с матерью, которая всегда критикует мой выбор. Во всем Массачусетсе не хватит новокаина, чтобы я это выдержала! Но дело в том, что мама, как ни крути, а права. Мне действительно надо немного сменить облик и гардероб, если я собираюсь появляться в своей галерее каждый день. Я надеялась, вы дадите мне какие-то ориентиры.

– Ты хочешь, чтобы я вместе с тобой отправилась покупать одежду?

– Нет-нет, я не это имела в виду. Просто... подскажите мне, что лучше надевать. И как это носить. И где купить. А еще лучше – если вы поможете мне разобраться с тем, что подойдет из того,

что у меня уже есть. Тогда мне может и не понадобится ходить по магазинам!

– И когда ты хочешь этим заняться?

– Чем скорее, тем лучше. Если я скажу матери, что уже определилась с нарядом, и пообещаю постричь челку, то, может, она оставит меня в покое. Речь не идет о каком-то полномасштабном преобразении. Мне лишь нужна помощь, чтобы понять, что с чем сочетается, а вы всегда выглядите так элегантно! Я приготовлю что-нибудь вкусное, чтобы отметить это дело.

– Но, может, все же лучше позволить твоей матери сводить тебя по магазинам, Рори? Это могло бы хотя бы частично снять напряженность в ваших отношениях. Ей, наверное, тоже этого хочется?

– Уж поверьте мне: единственное, чего она хочет – это убедиться, что я не опозорю ее перед подругами.

– А ты уверена, что это будет справедливо? Не сомневаюсь, она хочет, чтобы у тебя состоялся совершенно особенный вечер.

– Я не пытаюсь как-то нарушать справедливость. Я просто не хочу большой суеты с одеждой. Скажите, что вы мне поможете!

– Хорошо, я могу приехать завтра. Только не надо ничего готовить.

– Ой, какая вы замечательная! Завтра утром я встречаюсь во Фрипорте с одной художницей, но к трем часам должна уже быть дома. Мы закажем пиццу.

– Ладно, пицца так пицца. Только обычная, без этой ананасовой дребедени.

Солин приехала чуть позже четырех, естественная и изящная в своих облегающих черных брюках и длинной, прихваченной на талии блузе мягкого серого цвета. Как обычно, она выглядела безупречно, идеально дополнив одеяние остроносими лодочками на низком каблуке и черными, точно литыми, перчатками.

Рори оглядела этот ансамбль с немалой долей зависти. Только Солин Руссель могла так изумительно смотреться в миниатюрных перчатках в сентябре.

– Спасибо, что согласились мне помочь. Я очень не люблю о чем-то просить, но по части моды я совершенно беспомощна. И, говоря откровенно, – я не слишком подхожу для подиума.

– Позволь уж мне самой об этом судить, – с живостью ответила Солин. – Покажи-ка мне свой гардероб. Чтобы я имела представление, с чем мне работать. А потом мы немножко поговорим.

Рори отвела гостью к стенному шкафу в своей спальне и раздвинула складные дверцы:

– Вот. Повседневная одежда – здесь. А то, что понаряднее, – в глубине. В основном это покупала моя мать.

С деловитой решимостью Солин стала перебирать в шкафу вешалки, то и дело останавливаясь, чтобы пощупать ворот или рукав, тихонько похмыкивая и прицокивая. Наконец она развернулась к Рори и окинула ее взглядом.

– Кошмар, – сказала она без обиняков.

– Правда ведь, они ужасны?

– Напротив. Даже очень красивые платья. У твоей матери прекрасный вкус.

– Мне показалось, вы только сейчас сказали, что это кошмар.

– *Oui*. Для *тебя* это действительно кошмар. Понимаю, почему ты почти ничего из этого не носила. Все эти наряды рассчитаны на *une femme menue* – на миниатюрную женщину. А ты совсем не такая.

– Да уж, – опустила голову Рори. – Я в курсе.

– Я вовсе не критикую твою фигуру, *chérie*. Это всего лишь правда. А когда дело касается одежды, мы всегда должны говорить себе только правду.

– Видимо, я просто не из тех людей, кто создан для красивых нарядов.

– Для красивых нарядов созданы абсолютно все. Просто далеко не все это правильно понимают. Некоторые предпочитают гоняться за модой, а не выдерживать стиль.

– А в чем разница?

– Ох, Рори... – даже как будто приуныла Солин.

– Что?

– Ну, вот смотри... – Солин начала вытаскивать из шкафа одежду и бросать ее на кровать. – Вот, например, эта юбка. Очень красивая – но для тебя слишком короткая. А еще с воланом внизу – ты будешь

смотреться в ней так, будто нацепила абажур. Вот у этого пиджачка зауженная талия. Он, конечно, миленький, – но только не на тебе. Вот блузка с пышными рукавами и маленькими жемчужными пуговками. Нет, нет и нет! Вся эта одежда хороша для кого-то другого – это *стиль* совсем другого человека. А тебе надо найти свой собственный.

– А если для меня его нет?

– Не говори ерунды. У каждого есть стиль. Просто большинство женщин не удосуживаются его найти. Куда проще раскрыть журналчик или включить «Династию»^[50] и кого-нибудь скопировать. Вот почему в магазинах одежды все выглядит одинаковым. Потому что многим хочется выглядеть так, как все. Им нравится быть стандартными и обыкновенными. Но ты не такая, как все, Рори, ты не обычная. Ты прекрасная и исключительная, со своим особым колоритом. Но ты так долго пряталась в своей мальчишеской одежде, что уже не видишь самое себя.

Рори почувствовала, как наливаются жаром щеки. Это была правда. Или, быть может, она вообще никогда это «самое себя» не видела?

– И что мне лучше носить? Я ненавижу возиться с нарядами. Да даже и не в этом дело. Просто, что бы я ни надела, все на мне выглядит не так.

– Ах, Рори, когда ты покупаешь одежду, не нужно суетиться. Все детали должны подходить друг к другу. Это примерно так же, как ты выбираешь произведения для своей галереи. Ты хочешь, чтобы они сказали что-то особенное тем, кто их увидит. Ты ориентируешься на их основную мысль, на эффектность исполнения. Вот и с одеждой то же самое.

Солин взяла ее за плечи и развернула лицом к зеркалу.

– Посмотри на свои плечи, широкие и крепкие. На длинные ноги и узкие бедра. Ты очень стройная – но не тощая, как эти бестолковые модели на подиуме. Ты излучаешь силу – или будешь ее излучать, когда мы подберем тебе правильную одежду. Тебе нужны такие вещи, что будут подчеркивать твою фигуру, а вовсе не прятать ее. Простые строгие блузки и блейзеры. Широкие брюки, чтобы сбалансировать верх с низом. В тонкую полоску, в клетку. Да, и твидовые будут хорошо, я думаю. Оттенки ювелирных камней тебе, пожалуй,

прекрасно подойдут. Но никакого бежа. И абсолютно никакого кружева, ни в каком виде. – Тут она заговорщицки улыбнулась, поймав взгляд Рори в зеркале: – Ну, разве только на нижнем белье.

Рори посмотрела на свое отражение, пытаясь мысленно заменить свою просторную футболку с надписью «Red Socks» и мешковатые спортивные штаны на одежду, хотя бы отдаленно походящую на то, что только что описала Солин.

– И вы за каких-то двадцать минут все это поняли?

Солин пожала плечами:

– Я уже сорок лет одеваю женщин. Короче говоря, на будущей неделе отправимся за покупками.

– Отправимся... в смысле, вместе?

– Если ты, конечно же, не против.

– Нет, я буду очень рада. Но вы уверены, что этого хотите?

– Да. Но только в этот раз. В качестве тренировочного занятия. В следующий раз отправишься выбирать сама. Или с твоей *tata*. Нет, пусть тебя не передергивает. Когда ты почувствуешь, что именно тебе идет, у тебя появится уверенность при выборе одежды. Вот что делает с девушкой чувство собственного стиля. – Солин немного помолчала, с прищуром глядя на отражение Рори в зеркале. – А ты когда-нибудь думала о том, чтобы подстричь волосы?

Рори нахмурилась.

– Да, знаю, их пора подкоротить. Это уже есть в планах.

– Нет, я имею в виду коротко подстричь. Вот так, – протянула она руки к Рори и собрала кончики ее волос на макушке. – У тебя красивые скулы и прекрасная шея. Если сделать короткую стрижку, это к тому же подчеркнет твои удивительные глаза. И у тебя такие замечательные волосы. Поль будет счастлив приложить к ним руки.

Рори невольно ухмыльнулась.

– У моей матушки точно припадок случится. Она и так считает, что я полумальчишка.

– Ты вовсе не будешь напоминать мальчишку, *Aurore*. Ты будешь выглядеть очень красивой и женственной. По-настоящему элегантной.

– Элегантной? – тихо переспросила Рори, встретившись глазами с отражением Солин. – Я?

– *Oui, chérie*. Ты.

Рори взгляделась в свое отражение, пытаясь представить реакцию матери на такую стрижку, которую предлагала ей сделать Солин. Однажды она уже просила маму постричь ей покороче волосы, когда только начала заниматься плаванием: засовывать каждый раз волосы под резиновую шапочку казалось ей сущим наказанием. Но Камилла была непреклонна: «Юные леди не обрезают себе волосы ради сиюминутного комфорта». С тех пор Рори ни разу уже и не думала коротко постричься. И вот теперь задумалась об этом всерьез. Хотя, пусть это будет для матушки сюрпризом. Если она скажет об этом матери, та непременно ее отговорит – а Рори сейчас точно не хотела, чтобы ее отговорили.

Солин поймала в зеркале ее взгляд:

– Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что мне бы этого хотелось. Но матери я говорить об этом не буду, пока не сделаю, – а тогда будет уже слишком поздно.

Солин ничего не ответила, но краешки ее губ печально поникли.

Рори робко улыбнулась ей:

– Понимаю. Мне кажется, я в последние месяцы вообще слишком много отнимаю у вас времени. Интересно, какова почасовая ставка у фей-крестных в наши дни?

– Дело не в этом, – сказала Солин и, отпустив волосы Рори, дала им снова рассыпаться вокруг плеч. – Я очень рада тебе помочь.

– А в чем тогда?

– Мне не дает покоя мысль, что твоя мама на меня обидится из-за твоего нового образа. Судя по тому, что ты рассказывала, она не из того типа женщин, что оценила бы вмешательство другой особы. И я бы на ее месте чувствовала то же самое.

Рори задумалась. Это было более чем справедливое замечание. Солин была последним человеком, от которого ее мать пожелала бы услышать советы относительно моды и стиля – или вообще чего-то другого, – но Рори действительно нуждалась в руководстве. Причем очень во многих вещах. И от человека, который хорошо знал, каково это – создавать себе новую жизнь после того, как судьба сбила тебя с ног. Камилле же никогда не было нужно менять свой образ. Она неизменно оставалась идеальной, невозмутимой и держащей под контролем каждый аспект жизни.

– Тогда нам просто придется постараться, чтобы она об этом не узнала, – заключила наконец Рори. – Я ей скажу, что это целиком и полностью моя идея. Итак, как мне найти этого... Поля, верно?

– Если ты действительно в этом уверена, то я позвоню ему завтра и тебя отведу.

Рори с огромным трудом сдержалась, чтобы не кинуться обнять Солин.

– Я так рада! Спасибо вам большое!

Рот у Солин слегка дрогнул, словно она собиралась что-то сказать, но она тут же прикусила губу.

– Для чего ж еще нужны феи-крестные!

Глава 33

Рори

14 сентября 1985 года.

Бостон

Когда еще одна обрезанная прядь упала на колени, скрытые под черным нейлоновым фартуком, Рори, невольно задержав дыхание, повторила про себя слова Солин: «По части волос Полю Рамону и другим мастерам в “*Bella Mia*” просто нет равных». Она и не сомневалась, что это так. Однако, сидя посреди кучи только что срезанных волос, она всем своим существом уповала на то, что не совершила ошибку, о которой будет жалеть долгие месяцы.

Дав согласие Полю сделать ей дерзкую стрижку пикси и немного подтемнить тон, Рори затаила дыхание, когда он принялся за работу. Спустя полтора часа с ее головы сняли специальную шапочку, вымыли шампунем, нанесли пенку, высушили феном, и теперь Рори находилась в процессе «подрезания и подравнивания» – что бы это ни предполагало, – в то время как Солин, сидя с журналом в стороне, делала вид, будто вовсе не следит за происходящим.

У них ушел на все почти целый день – начиная с похода в универмаг «*Neiman Marcus*». Личный менеджер Солин Лайла, изрядно побегав, заранее проделала большую подготовку, а потому, когда они приехали, их ожидала уже целая стойка старательно отобранных предметов одежды. Рори оставалось только их примерять, крутиться перед зеркалом и выставлять большой палец кверху или книзу.

Окончательная сумма грозила стать гораздо больше, чем стоили все когда-либо имевшиеся в ее гардеробе вещи в совокупности, однако в этой новой одежде Рори чувствовала себя просто умопомрачительной. Мало того, она настолько воодушевилась своей обновленной внешностью, что даже решила уйти из магазина в одном из выбранных нарядов.

В итоге магазин она покинула всего лишь с несколькими пакетами, поскольку большая часть понравившейся ей одежды была оставлена для подгонки. Сначала она отвергла эту идею, но Солин ей

объяснила, что красивая одежда, как и красивая женщина, заслуживает того, чтобы показываться на людях в наилучшем виде, а это значит, что каждая вещь должна сидеть идеально.

По иронии единственное, с чем они так и не смогли определиться, – это с туалетом для торжественного открытия. Но Лайла попросила дать ей еще один шанс, обещав заблаговременно найти «победителя конкурса», на что Рори с радостью согласилась. Она не могла не признать, что для человека, никогда не интересовавшегося модой, опыт Золушки ей определенно понравился.

В какой-то момент она вдруг поняла, что ножницы Поля затихли и сам он отступил назад, прищуренным взглядом изучая ее голову. Спустя мгновение покачал головой:

– Нет, еще не все.

Обеспокоившись, Рори перевела взгляд на Солин, которая покивала, соглашаясь с Полем:

– Да, думаю, надо над ушами сделать покороче. И чтобы челка лежала помягче.

Рори даже не знала, что больше ее удивило: слова «над ушами покороче» или тот факт, что самому востребованному в Бостоне парикмахеру Солин указывает, как ему делать свою работу.

– А мне можно посмотреть? Пожалуйста!

– Нет! – одновременно воскликнули и Поль и Солин.

А еще Поль посоветовал ей сидеть не шевелясь, если она не хочет остаться в конце стрижки, как Ван Гог.

Тогда Рори закрыла рот и невольно съежилась, когда у самых ушей стало раздаваться чик-чик-чик ножниц Поля. «Они снова вырастут, – утешала она себя. – Когда-нибудь да отрастут».

Спустя двадцать минут Поль снял с нее черный фартук и крутанул Рори в кресле, повернув лицом к зеркалу:

– *Voilà!*^[51]

Рори уставилась на молодую женщину – такую вроде бы знакомую и в то же время неизвестную. Глаза у нее стали больше, скулы – более рельефны. Она провела кончиками пальцев по коротким волосам, восхищаясь чуточку более темным оттенком, который придал им Поль. Коснулась кожи сзади на шее, своих обнажившихся ушей... И почувствовала себя голой. Но в то же время – непривычно

раскрепощенной. Что скажет по этому поводу ее мать, Рори уже знала. Но что сказал бы Хакс? От той Рори, что он оставил, уезжая, в ее облике теперь нет и следа.

– Я теперь...

– Эффектная, – закончила за нее Солин, возникнув в зеркале над левым плечом. – И элегантная. И очень красивая.

Рори встретила с ней взглядом:

– Правда?

– Как настоящая хозяйка художественной галереи.

Просияв, Рори повернулась к Полю:

– Вы просто волшебник!

Тот лишь пожал плечами, отмахнувшись от похвалы:

– Кто бы мог представить, что под этой копной волос скрывается такая идеальная красота! Только пообещайте мне, что больше не доставите нам таких трудов. Увидимся через пять недель. И далее – через каждые пять недель. Короткие стрижки требуют поддержания длины. А также мусса для укладки. – Поль вручил ей высокий серебристый флакон: – По порции размером с мячик для гольфа. Не больше, иначе волосы станут слипшимися. Кивните, чтобы я знал, что вы это поняли.

Рори послушно кивнула:

– Сколько я вам должна?

– За стрижку? Ничего. Я счастлив, что имел возможность оказать эту услугу мисс Руссель. Видит бог, я ей обязан гораздо бóльшим. И, пожалуйста, уберите свои чаевые. Мне их не нужно. В этот раз, – добавил он, подмигнув Рори.

Пока Рори вешала на плечо сумочку и собирала в руку пакеты с одеждой, Поль и Солин обнялись на прощанье и перемолвились парой слов. Когда они наконец встретились у выхода, Солин улыбнулась:

– Ты обворожительна, *ma petite*.

– Даже не знаю, как благодарить вас за сегодняшнее.

– Не стоит благодарностей. Обычная работа для нас, фей-крестных.

– И все-таки давайте я угощу вас ланчем. Ведь даже феям-крестным надо что-то есть. Тут через квартал есть чудесное местечко

под названием «*Seasons*». Закажем там что-нибудь до неприличия прекрасное, а потом я отвезу вас домой.

Когда они добрались до «*Seasons*», было уже около четырех пополудни, и толпа народу, обычно приходящая сюда на ланч, давно успела рассосаться. Администратор провела их к столику в патио, обмолвившись при виде пакетов Рори, что «кое-кто целый день обчищал магазины одежды».

Заказав по лимонаду, они просмотрели меню и остановили свой выбор на хлебцах с креветками и овощном салате «на компанию». Когда официантка принесла приборы, воду, лимонад и хлеб, Рори подняла стакан в тосте:

– За лучшую на свете фею-крестную, о которой любая девушка только может мечтать!

Солин с улыбкой подняла свой стакан, однако это движение как будто далось ей с трудом. Рори опустила лимонад, внезапно осознав, что в своем приподнятом состоянии духа оказалась совсем не внимательной к спутнице.

– Ой, простите, вы ведь так устали. Давайте скажем официантке, что хотим уйти? Я расплачусь за лимонад и отвезу вас домой.

– Не говори ерунды. Все равно ведь уже пришли. Я только схожу в дамскую комнату и немного приведу себя в порядок.

Чувствуя себя виноватой, Рори проводила взглядом Солин, скрывающуюся внутри ресторана. У них выдался исключительно чудесный день, и ей очень не хотелось, чтобы он заканчивался. Вот только она забыла, что Солин на сорок лет старше ее и что у них позади почти шесть хлопотливых часов.

– Аврора?!

При виде Камиллы, стремительно плывущей в ее направлении, Рори непроизвольно вскинула руку к своей новенькой стрижке.

– Бог ты мой! Что ты сделала со своими волосами?

– Постригла.

– Только скажи мне ради бога, что это не Лорна с тобой такое учудила!

– Нет, не Лорна. Поль.

– Что еще за Поль?

– Хозяин салона «*Bella Mia*», и мне моя стрижка очень нравится. Так что, пожалуйста, не критикуй.

Камилла мгновенно закрыла рот, подтверждая тем самым, что именно это она и собиралась сделать. И тут же прищурилась на льняной костюм в тонкую полоску, который Рори выбрала, чтобы в обновке уйти из магазина.

– А что это за одежда на тебе?

Рори улыбнулась матери, однако наживку не проглотила.

– Ты же хотела, чтобы я навела красоту – вот я это и сделала. – Она указала на целое собрание пакетов возле ее ног: – Я целый день занималась покупками.

– Это я вижу. С каких это пор ты вдруг увлеклась шопингом?

– С тех самых, как ты сказала, что я себя запустила. И, знаешь, ты была права. Пришло время сменить имидж.

– И ты сама все это выбирала?

Рори едва не заерзала на стуле.

– А как ты, мама, здесь оказалась?

– Ездила к Картье, чтобы забрать часы. Пару недель назад сорвала заводную головку, и теперь мне позвонили, что все готово и можно забирать. – Ее взгляд скользнул к столику, коротко задержавшись на втором посадочном месте. – Я вижу, у тебя ланч. А с кем?

Рори собиралась ей что-нибудь ответить, но тут заметила Солин, направляющуюся обратно к столику. Камилла тоже увидела спутницу дочери.

– И кто это?

– Это Солин.

– Это она и помогала тебе с покупками?

– Да.

– А насчет волос – тоже ее идея?

– Мне захотелось чего-то нового. Что-нибудь... совсем не такое, как прежде.

– Что ж, тебе это однозначно удалось.

Когда Солин подошла, Камилла умолкла. Между ними повисла тишина. Обе женщины просто молча стояли, в упор глядя друг на друга. Наконец Рори тихонько кашлянула.

– Солин, это моя мама, Камилла Грант. Мама, это Солин Руссель.

– Ах да, как же, как же! – протяжно произнесла Камилла, изобразив слащавую улыбку. – Та самая арендодательница, о которой я так слышана! Наконец-то мы встретились.

– Да, – с вежливым кивком отозвалась Солин. – Наконец-то.

– Разве не забавно? Я ездила по делам и как раз случайно проходила мимо. Помнится, здесь обычно делают самый восхитительный салат с омарами. И, кстати, мы с Рори как раз на днях обсуждали, не заглянуть ли нам в это местечко. А теперь вы тут вдвоем сидите за ланчем!

– Присоединяйтесь, пожалуйста, – указала на свободный стул Солин.

– О-о, я даже и не знаю... Очень не люблю вторгаться... – Однако, не успев даже договорить, Камилла подставила себе свободный стул. – Но никак не могу упустить возможность посидеть за ланчем с печально известной Солин Руссель.

Брови Солин поползли на лоб.

– Не такой уж и печально известной.

Позвякивая браслетом, Камилла расправила салфетку и разложила на коленях.

– Я лишь хотела сказать, что моя дочь столько мне о вас рассказывала! О вас и о вашем салоне. Так жаль, что пожар его уничтожил!

Солин взяла со столика стакан с водой, явно раздосадованная упоминанием трагической истории.

– Она мне тоже о вас много рассказывала, – произнесла она, глотнув воды. – Даже, я бы сказала, она часто о вас говорит.

Камилла дольше, чем следовало бы, посмотрела в глаза Солин.

– В самом деле?

У Рори, наблюдающей за этой пикировкой и болезненно сознающей, *что* следует говорить, а что – нет, аж свело в животе. Ей необходимо было немедленно перевести разговор в другое русло, пока тон ее матери не перерос из пассивно-агрессивного в откровенно агрессивный.

Она уже хотела похвастаться, какие выбрала светильники для галереи, когда у столика появилась официантка, удерживая на плече поднос. Она удивленно посмотрела на Камиллу, затем перевела глаза на Рори:

– Простите, я не поняла, что вы ожидаете третьего. Позвольте, я это поставлю и принесу меню и еще один прибор.

Но Камилла отмахнулась идеально наманикюренной ручкой:

– В меню нет необходимости. Просто принесите мне бокал шардоне и ваш чудесный салат с омарами, если он еще остался. Да, и с гарниром, если можно.

Когда официантка ушла, Камилла окинула взглядом только выставленную на столик еду.

– Как это все прелестно выглядит! Надеюсь, ты поделисься. Как это мило! Вы ешьте, пожалуйста, не ждите меня. Уверена, мой салат тоже скоро принесут.

Молча кипя от злости, Рори наблюдала, как ее мать взяла из корзинки кусок хлеба, после чего потянулась за ее ножом, чтобы намазать масло. Рори понимала, что сейчас ее наказывают за неверность. Так же, как Камилла наказывала своего мужа всякий раз, когда всплывало очередное его похождение, позорящее ее перед подругами.

– Аврора говорит, вы помогли ей с покупками, – прожевав, молвила Камилла, прежде чем еще раз откусить от бутерброда. – Это невероятно любезно с вашей стороны. Хотя, должна сказать, меня это очень сильно удивило. Моя дочь никогда не интересовалась модой. Не то чтобы я не пыталась ее красиво одевать. Просто в детстве она была настоящим сорванцом. Вечно то по деревьям лазала, то мяч гоняла. На этого ребенка чистой одежды было не напасть.

– Этот ребенок давно уже вырос, – пробормотала Рори. – И сидит сейчас рядом с тобой, если ты вдруг забыла.

Камилла и бровью не повела, продолжая обращаться к Солин, словно и не слышала Рори.

– И прическа у нее... необычная. Ваша была идея?

– Рори решила, что перед открытием галереи ей пора изменить свой облик.

– Ну, что же, у нее это великолепно получилось. Я ее вырастила – и сейчас едва не прошла мимо, не сразу узнав. Можете себе представить? – Камилла повернулась посмотреть на Рори и на долгое, очень тяжелое мгновение задержала на ней взгляд. – Знаете, это как-то неприятно обескураживает, когда однажды не узнаешь собственную дочь.

Рори в ответ уставилась на нее в упор – и неожиданно поразились полыхнувшей в глазах матери вспышке боли. Не гнева. Не ревности. А именно боли. И для Рори все разом встало на свои места. Она была

настолько захвачена волшебством сегодняшнего дня, что ей и в голову не приходило, как отнесется Камилла к тому, что ее отодвинут на второй план, предпочтя ей Солин. Что ее снова отвергнут, как когда-то. Солин предупредила, что подобное может случиться. И вот теперь женщины встретились лицом к лицу, и обе выглядели нервными и недовольными.

– Стрижка была моей идеей, мама. Я лишь попросила...

Камилла снова повернулась к Солин, оборвав Рори на середине фразы:

– Не могла не заметить, что вы называете мою дочь Рори.

– Так она сама мне представилась.

– Мы с ее отцом всегда предпочитали полное имя – Аврора.

– Да, она мне говорила. У вас это имя было в роду?

– Нет, оно нам просто понравилось. И мы никогда не использовали его уменьшительный вариант. Слишком уж по-мальчишески звучит, вы не находите?

– Ну, даже и не знаю... – Солин склонила голову набок, с иронической улыбкой разглядывая Рори. – От него веет юностью и свежестью. Мне кажется, оно прекрасно ей подходит.

Рори не могла не рассмеяться. Судя по всему, Солин вполне была способна за себя постоять.

– На самом деле, – сказала Рори, кладя себе на тарелку ломтик хлеба с креветкой, – именно отец и начал называть меня Рори. Он хотел мальчика, а получил меня. – Она театрально вздохнула. – Бедные мои родители! Похоже, я не сумела угодить ни одному из них!

Камилла со смешком тряхнула головой:

– Ну, Аврора, скажешь тоже!

Рори не успела что-либо ответить, как появилась официантка с заказом для Камиллы и сервировочным набором для нее. На несколько минут за столиком стало тихо. Камилла взяла вилку и стала с подозрением тыкать в кусок омара на своей тарелке. Рори настороженно поглядывала на нее, откусывая понемногу от хлеба и радуясь тому, что хоть на время боевые действия прекратились.

Солин некоторое время выковыривала вилкой из салата кусочки красного лука, сдвигая их на край тарелки. Когда молчание за столом слишком затянулось, она повернула лицо к Камилле:

– Рори говорила, вы председатель Женского художественного совета, миссис Грант. Должно быть, вы гордитесь, что мечта вашей дочери о галерее становится реальностью.

– Да, конечно, – ответила Камилла, явно раздраженная этим вопросом. – Разумеется, я испытываю гордость. Аврора выросла в окружении искусства. Равно как и я. Так что это у нее в крови. Я так надеялась, что она закончит магистратуру, а потом отправится на стажировку в Париж. Впрочем, она еще так молода, что успеет сделать это потом.

– Под «потом» мама подразумевает: «когда я пролечу со своей галереей», – язвительно вставила Рори. Потому что именно это Камилла всегда и имела в виду. Что рано или поздно ее дочь поймет, что полезла не в свое дело, и это заставит ее вернуться на более благоразумную стезю. «Благоразумный» – вообще всегда было любимым словечком матери. Нельзя выходить за рамки дозволенного. Нельзя нарушать порядок. И прежде всего – нельзя допускать публичного позора.

Камилла вздохнула, напуская на себя страдальческий вид.

– Я этого не говорила, Аврора. К тому же мы с тобой уже это обсуждали. У тех произведений, которые ты собираешься выставлять, нет будущего. Жестянки с томатным супом и кролики из надувных шаров – все это лишь причуды. Сегодня они есть – а завтра их нет. – Она ненадолго умолкла, тщательно промакивая салфеткой рот. – Цель искусства – сохранение культуры, выражение красоты, а вовсе не шокирование публики. Вот почему истинные мастера навсегда остаются мастерами. И именно поэтому спустя лет пятьдесят никто не вспомнит даже имени Энди Уорхола. Потому что *настоящее* искусство – вечно. Вы согласны со мною, мисс Руссель?

Рори тихонько застонала:

– Пожалуйста, вот только не надо втягивать в наш спор Солин.

– Никто тут и не спорит, дорогая. Мы просто сидим и разговариваем. К тому же, французы, как никто, разбираются в искусстве. Именно они дали нам Моне, Дега, Ренуара, Сезанна – перечислять можно бесконечно.

– И вот вам, пожалуйста! – воскликнула Рори, обращаясь, скорее, к Солин. – Если это не Ренуар или Моне, или не опус какого-нибудь

другого запылившегося старикана, – то это, значит, не настоящее искусство.

– Ну, давай, потешайся, – отрывисто произнесла Камилла. – Однако так уж случилось, что я кое-что знаю о предмете нашего спора. Мир искусства умеет отсекалть от себя тех, кто чересчур отклонился от хорошего вкуса.

– А кто, интересно, решает, что воплощает собою хороший вкус? Ты?

– Специалисты решают. Историки, коллекционеры, критики. Их мнения могут или возвеличить художника, или его погубить. Так же как и владельца галереи.

Солин некоторое время слушала все это молча, распахивая еду по тарелке. Потом предельно аккуратно положила вилку и подняла взгляд на Камиллу.

– Во время войны нацисты называли искусство, которое им не нравилось, дегенеративным. *Они* тогда решали. Они утверждали, что там, дескать, неподобающая тематика. Хотя все понимали, что за этим стоит. В действительности, *boche* плевать было на то, что подобает. Их ненависть была обращена к самим художникам: к тем, кого они любили, во что верили... и какой они были фамилии. – Она умолкла на мгновение, прикрыв глаза. – Художников арестовывали и допрашивали. Некоторых – в основном евреев – убивали. Однажды ночью немцы устроили огромный костер в парке перед Национальной галереей, сжигая без остатка целые коллекции. Пикассо, Дали, Миро. Все было утрачено. Работы вашего любимого Ренуара или Моне уцелели только потому, что, пока все прочее горело, эти картины урвали себе – точнее, попросту украли – нацистские офицеры. Потому что *они* тогда выбирали, чему быть, а чему погибнуть.

Щеки Камиллы покрылись розовыми пятнами, как будто ей только что вlepили крепкую пощечину.

– Вы что, сравниваете меня с нацистами, мисс Руссель?

– Я всего лишь даю понять, что, если позволить какой-то группе людей решать, что достойно существования, а что нет – это может иметь ужасные последствия. Мнение о предметах искусства, как и обо всех прочих вещах, должен составлять тот, кто на них смотрит, *n'est-ce pas?*^[52]

Камилла расправила плечи, как птица, которая распушает перья для придания себе грозного вида.

– Все это весьма трогательные сантименты, мисс Руссель. Но я считаю, что куда разумнее придерживаться своей полосы движения, в особенности здесь, в Бостоне, где эти полосы порой довольно узки. Мы, может быть, и кажемся со стороны огромным городом, однако в глубине своей мы пугающе консервативны и склонны с недоверием относиться ко всему крикливому или иностранному.

Рори в ужасе уставилась на мать. Ей и раньше доводилось наблюдать, как ее матушка осаживала людей – хладнокровно, с хирургической точностью и даже не моргнув глазом, – но тогда это бывало заслуженно. Теперь же происходило совсем другое. В ее речи Рори слышала презрительность и едва прикрытый антагонизм, а напряженный, неестественный язык тела еще более подчеркивал ее воинственную заносчивость. А еще она видела лицо Солин – пепельно-бледное, ошеломленное, как будто на нее внезапно набросились из засады. Рори чувствовала, что ей необходимо вмешаться, сказать что-нибудь, чтобы отвлечь враждебные нападки своей матери, – вот только что? Если она выступит на защиту Солин, то сделает только хуже.

Она едва не вздохнула от облегчения, когда Солин внезапно взяла свою сумочку и встала из-за стола.

– Я вдруг спохватилась, что забыла в дамской комнате помаду. Прошу меня извинить.

Подождав, пока Солин отойдет на достаточное расстояние, чтобы их не услышать, Рори повернулась к матери:

– Ты что такое делаешь?!

Камилла уставилась на нее широко раскрытыми глазами:

– Что я такого делаю?

– Вот только не надо так на меня смотреть! Ты отлично знаешь, что я имею в виду. Ты разозлилась на меня, а выплеснула все это на Солин. Ты видела, как изменилось ее лицо? Ты обидела ее.

– Я обидела *ее*? – Камилла с каменным лицом посмотрела на Рори.

– Да. И ты... – Но тут Рори осеклась, увидев, что Солин направляется не в сторону дамской комнаты, а к выходу из патио

на улицу. – Вот черт... – Она вскочила, едва не опрокинув стул. – Солин! Подождите!

Солин не отреагировала. Рори припустила за ней, пробираясь через лабиринт столиков, и выскочила на тротуар. Одолев почти что полквартила, она наконец заметила Солин, садящуюся в ярко-желтое такси.

Кипя яростью, Рори вернулась в ресторан, где Камилла преспокойно сидела, потягивая вино.

– Думаю, ты очень довольна собой.

Камилла изобразила искреннее удивление:

– А что я сделала? Мы сидели, спокойно беседовали – и вдруг, ни с того ни с сего, она с оскорбленным видом уходит, даже не попрощавшись с нами. Это форменная грубость, если хочешь знать мое мнение.

– Я объясню тебе, что такое грубость. Вломиться на ланч, куда тебя не приглашали. Обращаться к Солин – моей подруге, – как к «арендодательнице». Нести этот вздор насчет движения по своей полосе и как бы вскользь обмолвиться насчет «иностранный» – как будто она не поймет, что это камень в ее огород. Зачем ты так?

– Бога ради, Аврора, потише... Зачем всегда все так драматизировать?

– Я буду говорить так, как мне это нравится. Это мой столик. И у тебя хватает совести обвинять меня в драматизме после того спектакля, что ты здесь нам устроила! Тебе так отвратительна моя новая стрижка? Это я понимаю. Но это было мое решение, а не Солин.

Камилла допила вино и аккуратно поставила бокал.

– Ты считаешь, я из-за этого так расстроилась? Из-за того, что ты обрезала себе волосы?

Рори шумно выдохнула, одновременно раздраженная и уязвленная сквозившей в тоне матери обидой. Она и сама чувствовала, что дело тут вовсе не в волосах, однако была слишком рассержена, чтобы это признать.

Камилла сняла с колен салфетку и, с предельной тщательностью ее сложив, отодвинула в сторону.

– Я просила позволить мне помочь тебе, Аврора. Пройтись с тобой по магазинам, сделать тебе новую прическу. Но ты сказала, что слишком занята. Я понимаю, ты всегда исключительно занята.

– Потому что так оно и есть. Галерея...

– Но для *нее* ты не так уж и занята, оказывается. Думаю, когда мы разговаривали по телефону, ты уже запланировала эту вашу вылазку.

– Ничего я не планировала.

– Понимаю. Тебе понравилась сама идея. Просто ты решила отправиться туда не со мной.

– Все было совсем не так.

– А как тогда? Объясни мне, пожалуйста.

– Я не хотела себе устраивать хождения по мукам – а с тобой это вылилось бы именно в это. Потому что всегда так получается. Тебе страшно не нравится все то, что я выбираю, и я в итоге сдаюсь, потому что просто устаю с тобою спорить. Я хотела заняться этим сама – наскоро подобрать себе что-нибудь, да и дело с концом. Но я совершенно беспомощна по части одежды, а потому попросила совета у Солин. А она посмотрела в шкафу мой гардероб и решила отправиться в магазин со мной.

– В самом деле? – Камилла подтянула к себе сумочку и, пошарив внутри, выудила губную помаду. Быстро мазнув по губам, она со щелчком закрыла тюбик и закинула обратно в сумочку. – Какое великодушие с ее стороны!

– Да, великодушие, – огрызнулась ей Рори. – Потому что она и есть добрый и великодушный человек. Женщина, захотевшая просто мне помочь. Почему она тебя так бесит?

– Она вовсе меня не бесит. Я просто не понимаю твоей очарованности ее персоной. Какая-то престарелая дамочка, да еще и живущая отшельницей в придачу. И эти ее дурацкие перчатки, как будто она только что со свадьбы или какого-нибудь парада! А теперь ты обращаешься к ней за советом, как модно одеться, потому что когда-то в прошлом она шила свадебные платья. Все это выглядит довольно странно, только и всего.

Рори пристально посмотрела на мать:

– Когда ты успела превратиться в такого человека?

– В какого человека?

– Неважно. Проехали... Солин – моя подруга, и сегодня ты намеренно заставила ее почувствовать себя неудобно. Может, она и не голубой крови Бостона, но она не заслужила твоего презрения. Ей слишком многое довелось пережить.

– Всем нам довелось что-то пережить, Аврора. Это жизнь. Но мы всегда стараемся с этим справиться, если не хотим стать объектом жалости.

– Объектом жалости? – ошетибилась Рори. – То есть то, что Солин все потеряла, что было ей так дорого, делает ее жалкой? Может, и обо мне ты так же думаешь? Из-за того, что пропал Хакс и я отказываюсь с этим смириться?

– Я никогда не говорила...

– В том-то и дело, что говорила. Может, и не всегда облакая это в слова – но ты всегда это подразумевала. У тебя, конечно, стальной и несгибаемый характер, мамочка, и ты этим страшно гордишься. Но у матери, помимо этого, еще должно быть сердце, а я иногда сильно сомневаюсь, есть ли оно у тебя.

Рори быстро собрала пакеты с покупками, подхватила сумочку, потом достала бумажник и отсчитала несколько купюр. Им уже нечего было сказать. И ничто уже, похоже, не заставило бы ее понять поведение этой женщины.

– Этого должно хватить.

– Сядь, Аврора. Мы еще не закончили.

– Нет, уже как раз закончили. И я даже сэкономлю время на звонке. Я не приеду завтра к тебе на бранч. После двадцати трех лет, мне кажется, пора уже честно признать, что мы очень не нравимся друг другу.

Глава 34

Солин

В жизни бывает пора, когда надо всеми силами за что-то держаться, а бывает время, когда надо это отпустить. И ты должна научиться распознавать разницу.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

Наливаю себе большой бокал вина – и у меня до сих пор дрожат руки. Мне, конечно же, следовало сразу после «*Bella Mia*» вернуться домой, а не идти с Рори на ланч. Хотя Рори совсем не виновата в том, что случилось в «*Seasons*». Ее свалившаяся как снег на голову мать для нас обеих была нежеланным сюрпризом.

Едва наши глаза встретились, между нами словно пошла рябь... Что именно это было? Настороженность? Неприязнь? Да то и другое сразу – и в то же время что-то еще. Для нее я соперница, а ее дочь – приз, который или удастся выиграть, или придется потерять. Я вторглась на ее территорию, и она хочет дать мне понять, что этого не потерпит.

А еще меня поразила моя собственная реакция: эта мгновенно подкатившая волна узнавания, когда я увидела ее тщательно уложенные золотистые волосы, высокие скулы и широкие полные губы. Столь очевидное сходство с дочерью сразу напомнило мне, что я посторонняя, что Рори – не моя.

И все же, как же я успела сблизиться с этой девочкой за такое короткое время! Это я-то, которая предпочитает весь мир держать от себя на расстоянии. Но теперь она стала частью моей жизни. Возможно, заменяя мне дочь, которую я потеряла. С самого первого дня, когда она только вошла в «*Bisous Sucrés*», обеими руками прижимая к груди мою старую потрепанную коробку, я ощутила между нами некое единение – как будто судьба каким-то образом подмигнула нам обеим сразу.

В тот день она показалась мне светлым ангелом, подарком, которого я, сама того не зная, так ждала и в котором так сильно нуждалась. И, возможно, я для нее стала тем же самым. Она называет меня феей-крестной, и я очень рада тому, что оказалась причастной к воплощению ее мечты. Пока что мой вклад в это дело – сдача ей в аренду дома на Ньюбери. Но на сегодняшний день я уже подготовила бумаги с Дэниелом, чтобы подарить этот дом Рори – так же, как когда-то Мэдди подарил его мне.

Она попросила меня прийти на открытие галереи, и мне бы очень хотелось там присутствовать, но теперь я понимаю, что прийти туда было бы ошибкой. Я бы с радостью заняла и второе место после Камиллы, будь мне там рады. Но очевидно, это не так, и я не буду ставить себя в неловкое положение, внедряясь туда, где мне совсем не место. Я уже совершила, как говорится, свой небольшой променад. Всякая более-менее достойная актриса, всякая *tragédienne* хорошо чувствует момент, когда пора покинуть сцену. Равно как и достойная фея-крестная. Она получит от меня этот прощальный подарок – дом для галереи, – и на этом все закончится. Я внесу свою лепту добра – и тихонько удалюсь восвояси.

Я твержу себе, что такой вариант меня вполне удовлетворит, – однако это ложь. О чем я только думала? Впустить нового, незнакомого человека в свою жизнь – и это после стольких лет усиленной самозащиты! Вновь испытать чувства после благословенного оцепенения. В точности как мои руки после пожара – когда начали восстанавливаться нервы. Боль была настолько нестерпимой и изматывающей, что мне хотелось, чтобы они онемели вновь.

И сегодня я почувствовала то же самое.

Я поняла это в то самое мгновение, когда встретилась взглядом с Камиллой. Она тут же раскусила меня, обнаружив, что я чего-то хочу. Эти раздувающиеся ноздри и вскинутый подбородок, эта тонкая, не предвещающая ничего хорошего улыбка, от которой меня бросило в холод. Именно так на меня всякий раз смотрел отец Энсона – как на незваного гостя, переступившего границы дозволенного. Мне было не место в жизни его сына, как не место и в жизни Рори.

Я разглядываю свои пальцы, обхватившие ножку бокала – скрюченные, лоснисто-розовые, – и сразу вспоминаю, как Камилла

словно невзначай напомнила мне о пожаре. Как будто без посторонней помощи я могу об этом забыть! Сколько ни отпущено мне еще жить – я всегда буду об этом помнить.

22 июля 1981 года.

Бостон

С того дня, как по городу пошел слух, что на «*L'Aiguille Enchantée*» – на мою «Зачарованную иглу» – пал выбор при заказе подвенечного наряда для одной из кузин Кеннеди, у меня нет ни минутки покоя. Телефон звонит с утра до вечера – и в основном это невесты, полиставшие светскую хронику и внезапно пожелавшие себе свадебное платье от Руссель. А еще есть масса любопытных зевак, которые забредают с улицы в салон или стоят на тротуаре, тараща глаза, словно ожидают увидеть в витринном окне пришпиленную за подол невесту.

Я понимаю, почему все пришли в такое *très agité*^[53]. Кеннеди для американцев – едва ли не настоящее королевское семейство (которого у них, собственно, никогда не было), а это значит, что даже их дальнюю родственницу все воспринимают как некую сказочную принцессу. И если все получится, как я задумала, мое платье и правда будет достойно сказки. Я создала потрясающий наряд – быть может, лучшее творение в своей жизни. Из чесучи цвета слоновой кости с серебряным шитьем и нежно-розовыми кварцевыми кристалликами. Осталось только прикрепить бант и закончить бисерную вышивку на поясе – а времени остается все меньше и меньше. Я работаю днями и ночами, чтобы закончить платье к сроку, но я ведь не могу обходиться совсем без сна. Пусть даже ради бостонской элиты.

Почти в два часа ночи я наконец поднимаюсь в свое жилище на третьем этаже. Мне необходимо пару часов отдохнуть, а потом я снова спущусь шить. Однако я все же слишком взвинчена, чтобы уснуть. Я иду на кухню, делаю себе порцию горячего шоколада, добавляю немного бурбона – так, как пил его обычно Мэдди – и с чашкой возвращаюсь в спальню.

Возникает желание выкурить перед сном сигарету, но я забыла пачку внизу, в мастерской, и слишком вымоталась, чтобы за ней идти.

Шоколада оказывается вполне достаточно, и вот уже веки начинают потихоньку слипаться. Пару часов сна – это все, что мне сейчас нужно.

Не представляю, сколько времени я проспала, когда просыпаюсь от едкого привкуса гари в глотке. В комнате тьма, воздух наполнен дымом. Я скатываюсь с кровати на колени, надеюсь продышаться, и ползу в направлении лестницы. Цепляясь за перила, спускаюсь вниз, ничего не видя из-за плотного, все более сгущающегося дыма – глаза оказываются совершенно бесполезны. От нестерпимого жара мне обжигает горло и грудь. «Беги скорее! – отчаянно вопит мой мозг. – Не останавливайся!» Однако я замираю на месте, видя алеющее зарево в глубине дома и слышу жуткое потрескивание пламени, пожирающего все на своем пути.

Мои мастерские, мои труды – все сейчас в огне.

В отчаянии я вскакиваю и, вместо того чтобы бежать прочь, мчусь к этому чудовищному зареву. Когда я добираюсь до самой большой из комнат, то стоящий стеной жар отбрасывает меня назад. Полки с запасными рулонами тканей сплошь объаты огнем, занавески тоже – а также мой рабочий стол, где всего пару часов назад я расшивала узор. Именно так я всегда представляла себе ад.

И в этот момент я вижу их – три свадебных платья в разной степени готовности. Их тени гротескно тянутся по задней стене и покачиваются, так что кажется, будто они танцуют. Я в ужасе наблюдаю, как языки пламени взбираются сбоку по юбке, затем перескакивают на рукав висящего рядом платья, пожирая кружева, пуговицы, бисер.

Мне слышится какой-то вой, заглушенный алчным гудением пламени. «Видимо, сирена», – смутно проскальзывает у меня в мозгу. Вероятно, кто-то вызвал пожарных. Но нет – оказывается, звук этот исходит от меня. Пронзительный, щемящий душу, безутешный вой – как мать оплакивает детей в минуту неотвратимой смерти.

Не раздумывая, я шагаю в этот жар, хватаю за талии два манекена с платьями. Крича и задыхаясь, тащу их к лестнице, потом спускаюсь по последнему пролету ступеней, спотыкаясь, путаясь ногами в их юбках и шлейфах, там вслепую бреду к входной двери, к безопасности улицы.

Еще не успев выйти на крыльцо, я ощущаю жгучую боль в левой руке. По одному из спасенных мною платьев кверху ползет пламя

и через мгновение перебрасывается на рукав моего кардигана. Я тут же бросаю платя и в ужасе кричу, пытаюсь прихлопнуть все более распространяющийся огонь, который, жадно облизывая одно запястье, тут же перебирается и на другое. Такой боли я в жизни не испытывала, она ослепляет, пронизает насквозь. Как бы я ни размахивала руками, пламя ползет все дальше. И тут раздаются пожарные сирены – громкие, оглушительные, настоящие, – и внезапно все вокруг оказывается во тьме. Меня сталкивают на землю, накрывая плотным покрывалом.

Несколько часов спустя я прихожу в себя в ожоговом отделении – с пересохшим ртом и затуманенной головой после морфина. Обе руки забинтованы по локоть. Как объясняет доктор, у меня ожоги третьей степени, причем левой руке досталось больше, чем правой. Говорит он медленно, точно объясняя это малышу, и я действительно чувствую себя маленьким, беспомощным и растерянным ребенком.

Последнее, что у меня осталось в памяти – это как меня разом поглотило покрывало. Я не помню, ни как меня грузили в «Скорую», где зафиксировали руки и ввели обезболивающее, ни как я попала в приемное отделение, где им пришлось срезать с обожженной кожи обгорелый кардиган. Врачу приходится рассказывать мне, что случилось, поскольку сама я не могу вспомнить почти ничего. Это из-за сочетания глубокого шока и сильнодействующих опиатов, объясняет он, что, учитывая мои повреждения, обычное дело.

Я интересуюсь у него, что стало с моим салоном. Насчет этого он ничего не может сообщить, однако точно может сказать, что меня ждет дальше. Хирургическая обработка ожоговых ран, пересадка кожи, реабилитация, рубцевание, контрактура... и боль. Много боли.

Он то и дело повторяет, что мне посчастливилось остаться в живых, что повезло вовремя выбраться оттуда, что ожоги у меня, к счастью, не слишком тяжелые. Но я в его словах слышу лишь то, что никогда больше не смогу шить. И что та жизнь, которую я для себя построила, в одно мгновение рухнула. Как непременно сказала бы *Maman*: проклятие рода Руссель снова дает о себе знать.

Бокал мой уже пуст. Я наливаю еще и иду в кабинет за своей старой коробкой. Внезапно я ощущаю потребность, чтобы меня окружили дорогие мне вещи. Глупо сейчас, конечно, этим заниматься – особенно если учесть, сколько лет я обходилась без них. Но когда столько всего вырывается с корнем, когда так много теряешь, искать утешения нужно в том, что давно близко и знакомо.

Я иду с коробкой обратно по коридору, неся ее так, как держат найденное наконец дитя – крепко, с горячностью прижимая к себе. И на мгновение, проходя мимо зеркала, я вижу, как на меня смотрит *она* – та юная девушка, что мечтала о принцах и верила в счастливый конец сказки. Однако уже в следующий миг девушка исчезает, сменяясь той женщиной, в которую я превратилась. Измученной и одинокой. Лишенной грез. С бесчисленными шрамами.

На какое-то время – на жалкие несколько месяцев – я действительно поверила, что могу еще как-то использовать мою оставшуюся жизнь. Что я еще могу быть счастлива. Но теперь я вижу, что это всего лишь игра света. Сияющий мираж, который при близком рассмотрении рассеивается. Еще одна потеря в моей коллекции. Еще один несчастливый финал.

Я снимаю одежду, затем выдвигаю ящик тумбочки возле кровати. Пузырек с таблетками на месте. Я вынимаю склянку, зажимаю в кулаке. Долгий сон – вот что мне сейчас необходимо. Полное забытие. Несколько мгновений я сражаюсь с крышкой, но наконец мне удается ее снять, и таблетки, маленькие и белые, вываливаются мне на ладонь. Я пересчитываю их. Семь. Мне кажется, этого недостаточно: я хочу спать очень, очень долго.

Наконец проглатываю все же две таблетки, запивая остатками вина, и откидываюсь назад, на покрывало. Где-то, словно в отдалении, непривычно приглушенным звуком, тикают часы. Я подтягиваю коробку к себе поближе. Вот и снова мы вместе. Коробка с моими воспоминаниями и я. Закрываю глаза, радуясь наступившей темноте, где все тихо и спокойно и где воспоминания не могут меня найти.

Я всегда с горечью принимала, когда что-то заканчивалось.

Глава 35

Рори

18 сентября 1985 года.

Бостон

Рори подъехала к самой бровке тротуара и заглушила двигатель. Она посмотрела на ярко-красную дверь, и внутри у нее словно стянулся тугой узел. Она уже не первый раз без предупреждения являлась к порогу Солин, однако теперь обстоятельства изменились. С того катастрофического ланча прошло уже четыре дня, а от Солин ничего не было слышно, несмотря на то, что Рори звонила ей уже как минимум раз десять. Конечно же, Солин она несколько не винила. Но Рори необходимо было извиниться – не только за поведение своей матери, но и за то, что сама она при этом присутствовала и допустила подобное развитие событий. Так что, если ей придется что есть силы барабанить в дверь – она будет это делать.

Занавески на окнах были задернуты, на ступенях крыльца валялись три газеты в прозрачных полиэтиленовых пакетах. Рори позвонила несколько раз, потом постучала молоточком.

– Солин, это Рори!

Женщина, выгуливавшая пару раскормленных биглей, сбавила шаг и подозрительно ее осмотрела. Когда она наконец двинулась дальше, Рори вытащила из сумочки конверт и ручку и написала короткую записку: *«Прошу Вас, позвоните! Мне необходимо с Вами поговорить! Р.»*. Напоследок она еще раз постучала, затем впихнула записку между дверью и косяком, понадеявшись на то, что послание никуда не денется, пока сама Солин его не заберет.

Но на обратном пути к галерее мысли у Рори приняли более мрачное направление. А что, если Солин не просто отсиживается, затаив обиду, у себя дома? Что, если она больна или с ней что-то случилось?

Рори еще раз попыталась набрать номер Солин, прослушав восемь гудков, прежде чем повесила трубку. Тут же набрала номер конторы Дэниела Баллантайна. И, как обычно, секретарь сразу соединила ее с ним.

– Рори? Рад вас слышать. Надеюсь, ваша галерея вот-вот откроется?

– Да, благодарю вас. Но мне необходима ваша помощь.

– Выкладывайте.

– Не могли бы вы позвонить Солин и убедиться, что с ней все в порядке?

– С чего бы ей быть не в порядке?

Рори прикусила губу, раздумывая, насколько можно быть с ним откровенной.

– Это долгая история... У нас на днях был ланч, и разговор за столом получился... скажем, неприятным. Неожиданно Солин встала и ушла. А теперь она на звонки не отвечает, а когда я сейчас заехала и постучалась к ней, она мне не открыла. Поэтому я волнуюсь.

Баллантайн вздохнул:

– И давно случился этот неприятный разговор?

– Четыре дня назад, – тихо ответила Рори. – Я беспокоюсь, вдруг с ней что-нибудь случилось. Занавески посреди дня задернуты, на крыльце скопились газеты.

– Н-да, – протянул адвокат. – С ней такое бывает.

Его будничным тоном сильно удивил Рори.

– Что именно?

– Изображает исчезновение. Прячется от всех в своем логове. Что-то выводит ее из себя, выбивает ее из колеи – и она просто удаляется.

– По-вашему, она всего лишь злится?

– Ну, «злится» – пожалуй, не совсем подходящее слово. Просто некоторые вещи лишают ее душевного равновесия. То, с чем она предпочитает не иметь дело. И справляется она с этим состоянием тем, что прячется. Поверьте, я знаю ее уже не первую неделю.

– И что вы обычно делаете? Ждете, когда она выйдет?

– Как правило, да. Она делает это не для того, чтобы привлечь к себе внимание. Она совершенно искренне хочет побыть одна.

– Но что, если это не так? А вдруг она заболела или произошел несчастный случай?

– Учитывая то, что вы мне только что сказали, бьюсь об заклад – с ней ничего не случилось. Она появится, когда сама будет к этому готова.

– А не могли бы вы попытаться ей все же позвонить? Или зайти к ней? Быть может, она вам откроет, увидев, что это вы.

– Не стоит на это рассчитывать.

– Пожалуйста!

– Ну, так и быть.

– Если она вам ответит, не могли бы вы попросить ее мне позвонить? Мне очень нужно поговорить с ней.

– Я все ей передам, если буду иметь такую возможность. Но не стоит ожидать, что мне удастся изменить ее мнение, если оно уже сложилось. Эта стреляная птица порой бывает очень упрямой и неуступчивой. Посмотрю, что я смогу сделать, и дам вам знать.

На следующий день, вернувшись из галереи домой, Рори обнаружила мигающий автоответчик. При виде такого сигнала у нее всякий раз сердце начинало биться чаще, словно подстегиваемое смесью надежды и страха, которая стала столь привычной в последние месяцы. Однако ни в одном из сообщений не говорилось о Хаксе. Два были от матери, с которой Рори не разговаривала после того случая в «*Seasons*», и одно – от Дэниела, просившего ему перезвонить.

Рори набрала номер адвоката, и ее перевели в режим ожидания, дав послушать дребезжащую версию «Под парусами» Кристофера Кросса. Наконец в трубке раздался щелчок, и Кристофер Кросс умолк.

– Рори? День добрый.

– Здравствуйте. Вам удалось с ней связаться?

– Нет. Я вчера вечером попытался несколько раз дозвониться, потом сегодня в перерыве на ланч заехал, позвонил ей в дверь. Не отвечает.

Рори стиснула в руках трубку.

– Нужно позвонить в полицию, чтобы они к ней зашли. Что-то случилось.

– Я так не думаю. Мне кажется, она просто залегла на дно. Скажите, вчера мусорный контейнер стоял перед крыльцом?

Рори прикрыла глаза, пытаясь вспомнить.

– Кажется, нет.

– Ну а теперь стоит. А газеты исчезли.

– А записка? Я засунула записку в дверную щель. Она еще там?

– Я ее не заметил.

Рори с облегчением опустила плечи.

– А есть кто-то, кто за нее все это может делать? Уборщица какая-нибудь, например?

– Нет. Приходит только один парнишка стричь лужайку, и все.

– И что мы будем делать?

– Подождем.

– Чего?

– Когда она кому-нибудь из нас позвонит. Но время в этом случае полностью в ее власти. Возможно, это случится еще очень не скоро.

– Обещайте, что дадите мне знать, когда она позвонит.

– *Если* позвонит, – мягко поправил ее Дэниел. – Да, обещаю.

Спустя час, когда Рори устало вытянулась на кровати с куском остывшей пиццы и целой стопкой кейтеринговых меню, неожиданно зазвонил телефон. Она так быстро схватила трубку, что чуть ее не выронила.

– Алло?

– Мне удалось с ней поговорить.

Рори с облегчением закрыла глаза.

– С ней все в порядке?

– Да, такая же вздорная и ворчливая, как всегда. Хотя, может, это из-за того, что я перелез через заднюю ограду и подобрался к кухонному окну. Она заваривала себе кофе – и тут я, откуда ни возьмись. Она аж заорала благим матом! Потом все же впустила меня, но кофейком не угощала.

– Но с ней все хорошо? Вы уверены?

– Признаюсь, обычно она выглядела лучше. Но сама Солин утверждает, что она в полном порядке. У нее снова начались какие-то проблемы с руками, и обезболивающие вгоняют ее в сонливость.

– Вы ей сказали, что я пыталась до нее дозвониться?

– Она об этом знает, – немного поколебавшись, ответил Дэниел. – Она слышала, как вы звонили и стучали в дверь.

– А записку?

– Она ее прочитала.

– И перезванивать не собирается, так?

Он снова помолчал, уже немного дольше.

– Она считает, что будет лучше, если она не станет звонить.

– Понимаю.

– Я не уверен, что вы это понимаете, – осторожно произнес Баллантайн. – Я даже не уверен, что сам я это понимаю. Она прячет от всех свое тяжелое прошлое, но я знаю кое-что из того, что ей случилось пережить. Ей было очень нелегко, однако она смирилась с тем существованием, какой стала ее жизнь после пожара, всячески заглушив свои чувства. А потом появились вы, и она внезапно ожила. Она разительно переменилась. А теперь вдруг что-то произошло. Я не знаю, что именно. Она мне этого не сказала. Но я вижу, что она вновь уползла в свою раковину.

– Это моя вина. Как раз об этом я и хотела ей сказать. Что я очень сожалею о случившемся.

– Она не сердится на вас, Рори. Она просто считает, что будет лучше, если она больше с вами не увидится. Она попросила меня поблагодарить вас за беспокойство и пожелать вам всего наилучшего с открытием галереи.

Рори закрыла глаза, пытаясь осознать всю непреклонную категоричность этих слов.

– Может, она передумает, как вы считаете?

– Возможно, если вы не станете на нее давить. Оставьте ей свободное пространство. Сосредоточьтесь пока на галерее, а потом, дав ей время оправиться, попробуйте еще раз. А пока, если вам что-то понадобится, обращайтесь ко мне.

Попрощавшись и положив трубку, Рори сразу почувствовала себя обездоленной и несчастной. Быть может, Баллантайн и прав насчет «свободного пространства», но одна мысль о том, что она потеряла дружбу Солин, оказалась для нее на удивление мучительной, учитывая их относительно короткое знакомство. Сначала эта женщина была для Рори всего лишь спасательным кругом, или своего рода зеркалом, в котором она видела свое отражение. Но потом Солин стала для нее кем-то гораздо бóльшим. Подругой и наперсницей. Ее феей-крестной.

«Родственные души», – так однажды Солин охарактеризовала их взаимоотношения. Незнакомцы, у которых в прошлом оказалось много общего. Тогда у Рори от этих слов по спине пробежал холодок. Теперь же ей стало очень грустно. Рори всегда казалось, что выгода от того, что их пути пересеклись, была односторонней. Она получала

сочувствие и понимание тогда, когда больше всего в этом нуждалась. Однако, окружая этим Рори, Солин вынуждена была заново переживать потерю того единственного мужчины, которого она любила в своей жизни. И у нее не осталось даже его фотографии...

Внезапно это случайно запавшее семечко идеи начало прорастать в ее мозгу и обретать форму, являя собой неожиданный способ отблагодарить Солин за ее доброту и сердечность. Но Рори нужно было призвать кое-кого на помощь.

В девять часов утра Рори уже сидела, попивая кофе и дожидаясь, когда же Дуг Гленнон возьмет трубку. Он работал спортивным обозревателем в газете «*The Globe*» и вот уже пару лет был женат на ее подруге, сокурснице по Тафтсу. Дуг казался ей отличным парнем – таким качком с золотым сердцем, – и к тому же он был без ума от Келли. Рори не очень хорошо его знала, но несколько раз они отдыхали в одной компании, и Келли уверила подругу, что Дуг с удовольствием ей поможет, пообещав рассказать ему о звонке Рори, как только он вернется домой.

– Дуглас слушает.

– Дуг... – пробормотала Рори, замявшаяся от неожиданности после долгого ожидания. – Это Аврора Грант... Рори. Не знаю, помнишь ли ты меня, но я была у Келли одной из подружек невесты. Я с ней вчера разговаривала, и она сказала, что мне можно позвонить тебе.

– Да, Рори. Ты ведь пловчиха, верно? Келли передала, что ты звонила. Чем могу тебе помочь?

– Я очень надеюсь на твою помощь. У меня есть подруга, которая во время войны потеряла одного человека. Он работал водителем санитарной машины, и они собирались после войны пожениться. И вот я узнала, что у нее нет ни одной его фотографии на память. Я очень надеюсь, что мне удастся найти какое-нибудь его фото, вставить в рамочку и подарить ей.

– Речь идет о Вьетнамской войне?

– О Второй мировой.

Дуг тихонько присвистнул:

– Сорок лет! Это ж сколько лет твоей подруге?

– Я понимаю, прошло уже слишком много времени. Но я подумала: может быть, это можно найти в каком-нибудь архиве? Я знаю, это не твоя область, но мне известно, что журналисты имеют доступ ко многим старым документам. Этот человек происходил из известной в Ньюпорте семьи. Кажется, они строили лодки. Точнее, гоночные яхты. Поэтому я очень надеюсь, что в какой-нибудь старой газете найдется его фото.

– А почему просто не связаться с его семьей и не спросить фото у них?

Рори прикусила губу:

– Ну, скажем, они не очень-то настроены на содействие.

– Ясно. Понял.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты этим навлек на себя неприятности по работе, но я была бы очень рада, если бы получилось это сделать. Как думаешь, ты сможешь мне помочь?

– Как его звали?

– Перселл, – выпалила Рори, пока Дуг не передумал. – Энсон Перселл. Еще есть второе имя на В. Он работал водителем от организации *AFS*, если это как-то поможет.

– Возможно, и поможет. Есть еще какая-нибудь информация, чтобы помочь в поиске? Дата рождения? Или родственники?

– Нет, даты рождения не знаю, но отца звали Оуэн, а еще у него была сестра по имени Синтия.

– Оуэн и Синтия Перселл из Ньюпорта, Род-Айленд. Ладненько, посмотрим, что смогу сделать. Где-то наверняка есть старый альбом курса или фото выпускников. Дай мне несколько дней на поиски. Если что-нибудь узнаю, я с тобой свяжусь.

Рори оставила Дугу свой номер телефона, горячо его поблагодарила и повесила трубку. Она поступит так, как посоветовал ей Дэниел. Она даст Солин свободное пространство, а тем временем сосредоточится на будущем открытии галереи. А потом, через пару-тройку недель, она отправит Солин письмо и вложит в него фотографию Энсона. В знак дружбы – или в качестве прощального подарка, если уж ей будет так угодно.

Глава 36

Рори

23 сентября 1985 года.

Бостон

Рори вошла в дверь своей квартиры невероятно усталая, но счастливая. Ранним утром она села на паром до Провинстауна, чтобы встретиться с Хелен Блум, современной автором бронзовых скульптур, которую ей порекомендовала Кендра Патерсон. Что больше всего импонировало Рори в начинающих художниках, так это их неиссякающая щедрость и доброжелательность по отношению к другим членам своего сообщества. Не будь этого, она до сих пор пыталась бы наскрести хоть мало-мальски приемлемое число экспонатов, чтобы открыть галерею в следующем месяце.

Она скинула туфли и сразу же метнулась к телефону. Прошло уже три дня после их разговора с Дугом, и Рори начала уже волноваться, что отсутствие новостей в данном случае – скверная новость, то есть отсутствие фото. На автоответчике моргала лампочка. Рори нажала кнопку воспроизведения. Первое сообщение было от матери, в котором содержалось приглашение на ужин, но так и не было ни единого упоминания о том ланче. Судя по всему, Камилла по-прежнему пыталась делать вид, будто его и не было.

Второе сообщение было от Дуга: «Позвони мне. Кажется, я нашел то, что ты ищешь».

Она набрала номер его телефона в редакции, затем нажала добавочный, очень надеясь, что Дуг еще не ушел с работы. Ей очень не хотелось беспокоить его дома, но она сомневалась, что сможет подождать до завтра.

– Дуг Гленнон слушает.

– Привет, это Рори. Я получила твое сообщение.

– Пришлось немножко покопаться, но наконец я сорвал джекпот.

У меня два портретных снимка. Один из альбома колледжа, а на другом он в военной форме снят местной газетой перед самой отправкой на войну. Весь такой чистенький, подтянутый. Настоящий американец. Его современное фото тоже тебе нужно?

– Современное фото? – повторила Рори, чувствуя, как у нее внутри все словно опускается. Дуг нашел не того, кого надо. – Энсон Перселл, о котором я говорю, погиб во время Второй мировой войны, предположительно где-то близ Парижа. Он был водителем скорой от *AFS*.

– Ну да. Вот только он не умер во Франции или где бы то ни было еще. Он жив и здоров, и, между прочим, довольно известный филантроп.

– Нет, это невозможно.

– Возможно или нет, но я сейчас смотрю на заметку, где говорится, что в марте он сделал весомое пожертвование в фонд Антидимаффационной лиги^[54]. Похоже, он состоятельный человек, да и герой к тому же. Тут пишут, что его захватили в плен, что он был тяжело ранен. Даты совпадают. Могу отправить по факсу, если хочешь, но точно говорю тебе: этот тот самый человек.

Рори тяжело опустилась на кровать, голова внезапно затуманилась. Должно быть, произошла какая-то путаница. Возможно, Тия родила сына и назвала его в честь погибшего брата... Вот только даты...

– У меня нет факса, – ответила она наконец. – Скажи, а ты еще долго будешь на работе?

– Уже должен был уйти. Мы сегодня ужинаем с предками Келли, и мне никак нельзя снова опоздать. Хотя я могу положить все в конверт и по пути оставить у секретаря. Годится?

– Да. Я где-то в течение часа подъеду заберу.

Повесив трубку, Рори еще некоторое время сидела, глядя на телефон. Это никак не могло оказаться правдой... Но если это так? Как Солин воспримет эту новость? Явно не очень хорошо, если судить по ее нынешнему затворничеству. Единственное, что может быть мучительнее потерянной любви – это любовь, от которой сознательно отказались.

Через сорок пять минут Рори сидела в машине на парковке перед зданием редакции «*The Globe*» в Дорчестере, глядя на конверт из манильской бумаги с завязкой, крупно подписанный ее именем

жирным черным маркером. Ей пришлось призвать всю свою волю, чтобы не открыть его прямо в вестибюле и донести до машины. Там она включила верхний свет, немного повозилась со шнурком на клапане, и наконец содержимое конверта выскользнуло ей на колени. Там было несколько отскерокопированных газетных заметок. Первой лежала та самая, которую упомянул Дуг по телефону, – где восхвалялся фонд Перселла за многочисленные благотворительные деяния, включая и недавнее семизначное пожертвование в пользу АДЛ. Следующая статья посвящалась присуждению Перселлу награды «Служение всей жизни» Советом лидеров Новой Англии, и в ней рассказывалось немного больше о его прошлой жизни.

«С момента окончания его пребывания на посту директора по финансовым вопросам Международного комитета Красного Креста, мистер Перселл продолжает служить организации в качестве консультанта по вопросам политики и специалиста по ведению переговоров. Он также связан с многочисленными гуманитарными миссиями и входит в состав советов нескольких благотворительных фондов и неправительственных общественных организаций. Также он является членом совета директоров корпорации “Перселл Индастриз, *Ltd.*”, где они с сестрой имеют совещательные полномочия.

В 1941 году, еще до вступления Соединенных Штатов в войну, мистер Перселл оставил учебу в Йельском университете, чтобы отправиться во Францию волонтером в составе Американской полевой службы (*AFS*). Там он водил санитарную машину и работал в американском госпитале в Париже, пока не был тяжело ранен во время успешной операции по тайной эвакуации сбитого летчика ВВС Великобритании. Энсон Перселл был захвачен в плен и почти пять месяцев содержался в немецком лагере для военнопленных, где всячески старался оправиться от ран. После окончания войны Перселл два года провел в Швейцарии под наблюдением специалистов, заново учась ходить. Как единственный сын и наследник значительного состояния, мистер Перселл вполне обоснованно мог бы занять место отца в качестве генерального директора фамильной корпорации со всеми вытекающими из этого преимуществами. Но вместо этого он предпочел путь служения

и филантропии, снискав тем самым благодарность Совета лидеров Новой Англии и упомянутую в данной публикации высокую награду».

Рори отложила в сторону заметку, рассматривая лежавшие под ней зернистые фотографии. Она никогда не видела Энсона Перселла, и все же этот молодой человек, смотрящий на нее со снимка, показался ей как-то невероятно, сверхъестественно знакомым. Она не помнила, чтобы Солин детально описывала его наружность, но каким-то образом его лицо показалось ей именно тем самым... нужным. Бледно-серые глаза и волна светлых волос, рот одновременно чувственный и строгий. Темный костюм с узким галстуком. Под фотографией Рори различила часть едва читаемой подписи: «*Энсон Вильям Перселл. Выпуск 1941 года*».

На втором снимке он одет был в костюм защитного цвета и кожаную куртку, небрежно наброшенную на одно плечо – как Ван Джонсон или Тэб Хантер в военных фильмах. Красивый и высоконравственный американский герой. Наверное, именно таким его и увидела Солин впервые. Равно как и в последний раз.

Еще одно фото – цветное, размером пять на семь дюймов, сделанное относительно недавно. Рори вгляделась в него, прикрыв ладонью рот. Для мужчины за шестьдесят он был поразительно привлекательным – спортивного сложения и с густыми, золотистыми с проседью волосами, которым позавидовали бы мужчины и вдвое моложе его. Но это был совсем не тот Энсон, что смотрел с университетского альбома, или франтоватый Энсон в защитной униформе. От его глаз теперь расходились веером глубокие морщинки, а некогда квадратная линия волевого подбородка с годами округлилась.

И губы его были теперь совсем другими. Прежняя их чувственность исчезла, оставив вместо себя твердую и суровую, едва ли не безжалостную линию рта. Губы, не привыкшие улыбаться, заключила Рори. В них чувствовалась боль. Давняя боль, ожесточившаяся с годами. Учитывая то, что он пережил в лапах нацистов, это казалось понятным и естественным. И тем не менее всю свою жизнь он посвятил благим делам.

Целый шквал вопросов поднялся в голове у Рори, пока она разглядывала фотографию нынешнего Энсона. Был схвачен и провел в лагере пять месяцев. Затем два года жил в Швейцарии, заново учась

ходить. Какие мысли нахлынули на него, когда, вернувшись домой, он обнаружил, что Солин уехала? Что сообщил о ней его отец? И сказал ли о ребенке? И, что еще более важно – почему Энсон не искал ее? Или, может быть, он искал, но просто не смог ее найти? Хотя как раз это казалось маловероятным, учитывая его обширные связи и ресурсы. Возможно ли такое, что время и произошедшие события притупили его чувства к ней?

От последнего вопроса ее душу кольнул леденящий страх. Может, потому, что он задел чувства самой Рори? Долгие месяцы она только и ждала, что Хакс возвратится домой живым и невредимым. И ни разу она не допустила даже мысли о том, что он может вернуться изменившимся человеком, сломленным, терзаемым воспоминаниями о пережитых испытаниях.

Поскорее отогнав эту мысль, Рори сложила газетные вырезки и фотографии обратно в конверт, стараясь сосредоточиться на насущных вопросах. Она попросила Дуга найти для нее фотографию погибшего человека – а вместо этого тот сумел отыскать его самого. И теперь ей предстояло придумать, как сообщить Солин о том, что любимый мужчина, которого она оплакивала более сорока лет, жив и здоров.

Одно лишь Рори знала точно. Она ни словом не обмолвится Солин, пока не посмотрит в глаза Энсону Перселлу и не получит от него ответы на некоторые вопросы. По крайней мере, это Солин заслужила.

Глава 37

Рори

24 сентября 1985 года.

Ньюпорт

Рори въехала на стояночную площадку и, пристроив машину, заглушила двигатель. Потом взглянула на прилепленный к приборной панели листок стикера: «*Перселл Индастриз, Ltd. Торговая пристань, дом 6. Ньюпорт, Род-Айленд*». Тот самый адрес. Не совсем идеальное, конечно, место для предстоящего разговора, но это был единственный адрес, который нашелся в справочнике.

Подхватив сумочку, Рори направилась по любовно озелененной дорожке к двойным дверям из матового стекла. Перед ней стояло массивное здание из темно-красного кирпича с круто вздымающейся кровлей и арочными окнами, отчего оно, скорее, напоминало старинную мельницу или железнодорожное депо.

Подойдя к двери, Рори заколебалась при виде тщательно проработанных логотипов, выгравированных на обеих стеклянных створках. Она что, и в самом деле собирается это сделать? Накинуться на человека в его рабочем кабинете и потребовать объяснений, почему он не умер? И когда все это будет сказано и сделано – чего она намерена добиться? Возможно, было бы куда разумнее оставить все как есть. Вот только она *уже* сюда приехала, проделав двухчасовой путь и заполнив свою голову вопросами, требующими ответов. Если Энсон наотрез откажется с ней разговаривать, она потеряет лишь полдня да бак бензина.

Рори потянула за дверь и на мгновение отступила, пропуская наружу мужчину в темно-синих шортах и тапочках-топсайдерах. Вестибюль оказался чистым и просторным, с высоким голубым потолком, по замыслу изображающим небо, и блестящим полом из тика теплого медового оттенка. В глубине располагалась высокая стеклянная стойка для приема посетителей, на которой тоже виднелся логотип «*Перселл Индастриз*». Приблизившись к стойке, Рори тихонько кашлянула, надеясь придать себе ту напористую

уверенность, которую неизменно проявляла ее мать, входя в незнакомое помещение.

Секретарша, улыбаясь, подняла голову:

– Доброе утро. Чем могу быть вам полезна?

– Я хочу встретиться с мистером Перселлом.

Улыбка с лица женщины исчезла, и она воззрилась на Рори поверх очков-полумесяцев.

– С мистером Перселлом?

– С Энсоном Перселлом, – пояснила Рори, сообразив, что Перселл здесь может быть и не один.

Женщина за стойкой вежливо улыбнулась и слегка мотнула головой:

– Сожалею, но мистер Перселл не работает в офисе фирмы. Если вас не затруднит сообщить мне, что именно вы рассчитывали с ним обсудить, то я смогу направить вас в нужное отделение.

Эта дама всего лишь разбирается с посетителями. Ее предусмотрительно определили в это место, чтобы задерживать случайных дамочек с улицы с их неуместными, нахальными вопросами.

– Мой вопрос не по работе. Я по поводу его друга. Точнее, старого друга их семьи, – добавила Рори, вспомнив вдруг о Тии. – Вы не подскажете, как бы мне с ним связаться?

– Сожалею, я не вправе давать такого рода информацию. Но если вы оставите свой контактный номер, я передам его личному помощнику мистера Перселла.

Рори изо всех сил постаралась удержать на лице улыбку.

– Скажите, а Тия случайно не здесь?

Секретарша с удивлением и опаской вскинула брови:

– Тия?

– Сестра Энсона, Синтия. Я приехала из Бостона, и мне необходимо как можно скорее поговорить с кем-нибудь из них.

Женщина вновь окинула взглядом Рори и едва заметно кивнула:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Аврора Грант.

– Благодарю вас. Одну минуточку.

Она потянулась к телефону, набрала номер и стала крутить пальцами шариковую ручку в ожидании, когда снимут трубку.

– Здравствуйте, это Полетт, – заговорила она наконец, даже слегка выпрямившись на стуле. – Простите, что беспокою, но передо мной сейчас молодая женщина, которая хочет встретиться с мистером Перселлом. Когда я объяснила ей, что он здесь не работает, она попросила о возможности поговорить с вами. Она из Бостона. Говорит, что это связано с давним другом вашей семьи.

Она помолчала и, прикрыв динамик трубки, взглянула на Рори:

– Она хочет знать, о каком именно друге идет речь.

Рори заколебалась, прикидывая, насколько подробно можно ответить.

– Скажите, что это очень близкий друг ее брата. Еще с войны.

Секретарша слово в слово передала сказанное Рори, выслушала ответ и энергично кивнула головой:

– Хорошо. Спасибо.

Повесив трубку, она потянулась за блокнотом, написала адрес и схематично набросала карту:

– Мисс Перселл просит, чтобы вы пришли к ней домой. Вот ее адрес. У ворот вас кто-нибудь встретит.

Стараясь не выдать удивления, Рори взяла листок и сунула в сумочку, как будто чего-то подобного она как раз и ожидала.

– Большое вам спасибо за помощь, Полетт.

Спустя минут пятнадцать она нашла указанный адрес на Бельвью-авеню, свернула на подъездную дорожку и вскоре остановилась перед декоративной кованой решеткой ворот. Женщина в выцветшем рабочем комбинезоне и широкополой соломенной шляпе тут же поднялась с колен, оставив свою клумбу и кучку сорняков. Поправив солнцезащитные очки, она взгляделась в Рори.

– Меня зовут Аврора Грант, – сказала Рори, когда женщина, сняв очки, подошла ближе. – Мне необходимо увидеть Синтию Перселл.

– Полетт сказала, вы из Бостона.

Рори окинула взглядом женщину, отмечая заметное сходство. Из-под соломенной шляпы виднелись золотистые с проседью завитки волос. У нее были такие же светло-серые глаза и широкий рот.

– А вы Тия?

Женщина отряхнула ладони и уперла их в бока.

– По какому делу вы здесь?

– Я надеялась поговорить с вашим братом о его невесте.

Та немного поправила шляпу, чтобы поля затеняли глаза.

– У моего брата нет никакой невесты.

– Но *была* во время войны. Я хотела бы поговорить с ним о Солин Руссель.

– Верно, – с какой-то неожиданной готовностью ответила Тия. – Заезжайте. И пройдемте лучше в дом.

Въехав в ворота, Рори припарковалась у самого дома, пытаюсь представить, как Солин, которая недавно сошла с корабля, прибыв из растерзанного войной Парижа, видит перед собой всю величавость родового гнезда Перселлов. Это было лишенное особых украшательств, трехэтажное здание из кремовато-серого камня с высокими окнами, имеющими многочастный, ромбиками, переплет, и с головокружительным числом вонзающихся в небо фронтонов.

Если бы не вмешательство Оуэна Перселла, Солин сейчас была бы хозяйкой этого дома. Живя здесь, она вскоре получила бы весть о том, что Энсон на самом деле остался в живых. И когда он вернулся бы домой, она дождалась бы его и помогла оправиться от ран. У них была бы свадьба, родились бы дети. И вместо скорби они радовались бы счастьем. Радость вместо безнадежной тоски.

Если бы не Оуэн.

Без лишних слов Тия провела Рори к заднему входу. Там она скинула рабочую обувь, на крючок за дверь повесила соломенную шляпу и сразу же направилась к кухонной раковине.

– Сейчас руки помою и налью нам лимонада.

Как можно незаметнее Рори с интересом разглядывала сестру Энсона. Немногим за пятьдесят, она была высокой и какой-то очень естественной, с обласканными солнцем щеками и густыми волосами цвета спелой пшеницы, волнами спадавшими на ее плечи. Того, что она являлась близкой родственницей мужчине на фотографиях, отрицать было невозможно. Однако было в этой женщине и что-то еще – некое особенное качество, которое Рори затруднялась определить словами и которое, несмотря на всю неловкость ее внезапного вторжения, позволяло чувствовать себя легко и непринужденно.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться, – сказала она, когда Тия наполнила два высоких стакана лимонадом, предварительно бросив в них лед. – Я знаю, это, должно быть, выглядит нелепо...

Тия вручила ей один из стаканов и поднесла ко рту лимонад, встретившись с Рори спокойным взглядом своих светлых глаз.

– Может, нам лучше пройти ко мне в кабинет, где нас никто не побеспокоит? Сегодня Нэдин занимается шторами, а у нее уши, как у летучей мыши, – слышат все, что ее не касается.

Внезапно до Рори дошло, что Тия, быть может, неправильно поняла цель ее визита.

– Я пришла не для того, чтобы доставить вам какие-либо проблемы, мисс Перселл. Мне ничего от вас не нужно, если вы об этом вдруг подумали.

– Я знаю, зачем вы пришли. С той самой минуты, как мне позвонила Полетт. Пойдемте со мной.

Кабинет Тии располагался в задней части дома. Это была просторная комната с интересно расписанными стенами (возможно, самой хозяйкой?), с антикварным письменным столом, поставленным ровно посередине. Позади стола были распахнуты французские двери, ведущие в небольшое патио. Тиа закрыла прозрачные створки и указала госте на персикового цвета диван, приглашая ее сесть.

Сама хозяйка расположилась напротив Рори. Ее усеянный пятнами от травы комбинезон и босые ноги странно контрастировали с очень женственным убранством кабинета.

– Так с чего мы начнем? – спросила Тия.

Ее деловой тон слегка обескуражил Рори. Глотнув лимонада, чтобы собраться с мыслями, она встретилась глазами с Тией.

– С Солин.

Тия согласно кивнула.

– Я все эти годы думала о ней, размышляя, жива ли она еще и сумела ли найти в жизни счастье. – Ее голос стал низким и хрипловатым от нахлынувших нежных воспоминаний. – Как она?

– Жизнь обошлась с ней жестоко, сделав очень хрупкой и ранимой, но она сумела справиться с испытаниями. Она рассказывала, как когда-то жила здесь.

– Да, – подхватила Тия, – когда я была еще совсем юной.

– И внезапно она отсюда уехала. Вы знаете почему?

– Это случилось из-за моего отца. – Она немного помолчала, глядя вглубь стакана. – Нет, не так. Точнее будет сказать: он ее *отослал*.

Они с моим братом собирались пожениться, когда он вернется домой. А потом...

– Пришла телеграмма.

– Да, что он пропал без вести. Потом стало известно, что обнаружили его обстрелянную машину. Что повсюду была кровь, но тела не нашли. Только куртку с дыркой от пули подобрали на дороге. И, видимо, местный фермер якобы видел, как нацисты уводили его под прицелом в лес. Для них расстрелять кого-то, а потом закопать в лесу было обычным делом. Хотя чаще всего тело просто оставляли на съедение зверям. Отец ничего мне об этом не рассказывал, пока Энсон благополучно не вернулся из Швейцарии.

– Вот только никто и никогда не сообщил Солин, что ваш брат жив.

– Да, к тому времени отец ее уже отослал. А меня отправил в пансион через считанные дни после первой телеграммы, и когда пришла вторая, я все еще жила там. Он очень ловко избавился от всех преград.

– Поскольку он даже не рассматривал вариант, что они поженятся. С той самой минуты, как Солин переступила ваш порог.

Тия прищурилась:

– Я вижу, вы хорошо осведомлены об этом, мисс Грант. Могу я узнать, как вы связаны с мисс Рус-сель?

– Я ее подруга, – ответила Рори, искренне надеясь, что это по-прежнему так. – А еще я арендую у нее дом под свою художественную галерею, которая откроется через месяц. Это нас с ней и свело. А когда я осваивала новое помещение, то нашла кое-что из ее вещей и предложила ей встретиться, чтобы это вернуть. Одна из этих вещей принадлежала вашему брату. Дорожный бритвенный набор с его инициалами.

Тия мгновенно закрыла глаза, губы ее задрожали.

– Она все эти годы его хранила.

– Значит, вы его помните?

Тия кивнула:

– Отец отобрал у нее несессер брата. Он не хотел, чтобы, когда Солин уедет, у нее осталось хоть что-нибудь от Энсона – а уж тем более что-то с его инициалами. Я сочла, что это очень гадко с его

стороны, а потому пробралась в отцовскую комнату, нашла несессер и подсунула ей в коробку, когда Солин спустилась завтракать.

– Так это были вы! – улыбнулась Рори. Неудивительно, что Солин так ее полюбила. – А она решила, что это сделал ваш отец. Что он, возможно, пожалел о том, что так с ней обошелся.

Тия поджала губы:

– Мой отец не знал, что такое вина, мисс Грант. Или любовь. Для него это были проявления слабости.

– А вам известно, *почему* он так спешно отослал Солин? – осторожно спросила Рори. – Вы знаете истинную причину?

Тия снова уставилась в свой лимонад.

– Тогда не знала. Но знаю теперь. – Она подняла глаза и вздохнула. – Теперь я знаю многое. И, как я подозреваю, вы тоже.

– О ребенке, вы имеете в виду.

– Да, о ребенке.

– Ее звали Асия, – тихо произнесла Рори, припомнив, что эта малышка могла бы стать племянницей Тии. – Это означает «утешающая». Солин так хотела, чтобы с ней осталась хоть частица вашего брата. Чтобы память об Энсоне жила в его дочери. И когда девочка умерла...

Тия быстро поставила стакан и с силой сцепила руки на коленях.

– В этой истории есть некоторые фрагменты, которые вам, видимо, неизвестны, мисс Грант. Которые неизвестны никому, кроме меня. И даже сама я узнала об этом совсем недавно. Ребенок Солин не умер.

Рори уставилась на нее в недоумении, затем в ужасе:

– Что вы такое говорите?!

– Я сначала решила, что вы знаете об этом и что именно поэтому вы сюда пожаловали.

Рори помотала головой, с трудом пытаясь уложить в голове то, что только что услышала.

– Откуда я могла бы это знать? Как вообще это возможно?

– Отец заплатил кое-кому за ложь, – бесстрастно объяснила Тия. – За то, что те сообщат Солин, будто ее дитя умерло, и тогда она не вернется обратно и не сможет претендовать на моего брата. Пока отец думал, что Энсон мертв, ему не было дела до Солин с ее ребенком. Он просто хотел отправить их подальше. Но когда пришла

вторая телеграмма, отец решил, что Энсон вообще не должен ничего узнать о ребенке. Он хотел сделать все, чтобы Солин никогда не вернулась в его дом с младенцем на руках. Поэтому он выписал весьма приличный чек на то, чтобы организовали тайное удочерение. А потом он сообщил Энсону в Швейцарию, что Солин якобы сбежала от него, поскольку не захотела связывать себя с калекой. Он хотел, чтобы мой брат возненавидел Солин, чтобы он никогда не стал искать ее.

От рассказа Тии в душе Рори поднялась волна отвращения к этому человеку.

– Ваш отец, похоже, все тщательно продумал.

– Да.

Рори провела пальцами по волосам. Ей трудно было облечь в слова то, что она сейчас чувствовала. Бессильную ярость. Ненависть. Пронзительную горечь. Ничто из этого не могло в полной мере выразить ее состояние. Украсть у женщины младенца и отдать его незнакомым людям! Свою собственную кровь и плоть! Это даже в голове не укладывалось. И ей еще предстоит рассказать об этом Солин.

– Я еще даже не говорила Солин, что Энсон жив, – пробормотала Рори. – Как мне ей сказать еще и про дочь?!

Тия удивленно вскинула брови:

– Вы что, приехали сюда, ничего ей не сказав?

– Я узнала о том, что ваш брат жив, только вчера, и прежде чем что-либо ей говорить, мне требовалось самой разобраться, что произошло и почему. Солин за эти годы столько всего пережила, что стала очень ранимой. И я боялась, как она воспримет весть о том, что мужчина, которого она любила всей душой, вернулся после войны домой и даже не удосужился ее поискать.

– Энсон в этом не виноват, – отрывисто возразила Тия. – Когда отец сообщил ему, что Солин уехала, потому что, дескать, не захотела жить с калекой – в Энсоне что-то надломилось. Вот почему он предпочел остаться на реабилитацию в Швейцарии. К тому же и отец убедил Энсона, что для него это наилучший вариант. Да, он научился заново ходить – но он вернулся сюда настолько душевно разбитым и ожесточенным, что я едва узнала в нем своего брата.

– Но вы ведь сказали ему правду, когда он все-таки вернулся домой? О ребенке и о том, что сделал ваш отец?

– Как я могла об этом ему сказать? Я и сама ничего не знала до тех пор, пока отец не умер и мне не пришлось разбирать его бумаги. – Поднявшись, Тия прошла к ближнему стенному шкафу и распахнула дверцу, явив взору целую стопку картонных коробок. – Вот как это выглядит, когда приводишь отцовские дела в порядок. Когда он умер, Энсон был за границей – естественно! – так что разбираться в отцовских документах выпало мне. Я даже не представляла, что он такая бумажная крыса! Я избавилась, наверное, от тонны бумаг. А потом однажды наткнулась вот на это.

Немного порывшись в коробках, Тия наконец вытащила темно-красную бухгалтерскую книгу, перевязанную тугими резинками.

– Я тоже хотела это выбросить, пока повнимательнее не разглядела таблицу и не увидела то, что внутри.

– А что там?

– Правда, – ответила Тия, стаскивая резинки и передавая книгу Рори. – Здесь все. Все чеки, платежки, вся бумажная волокита – то есть все, что потребовалось моему отцу, чтобы навсегда стереть из нашей жизни Солин и ее ребенка. Я хочу, чтобы вы на это взглянули, прежде чем мы продолжим разговор.

Слова эти прозвучали несколько пугающе, повиснув между ними, точно смутная угроза. Вдохнув, Рори раскрыла книгу. И сразу же ей бросилось в глаза имя *Д. Шеридан*. Она вспомнила, как Солин его упоминала, – но, когда Рори увидела его здесь, написанное, возможно, рукой Оуэна, ее вдруг замутило. Были тут и другие, уже знакомые ей, имена: доктор Маркус Хартвелл, г-н Эллиот Мейсон. То есть упоминались врач, адвокат и «Общество семейной поддержки».

Тия молча наклонилась над ней, когда Рори начала перелистывать страницы, проглядывая длинные табличные столбцы. Благотворительный вклад. Расходы на медицинское обслуживание. Благотворительный вклад. Благотворительный вклад. Госпошлины. Подготовка документации. Благотворительный взнос. Первое поступление прошло 24 октября 1943 года, последнее – 12 августа 1972-го. Все без исключения даты. Все суммы до последнего доллара. Все было так аккуратно, с такой скрупулезностью записано, словно там указывались всего лишь деловые расходы фирмы.

– Двадцать восемь лет! – выдохнула Рори, изумленно глядя в книгу расходов. – С годами поступления стали более редкими, но некоторые из них доходили до пятизначных цифр.

– Плата за молчание, – будничным тоном подтвердила Тия. – Так я думаю, по крайней мере. Если бы просочился хоть малейший слух, что отец заплатил за то, чтобы избавиться от собственной внучки, его бы уничтожили. И не надо забывать об Энсоне. Отец понимал, что, стоит Энсону хотя бы что-нибудь узнать – и династия Перселлов рухнет. Впрочем, это все равно ни к чему не привело. Энсону с самого начала этого было не нужно. Уверена, пока мы с вами тут говорим, отец в гробу переворачивается, зная, что я хозяйничаю в его доме и управляю семейным бизнесом.

– А Энсон не захотел?

– Мой брат и месяца не прожил с нами под одной крышей, когда вернулся из Швейцарии. И я не могу его винить. С тех пор как умерла мама, ему всегда здесь было безрадостно. Отец и так-то никогда не был добрым и сердечным человеком, но с того дня, как не стало мамы, он еще более ожесточился. Можно подумать, перспектива обрести внучку могла бы как-то смягчить его нрав!

– А долго вы уже об этом знаете?

– Месяца четыре, плюс-минус неделя.

– И Энсон до сих пор не в курсе?

– Нет.

– А вы не находите, – спросила Рори, стараясь выдержать спокойный тон, – что вашему брату стоит знать, что у них с Солин появилась на свет дочь?

– Разумеется, я в этом даже не сомневаюсь! – Глаза у Тии внезапно наполнились слезами. – Я только об этом и думаю с тех пор, как нашла эту бухгалтерскую книгу. Я вообще не представляла, что мне делать с новостями, которые я узнала. Я попыталась однажды поговорить с братом, когда он позвонил из Лондона поздравить меня с днем рождения, но Энсон пригрозил, что повесит трубку и больше никогда не позвонит, если я еще хотя бы раз упомяну имя Солин. И, знаете, ему можно поверить. – Она горестно покачала головой, у нее задрожал подбородок. – Солин не единственная, кому вся эта история изранила душу. То, что случилось во время войны, сильно изменило моего брата. Но возвращение домой его, можно сказать, добило.

– Но ведь он знал ее, Тия! Он же любил ее! Я не понимаю, как он мог поверить в отцовскую ложь о женщине, которую он так любил.

– Сначала он и не поверил. Они ругались на чем свет стоит из-за того, что отец о ней говорил. Что якобы ей от Энсона нужны были только деньги, но в итоге даже они не смогли побудить ее остаться, поскольку ей пришлось бы возить мужа в инвалидной коляске. Он как будто наказывал Энсона за его любовь к Солин. Иногда я даже боялась, что они подерутся из-за нее.

– И что вдруг изменилось?

– Не знаю. Однажды в нем словно щелкнул выключатель. Ни с того ни с сего Энсон вдруг перестал даже произносить имя Солин. И не хотел больше слышать его от кого-либо другого. И так до сих пор. Каждый раз, когда я пыталась с ним поговорить, он сразу обрывал разговор. Как будто он ею безнадежно отравлен.

– Надо думать, это ужасно порадовало вашего отца.

– Подозреваю, да. Он ведь получил то, что хотел. Впрочем, он всегда получал желаемое. Даже если это означало сокрушить того, кого он вроде бы должен был любить. Понятно, что он исковеркал душу Энсона.

– И малышке, – добавила Рори. – Он просто взял и отдал ее чужим людям. Собственную внучку! И ведь он даже не представлял, где она и что с ней!

– О, это он как раз очень хорошо знал! – Тия отвела взгляд, и ее голос снова приобрел зловещие нотки. – Та женщина, которая заправляла «Обществом семейной поддержки», прислала ему копию свидетельства об удочерении – в доказательство того, что его деньги потрачены правильно. Вот каким он был чудовищем! Его ничуть не заботил сам ребенок – только его собственные виды на Энсона и на империю Перселлов.

– Какая расчетливость!

– Таков был мой отец – непреклонный в своем стремлении получить желаемое, причем любой ценой. А Дороти Шеридан была очень рада ему в этом помочь – небезвозмездно, разумеется. Я, найдя расходную книгу, кое-что проверила. Похоже, полиция что-то пронюхала о заведении мисс Шеридан в 1972 году. Вот почему записи о денежных переводах оборвались. Дамочка исчезла, и мой отец наконец-то сорвался с крючка.

Рори словно обдало холодом.

– Просто непостижимо! Солин сорок лет горевала о дочери, которую считала мертвой и неизвестно где похороненной, – а та все это время была жива! Как могла женщина сотворить такую подлость и низость с другой женщиной?!

Тия снова прищурилась, внимательно глядя на Рори.

– Вы, я вижу, страстная заступница Солин и сильно за нее переживаете. Прodelали такой долгий путь. И задаете все эти вопросы...

– Вчера один мой приятель – газетчик, которого я попросила раздобыть для меня фото вашего брата, как я полагала, погибшего на войне, – передал мне фотографию Энсона, сделанную пару лет назад. Мне кажется, мои вопросы вполне естественны.

– А зачем вам понадобилась фотография Энсона?

И вновь у Рори возникло ощущение, будто ее в чем-то обвиняют, и это ее задело.

– Я хотела вдеть ее в рамочку и преподнести Солин как подарок. Потому что она моя хорошая подруга. Ведь она и вашей подругой была когда-то?

– Да. Была.

Голос Тии зазвучал нежнее, и Рори тоже сразу же смягчилась.

– Она рассказывала мне о ваших эскизах. И о платьях, которые сшила для вас. И как вы мечтали когда-нибудь поселиться в парижской мансарде и писать картины. Она очень переживала, что не смогла с вами попрощаться – ваш отец ей этого не разрешил.

Тия обхватила себя руками, словно от чего-то защищаясь.

– Он отправил меня в совершенно ужасный пансион для девочек. А когда я вернулась, Солин уже не было. Я подумала тогда, что она сама уехала от нас. Что она меня отвергла. И к тому времени, когда приехал Энсон, я уже успела возненавидеть ее. Не только за то, что она бросила меня, но и за то, что бросила моего брата. Когда-то мы с Энсоном были очень близки, но, вернувшись домой, он стал холодным и отчужденным. Я думала, что если начну открыто ненавидеть Солин, то это снова нас с ним сблизит. Но от этого он злился еще сильнее.

– Он вас использовал, – тихо сказала Рори. – В смысле, ваш отец. Это он заставил вас ненавидеть Солин, а потом использовал эту

ненависть, чтобы вашему брату было еще больнее.

Тия быстро взглянула на нее:

– Я же говорила, что он был чудовищем.

– Простите. Я понимаю, как тяжело вам все это сознавать. Я ведь всего лишь хотела найти фотографию Энсона. Даже не предполагала, что все может так обернуться.

Тия протяжно вздохнула:

– Мне кажется, самое время показать вам наши семейные снимки. – Быстро поднявшись, она сходила к шкафу и через пару минут вернулась с двумя альбомами в кожаных переплетах. – Моя мама была большой любительницей семейных фотографий. У нее для каждого из нас был отдельный альбом. Вот этот – Энсона.

Рори раскрыла на коленях альбом. Тихонько шелестя пожелтевшими страницами, она стала проглядывать запечатленные там основные мгновения жизни. Первое Рождество. Первые шаги. Первая стрижка. Вот пухлый карапуз превратился в школьника. Вот Энсону то ли восемь, то ли девять лет: веснушчатый, щербатый мальчишка в бейсбольной экипировке. Рядом другой снимок – где он уже в футбольной форме, опустившись на одно колено, щурится на солнце. Еще несколько страниц – и он улыбается в камеру, одетый в темный костюм и белую парадную рубашку, с белой гвоздичкой на лацкане пиджака. Школьный выпускной. И, наконец, на предпоследней странице он в форме цвета хаки, с коротко постриженными и зачесанными назад волосами. Совсем уже не мальчик.

Так странно было с каждой страницей альбома наблюдать, как он растет. Прежде в представлении Рори он был не более чем призраком. А теперь – вот он, в черно-белом варианте. И где-то существует в этом мире, живет и здравствует. Рори снова вгляделась в молодого человека на снимке – с квадратным волевым подбородком, красивого, как кинозвезда.

– Неудивительно, что Солин влюбилась в него без памяти! Ваш брат был просто неотразим. И, кстати, я наблюдаю фамильное сходство: у вас такой же нос и такие же скулы.

– Мы с ним оба похожи на отца. У нас одинаковые волосы и глаза. – Тия помолчала, аккуратно сложив руки на коленях. – А на кого похожи вы?

Рори недоуменно уставилась на нее:

– Я?

– Как по-вашему, похожи вы на свою мать?

Этот вопрос показался Рори очень странным и неожиданным, но она рассудила, что Тия вполне имеет право поинтересоваться чем-то.

– У меня мамин цвет волос, и у нас с ней носы похожи – широкие и прямые. Но она не такая высокая, как я. Это у меня, должно быть, от отца.

Тия раскрыла второй альбом и опустила Рори на колени:

– Думаю, вам надо взглянуть на это.

Рори увидела перед собой на фото маленькую девочку, лет пяти-шести, в длинной пижаме. На ее щечках были заметны идеально симметричные ямочки, а голова была покрыта мелкими светлыми завитками.

– Надо же, какие кудряшки! Какая прелесть!

Однако лицо Тии оставалось непроницаемым.

– Посмотрите на следующее фото и скажите, что вы видите.

Рори прищурилась, глядя на снимок, сделанный несколько лет спустя. Праздничное платье с оборками, носочки с кружевами. Кудряшки на сей раз собраны в небрежный пучок, заколотый шпильками с маленькими белыми цветочками, будто у принцессы или у феи. И странным образом все это показалось Рори знакомым.

– Это вы?

– Да.

– У моей матери есть почти такая же фотография со мной. Она нарядила меня, чтобы я сыграла на рояле для ее подруг, но я словно оцепенела перед инструментом. Даже не представляю, как эти снимки могут быть настолько похожими!

– А кто ваша мать? Она родом из Бостона?

Рори все еще не отрываясь всматривалась в фото.

– Простите... – подняла она взгляд. – Что?

– Я спрашиваю про вашу маму. Как ее зовут?

– Камилла Грант.

– А как ее девичья фамилия?

– Лоуэлл. А что?

Тия вытянула из-под оставшихся альбомов сложенный листок бумаги и передала Рори:

– А теперь самое время взглянуть на это.

Рори настороженно скользнула глазами по документу. Бумага была плотная, пожелтевшая от времени, с четко отпечатанным текстом и красным чернильным штампиком наверху: «Копия». Там стояла дата – 17 января 1945 года, имелся заголовок – «Сертификат Постановления об усыновлении (удочерении)», а также подпись секретаря Окружного суда. Но в эту минуту единственным, что завладело вниманием Рори на этом листке, было одно только слово: «Лоуэлл».

Глава 38

Рори

Сердце часто-часто заколотилось в ребра – как будто брошенный в бездонный колодец камень рикошетит по каменным стенкам. И не за что ухватиться, никак не избавиться от этого ощущения нескончаемого падения. Откуда взялось в этом документе имя ее матери? И как вообще документ с ее именем мог оказаться среди бумаг Оуэна Перселла? Смутно ощущая присутствие Тии, Рори еще раз, уже внимательнее, изучила сертификат.

ШТАТ РОД-АЙЛЕНД И ПЛАНТАЦИИ ПРОВИДЕНС
ОТДЕЛ РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО
СОСТОЯНИЯ
СЕРТИФИКАТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ)

Девичье имя матери: *Солин Луиза Руссель*

Имя биологического отца: *неизвестно*

Имя ребенка при рождении: *сведения отсутствуют*

Имя приемной матери: *Гвендолин Люсиль Лоуэлл*

Имя приемного отца: *Джордж Эдвард Лоуэлл*

Имя ребенка после усыновления (удочерения): *Камилла
Николь Лоуэлл*

Рори опустила бумагу на колени, не в силах оторвать от нее взгляд. Голова шла кругом. Там и в самом деле имя ее матери – и ее бабушки. Что все это значит? Наконец она подняла глаза на Тию:

– Не понимаю.

– Да нет, ты все правильно понимаешь.

– Она... Вы хотите сказать... – Рори снова осеклась и прижала кончики пальцев к закрытым векам. – Все равно не понимаю.

Тия поглубже вдохнула, как будто торопливо подбирая слова.

– Твоя мать – это указанный в свидетельстве ребенок, Рори. Что означает, что Солин – твоя бабушка. А мой брат – твой дедушка.

– Это наверняка какая-то ошибка. Какое-то странное совпадение вроде тех, о которых порой читаешь в журналах. Лоуэллов по всему Массачусетсу не счесть!

– Взгляни еще разок на фотографию. Здесь нет никакой ошибки. И никакого совпадения. Если тебе требуется подтверждение – сделай генетический тест. Но я это поняла, как только увидела твое лицо. Ты – Перселл. Потому что твоя мать – урожденная Перселл. Вернее, могла бы ею стать.

– Моя мать... – повторила Рори, внезапно припомнив, как однажды Камилла обмолвилась, что ее учили соответствовать тому положению, которое предоставляло ей имя Лоуэлл. «Предоставляло»! Тогда это слово покорило Рори, но она не успела проникнуть в это глубже, Камилла оборвала разговор. Возможно ли такое, что ее мать знала об обстоятельствах своего рождения и того, как именно она получила фамилию Лоуэлл? И если так – то зачем она столько лет хранила это в тайне? И, как ни крути, все вновь возвращалось к Солин.

У Рори возникло такое чувство, будто пол уходит из-под ног. Весь ее мир словно выворачивался сейчас наизнанку. Ничто, казалось, не имело прежнего смысла. Или, напротив, все наконец обрело смысл! Возможно, именно поэтому она испытала тогда странное тяготение к тому брошенному дому на Ньюбери-стрит, когда впервые его увидела, равно как и к Солин в самую первую их встречу? Но как вообще это возможно?!

Она подняла взгляд на Тию, тихо сидевшую с ней рядом со сложенными на коленях руками.

– Вы хотите сказать, что после стольких лет наши с Солин пути пересеклись... совершенно случайно?

– Я и не говорила, что случайно, – с таинственной улыбкой ответила та. – Я хочу сказать, что случайностей не бывает, не правда ли? Случайность – это одно из тех слов, которыми мы прикрываемся, когда не можем объяснить то, что произошло. Однако есть много такого, что мы не в силах постичь. Есть силы, которых мы попросту не видим. Но это не означает, что они не действуют. И к тому же в самой Солин всегда было нечто... особенное. Нечто... сверхъестественное.

– Вы клоните к тому, что это результат какой-то магии?

Тия пожала плечами:

– Магии... Или провидения. Или какой-то счастливой телепатической связи. На самом деле, мне все равно, что это было. Для меня главное состоит в том, что происходит сейчас. Когда Полетт сказала мне, что некто интересуется давним другом моего брата, я решила, что этот друг – Солин. А потом я увидела тебя и тут же вспомнила те документы об удочерении, и... Для меня все разом прояснилось. Я думала, что ты тоже в курсе или что Солин прислала тебя, сама что-то заподозрив. Она никогда тебе не говорила, что ты очень похожа на моего брата?

– Нет, – тихо ответила Рори. – Ни разу.

Она не в силах была постичь столько всего сразу. Целая лавина вопросов, сомнений и эмоций обрушилась на нее так стремительно, что не было ни времени, ни места, чтобы разложить все по порядку. Солин – ее бабушка. А Энсон – дедушка. Неожиданно в ее глазах появились слезы. Не обращая на них внимания, Рори пыталась осознать всю подоплеку того, что ей только что сказали. Ее матушка – эта высокомернейшая из женщин – на самом деле кичится не принадлежащей ей родословной и скоро узнает, что на самом деле она родилась вне брака от той женщины, которая не так давно сравнила ее с нацистами. Да уж, нелегкой ожидается беседа! Однако разговор с Солин будет еще сложнее. Узнать, что ребенка у нее украли и что ее дочь все эти годы жила совсем рядом, в том же Бостоне, – это, пожалуй, будет для нее самым жестоким ударом. А еще и учитывая тот злополучный ланч...

– Бог ты мой, Тия... Как же мне сообщить им обоим обо всем этом?

– Я уже думала об этом и пришла к выводу, что пока им ничего не надо говорить. Во всяком случае, немедленно и откровенно. Есть надежда, что мой брат придет в чувства и изменит курс, когда узнает, что по-настоящему произошло. И я уж позабочусь, чтобы он это сделал. Солин сорок лет прожила, не зная правды. И если есть какой-то шанс, что из всего этого выйдет в итоге что-то хорошее – какое-то исцеление душ для них обоих, – не стоит ли подождать еще пару недель?

Рори обдумала ее слова. Ей тоже был бы полезен небольшой тайм-аут, чтобы переварить новости, прежде чем попытаться выложить их кому-нибудь еще. Разумеется, надо будет сообщить

об этом Солин. Но ей понадобится поддержка. Ей необходим человек, который поймет происходящее и поможет Солин вернуться в нормальное русло. А сейчас Рори с Солин даже не разговаривали. Небольшая пауза поможет ликвидировать возникшую между ними трещину, а также одолеть довольно непростые взаимоотношения между матерью и Солин. Причем и то и другое так просто, за одну ночь, не решается.

– Верно, так лучше. Я лучше подожду. А когда вы собираетесь поговорить с Энсоном?

– Думаю, будет лучше, если с ним поговоришь ты.

– Я?! – опешила Рори.

– Он предельно ясно дал мне понять, что не хочет слышать от меня даже имени Солин. Когда я пыталась с ним заговорить, он обрывал меня на полуслове. Он научился отгораживать от себя все то, с чем не желает иметь дело. Или с кем не желает. Он так долго был один, что уже забыл, каково это – впускать кого-то в свою жизнь.

– Энсон так и не женился?

Тия помотала головой:

– С тех пор как не стало Солин, в его жизни ни для кого больше не нашлось места. Даже для меня. Мы общаемся с ним на Рождество да на мой день рождения, но всегда очень натянуто. Когда умер отец, я надеялась, что между нами все наладится, что, может, он даже вернется сюда жить, но... – Запнувшись, она пожала плечами. – Чаще всего я даже не знаю, где он находится. Обычно где-то за границей. Как будто он все время пытается убежать от своих, постоянно его настигающих, воспоминаний.

– И вы считаете, что абсолютно незнакомый человек может вдруг растопить его сердце?

– Незнакомый, конечно, нет. А вот внучка – вполне возможно. – Тия легонько постучала кончиком указательного пальца по губам, глаза ее задумчиво прищурились. Потом она взглянула на часы. – Я еще должна успеть ее застать.

Подойдя к столу, Тия взяла телефон и с холодной решимостью быстро нажала несколько цифр.

– Полетт, не могли бы вы связаться с Шерил и узнать, где моему брату предстоит быть на этой неделе? Спасибо.

Рори почувствовала, как к горлу подкатывает паника. Что бы там ни задумала Тия Перселл, события разворачивались слишком стремительно. Она открыла было рот, чтобы возразить, но тут Тия схватила ручку и вновь заговорила с Полетт:

– Да, слушаю... Нет, номер телефона мне не нужен, только отель. – Она метнула взгляд на Рори. – Я собираюсь кое-что ему послать.

Глава 39

Рори

25 сентября 1985 года.

Сан-Франциско

Бросив на кровать сумку-тоут и маленький чемоданчик с необходимыми в дороге вещами, Рори подошла к окну, любуясь завораживающей панорамой Сан-Франциско: вольготно раскинувшимся перед ней городом, поблескивающим на солнце заливом, знаменитым мостом Золотые ворота, едва проглядывающим в далекой полосе тумана. От этой картины захватывало дух – он был в точности как на открытке, которую ей когда-то прислали, – однако приехала сюда Рори вовсе не для того, чтобы наслаждаться местными видами. Ей предстояло выполнить иную миссию: полностью перевернуть жизнь человека.

Восемь часов назад, еще в Бостоне, она отчаянно пыталась придумать вескую причину, чтобы отказаться от этой затеи. А потом объявили посадку – и решение было принято. Рори еще сомневалась, разумно ли поступила, остановившись в том же отеле «*Fairmont*», что и Энсон. Тот факт, что он обитает всего четырьмя этажами выше, несколько напоминало преследование. Но времени было в обрез, поэтому все же имело смысл снять номер там, где время пути до цели ограничивалось всего лишь поездкой в лифте.

В самолете она пыталась внутренне подготовиться к предстоящим событиям. Она даже отрепетировала свои реплики: с чего начнет, что скажет потом, как изложит ему вскрывшиеся факты. Как адвокат перед своей заключительной речью. С четкими, убедительными доводами в пользу того, что ему необходимо все исправить в отношении Солин. Единственное, к чему она по-прежнему была не готова, – это встретиться лицом к лицу со своим родным дедушкой, о существовании которого она еще сутки назад и не подозревала.

Как вообще восполнить такой огромный пробел? Двадцать три года без дедушки – и вдруг им оказывается ни кто-нибудь, а Энсон Перселл! Она и так-то с трудом смогла уложить в своей голове новость о том, что Солин приходится ей бабушкой. Но с ней у Рори, по крайней

мере, успели сложиться самые теплые отношения до того, как всплыла правда. А с Энсоном у нее никакой связи не было, их абсолютно ничто не соединяло, кроме воспоминаний Солин. Рори слышала рассказы людей, которые при первой встрече с только что найденными родственниками испытывали мгновенную духовную близость. Другие же не чувствовали при этом вообще ничего. Что ждет в такой ситуации ее? Она могла лишь теряться в предположениях, зная точно только то, что сейчас ей следовало всецело сосредоточиться на предстоящей миссии.

Вернувшись к кровати, Рори вытащила из сумки бухгалтерскую книгу, которую прислала Тия, – доказательство, которое понадобится, чтобы убедить Энсона в отцовском обмане. Еще Рори взяла с собой фотографии: одна с маленькой Тией в нарядном платье, а другая – ее собственная, снятая в тот самый день с импровизированным домашним концертом. Рори позаимствовала этот снимок у матери, втайне вытащив из горки в гостиной, когда Камилла накануне вечером – как обычно в этот день недели – отправилась играть в бридж. Рори постаралась распределить оставшиеся на полке предметы, чтобы пустое место не бросалось в глаза. И, если повезет, она вернет рамку на место до того, как ее исчезновение заметит мать. Как только она узнает, насколько готов вписаться в эту картину Энсон, Рори выложит все новости и матери и Солин.

Она посмотрела на часы, еще показывавшие бостонское время, и мысленно вычла три часа. В Сан-Франциско около шести вечера. Билет на обратный вылет Рори забронировала на завтрашний вечер, рассчитывая вернуться в такое время, чтобы успеть с Брайаном напоследок все проверить в отремонтированном доме. А значит, в ее распоряжении было двадцать четыре часа, чтобы сделать то, зачем она приехала.

Сверившись с запиской Тии насчет места, где остановился Энсон, Рори взялась за телефон и попросила соединить ее с номером 903. После третьего гудка в трубке отозвался мужской голос.

– Мистер Перселл?

– Да.

– Меня зовут Рори Грант. Ваша сестра Тия сказала мне, где я могу вас найти.

– Чем могу быть вам полезен?

Его голос, такой сухой и деловитый, наводил страх, и внезапно все слова, которые Рори так старательно репетировала во время перелета, разом застряли у нее в горле.

– Я подруга Солин Руссель, – наконец выпалила она и затаила дыхание, ожидая, что сейчас в телефоне раздастся щелчок – и связь отключится. Однако этого не случилось. – Мистер Перселл?

– Что вам от меня угодно?

– Она не знает, что я здесь и что я общалась с вашей сестрой. Я бы хотела поговорить с вами о том, что произошло после того, как вы расстались в Париже. Есть нечто такое, о чем вам следует узнать. То, что, как мне кажется, вы сами хотели бы знать.

– Вы не скажете мне ничего такого, что мне хотелось бы услышать, мисс Грант. Всего хорошего!

– Нет! Подождите! Прошу вас, позвольте поговорить с вами лично. То, что я хочу вам сообщить, не отнимет много времени, но об этом нельзя говорить по телефону.

В эфире снова повисло молчание. Однако трубку он не повесил.

– Пожалуйста, мистер Перселл. Это очень важно. Я в том же отеле, что и вы, но готова встретиться с вами в любом месте, где вы скажете. И во сколько захотите.

Рори прикусила губу и затаила дыхание в ожидании ответа.

– В баре, внизу. Через полчаса.

Рори спустилась в бар заранее и заняла место за столиком в углу. Это было небольшое заведение, примыкающее к ресторану отеля, оформленное сдержанно, но со вкусом. С кремовыми светильниками, лучащимися мягким светом, с кремовым ковролином и кремовыми же мраморными колоннами по бокам от дверных проемов. Гул разговоров слегка перекрывала фортепианная музыка. Звучала «Ночь и день» Коула Портера. Мелодия была приятной и умиротворяющей, однако расслабиться у Рори не получалось. Взгляд ее был прикован к двери.

С удовлетворением Рори отметила, что большинство столиков в баре заняты. Это означало, что у нее меньше шансов на неприятную сцену. Она заказала себе бокал шардоне. Не потому, что ей хотелось вина, а потому, что нужно было чем-то занять руки. Рори уже

пригубила вино, как в баре появился Энсон. Она узнала его мгновенно. Высокий и широкоплечий, с густыми, светлыми, волнистыми волосами, слегка тронутыми сединой. Красивый мужчина, несмотря на свои шестьдесят с лишним.

Ее родной дедушка.

От осознания этого факта в горле у Рори внезапно словно застрял тугой комок. «Не сейчас, Аврора, – сказала она себе. – Только не разревись – иначе ничего у тебя не выйдет». Однако, увидев этого человека в считанных ярдах от себя, Рори почувствовала, что ей трудно дышать, а ладони вдруг вспотели. Она разом проглотила набранное в рот вино, и у нее внутри все словно сжалось. Неизвестно, чего именно она ожидала от этого мгновения первой встречи, но уж точно не такой реакции своего организма.

Задержавшись у входа, Энсон обвел взглядом столики. Рори подождала, когда их глаза встретятся, и подняла ладонь. Подойдя к ней, Энсон даже не попытался изобразить улыбку. Его лицо словно застыло в гримасе безысходности. Он заметно прихрамывал и все же ходил как привыкший к этому изъяду человек, вполне научившийся его компенсировать.

Не глядя ей в глаза, Энсон выдвинул стул напротив Рори и сел. Не успел кто-нибудь из них проронить и слова, как подоспела официантка, принеся ему высокий стакан, предположительно с джином и тоником, увенчанный двумя ломтиками лайма. Энсон в знак благодарности кивнул. Официантка с немалой долей любопытства скользнула взглядом по Рори и снова повернула лицо к Энсону:

– Принести вам меню, мистер Перселл?

– Нет, спасибо, Элли. Мы тут ненадолго.

То есть он завсегдатай этого отеля, поняла Рори, неизменно заказывающий один тот же напиток. А еще он предельно прозрачно намекнул ей, что у нее совсем немного времени, чтобы пообщаться с ним.

Как только Элли отошла, Энсон взял в руку стакан и, откинувшись на спинку стула, холодно воззрился на Рори. Если у него в сознании и мелькнула какая-то мысль об их сходстве, то он не подал виду.

– Итак, зачем я вам понадобился?

– Я подруга Солин.

– Это вы мне уже сообщили по телефону.

Его ледяной тон звучал пугающе, и Энсон прекрасно это знал.

– Она часто о вас рассказывает.

– Неужели?

– О том, как вы познакомились в госпитале, как работали там вместе. О том, какой работой вы там занимались... для движения Сопротивления. И о том, как вы заставили ее уехать, чтобы спасти ей жизнь. Потому что вы любили ее.

Он тяжелым, неморгающим взглядом уставился на Рори:

– В самом деле? Знаете, все уже так расплылось в памяти.

Вот она, та неизбывная горечь, о которой говорила Тия. Страдание, превратившееся во враждебность и сарказм. И все же в его напускном безразличии ощущалась какая-то острая грань, какая-то гнетущая боль, которая подсказывала Рори, что Энсон Перселл далеко не так оторван от своих воспоминаний, как пытается изобразить.

– Она рассказала мне о ночи, которую вы провели вместе, прежде чем расстаться, – продолжала Рори, вглядываясь в его лицо. – О том, как вы просили ее выйти за вас замуж. О том, как она смотрела на вас через заднее окошко санитарного фургона, пока машина не свернула и вы не исчезли из виду.

– Вы, надо заметить, неплохой рассказчик.

– Разве все это было не так?

Энсон уставился в свой стакан.

– Уже не помню.

– А я думаю, помните. И сестра ваша многое помнит.

– Что конкретно вы от меня хотите, мисс Грант?

– Я хочу, чтобы вы вспомнили, как сильно ее любили и как сильно она любила вас. Пока вы не вернулись домой с войны и отец не настроил вас против нее. Есть некоторые вещи, о которых вы не знаете.

Энсон поднес стакан к губам, сделал большой глоток.

– Я расскажу, что я действительно знаю. Я потянул за все ниточки, какие только мог, лишь бы вытащить ее в Штаты. Подкупил кого только можно, призвал всех, кто был мне как-то обязан. Когда же и это не сработало – кинул как козырь имя своего отца, лишь бы отправить ее в безопасное место. А еще я знаю, что, пока я лежал в Швейцарии

с дыркой в животе и отказавшими ногами, которые в любой момент мне могли ампутировать, она сбежала в поисках лучшей жизни. Впрочем, надо отдать ей должное. Большинство женщин интересуют лишь деньги. Я полагаю, она с легкостью обо мне забыла.

– Не смейте так говорить! – ответила Рори даже резче, чем ей того хотелось. – Не надо излагать события в таком ключе. Это неправда!

Энсон с тяжелым стуком опустил стакан на стол.

– И тем не менее это так, мисс Грант. Мне неприятно это признавать, но я позволил проделать с собою этот самый что ни на есть древнейший фокус. А отец мой, с другой стороны, получил огромное удовлетворение от того, что жизнь доказала его правоту.

Рори подняла бокал, не торопясь отпила вина. Конечно, мучительно было слышать все те ужасные вещи, которые он говорил о Солин, – но не менее мучительно было сознавать, что он на самом деле в это верит.

– Ваш отец вам солгал.

Энсон напрягся, заметно ощетинившись.

– Мисс Грант...

– Он солгал, – решительно повторила Рори. – И о том, почему Солин уехала, и о том – куда. Все это была ложь. Она вас не бросала. Ее выпроводил ваш отец. И Тие об этом известно. Тогда она не знала, но знает теперь. Вот почему я здесь – чтобы поговорить с вами о том, что произошло на самом деле.

Энсон выслушал все это не шелохнувшись, на лице его не отразилось ни единой эмоции.

– Вот, значит, что вы намерены со мною обсуждать? Эту нелепую, кем-то наспех состряпанную историю?

– Скажите, я никого вам не напоминаю? – спросила Рори, осознав вдруг, что это единственное, чем еще можно его зацепить. – Взгляните на мое лицо. На мои глаза и нос. Я вам никого не напоминаю?

Энсон с подозрением прищурился:

– Это вы о чем? – Все его тело словно собралось для атаки, зубы стиснулись, подбородок затвердел. – Уж не знаю, во что вы решили со мною играть, мисс Грант, но сразу скажу, что у вас ничего не получится.

– Я с вами ни во что и не играю. И мне кажется, вы вполне можете называть меня Рори. Или Авророй, если вам так больше нравится.

– Я не собираюсь вас как-либо называть. – Он резко отодвинул назад стул и встал. – Наш разговор окончен.

В Рори как будто впились тонкие иголки паники. Если он сейчас уйдет, у нее уже не будет возможности все ему сказать.

– У Солин родился ребенок, – выпалила она. – Ваш ребенок.

Энсон застыл.

– Асия, – уже спокойнее продолжала Рори. – Вашу дочь назвали Асия.

Он быстро развернулся и вновь опустился на стул, как будто только что услышанное было слишком тяжело для него, чтобы он мог устоять. Поставив на колени сумку, Рори вытащила из нее обе фотографии и положила рядышком на стол.

– Знаете, что это за снимки?

Энсон на мгновение взглянул на фото, потом перевел взгляд на Рори:

– Это фотографии моей сестры. С дня рождения, кажется.

Рори кивнула:

– Точнее, одна из них. – Она указала на снимок справа: – Вот эта. А вот эта, – поднесла она руку к фотокарточке слева, – фотография вашей внучки – дочурки вашей дочери, когда ей было восемь лет. В январе ей исполнится двадцать четыре.

Энсон сидел все это время неподвижно, сложив руки перед собой.

– Еще минут пятнадцать назад я и в глаза-то вас никогда не видел. И вы думаете, что я в это поверю всего лишь с ваших слов?

– Не только с моих. – Рори сунула руку в сумку, вытащила бухгалтерскую книгу и положила ее перед собой на стол. – Это принадлежало вашему отцу.

Он настороженно взглянул на книгу:

– Что это?

– Это бухгалтерский журнал, который Тия нашла среди бумаг вашего отца после его смерти. К счастью для нас, он собирал все чеки и скрупулезно все записывал. И они абсолютно совпадают с тем, что мне рассказывала Солин. Он договорился, чтобы она отправилась в дом для незамужних матерей. Под «договорился» я имею в виду «заплатил». Вот только, когда младенец родился, Солин сообщили, что ее дочь умерла. А на самом деле малютку передали одной состоятельной паре из Бостона. Их фамилия – Лоуэлл. Те дали девочке

другое имя – Камилла. Впоследствии Камилла вышла замуж за человека по имени Джеффри Грант и тоже родила дочь. Назвали они дочь Авророй – или, коротко, Рори.

Не сразу, но спустя несколько мгновений до Энсона дошел смысл ее слов.

– Этого не может...

– Однако это так. Вот почему вы решили, что обе эти фотографии – Тии. Я похожа на нее, потому что я ее внучатая племянница. А еще я похожа на вас – потому что я ваша внучка.

Лицо его помрачнело.

– Если вы думаете, что получите от меня хоть...

Рори сдвинула книгу на его половину столика, оборвав Энсона на полуслове:

– Вот здесь все. Все до последнего пенни, что потратил на это ваш отец, включая и плату за молчание как результат шантажа. Также там есть копия постановления об удочерении, где Солин указана как настоящая мать. Отец ребенка отмечен там как неизвестный, хотя дата рождения идеально соотносится с вашей последней ночью в Париже.

Энсон на мгновение опустил веки, как будто напоминание о той ночи причиняло ему физическую боль. Открыв глаза, он кашлянул, прочищая горло.

– Мой отец жил в соответствии с собственными приоритетами, мисс Грант, и не терпел каких-либо преград. Разумеется, у него имелись на меня определенные планы, и эти планы не предполагали жены, если только ее персону не одобрил бы Оуэн Перселл. Я нисколько не сомневаюсь, что он действительно совершил то, в чем вы его обвиняете. На самом деле, все это совершенно в его духе. Но в данном случае у него были весомые причины сомневаться в искренности... моей *fiancée*^[55].

От того, с каким выражением Энсон произнес это слово – *fiancée* – у Рори кровь вскипела в жилах.

– Как вы можете так говорить?! Когда он выпроводил ее вон, она носила вашего ребенка!

– По-видимому, вам не приходило в голову, что я мог быть и не единственным мужчиной в жизни Солин. И что есть очень простое

объяснение тому, почему в документе не указан отец: потому что она и сама этого не знала.

Рори во все глаза уставилась на Энсона, ошеломленная этим его наигранным безразличием. И оно действительно было напускным. Она видела, как он стиснул зубы, как обхватил рукой стакан так, что побелели костяшки пальцев. Энсон не позволял себе поверить в истину, потому что для него это означало бы, что он слишком многое в своей жизни упустил.

– Вы сами не верите в то, что говорите, – ровным голосом произнесла Рори. – Я вижу, что не верите.

На щеке Энсона дернулся мускул.

– Я полагаю, мне самому следует судить, во что я верю, а во что – нет. Ей удалось убедить вас, что она такая страдальца, но я узнал об этом побольше. Неважно как – я просто это знаю. Так что давайте обойдемся без душещипательных сказок о том, как она сорок лет лелеяла свое несчастное разбитое сердце.

– Она так и не вышла ни за кого замуж.

Энсон приподнял свой стакан, уже почти пустой, и вперился глазами в то, что осталось на дне.

– Меня это совершенно не касается.

– Так ли?

– Это же очевидные вещи! Ведь она сама меня не искала.

– С чего ей было вас искать? Она ведь считала, что вы погибли.

Энсон резко вскинул голову:

– Погиб?

Наконец-то ей, похоже, удалось завладеть его вниманием!

– Когда пришла весть о том, что вы живы, ваш отец уже успел ее отослать. И ему было очень даже на руку то, что Солин продолжала верить в вашу смерть. И то, что вы поверили, будто она вас бросила. Он не просто отправил ее прочь – он позаботился о том, чтобы у нее никогда не возникло даже повода когда-нибудь вернуться.

С натянутым спокойствием Энсон посмотрел ей в глаза:

– Прямо целый роман получился.

– Ваша сестра может подтвердить то, что я говорю, если вы не верите мне. Она мучительно переживала, когда Солин уехала. Но знала она тогда лишь то, что сообщил ей отец, – то же, что сообщил и вам. А спустя годы она обнаружила эту бухгалтерскую книгу

и начала складывать все воедино. Она пыталась вам об этом сказать, но вы ей не позволили. А потому она решила, что вы, быть может, выслушаете меня.

На мгновение Рори показалось, что в глазах у Энсона мелькнула какая-то искра – словно крохотная щель приоткрылась в его ледяной броне, – но тут же исчезла.

– Я понимаю, что для моей сестры это слабое место. Они когда-то с ней тесно сдружились. Но мне все же любопытно: а вам-то самой что с того? После стольких лет – почему вы так переживаете? Вы уже не в том возрасте, чтобы кататься у дедушки на закорках или ходить с ним в походы с палаткой. Что вам за дело до всего этого?

– Почему я так переживаю? – эхом повторила Рори, уязвленная до слез его бесцеремонной отповедью. – Солин, как оказалось, моя бабушка. Но даже если бы она ею не была – она все равно моя хорошая подруга. И от вас мне *ничего* не надо. Я просто пыталась исправить то, что сорок лет назад пошло наперекосяк. Потому что я знаю, что довелось ей пережить, когда она узнала, что вы пропали без вести. И знаю, что это за ад, когда неизвестно, жив человек или нет, когда ты, может быть, никогда уже и не узнаешь, что с ним случилось, и даже с ним не попрощаешься. Я знаю, что это такое, причем совсем не понаслышке.

Рори отвернулась, чтобы вытереть с лица слезы, подавленная тем, что нечаянно вступила на собственную, столь личную, территорию.

– Мисс Грант...

Подняв взгляд, Рори увидела, что Энсон протягивает ей аккуратно сложенный, отглаженный носовой платок. Инициалы на сей раз оказались темно-синего цвета – однако они были. «Э. В. П.». Взяв платок, Рори промокнула глаза.

– Простите. Я не хотела позволять себе эмоции, но для меня это тоже слишком болезненная тема. И я действительно знаю, каково это – потерять кого-то, как потеряла она. И никогда не узнать...

Вся надменность в осанке Энсона как будто исчезла. Он подался вперед, сложив руки на краю столика.

– Ваш муж?

Морщинки вокруг его рта и глаз слегка разгладились, сделав его заметно моложе – и таким похожим на Камиллу в те минуты, когда она позволяла себе расслабиться.

– Мой жених, Хакс. То есть, простите, на самом деле его зовут Мэттью. Но фамилия у него Хаксли, и потому все друзья и знакомые называют его Хакс.

– И что с ним произошло?

– Он с миссией «Врачи без границ» отправился в Судан. Он педиатр. Однажды утром на клинику, где он работал, совершили налет. Подъехал фургон, и его вместе с двумя другими людьми насильно погрузили в машину и увезли неизвестно куда. Прошло уже девять месяцев, а до сих пор, похоже, никто и ничего о них не слышал.

– Мне очень жаль. Сейчас в мире крайне неспокойно, много разных группировок со своими интересами и требованиями. Однако не стоит опускать руки. Его похитители, кем бы они ни были, прекрасно знают, что единственный шанс получить то, что им нужно, имеет главное условие – сохранить жизнь заложникам. Возможно, все и кажется безнадежным, но поверьте, у меня уже есть кое-какой опыт по этой части. Федерация Красного Креста сотрудничает с правительствами по всему миру, пытаюсь возвратить домой тех, кто оказался в таком переплете. И то, что об этом ничего не слышно, еще не означает, что ничего не делается.

– Спасибо вам за поддержку, – пробормотала Рори, искренне благодарная за эти слова утешения. – Трудно верить в лучшее, когда нет ни малейших вестей, когда не представляешь, сколько еще может это продлиться, и уже не за что даже зацепиться надеждой. Я и представить не могу, как жить с этим сорок лет... Видимо, я надеялась...

– Что после сорока лет разлуки мы с Солин вдвоем направимся к закату, пока по экрану катятся титры? – Энсон откинулся на спинку стула, как будто ему необходимо было проложить между ними некую дистанцию. – Что мы станем одной большой семьей, будем вместе праздновать дни рождения и устраивать воскресные обеды? Боюсь, для этого уже слишком поздно.

У Рори жаром полыхнули щеки. Где-то в самом потаенном уголке души это было именно то, на что она надеялась. На мгновение перед ней открылась та сторона Энсона, с которой подобное было бы возможно. Она увидела в нем мужчину, предложившего свой платок женщине в слезах. Но стоило вернуться к теме Солин, как тот Энсон мигом испарился.

– Вы не верите в счастливый финал? – тихо спросила Рори.

– С некоторых пор – нет.

– Вот почему вы так и не женились?

– Не представляю, какое отношение это может иметь к делу – или, если уж на то пошло, к вашим личным интересам. Но, если вам угодно, давайте скажем так: я посвящен в некоторые факты, которыми вы не располагаете.

Рори сложила платок и протянула ему обратно.

– Не понимаю, что это означает, но если вы хотя бы просто приедете в Бостон...

– В этой истории нет никаких шансов на счастливый финал, мисс Грант. Порой что-то заходит уже слишком далеко, чтобы это можно было спасти. – Поднявшись, Энсон холодно кивнул: – На этом позвольте откланяться, у меня завтра ранний подъем. – Он небрежно положил на стол несколько купюр. – Очень сожалею насчет Мэттью. Надеюсь, в итоге все сложится наилучшим для вас обоих образом.

При виде удаляющегося из бара Энсона у Рори упало сердце. Она поверить не могла, что годы могли ожесточить его настолько, что он повернулся спиной к женщине, которую так сильно любил все эти годы, или что он захлопнул дверь перед возможностью наладить связь со своей дочерью. Но это было очевидно.

Она бросила в сумку фотографии, потом взяла в руки бухгалтерский журнал... и резко вскочила. Он ведь даже туда не заглянул! Если бы он это сделал, то, возможно...

«Да... еще возможно...»

Все в баре разом обернулись к Рори, когда она решительным жестом, едва не сбив со стола бокал, закинула сумку на плечо и помчалась к выходу. Выскочив в вестибюль отеля, она остановилась, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Наконец она заметила Энсона – тот почти уже скрылся за углом, направляясь к лифтам. Рори теперь уже практически бежала, отчаянно надеясь догнать его, прежде чем он уедет в лифте.

– Энсон! – громко позвала она, и голос ее эхом отразился от пустых стен коридора. – Подождите! Пожалуйста!

Энсон уже успел войти в лифт, когда вдруг увидел ее. На миг он замер, потом принялся тыкать пальцем в панель с кнопками, чтобы скорее закрыть дверь. Когда двери уже начали закрываться, Рори резко

протянула вперед руку. Двери дернулись на месте, словно сбитые с толку, потом разъехались по сторонам.

Энсон уставился на нее, слишком изумленный происходящим, чтобы как-то на это отреагировать. Рори тем временем сунула ему прямо в грудь бухгалтерскую книгу и тут же отступила назад. Возможно, он и бросит эти записи в мусорное ведро, как только доберется до своего номера, но, по крайней мере, она сделала все, что могла. Остальное уже зависело от него.

Глава 40

Рори

26 сентября 1985 года.

Бостон

Рори включила дворники на максимальную скорость, уже жалея, что не осталась дома и не забралась в ванну, как планировала. Однако, когда она вернулась из аэропорта домой, автоответчик передал ей сообщение от матери. Это было очередное приглашение на воскресный бранч (принимать которое Рори не собиралась), но также Камилла обмолвилась, что у нее на сегодняшний вечер билеты в театр, а это означало, что, если Рори поспешит, то сможет незаметно поставить фото на место, пока мать не заметила, что оно исчезло.

Рори чувствовала себя очень вымотавшейся после бессонной ночи. Она была такой наивной, надеясь, что Энсон, вернувшись в свой номер, только заглянет в отцовские записи и сразу изменит свое мнение. Но этого, естественно, не произошло. Ожидая, пока ей привезут завтрак, Рори попыталась позвонить в его номер – чтобы обратиться, так сказать, с последним словом, – однако на ресепшене сообщили, что мистер Перселл уже выписался из отеля.

Перед отъездом в аэропорт Рори позвонила Тии рассказать о встрече с Энсоном, и они сошлись на решении, что той понадобится еще пара-тройка недель, чтобы «обработать» брата. Так что в течение этого времени Рори ничего не следовало говорить своей матери, а следовало заняться тем, чтобы постараться устранить случившийся в их отношениях с Солин разрыв.

Когда она свернула на подъездную дорожку, в доме было темно, только сквозь занавески на окнах по бокам от входа просачивался из прихожей свет. Маминой машины тоже не было видно. Достав свой старый ключ от родительского дома, Рори подхватила с пассажирского сиденья сумку, вышла из машины и направилась к крыльцу.

Чувствуя себя вором-домушником, она проникла внутрь и почти на ощупь, полагаясь только на свет из прихожей, двинулась в гостиную. Впрочем, заскочила она сюда лишь на минуту – а потом

вернется к себе, залезет в ванну с пузырьками и чего-нибудь перекусит, проглядывая журнал. Или, может, пропустит сегодня ванну и сразу пойдет спать. Завтра ожидался чрезвычайно насыщенный день.

В гостиной Рори прошла вдоль дивана, мимо двух каминных кресел с ушками и наконец приблизилась к горке в углу. Стоило ей повернуть маленький ключик и открыть дверцу, как в гостиной зажегся свет.

– Аврора! Что ты бродишь тут в потемках?

Беззвучно шевеля губами, Рори судорожно пыталась придумать какую-нибудь отговорку. Камилла нахмурилась.

– Я увидела твою машину, подъезжая к дому. У тебя что-то... – Она осеклась, заметив в руках у дочери рамку с фотографией. – Зачем она тебе понадобилась?

– Я просто... – Рори окинула взглядом комнату, словно где-то в углу могло скрываться более-менее разумное объяснение ее действий. Однако ничего не нашла. – Я думала, ты в театре.

– Я там и была. Но у меня разыгралась аллергия, и в антракте я ушла. – Камилла поставила сумочку на подлокотник дивана, сняла с плеч расшитую переливающимся бисером шаль, встряхнула ее, разметав по сторонам оставшиеся после дождя капли, и отложила в сторону. – Аврора, что происходит? Ты не ответила и не перезвонила ни на один из моих звонков, а теперь я вдруг обнаруживаю тебя крадущейся тут в темноте. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Например?

– Я понятия не имею – но явно что-то происходит. Если тебе зачем-то понадобилась эта фотография, ты могла бы просто ее попросить.

На мгновение Рори решила было соврать, но у нее все равно это бы не получилось, тем более что мать хорошо знала, как она терпеть не может именно эту фотографию.

– Я не пыталась ее взять, – наконец ответила она. – Я ее возвращала.

– Откуда?

– На днях, когда тебя не было, я заехала сюда и... позаимствовала на время.

– Но зачем? – искренне опешила Камилла.

– Я только что вернулась из Сан-Франциско. А до этого ездила в Ньюпорт.

– Не понимаю. Какое отношение имеют Сан-Франциско и Ньюпорт к твоей детской фотографии?

Закрыв глаза, Рори глубоко вздохнула, готовясь все рассказать матери – от начала и до конца.

– Это связано не только со мной, но и с тобой тоже.

– Я не улавливаю смысла, Аврора. К чему вообще ты клонишь?

Рори опустила глаза. Сейчас она совершенно была не готова к этому разговору. Начать с того, что бухгалтерскую книгу и свидетельство об удочерении она отдала Энсону. У нее не было никаких доказательств того, о чем она собиралась сейчас заявить. И все же пути назад уже не было: Камилла ждала ее ответа.

– Я клоню к тому, что нам с тобой необходимо поговорить.

– О чем? – внезапно встревожилась Камилла.

Рори снова глубоко вдохнула и разом выложила:

– О твоих родителях.

Камилла тяжело опустилась на диван, сосредоточившись взглядом на ковре. Когда она наконец подняла голову, на лице ее читалась усталость и, как ни странно, облегчение.

– Как ты это выяснила?

Рори пристально посмотрела на мать, пытаясь осмыслить ее ответ. Она не спросила: «Что насчет моих родителей?». Она просто признала факт.

– Ты знала, что тебя удочерили?

Камилла кивнула.

– И давно?

– Мне было тогда десять. Предполагалось, что я не буду этого знать, но однажды, когда мать сильно на меня рассердилась, она случайно кое-что сказала. Она заявила, что ей не хватило ума вовремя сообразить, что из меня никогда не получится Лоуэлл, что я всегда буду швалью и что, будь у нее такая возможность, она собрала бы меня и отправила обратно. Я совершенно не поняла, что она имела в виду, однако спустя год, когда они с отцом поссорились, я снова услышала от нее это слово. *Шваль*. Не знаю, как у меня хватило духу, но я открыла дверь, вошла к ним в комнату и потребовала объяснить, почему она постоянно это повторяет.

Она вlepила мне пощечину, причем такую сильную, что у меня еще час звенело в ушах. Она была в бешенстве от того, что я подслушала их разговор, но глубоко в душе, мне кажется, она даже радовалась тому, что сказала мне наконец, что я не ее дочь. Отец с ней потом несколько недель не разговаривал.

Когда Рори попыталась это представить, у нее перехватило дыхание. Слышать, как женщина, которую Камилла всегда считала своей матерью, называет тебя швалью. Когда тебе без обиняков говорят, что из тебя ничего хорошего не выйдет. Неудивительно, что Камилла никогда не рассказывала о своем детстве!

– И все эти годы ты скрывала это от меня. Но почему?

Камилла сидела, не поднимая глаз.

– Я никому об этом не рассказывала. Даже твоему отцу.

– И папа об этом ничего не знал?!

– Моя мать стремилась выдать меня удачно замуж. Неважно за кого, главное – чтобы парень был из подходящей семьи. Она велела мне выбрать кого-нибудь – и дело с концом. Я выбрала твоего отца. Бросилась к нему первая, на самом деле. Он женился на мне из-за имени. И из-за наследства. Но мне это было неважно. Я вышла бы за него при любом условии. Но вот у моей матери были совершенно определенные оговорки. Она ясно дала мне понять, что если я расскажу твоему отцу, что я приемная дочь – если вообще кому-нибудь хоть слово пророню, – то она не оставит мне ни единого цента и этого моего замужества не случится. Не сомневаюсь, что она бы так и поступила, если бы я пошла ей наперекор. – Отвернувшись, Камилла покачала головой. – Меня никогда особо не интересовали деньги, но я ни за что не могла потерять твоего отца.

Рори постаралась вникнуть в эти слова, гадая, правильно ли она их расслышала. Она всегда считала, что брак ее родителей – нечто вроде дьявольской сделки, при которой обе стороны получают некую смутную компенсацию за сохранение этого союза без любви. Выходит, она ошибалась? Возможно ли такое, что ее мать по-настоящему любила Джеффри Гранта, когда выходила за него замуж?

– Но это было много лет назад. Ты хочешь сказать, что после всего, что между вами происходило, после всех ваших ссор и всех этих женщин... Ты хочешь сказать, что ты все равно его любила?

Камилла грустно улыбнулась, в ее глазах заблестели слезы.

– Я всегда его любила, Аврора. Всегда и независимо от обстоятельств.

Рори покачала головой, словно пытаюсь усвоить для себя эту неожиданную новость. Как же она раньше не замечала этой любви, проявившейся сейчас на материнском лице?

«Ты даже не представляешь, чего лишилась я».

Однажды, в момент их словесной перепалки, ее мать сгоряча произнесла эти слова. Тогда они для Рори не имели смысла – а сейчас вдруг обрели. Ребенком Камилла была отвергнута матерью, а позднее ее, уже взрослую женщину, стал отвергать мужчина, которого она любила. Снова и снова – в то время как подруги все это видели и откровенно жалели ее.

– Мне очень жаль, что ты все эти годы носила все в себе, что тебе не пришло в голову поделиться этим со мною.

Камилла пожала плечами:

– Видимо, я просто стыдилась.

– Стыдилась?! Чего же?

– Того, что была нелюбима, – ответила она, и под ресницами у нее засверкали слезы. Камилла потянулась к сумочке, достала из нее бумажный платочек и промокнула глаза. – К тому же я все-таки мать. Это ты должна искать во мне опору и утешение, а не наоборот. Что ж, я рада, что ты наконец узнала о моем удочерении. Я всегда боялась, что это однажды всплывет каким-то очень неприятным образом. Возникнет, например, какая-то проблема со здоровьем, и врачам понадобится наш семейный анамнез – а я даже не буду знать, что им ответить. – Неожиданно мать прищурилась: – А как тебе удалось это узнать?

– Случайно. – Рори посмотрела на фотографию в своей руке. Сами того не желая, они свернули к первоначальной теме разговора. – Скажи, а ты много знаешь о своих настоящих родителях?

Камилла задумчиво покачала головой:

– Только то, что я дитя войны и что моя мать отдала меня, потому что была незамужем. В те годы это было распространенным явлением. Многие молодые люди погибали, оставляя своих возлюбленных с детьми одних. Отец незадолго до смерти кое-что мне рассказал. У моей приемной матери – Гвендолин – случилось три выкидыша, ей стыдно было оставаться бездетной, в то время как у ее подруг было

по полному дому детей. А потому он втайне договорился насчет приемного ребенка. Я была для нее как утешительный приз.

– А он когда-нибудь упоминал, как звали твою настоящую мать?

– О, конечно же, нет. О таких вещах тогда принято было помалкивать, в особенности когда мать была незамужней. Это сейчас все куда более открыто – а в те годы эта тема вообще была под запретом. Моя мать категорически требовала, чтобы никто не знал, что я на самом деле не их дочь. Они с отцом отправились на целый год за границу – якобы доктор посоветовал. И надо же такому случиться – вернулись обратно здоровые и цветущие, и с дочерью на руках! Если кто-то что-либо и заподозрил, то виду не подал. Да и, конечно же, не стал бы что-то говорить, если хотел оказаться на хорошем счету у Лоуэллов. А этого хотели все.

– А твой отец? Я имею в виду настоящего, биологического отца.

– Никто и никогда о нем не упоминал, но я всегда считала, что он убит был на войне. – Камилла прижала пальцы к губам и покачала головой, как будто извинялась за внезапное проявление чувств. – Я была всей душой привязана к Джорджу Лоуэллу. Он был очень добрым и полным любви человеком, но он не был сильным и волевым. По крайней мере, во всем, что касалось матери. Он не способен был... защитить меня от нее. Помню, когда он умер, я подумала, что он наконец-то нашел верный способ от нее избавиться. Я не могла из-за этого обижаться на него, – но его уход оставил меня целиком в ее власти. Вот тогда-то я и начала грезить о своем настоящем отце. Я все пыталась представить, как он выглядел. Я видела его высоким и красивым – как прекрасный сказочный рыцарь. Настоящий герой, до последнего вздоха. Я все время размышляла: знал ли он, что я родилась, и думал ли когда-нибудь обо мне? Знаешь, у меня была острая потребность в это верить.

Слова Камиллы будто эхом отозвались в наступившей тишине. Рори опустилась на диван рядом с матерью, положив на колени фото в серебряной рамке. В ее детских чертах на снимке угадывался и Энсон, и Тия, и Камилла. Но не менее там ощущалась и Солин – с ее слегка заостренным лицом в форме сердечка и высокими скулами, с длинной шеей и точеным подбородком. Это проявившееся в облике смешение кровей было настолько очевидным – теперь, когда Рори знала правду.

Она решительно вручила фотографию Камилле, открыто встретив ее порядком озадаченный взгляд.

– Наш разговор начался с того, что ты спросила, зачем мне понадобилось это старое фото. Я ответила, что только что вернулась из Сан-Франциско. А теперь мне надо рассказать тебе все остальное.

Камилла едва заметно напряглась:

– Что остальное?

– Я выяснила кое-что еще. То, чего никак не ожидала узнать. Сначала я попросила одного давнего приятеля – журналиста из «*The Globe*» – помочь мне добыть какую-нибудь старую фотографию Энсона. Мне хотелось сделать для Солин приятный сюрприз. А через несколько дней...

– Кто такой Энсон?

– Это тот самый человек, за которого должна была выйти замуж Солин.

– А! Тот водитель «Скорой», которого убили на войне?

– Вот только оказалось, что нет.

– Что именно «нет»?

– Не убили. Он был ранен – очень тяжело ранен – и некоторое время пробыл в лагере для военнопленных, однако он не умер. Он все это время был жив, а два дня назад я встречалась с его сестрой в Ньюпорте.

Камилла нахмурилась, совершенно сбита с толку.

– Может, я что-то пропустила? Какое имеет отношение бывший жених Солин к твоей фотографии в восьмилетнем возрасте?

– До этого я еще доберусь, – пообещала Рори. Ей было понятно мамино нетерпение, но нужно было рассказать той очень многое и в то же время преподнести все осторожно. – Сначала я поехала в Ньюпорт, чтобы пообщаться с Энсоном. Но его там не оказалось, и вместо этого я поговорила с его сестрой Тией. Она достала свою детскую фотографию, причем очень похожую на эту – знаешь, как будто близнецы с разницей в тридцать лет! А еще показала мне кое-какие бумаги, которые нашла, разбирая документы и записки отца после его смерти. Старую бухгалтерскую книгу и копию сертификата об удочерении. Вот зачем я полетела в Сан-Франциско – чтобы встретиться с Энсоном и все это ему объяснить. Он сорок лет слонялся по миру, ненавидя Солин, поскольку был уверен, что она бросила его,

узнав про его покалеченные ноги. Но это была ложь, придуманная его отцом. Отец Энсона отослал ее подальше, потому что она была беременна. Мне необходимо было встретиться с ним и доказать то, что я успела узнать: что малютка, которую Солин тогда родила, – это ты.

Камилла побледнела, выражение ее лица стало жестким.

– Это неправда.

– Правда, мама, – тихо возразила Рори. – Я своими глазами видела «Постановление об удочерении», и там черным по белому были написаны имена Гвендолин и Джорджа Лоуэлл. И Солин там значилась. И твое имя. Отец отмечен там как неизвестный, но нет ни малейших сомнений, что это ребенок Энсона. Его отец заплатил одной женщине по имени Дороти Шеридан, чтобы она сообщила Солин, будто бы ты умерла вскоре после рождения. А на самом деле тебя отдали в другую семью.

– Нет.

– Она назвала тебя Асия, – продолжала Рори, будто не слыша это неустанное отрицание. – Это означает «приносящая утешение».

Камилла с недоверием помотала головой, глядя на дочь широко раскрытыми, словно остекленевшими глазами.

– То, что ты мне рассказываешь, Аврора, просто невысказано. После стольких лет... И шансы на то, что из всех людей... именно она...

– Я понимаю, это так сразу в голове не укладывается. И мне тоже это надо еще как следует переварить. Но все это – самая настоящая правда. Женщина, которая родила тебя, до сих пор жива, и находится здесь же, у нас, в Бостоне. И на прошлой неделе ты даже встретила с ней на ланче.

Камилла резко встала с дивана, отчего серебряная рамка со стуком упала на пол.

– Зачем ты мне все это говоришь? Неужели ты и правда так хочешь втянуть эту женщину в свою жизнь, что готова проглотить даже такой абсурдный вымысел? Или это мне такое наказание за то, что я в тот раз повела себя не лучшим образом?

Рори изумленно воззрилась на мать:

– По-твоему, я могла сочинить подобное просто тебе назло?

– Я говорю, что, по-моему, ты с готовностью в эту глупость веришь. Ты едва знакома с этой женщиной – а для тебя она уже едва ли не святая.

– Ты говоришь как Энсон. Он мне вчера вечером сказал примерно то же самое.

Услышав это, Камила почти обрадовалась.

– То есть Энсон тоже не поверил в эту историю?

– Тут вопрос не в том, поверил или нет. Я выложила перед ним все доказательства. Даже оставила бухгалтерскую книгу его отца. Но он мне ясно дал понять, что не заинтересован в воссоединении семьи.

– А что Солин? – с холодком спросила Камилла. – Как она изволила отозваться по поводу такого чуда?

– Она еще ничего не знает. Сейчас она со мной не разговаривает. После того ланча в «*Seasons*» она не отвечает на звонки и дверь не открывает.

– И в этом, как я понимаю, виновата я.

– Я этого не говорила. Но Солин можно понять. Отдаление для нее – самозащита. То, что произошло в тот день в кафе, она восприняла как нападки на нее – чем это, собственно, и было. Может, ты не слышала, что говорила, – а я слышала. И она тоже. И сейчас я слышу, что ты говоришь. По иронии судьбы тебе выпал шанс узнать свою настоящую мать, и, вместо того чтобы ухватиться за эту возможность, ты обвиняешь меня в том, что якобы я тем самым хочу тебя наказать. Я тебя не понимаю!

Камилла напряженно кивнула:

– Тут есть о чем подумать, Аврора. Уж извини, если мне потребуется на это больше времени, чем тебе бы хотелось. Может быть, Солин справится с этими новостями лучше, чем я. – Она наклонилась поднять упавшую рамку со снимком, прошла к горке в углу гостиной и еще пару минут неторопливо раздвигала другие предметы на полке, чтобы освободить место для фотографии. Когда Камилла снова повернулась к Рори, на лице ее читалось выражение бесстрастной покорности судьбе. – И когда ты ей об этом скажешь?

– Пока что нескоро. Тия еще надеется переубедить Энсона, поэтому я обещала подождать. Вряд ли это что-то даст, но мне в любом случае нужно время, чтобы наладить отношения с Солин.

– Как, по-твоему, она это воспримет?

– Боюсь, не очень хорошо. Ее может окончательно сокрушить то, что она потеряет Энсона снова – причем таким вот образом. А если добавить сюда тот факт, что дочь, которую она сорок лет оплакивала, тоже жива, но не хочет с ней иметь ничего общего... Я бы сказала, тут просто все предпосылки для полноценного нервного срыва.

– Аврора...

– Я устала, мама. Поеду домой.

Камилла ошеломленно посмотрела на дочь:

– Но ты не можешь сейчас взять и уйти. Нам есть еще о чем поговорить.

– Я уже наговорила сегодня. Я ужасно устала, и мне надо хоть немного поспать.

– Но ты приедешь на наш воскресный бранч? Только, пожалуйста, не говори, что ты будешь занята.

Рори именно это и хотела ей сказать. Но сейчас она вгляделась в мамино лицо. Камила выглядела измученной или, точнее сказать, потрясенной. Ей и в самом деле сейчас было что обдумать.

У Рори появилось такое чувство, будто сейчас на нее опустилась ответственность за всю эту семью вместе с ее нелегким багажом. И сегодня ей выпала возможность взглянуть на то, какой груз уже давно несла ее мать. Возможно, как и Энсон, она просто не желала – или не имела сил – взваливать на себя что-то еще.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Мне кажется, сейчас нам обеим нужно время, чтобы все это переварить.

– Прошу тебя, не уезжай от меня в гневе.

– Это не гнев, мама. Я просто глубоко разочарована. Солин, как выяснилось, не просто моя подруга. Она моя бабушка. И я не должна выбирать между вами. Но после того ланча я поняла, что ты ждешь от меня именно этого. Отчасти я надеялась, что эта новость все изменит, что у нас появится возможность все переиграть. Не только ради меня – но ради тебя и Солин. Ты и понятия не имеешь, каким ударом для нее была потеря ребенка, – а я это знаю. И единственное, о чем я могла думать, – это что она наконец-то обретет дочь, а у тебя появится та мать, которую ты заслуживаешь. Которая никогда не переставала тебя любить и желать. А у меня вы были бы обе – как в

самой настоящей семье. Но, похоже, Энсон прав. В этой ситуации просто невозможен какой-то счастливый финал.

Отвернувшись, Рори направилась в прихожую, но там обернулась к матери:

– Если тебе еще любопытно, как выглядит твой отец, то у меня есть дома его совсем недавняя фотография.

Камилла обхватила себя руками, как будто внезапно почувствовала себя очень уязвимой и беззащитной.

– Может, привезешь ее с собою в воскресенье?

– Может быть.

Глава 41

Солин

У Великой Матери имеются планы на любого, ею избранного. Уникальная стезя, проложенная специально для каждого из нас. А потому нам следует остерегаться отзвуков прошлых поколений и зорко следить за тем, чтобы их отзвуки не стали нашими.

Наша задача – не повторять прошлое, а извлекать из него уроки.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

27 сентября 1985 года.

Бостон

Ровно в восемь утра начинает трезвонить телефон. Я потягиваю кофе и стараюсь не обращать внимания на звонки, ругая себя за то, что не сняла трубку с рычага после того, как позвонила бакалейщику.

Не выдержав, хватаю трубку. В этот утренний час я даже не сомневаюсь, кто это может звонить.

– Да. Что тебе нужно?

– Доброе утро. Автоответчик Дэниела Баллантайна вызывает мисс Солин Руссель.

– Очень смешно. Так что тебе нужно?

– Просто мне позвонила Камилла Грант, мать Рори...

Эта новость застает меня врасплох.

– Я в курсе, кто она такая. Что ей понадобилось от тебя?

– Надо полагать, связаться с вами. Очевидно, Рори в какой-то момент упомянула при ней мое имя, раз Камилла меня вычислила. Она хотела получить ваш номер телефона. Но я предложил передать вам информацию. Она так и не сказала, зачем вас ищет, но была крайне настойчива, я бы даже сказал – чем-то взбудоражена.

– Я не стану ей звонить.

– Вы уже разговаривали с Рори?

– Нет. Зачем? Она что, сказала, что что-нибудь случилось?

– Нет, но голос у Камиллы был очень взволнованным. Она сказала, что для нее очень важно с вами переговорить. Может, вы все-таки позвоните ей... на всякий случай?

На случай... чего? Что может этой женщине понадобиться от меня? Я, как она и хотела, дала задний ход, удалилась в свое одинокое логово. И намерена здесь оставаться и дальше. Я не хочу больше унижений.

– Я не собираюсь разговаривать с этой дамой, – ледяным тоном заявляю я.

– Да что там случилось такое на том ланче?!

– Неважно.

– Ладно, просто запишите, пожалуйста, ее номер телефона, чтобы я мог спокойно вернуться к работе. Вдруг вам все-таки захочется просто узнать, в чем дело. Как я уже заметил, она мне показалась слегка взвинченной.

– Хорошо, диктуй номер.

Я быстро вытягиваю из ящика ручку и блокнот и записываю номер телефона, хотя не имею ни малейшего намерения им воспользоваться. Однако, уже повесив трубку, я смотрю на него, пытаюсь угадать, что же все-таки может от меня хотеть Камилла Грант.

Я приезжаю к дому Камиллы, уже жалея о своем решении. Явиться сюда наверняка было ошибкой, но когда я наконец сломалась и позвонила матери Рори, то поняла, что уже не способна отклонить ее приглашение на бранч. Она попросила возможности все переиграть, что у американцев означает «второй шанс». Почувствовав, что я заколебалась, Камилла попросила меня приехать ради Рори. На это я просто не смогла ответить «нет». И вот теперь, спустя два дня, я уже отчасти сожалею, что не отказалась. А отчасти – заинтригована, к чему все это ведет.

Когда я звоню в дверь, у меня внутри словно завязывается узел – такой иногда стягивался во мне, когда я при *Matan* осваивала наше ремесло. Словно ощущаю некий отзвук, что я не в силах объяснить. Меня так и подмывает скорее развернуться и уйти прочь. Но не

успеваю я сойти с крыльца, как дверь открывается, и передо мной предстает Камилла. Безупречность кремового цвета в тонком, полупрозрачном льняном одеянии с длинными нитями кораллов, свисающими почти до самой талии. Она пытается приветливо улыбнуться, однако улыбка быстро тает на губах.

– Мисс Руссель, большое вам спасибо, что согласились прийти. Прошу вас, проходите.

Она отступает от двери, давая мне возможность войти, и на мгновение мой взгляд падает на ее запястье, на браслет с золотыми подвесками. Их тихое позвякивание сразу уносит меня к тому дню в «*Seasons*» – именно так они и звучали, когда Камилла расправляла салфетку.

– Может быть, выйдем на террасу?

Камилла закрывает входную дверь, браслет вновь издает металлическое треньканье, после чего она проводит меня сквозь череду безликих, идеально обставленных комнат. Здесь все, как и описывала Рори: предельно аккуратно и безжизненно... стерильно. И на мгновение я ощущаю себя той, другой Солин, которая только что сошла с поезда в мятой несвежей одежде и потертых туфлях и чувствует себя мучительно и явно не к месту.

Кухня у Камиллы как в глянцевом журнале. Камень и нержавейка. Над плитой целая коллекция очень симпатичных кувшинчиков, которые, судя по всему, стоят там лишь для виду. Камилла предлагает мне кофе, и я с благодарностью киваю, не совсем пока что понимая, что вообще здесь делаю.

Она наполняет две чашки, ставит их на поднос рядом с молочником и сахарницей.

– Вот сюда, пожалуйста, – она еще раз пытается улыбнуться. Она тоже чувствует себя неловко, вдруг понимаю я, удивленная тем, что эта всегда невозмутимая, светская женщина испытывает стеснение в моем присутствии.

Камилла кивком указывает на распахнутые французские двери, и я выхожу за ней на вымощенную серой плиткой террасу. Рори нигде не видно, и все же стоящий там маленький красивый столик накрыт на троих. От красоты открывающегося с террасы пейзажа поистине захватывает дух: это чудесный вид на реку и протяженную зеленую парковую полосу Гринуэй.

Заглядевшись на прелестный вид, я вдруг ощущую спиной взгляд Камиллы. Обернувшись, вижу, что она стоит сзади, внимательно меня разглядывая. Поняв, что я смотрю на нее, Камилла отводит взор и указывает на кресла:

– Прошу вас, не угодно ли присесть?

Она снова пытается улыбнуться, усаживаясь в своем кресле. Я выбираю то сиденье, что от нее подальше, и беру с подноса чашку, сознавая, что на мне по-прежнему перчатки, и пока что не понимая, к чему вся эта затея.

– Спасибо, что пришли, – снова говорит Камилла, и я даже начинаю испытывать к ней сочувствие. Она кажется мне едва ли не напуганной, очень незащитной и тревожной. – Я попросила вас прийти пораньше, потому что хотела поговорить с вами до того, как приедет Аврора. Она мне сказала, что вы с ней не общаетесь после того ланча, и, боюсь, это полностью моя вина. Мы как-то неудачно начали... – Осекшись, она мотает головой: – Нет, не так. Это я неудачно начала. Я так ужасно вела себя в тот день, и мне хотелось объясниться... и принести извинения.

По тому, с каким усилием она выдавила последнюю часть фразы, очевидно, что эта женщина не привыкла перед кем-то просить прощения. Извиняться явно трудно для нее, и, чувствуя это, я непроизвольно смягчаюсь. Я потягиваю кофе, ожидая, что будет дальше.

– Я не знаю, что на меня нашло. Я слышала, что я говорю, но не могла остановиться. Как будто это говорила не я, а моя мать.

Тут она вдруг резко отводит взгляд, словно случайно сказала больше, чем собиралась сказать.

– Простите, что невзначай обмолвилась о своей матери... Просто я иногда ловлю себя на том, что в отношении к Авроре принимаю те же позы, что и она. Мы не всегда с ней... Мы во многом очень разные. Во всем, на самом деле. А потом, когда появился Мэттью... Хакс, – тут же поправились она. – Когда появился на горизонте Хакс, я восприняла это не лучшим образом. Я ничего о нем не знала и беспокоилась, что он не... – Она со вздохом снова умолкает. – Я клялась, что никогда не стану такой, как она. Что, когда у меня будет своя дочь, я буду вести себя с ней совсем иначе. А оказалось, что я порой очень похожа на нее.

– Вот вы и снова заговорили о своей матери.

Камилла кивает, и уголки ее губ опускаются, как у огорченного ребенка.

– Я никогда не была той дочерью, которую она хотела бы иметь, и она мне ясно давала это понять. – Тут она прижимает ладонь к губам. – Простите. Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы все это выслушивать. Просто мне на самом деле не с кем даже поговорить об этом, а вы... вы с Авророй так сблизились.

Она наклоняет голову, чтобы отпить кофе, и я смотрю на нее, заранее сознавая, насколько болезненно будет для нее то, что я собираюсь сказать. И зная, что нам необходимо порой услышать именно то, что ранит.

– Рори мне однажды сказала то же самое, – тихо говорю я. – Что она совсем не та дочь, о которой вы мечтали.

Камилла медленно поднимает голову, и я вижу, что мои слова ее потрясли.

– Аврора думает... – Глаза ее наполнились слезами. – Но это неправда. Я так ею горжусь. Очень горжусь. Она красивая и храбрая, и всегда четко знает, чем хочет заниматься и кем быть... – Запнувшись, она часто моргает, пытаясь избавиться от слез. – Она – это та я, стать которой у меня, увы, не хватило смелости в ее годы.

– Почему же *она* этого не знает?

Я знаю, это жестокий вопрос, но его необходимо задать. Камилла ставит на столик чашку и вытирает слезы – аккуратно, чтобы не испортить макияж.

– Я сделала много ошибок. Я все пыталась покрепче ее удержать. Себе я говорила, что якобы так нужно для ее защиты – но это не так. Никакой это не было защитой. Я просто пыталась подрезать ей крылья и удерживать рядом с собой. Когда исчез Хакс, она отдалилась от меня. И от всей прежней жизни, на самом деле. Я пыталась вернуть ее в прежнее русло, пыталась дотянуться до нее, но она отдалялась все больше и больше. А потом она встретила вас – и вся как будто сразу ожила. И с этой галереей... Она вернулась к этой затее и вновь заговорила о своем творчестве. Я знаю, как малодушно это может выглядеть... но у меня возникло такое чувство, будто вы можете ее у меня отобрать, а Аврора – все, что у меня есть в жизни. Вот почему я повела себя так. Потому что во мне разыгралась ревность... И страх.

Камилла отводит взгляд, устремляя его куда-то к горизонту. Я внимательно ее рассматриваю, и ее профиль кажется мне каким-то очень знакомым, как будто я уже всю жизнь ее знаю. Она очень похожа на Рори – и в то же время сильно отличается от нее. Снаружи она лощеная, хладнокровная и уверенная в себе, а под этим панцирем идеальности – множество слоев душевной боли. И я чувствую, как сердце мое делает шаг к ней навстречу.

– Никто не в силах отнять ее у вас, Камилла. Она ваша дочь. Это узы на всю жизнь. Это то, что намного сильнее родственной крови и общих воспоминаний. Вы связаны с ней отзвуками души.

Камилла снова оборачивается ко мне, и между бровями у нее пролегает тонкая морщинка.

– Отзвуками? – непонимающе переспрашивает она.

Я улыбаюсь, потому что, как мне кажется, ей сейчас очень нужна моя улыбка.

– Так частенько говорила моя мать. Она верила в то, что каждый из нас обладает собственным отзвуком. Это как отпечаток пальца – только бесплотный. И верила в то, что эти отзвуки души соединяют нас с теми, кого мы любим, связывая нас навеки.

Она пристально смотрит на меня широко раскрытыми и еще блестящими от слез глазами. Я не могу понять, что означает ее взгляд, но чувствую в нем какую-то острую жажду, потребность выговориться, и в то же время как будто некое сопротивление.

– А сами вы... в это верите? – спрашивает она наконец. – В то, что эти отзвуки связывают нас навеки?

Голос у нее хриловатый, даже сдавленный от нахлынувших чувств, и я вдруг с удивлением понимаю, что она сейчас передо мною с обнаженной, ничем не прикрытой душой, точно беззащитное дитя. И горло сжимает внезапная боль, так что становится трудно дышать. Я испытываю глубокое смятение, чуть ли не до головокружения, но Камилла по-прежнему смотрит на меня в ожидании ответа.

Прежде чем я успеваю сообразить, что ей сказать, Камилла быстро ставит чашку и вскакивает с кресла. Вид у нее очень взволнованный, почти виноватый.

– Стукнула дверь. Это Аврора.

Она собирается пойти к прихожей, когда внезапно в дверях появляется Рори. Когда мы встречаемся взглядом, она слегка

ошарашена, что видит меня здесь. В ее глазах и радость, и страх, и я понимаю, что мать ее не предупредила обо мне. В руках Рори держит большой конверт из манильской бумаги. Сунув его под мышку, она пристально смотрит на Камиллу:

– Что происходит?

– Ой, как славно, что ты приехала! – восклицает Камилла, умудряясь одновременно казаться и взбудораженной и довольной. – Мы с Солин просто немножко поболтали.

Рори переводит взгляд на меня, затем, прищурясь, снова на мать.

– Мы с тобой это обсудили...

– Нет-нет, мы просто познакомились немного поближе. Поболтали, знаешь, по-девичьи.

– Ты мне оставила сообщение, чтобы я приехала как можно скорее. Я решила, что-то стряслось.

– Я это сказала лишь потому, что знаю, как ты была бы рада повидаться с Солин. Я подумала, что было бы замечательно собраться на воскресный завтрак втроем.

– Вот только мы с тобой уже все обсудили. Что ты затеяла?

Рори старается говорить тихо, но ее слова все равно звучат резко. Она явно злится. Камилла поворачивается, беспокойно оглядываясь на меня через плечо. Пытается улыбнуться – и снова неудачно. Мне не отделаться от ощущения, что обо мне идет какой-то разговор, в который я не должна быть посвящена.

– Прошу тебя... – Камилла хватает руку Рори и удерживает ее обеими ладонями. – Я лишь пытаюсь все исправить, Аврора. Я помню все, что ты сказала. Каждое слово. Я просто хочу, чтобы мы... – Она умолкает, отпуская руку дочери. – Я хочу, чтобы все мы стали друзьями. Хорошими, добрыми друзьями. А теперь иди поговори с Солин, пока я подам на стол еду.

По-прежнему встревоженная, Рори вытаскивает из-под мышки конверт и отдает матери. Помедлив немного, пока Камилла скроется на кухне, Рори подсаживается ко мне за стол.

– Я даже не представляла, что увижу вас здесь. Вас она тоже обхитрила?

– Она позвонила Дэниелу, а Дэниел позвонил мне. Камилле было очень неловко после того ланча, поэтому она пригласила меня сегодня

на завтрак. Она была настроена очень решительно и просто не приняла бы отказа.

– Я прошу прощения. У нее всегда был очень напористый характер. Как вы?

– Вполне неплохо.

– Знаете, я пыталась до вас дозвониться. Потом приехала и долго звонила, стучала в дверь. Вы не отозвались, и я оставила записку.

– А потом подослала Дэниела, чтобы он шпионил за мною через кухонное окно.

– Я начала беспокоиться. В тот день, когда вы так стремительно ушли, вы были сильно расстроены. Я хотела попросить у вас прощения, но вы не брали трубку. Я приношу искренние извинения за мамино поведение.

– Зачем ты извиняешься за действия своей матери? Это она делала, а не ты. И у нее были на то свои причины, которые можно понять.

У Рори округляются глаза. Она явно удивлена и, возможно, даже задета тем, что я, пусть и в некотором, принимаю сторону ее матери.

– То есть теперь вы ее защищаете?

– Она была напугана, *chérie*. А люди, когда боятся, порой накидываются на других.

– Боялась... вас?

– То, как человек ведет себя с нами, Рори, на самом деле, *с нами* вовсе не связано. Это связано с ним самим. Твоя мать вела себя в тот день таким образом, потому что чувствовала угрозу. Она хотела ясно дать мне понять, что ты – *ее* дочь. Потому что она очень боится тебя потерять.

Рори недовольно бросает взгляд на открытые французские двери.

– Тогда пусть перестанет делать все, чтобы меня подальше отогнать. Она ведет себя так, будто я не заслуживаю собственной жизни. Будто ей решать, что я делаю и кем хочу быть. Мое творчество, галерея, даже друзья, которых я себе выбираю, – все словно крутится вокруг нее.

Я до глубины души проникаюсь ее гневом. Налицо ожесточенное перетягивание каната между матерью и дочерью. Противоречие это старо как мир, ибо всегда находятся матери, которые лучше знают, как надо. И всегда находятся дочери, знающие это еще лучше. Такое

противоречие рано или поздно встает на пути у каждой женщины: потребность формировать кого-то по своему образу и подобию – и неприятие попыток формирования извне.

– Матери всегда крайне тяжело расстаться со своим дитя, – грустно улыбаюсь я. – Ты так долго была частью ее жизни, составляла, собственно, весь ее мир – а теперь вдруг ты стала взрослой, и у тебя своя жизнь. Ей сейчас очень одиноко.

– Как ей может быть одиноко?! У нее в ежедневнике свободного дня не найдешь! Она только и делает, что порхает: то на какой-то ланч, то играть в карты, то в театр. И вокруг нее постоянно крутится какая-то свита. Особенно с тех пор, как умер отец, – хотя и не скажешь, чтобы он ее часто куда-то сопровождал.

– Совсем не обязательно находиться в одиночестве, чтобы чувствовать себя одиноко, *chérie*. Это совсем не одно и то же. Каждый из нас по-своему справляется с потерями, изобретая свои способы заполнить пустоту. Вот почему ее ежедневник так переполнен. И потому-то у нее такие собственнические наклонности. Она хочет быть частью твоей жизни, вот только не знает как.

Рори складывает руки перед собой и тяжело вздыхает. Она кажется такой юной и капризной, когда сидит вот так, скрестив руки у груди. Ее явно раздражает то, что я защищаю ее мать. Однако этот разрыв между ними необходимо ликвидировать до того, как он превратится во что-то ледяное и непоправимое. Быть может, именно для этого судьба подбросила меня в их жизнь? В качестве посредника мира?

– Знаешь, у нас во Франции говорят: *tu me manques*. Буквально это означает: «Тебя во мне недостает». Не «я по тебе скучаю», как обычно говорят у вас, а «тебя во мне недостает». Как будто та часть тебя, которая была частью меня, внезапно исчезла. То же самое происходит сейчас и с твоей матерью. В ее жизни – там, где прежде была ты, – осталась пустота. Вакуум. И она не представляет, чем его заполнить.

Рори поглубже усаживается в соседнем кресле и угрюмо умолкает. Похоже, она еще не готова расстаться со своим гневом.

– Камилла понимает, что совершила много ошибок, Рори. Вот почему она попросила меня сегодня прийти к вам. Чтобы загладить свою вину и помириться. Не только со мной, но и с тобой тоже. И, мне кажется, ты должна ей это позволить.

– Вы ее не знаете.

– Не знаю. Но она считает, что мы втроем вполне можем быть друзьями, и я считаю так же. Что-то все-таки свело всех нас вместе. Не знаю, как и зачем это случилось, – но ты не можешь этого отрицать. Возможно, нам предназначено каким-то образом помочь друг другу заполнить пустоту в душе.

Она так странно смотрит на меня, будто я сказала нечто совсем невероятное, сверхъестественное, и она готова меня поправить. И на долю секунды меня охватывает страх от того, *что* она может сказать. Я боюсь, что этот наш маленький, только-только объединившийся кружок вдруг будет разрушен. Неожиданно для себя я понимаю, что не хочу этого.

В этот моментя слышу, как тренькает браслет Камиллы, и она выносит на террасу заставленный поднос.

– Как это все-таки замечательно, – сияет она улыбкой, – что мы все трое наконец собрались вместе!

Глава 42

Рори

18 октября 1985 года.

Бостон

С нарастающим страхом Рори смотрит на пустое пространство одной из стен. Двое суток назад ей позвонила Дира Петри и объяснила, почему за десять дней до открытия галереи ее произведения до сих пор не прибыли на экспозицию. Оказалось, на нее вышла одна дизайнерша по интерьерам, которая захотела приобрести все картины Диры, кроме двух, для внутренней отделки нового офисного здания. Она, мол, очень неловко себя чувствует, что поставила Рори перед этим фактом чуть ли не перед самым открытием, но все же просит разорвать их соглашение, чтобы она могла продать свои работы.

Они условно договорились запланировать что-нибудь на будущее, и Рори пожелала ей удачи. Она никак не могла бы встать на пути такого замечательного предложения, но в то же время и понятия не имела, чем заполнить это пустое место в столь короткий срок.

В довершение ко всему, в любую минуту должны были приехать Камилла с Солин. Им обоим впервые предстояло увидеть галерею, и Рори с нетерпением ждала возможности провести их по всей экспозиции. Вот только ей не давала покоя перспектива откровенно пустующей стены в преддверии торжественного открытия. Не самое лучшее предзнаменование.

А ведь она так радовалась тому, как все сложилось! Брайан сделал потрясающую работу, сумев и уложиться в бюджет, и закончить ремонт на две недели раньше срока. Выбранная ею цветовая гамма – в матовых оттенках от угольного темно-серого до шиферно-серого – придавала интерьеру немного производственный вид, однако старательный подбор элементов подсветки и, особенно, отремонтированные светильники в стиле ар-деко добавляли помещению нужную долю шика. Даже расстановка произведений прошла без сучка без задоринки! Пока не позвонила Дира, похваставшись своими, ужасными для Рори, новостями.

– Аврора, детка! Ты здесь?

Когда раздался голос Камиллы, Рори вздрогнула от неожиданности. Она не слышала мелодии от входа, но, судя по всему, как раз наступило назначенное время.

– Сейчас подойду! – отозвалась она.

Увидев Солин с матерью, ожидавших ее у дверей, Рори мгновенно обрадовалась. Они были совсем непохожи: Камилла унаследовала светлые глаза и волосы Энсона, а Солин была темноволосой и темноглазой, – и тем не менее, когда эти две женщины стояли рядом, в них ощущалось неуловимое сходство, словно их связывала некая невидимая, но прочная нить.

Еще месяц назад Рори даже представить не могла, чтобы они вместе проводили время. Но за минувшие недели Камилла и Солин на удивление быстро сблизились.

Было так радостно наблюдать, как Солин снова стала выбираться в люди, а еще Рори была одновременно взволнована и приятно изумлена тем, как быстро привычный мамин образ хладнокровной и чопорной дамы в бежевом сменился чем-то ярким и даже игривым – благодаря походу в «*Bella Mia*» и консультациям с Лайлой в «*Neiman Marcus*’е». Судя по всему, для Камиллы Солин тоже стала феей-крестной. И Камилла была счастлива благодарить ее за добро – приглашая Солин на официальные завтраки и в походы по магазинам, и даже на балет на прошлой неделе.

Солин заполнила в жизни Камиллы ту лакуну, о существовании которой та даже не догадывалась, значительно ослабив потребность матери цепляться за Рори и все контролировать. За счет этого Рори смогла спокойно сосредоточиться на своей галерее. И похоже было, что их троица теперь взяла за обычай постоянно собираться на воскресном бранче у Камиллы.

На такое Рори не смела даже надеяться! Но что произойдет, когда они наконец откроют Солин правду? Конечно, не все новости будут так уж плохи. По крайней мере, Солин воссоединится с дочерью и внучкой. Но даже при этом в душе ее останется горечь на все оставшиеся годы. И, разумеется, вести об Энсоне могут сокрушить ее окончательно. Достаточно ли будет новообретенной кровной близости с Камиллой и Рори, чтобы Солин смогла пережить этот новый удар?

Еще и Камилла начала то и дело сетовать, что чувствует себя с Солин неискренней и лицемерной, и Рори опасалась, что в один

прекрасный день та просто возьмет и выложит Солин всю правду. И эта неосторожность закончится настоящей катастрофой.

Она договорилась, что даст Тие время, но, судя по последнему их разговору, на этом фронте дело ничуть не продвинулось. Сразу же после встречи в Сан-Франциско Энсон уехал за границу и на звонки не отвечал. Рори не слишком была этому удивлена, но в ней все-таки жила капля надежды, что переговоры Тии с ним будут успешными, что внезапно с глаз Энсона спадет пелена и, несмотря ни на что, станет возможным счастливый финал. Однако с каждым новым днем такой исход казался все менее вероятным.

– Итак, – нетерпеливо хлопнула в ладоши Камилла, – мы готовы к экскурсии. Мы ведь на одиннадцать договорились, верно?

Рори заставила себя улыбнуться:

– Верно.

Взгляд ее скользнул к Солин, которая разглядывала все вокруг с искренним интересом. Она впервые здесь оказалась после того ночного пожара, случившегося четыре года назад, и Рори очень переживала за ее реакцию. Последние воспоминания Солин об этом доме вряд ли можно было назвать добрыми.

– Это просто изумительно! – пробормотала она наконец. – Я здесь жила и работала почти что тридцать пять лет – и я с трудом узнаю это место! Как тут все красиво! И ты оставила на лестнице эту чудесную решетку! Как замечательно!

Рори сразу стало легче.

– Я так рада, что вам нравится! Мне действительно хотелось сохранить кое-какие детали в дань уважения к истории этого здания. Осталось еще немного поработать над сильной акустикой из-за голых полов. Когда здесь пусто, то гуляет громкое эхо. Но в целом мне очень нравится то, как здесь все получилось.

Камилла, быстро обойдя основной зал, вернулась и взглядела в лицо Рори.

– Что-то не так? – нахмурилась она. – Что-то тебя беспокоит, не так ли?

– Нет, просто немного взвинчена перед открытием. А еще – устала. Последняя пара недель прошла как в тумане. То рассылка приглашений, то организация фуршета и музыки. То работала со всеми

художниками по очереди, чтобы получше разместить их работы. Слишком много всего.

– Но теперь-то уже все это позади. И только посмотри, как получилось! Представить невозможно, сколько ты здесь всего сделала! Такие цвета и такая строгость линий. И то, как ты использовала подсветку для создания настроения. Получилось очень эффектно – и в то же время умиротворяюще. Тебе удалось достичь идеального сочетания изящества и артистизма.

Рори все ожидала услышать неизбежное «но», за которым обязательно последует целый перечень того, что следовало бы сделать иначе. Вроде: «Но вот это надо немного...», или «Быть может, тебе лучше было бы, или «А ты не находишь...». Однако ничего подобного не услышала. Ее матушка просто смотрела по сторонам и улыбалась.

– Спасибо. Так вы готовы увидеть все остальное?

– Веди! Мы хотим увидеть все!

Рори показала им все семь коллекций, каждую из которых предваряла настенная табличка из оргстекла с фотографией художника и краткими сведениями о его жизни и творчестве. По пути она показывала свои любимые произведения, объясняя особенности материалов и использованные при их создании техники. Для Рори это была хорошая практика, и она с радостью обнаружила, что все, выученное ею наизусть, вспоминалось с такой легкостью.

Закончила она экскурсию своей излюбленной коллекцией: объемными витражными работами Кендры Патерсон из морского стекла, которые, как оказалось, очень полюбились и ее матери – в особенности большая волнистая скульптура под названием «На гребне волны». Это было совершенно потрясающее зрелище: океанская волна, сложенная из тысяч выглаженных морем стеклянных осколков, цвет которых варьировался от белоснежного и светло-зеленого оттенков пены до чернильно-синих оттенков водорослей, включая все промежуточные тона.

– Просто дух захватывает! – завороченно выдохнула Камилла. – И ведь как талантливо все сделано. Не представляю, сколько терпения нужно, чтобы выполнить такую работу – не говоря уже о настоящем мастерстве. В жизни не видела ничего подобного!

Рори очень польстила реакция матери на этот «гвоздь программы», венец всех семи ее коллекций.

– Вот и я то же самое подумала! Я нашла ее совершенно случайно, через другую художницу, и я безумно рада, что ее работа будет на открытии галереи.

Солин медленно обошла постамент, сцепив перед собою руки в перчатках, словно таким образом не позволяла себе протянуть руку и потрогать экспонат.

– Чем дольше на нее смотришь, тем больше кажется, что она движется – точно настоящая волна. Интересно, а скульптор знает, сколько кусочков стекла ушло на каждую конкретную работу?

– В первое время знала. Но по мере того, как скульптуры становились все больше и сложнее, она перестала считать. Но каждый кусочек стекла собран собственноручно Кендрой и ее мужем. Они объездили, можно сказать, пляжи всего мира. Даже не представляете, что творится у них в студии! Там полным-полно...

– Аврора? Детка? – донесся голос Камиллы с другого конца галереи. – А что предполагается повесить здесь?

Пока они разговаривали с Солин, мама отошла довольно далеко, однако Рори, и не оборачиваясь, поняла, что речь идет о пустующей стене, где должны были висеть акриловые картины Диры Петри.

– От меня позавчера ушла одна художница.

– О нет! Как это ужасно! И вообще, не очень честно так поступать накануне открытия.

Рори пожала плечами, стараясь не выдать собственного разочарования.

– Она получила выгодное предложение от декоратора, предложившего купить все ее картины, за исключением двух. И я не посмела помешать ей продать работы. А теперь осталось всего восемь дней – и я совсем не представляю, чем заполнить эту стену. Наверное, придется взять какие-то разрозненные работы. Понадобится разобрать одну из стенок отсека, сдвинуть экспонаты, немного перенаправить подсветку. Но я успею сделать вовремя. Только вот я иначе видела свою экспозицию для торжественного открытия. Впрочем, у меня есть несколько дней, так что я еще не сдалась окончательно.

– А знаешь, – молвила Солин, задумчиво разглядывая пустующую стену, – мне знаком один художник, чьи работы просто идеально сюда

впишутся. И они исключительно оригинальные. Все это, конечно, очень скоропалительно, к тому же она сейчас крайне занята. Но мне кажется, я смогу, как говорится, взять ее за жабры. Она у меня в некотором долгу.

Рори едва не вскричала от радости. Она и понятия не имела, что у Солин есть свои связи в мире искусства. Ее фея-крестная вновь готова ее выручить!

– А она здешняя? Пожалуйста, скажите, что да!

– Абсолютно здешняя.

– Не могли бы вы ей позвонить? Я готова встретиться с ней, где ей будет удобно.

Солин взглянула на нее со свойственной ей насмешливо-иронической улыбкой:

– Я говорю сейчас о тебе, Рори, и о твоём творчестве. Твоя работа прямо просится сюда, на эту стену. Это будет идеальным переходом от скульптуры из кусочков морского стекла. И тебе ничего не придется передвигать.

Рори шумно выдохнула, точно вышел воздух из пробитой шины.

– Я думала, вы серьезно.

– Вполне серьезно. И совершенно серьезно говорила об этом в прошлый раз. Ты ведь помнишь мои слова?

Рори их, конечно, помнила – но тогда отнесла, скорее, к великодушию Солин.

– Но они не... Они здесь совсем будут не к месту, рядом со всеми этими творениями.

– О, *ta rêche*... Неужели ты сама не видишь? Твоя работа здесь будет более чем к месту. Эта женщина не случайно нарушила договоренность. Именно этому и суждено было произойти!

– Но тогда получится всего пять произведений на целую стену.

– Идеально! – с уверенностью вставила Камилла. – У них будет пространство, чтобы «дышать».

Рори изумленно повернулась к матери:

– И *ты* тоже считаешь, что мне стоит это сделать?

– Ну да. Солин права, солнышко. Этому действительно суждено было случиться.

– Но ты же всегда говорила...

– Забудь о том, что я говорила. Мне давно следовало поддержать тебя в этом начинании, и я жалею, что этого не делала. Но я готова подбодрить тебя теперь. И вовсе не потому, что возникла необходимость. А потому, что твоя работа действительно прекрасна и очень оригинальна, и ей самое место здесь, на этих стенах. Пожалуйста, скажи, что ты согласна. Или, по крайней мере, что ты об этом подумалась.

Рори сдержанно улыбнулась, тронутая этими неожиданными словами матери. Но думать об этом не было необходимости. У нее и так было достаточно забот, чтобы еще задаваться вопросом, как воспримут ее работу, если она будет висеть по соседству с картинами настоящих художников.

– Ну, что ж, экскурсия закончена. Если только вы не хотите посмотреть, что у меня наверху.

Камилла быстро подмигнула Солин и подхватила Рори под руку.

– На самом деле, у нас с Солин есть для тебя сюрприз.

Нельзя сказать, что Рори порадовало это сообщение. Ей уже хватило сюрпризов за последнюю неделю.

– И что за сюрприз?

– Ну что ты, Аврора, в самом деле! Не будь такой подозрительной. Это приятный сюрприз. Обещаем.

Как по команде, Солин достала из-за ближней двери фирменный пакет «*Neiman Marcus*» и протянула Рори.

– Это тебе, – сказала она с хитроватой кошачьей улыбкой. – От нас обеих.

Рори отнесла пакет к приемной стойке и вытащила из него большую плоскую коробку. Задержав дыхание, она подняла крышку и извлекла оттуда шелковый костюм насыщенного бордового цвета. Скроен он был как смокинг, с черными бархатными лацканами и застежкой на одну пуговицу. Рори взглянула на ярлычок: «*Valentino*».

– Это же, должно быть, целое состояние! – Она провела ладонью по нежному бархатному лацкану. – Какой великолепный костюм!

– Это тебе для открытия, – пояснила Солин. – Если, конечно, ты не купила себе что-нибудь другое.

Рори помотала головой, аккуратно складывая костюм обратно в коробку.

– Если честно, я даже об этом и не задумывалась.

Камилла откинула голову, разразившись своим легким звенящим смехом:

– Вот видишь! Я же тебе говорила! Она никогда не задумывается, что ей надеть. В детстве для нее одеться на Хэллоуин означало нацепить хоккейные наплечники и шлем или же фуражку кондуктора со спецовкой. Никогда не наряжалась принцессой или феей, как другие девчонки. А теперь посмотри-ка... – Она осеклась, часто-часто моргая, как будто эмоции застигли ее врасплох. – Такая взрослая, да еще и художник. И даже с собственной художественной галереей. – Пальцы ее скользнули к нитке жемчуга на шее и принялись беспокойно крутить бусины. – У тебя была мечта – и ты ее исполнила. Немногие на свете способны этим похвастаться, но ты можешь сделать это с полным правом, и я счастлива за тебя. Ты этого достойна, Рори!

Теперь пришла очередь Рори быть застигнутой врасплох. Не *Аврора* – а *Рори*. Это было что-то новенькое!

– Спасибо, – низким взволнованным голосом ответила она. – Спасибо вам обеим. У меня даже слов нет, как я счастлива, что вы обе будете присутствовать на открытии галереи.

– Ты просто примерь, а мы пока пойдем. – Камила склонилась поцеловать Рори в щеку. – Мы сейчас на ланч, а потом пройдемся по магазинам. Солин согласилась помочь мне подобрать ботильоны. Я думаю купить замшевые.

Рори проводила их на улицу, задержавшись в дверях, пока мать с Солин не смешались с потоком пешеходов, спешащих по Ньюбери-стрит. Ланч и поход за обувью... Это тоже было что-то новенькое.

Когда Рори вернулась домой, она была вымотана до предела. Всю оставшуюся часть дня она провела у телефона в поисках художника, чьи работы могли бы заполнить стену, отведенную для Диры Петри. Из пятерых, до которых Рори сумела дозвониться, четверо сказали, что могли бы отправить к открытию одну-две своих работы, но никто из них не сумел бы присутствовать на церемонии открытия. Так что, скорее всего, ей придется довольствоваться подборкой разрозненных произведений вместо единой коллекции... Если только не последовать настойчивому предложению Солин.

Неслышно пройдя по коридору, Рори включила свет в гостевой комнате, и ее взгляд мгновенно устремился к висящей позади стола работе: высокий гранитный маяк, непокорно возвышающийся среди шторма. Это было самое крупное из ее творений и, пожалуй, одно из лучших. В кладовке хранятся еще четыре, всего получается пять. Рори вытащила свои работы на свет, разложила рядышком. Что ж, может, и подойдут на первое время, пока она не найдет другую коллекцию им на замену. Но нужен еще один экспонат – для более гармоничного восприятия.

Рори прошла к одному из станков с пяльцами, стоящему у окна, провела ладонью по так и не законченному пейзажу, растянутому между планками-держателями. Зимняя гавань с полоской белого тумана, стелющегося по воде. Осталось сделать только небо: проблески бледного зимнего солнца, пытающегося пробиться сквозь низкие рваные облака. Шелк цвета олова, барвинково-синий муар, лоскутки мягкой серой фланели. Изобразить свет будет непросто. Может быть, взять для этого кусочки серебряной парчи? Рори была больше чем уверена, что в ее закромах есть какие-нибудь подходящие обрезки. И у нее оставалась целая неделя для работы. Если начать сегодня же вечером, то она сумеет закончить шестую работу к открытию.

От этой мысли внутри у нее словно все затрепетало. Неужели она действительно рассматривает подобный вариант? Слова Камиллы этим утром задели в ней неожиданную струну – Рори услышала не только изъявление материнской гордости, но и совместно упоминание этих женщин: Камилла и Солин объединились, чтобы поддержать ее, как самая настоящая семья. Три женщины, которых – через моря и годы, сквозь множество потерь – свела вместе череда разных событий, которые они сами были не в силах объяснить. Три отдельные нити, ныне переплетенные в единое целое. Хрупкие и уязвимые поодиночке – но ставшие гораздо сильнее теперь, оказавшись рядом.

И когда придет время, им надо быть очень крепкими и стойкими – чтобы помочь Солин все пережить. Открытие галереи ожидается через восемь дней. Как только будет преодолен этот рубеж, сразу понадобится связаться с Тией по поводу окончательной даты разговора с Солин. Рори и так тянула так долго, как подсказывала ей совесть. Дальнейшее затягивание лишь продолжит ложь Оуэна – а лжи и без

того в этой истории слишком много. Уже пришло время раскрыть правду – и будь что будет, пусть карты лягут как получится. Рори лишь надеялась, что, когда это случится, Солин найдет утешение в своей новообретенной семье и, пережив потрясения, продолжит восстанавливать свою жизнь.

Глава 43

Рори

26 октября 1985 года.

Бостон

Рори посмотрела на часы и три раза глубоко вздохнула. Галерею предстояло открыть через час, и все уже было готово к приему гостей. У входа в зал был обустроен небольшой бар, где предлагались всевозможные вина и импортное пиво. На небольшой буфетной стойке в глубине вестибюля были расставлены блюда с холодными закусками. В укромном уголке сидел нанятый Рори гитарист, исполняющий классику. И все семь художников, участвующих в вернисаже, прибыли вовремя и теперь столпились у входа, оживленно болтая в ожидании открытия галереи.

Мама и Солин укрылись наверху, делая вид, будто пошли поудрить носы, на самом же деле давая ей передышку и пространство, чтобы собраться с духом. И Рори была им за это признательна. Последняя неделя была наполнена какой-то одержимостью творчества, добавляемыми в последний момент деталями, штрихами, отчего оставалось мало времени для сна, а уж тем более для размышлений. И вот теперь, когда единственное, что ей осталось сделать – это перевернуть на двери табличку со словом «Открыто» и отпереть замок, Рори требовались эти несколько мгновений тишины, чтобы успокоиться и включиться в настоящее.

Ею завладело совершенно нереальное ощущение, когда она стояла в этом месте, созданном ею, можно сказать, из воздуха, – как будто ей случилось оказаться в чьих-то грезах. И в каком-то смысле так оно и было. Еще несколько месяцев назад этот дом, подпираемый с боков «соседями» по сплошной застройке, стоял заброшенным и опустошенным – однако он не был пустым. Ее бабушка когда-то воплощала здесь свои мечты и сумела оставить после себя немного магии – точно собираемые по крохам улики, которые она, Рори, однажды могла бы найти. И она действительно их нашла! Или, возможно, они сами нашли ее. И теперь, о чем бы ни вещала вывеска

над дверью, отзвуки Солин Руссель навеки останутся жить в этих стенах. И ее, Рори, отзвуки тоже.

Рори посмотрела на акриловую табличку перед новейшим пополнением ее галереи – коллекцией работ «Волна мечты» Авроры Грант – и сморгнула подступившие слезы. Внезапно ей вспомнилось, как они стояли с Хаксом перед витриной ресторана «Finn», и он внимательно рассматривал ее работу. И в мозгу вновь прозвучали его слова, которые, собственно, и запустили все последующие события:

«Мечты – они как волны... Надо лишь дождаться нужной волны – той, что словно несет на себе твое имя... В этой мечте – только твое имя!»

– Посмотри, что мне удалось сделать, Хакс! – едва слышно прошептала она. – Посмотри, где я стою. В этой мечте и правда мое имя. И теперь она воплощена в реальность. И все – благодаря тебе.

– Солнышко, мне кажется, уже пора.

Заглушив остатки слез, Рори повернулась к матери. На Камилле была юбка миди, сливового цвета, жилет из крепа и серые замшевые ботильоны на тонких каблукках. Бежевого не было и в помине.

– Я уже сказала тебе, как обворожительно ты сегодня выглядишь? – улыбнулась Рори.

Камилла с застенчивой улыбкой опустила голову:

– Спасибо. Мне кажется, у нас с тобой один костюмер. И только посмотри – этот костюм на тебе, как влитой. Ты прекрасно смотришься! Как, впрочем, и все остальное. Ты здесь проделала потрясающую работу. И я очень рада, что ты все-таки решила вывесить свои творения. Они заслуживают того, чтобы ими любовались и чтобы их по достоинству ценили.

– Все это так странно... Я столько месяцев все пыталась представить, каким будет этот торжественный вечер, а теперь вот...

Камилла взяла ее за руку:

– Ой, детка, что это ты?

– Ничего. Я просто подумала о Хаксе. О том, что ничего этого не было, если бы он тогда в меня так не поверил. Мне так жаль, что он не может этого увидеть!

– Он непременно увидит. Он вернется и будет очень горд за тебя. А сейчас необходимо, чтобы ты вышла к людям. Твоя публика уже ждет!

От этих слов у Рори внутри точно затрепыхалась стая бабочек.

– У меня нет еще *своей* публики. А если вообще никто не придет? Что, если мы еще неделю будем доедать фаршированные томаты черри и кростини с жареным красным перцем?

В ответ Камилла издала нехарактерный для нее, резкий смешок:

– Ты говоришь ерунду! Мы разослали две сотни приглашений. В обеих наших газетах объявили об этом событии в колонках выходного дня. А еще я каждому, кого только знаю, сказала об этом лично – причем дважды. Так что мне кажется, к моменту закрытия не останется ни одного помидора или кростини. А теперь – вперед! Пора начинать праздник!

– А где Солин?

– Еще наверху, но сказала, что сейчас спустится. Мне кажется, она немножко нервничает из-за того, что вокруг столько людей.

Рори испытывала похожие чувства, но все же, с трудом передвигая ноги, заставила себя выйти в вестибюль, смутно сознавая присутствие рядом матери. Коротко кивнула высокой брюнетке, стоящей за барной стойкой, затем – рыжеволосой девушке, обслуживающей стол с закусками. Третий кивок послала гитаристу – и тот мгновенно взял в руки инструмент. Зазвучали мягкие переборы из «Черного дрозда»^[56] *The Beatles*, и художники разошлись каждый к своей коллекции.

– Готова? – шепнула ей в ухо Камилла. – Я встану на входе. Твоя работа – причем исключительно твоя – это улыбаться, всех приветствовать, находиться среди гостей и держаться настоящей хозяйкой галереи. И не забывай рассчитывать свои силы. Впереди очень долгий вечер.

На этом Камилла распахнула дверь, и внутрь ворвался бодрящий воздух осени. В считанные минуты в галерею вошли несколько группок женщин, приветствующих друг друга объятиями и поцелуями. Мамины приятельницы, как с теплой признательностью догадалась Рори.

Камилла оказалась совершенно невероятной. Она в совершенстве владела ситуацией, умея кивком или взглядом потянуть за нужные невидимые рычаги, причем так, чтобы все это выглядело естественно и непринужденно, и Рори подумала: а способна ли она сама развить

такое мастерство? Не успев ответить на свой вопрос, она заметила, как мать со стайкой своих подруг направляется прямо к ней.

– О-о! Вот и она сама! Ну и ну! Что ты с собой сотворила? Ты сегодня просто сногшибательна, Аврора! – восклицала Лори Лоренц, казначей маминого Художественного совета, смеривая ее с ног до головы своими густо накрашенными глазами. – Я с трудом тебя узнала без длинных волос! Ты так шикарно выглядишь, словно только что сошла с парижского подиума.

Хилли с энтузиазмом закивала:

– Она божественно выглядит, правда? Какие точеные скулы. Прямо как у матери. И мне даже не верится, как ты здесь все обустроила! Четыре года назад в этом здании мы заказывали дочери свадебное платье, а теперь – просто уму непостижимо! И не подумаешь, что все здесь было сожжено дотла.

– Спасибо, – смущенно ответила Рори, очень надеясь, что Солин достаточно далеко, чтобы не слышать этих слов. – На самом деле, здесь не так все было повреждено, как думали сначала, а еще мне удалось найти очень хорошего подрядчика. Нам даже удалось сохранить несколько оригинальных светильников и также лестницу с решеткой, в которую я сразу просто влюбилась.

Вслед за Рори, все дамы устремили взгляд на лестницу, дружно кивая, – и в этот миг, как по заказу, наверху появилась Солин – прекрасная и величественная в черных шелковых брюках-палаццо и расшитом серебром жакете. Она задержалась на мгновение, обведя глазами собравшихся людей, после чего начала спускаться, скользя рукой в черной перчатке по перилам.

Все сразу умолкли. И Рори вряд ли могла осуждать гостей. Солин смотрелась ошеломительно, от ее вида буквально захватывало дух. Спускалась она так грациозно, что казалось, она плыла, не касаясь ногами лестницы. На последней ступени Солин на мгновение снова остановилась, и Рори даже испугалась, что та сейчас развернется и умчится обратно наверх. Но вместо этого Солин расправила плечи, подняла подбородок и, окинув взглядом толпу, встретилась глазами с Рори.

Рори вскинула ладонь, понимая, с каким любопытством мамыны подруги разглядывают Солин. Камилла тоже это почувствовала и, судя по ее виду, готова была в случае необходимости броситься на защиту.

Но Солин, подойдя ближе, уверенно улыбнулась им обеим. Она была очаровательна: выразительные, с поволокой, глаза, яркие пунцовые губы и темные волосы, которые закалывались с одной стороны инкрустированным драгоценными камнями гребнем.

Камилла взяла под руку Солин, привлекла к себе поближе:

– Милые дамы, я рада познакомить вас с моей дорогой подругой Солин Руссель.

Возникла короткая пауза, за ней послышалось приглушенное изъяснение любезностей. Наконец громко заговорила Хилли:

– Мадам Руссель! Здесь ведь когда-то был ваш салон. Вы шили свадебное платье для моей Кэролайн. Кэролайн Вальден. Вы наверняка ее уже не помните, но у нее с мужем теперь уже трое прелестных деток, и все благодаря вам! Знакомые до сих пор вспоминают то великолепное платье, и бант...

Камилла, взмахнув ладонью, оборвала ее на полуслове:

– Уверена, что Солин вряд ли настроена в этот вечер говорить о своем салоне, Хилли. Быть может, вы с Вики могли бы побеседовать с ней о нашем Совете изящных искусств? Мне сейчас необходимо вернуться к входу, а Авроре надо пойти пообщаться с гостями. Обязательно попробуйте закуски и дайте мне знать, что вы думаете о том, чтобы нанять найденную Авророй фирму для фуршета на нашем новогоднем балу. По-моему, у них все на высшем уровне.

Рори пробежала взглядом по вестибюлю, удивляясь тому, как быстро галерея заполняется людьми. А она-то боялась, что никто не придет! Теперь она начала беспокоиться о том, хватит ли у нее на вечер вина. И все же так радостно было видеть столько знакомых лиц! В дверях она заметила только что приехавших Келли и Дуга Гленнон; Дэниел Баллантайн и симпатичная блондинка – надо полагать, его жена – изучали столик с закусками; а Брайан, сменивший свою рабочую спецовку на аккуратно выглаженные брюки и коричневый твидовый жилет, потягивал пиво, разговаривая с семейной парой, в которой Рори узнала маминих друзей.

Расслабившись наконец, Рори принялась фланировать по галерее. Ее очень порадовало, что гости активно общаются с художниками, обсуждая материал и технику произведений, а также источники их вдохновения.

В какой-то момент мать сунула ей в руку бокал с шардоне, а некоторое время спустя Рори взяла и другой. И, как теперь она поняла, это стало ошибкой. Все нервное напряжение сегодняшнего вечера вместе с неделей постоянного недосыпания, казалось, навалились на нее разом, и внезапно Рори почувствовала, что будто бы сбавляет обороты. Камилла, по-видимому, тоже это поняла, поскольку подошла к ней с тарелкой закусок, посоветовав, что «самое время немного перекусить».

Подкрепившись закусками, Рори сразу почувствовала себя лучше. А еще лучше – когда продала одну из работ знакомой даме-хирургу и ее мужу. К десяти тридцати, когда ушел последний гость, они успели продать в целом четыре экспоната, оформили два заказа, а также нашли перспективного покупателя для «Горного хребта» Кендры Патерсон. Так что в целом вечер прошел вполне успешно. И теперь, когда он закончился, Рори мечтала лишь о том, как заползти в постель и уснуть как убитая.

Подняв голову, она увидела, что мать направляется к ней с двумя фужерами вина.

– Бар уже разбирают, так что я решила прихватить нам по бокальчику. Солин где-то час назад поднялась к тебе в кабинет. Сегодня для нее был трудный вечер, но, по-моему, она справилась. Я около девяти часов предложила отвезти ее домой и вернуться, но она была решительно настроена остаться до конца. Так вот... – Камилла настойчиво вручила Рори бокал. – Я подумала, что стоит завершить наш вечер хорошим тостом.

Рори с опаской поглядела на вино:

– Не уверена, что мне стоит это делать. Я и так с ног валюсь, а мне еще до дома надо доехать.

– Всего лишь поднимем тост. Раньше у нас не было такой возможности.

– Ну, хорошо. Только глоточек.

Камилла подняла свой бокал, подождала, пока Рори последует ее примеру.

– За красивую молодую женщину, которую я счастлива называть своей дочерью! У меня не всегда получалось как следует выразить то, что я тобой горжусь и что я доверяю твоему жизненному выбору, и я весьма об этом сожалею. Но я действительно тобой горжусь. Не только

сегодня, а вообще всегда. И я обещаю, что в будущем постараюсь проявлять это более открыто.

– Спасибо, – пробормотала Рори, глубоко тронутая этим неожиданным признанием матери. Пригубив вина, она снова подняла бокал. – А теперь моя очередь. За женщину, которая своим примером показала мне, как должна выглядеть изысканность в момент величайшего напряжения. Ты сегодня была поистине великолепна, приглядывая здесь за всем, включая и меня, и не уверена, что без тебя я смогла бы справиться. – Рори кашлянула, неожиданно обнаружив, что ее чуть ли уже не душат слезы. – Я не всегда отдавала должное тому, что ты для меня делаешь... и как замечательно ты это делаешь... И тоже обещаю, что в дальнейшем стану больше это ценить.

Камилла опустила глаза, чокаясь с дочерью.

– Я сейчас разрыдаюсь...

– Ты первая начала, – отозвалась Рори, отпивая вино.

– Справедливо, – кивнула Камила. – А сейчас пойду-ка на кухню, посмотрю, не осталось ли там кростини. Потом поднимусь наверх, найду Солин, чтобы можно было разъехаться по домам и сделать наконец ванночку для ног. – Она указала на свои новые ботильоны. – К этим каблуккам придется еще привыкнуть.

Глядя вслед удаляющейся в сторону кухни матери, Рори не смогла сдержать улыбку. Это был вечер сплошных неожиданностей – начиная с сапожек на шпильке и заканчивая этой минутой открытости и взаимного уважения, которой она даже представить не могла всего несколько недель назад. Это явилось идеальным завершением почти что идеального вечера, но Рори все же не могла не признать, что была рада, что наконец все закончилось.

Она еще раз обошла помещение, выглядывая, не осталось ли где тарелок или бокалов, не замеченных персоналом кейтеринга, и собирая разбросанные бумажные салфетки. Наклонившись поднять с пола помятый буклет, Рори вдруг услышала от входа характерную мелодию. Очевидно, никто из них не потрудился закрыть входную дверь.

Она выпрямилась, натягивая вежливую улыбку.

– Извините. Боюсь, что... Бог ты мой!

«Нет! Не сейчас! Только не так!»

– Энсон?! Как вы тут оказались?

Он застыл в дверях, суровый и не улыбочивый, со сжатыми кулаками.

– Тия мне сообщила, что у вас сегодня открытие. Мне необходимо с вами поговорить.

– Вам нельзя здесь находиться! – встревоженно зашипела Рори. – Солин наверху, и она еще даже не знает, что вы... – Она осеклась, испуганно оглянувшись на верхнюю площадку лестницы. – Пожалуйста! Вам никак нельзя здесь быть!

– Аврора, я тут сложила... – Увидев, что Рори в вестибюле не одна, Камилла запнулась. – Прошу прощения. Я и не знала, что кто-то еще остался.

– Это Энсон, – сухо объяснила Рори. – И он уже уходит.

Лицо Камиллы на миг оцепенело, рот приоткрылся в беззвучном «о». Наконец с нее будто спали чары, и выражение пустоты на лице сменилось чем-то, чему Рори не решалась дать название.

– Вы совсем как на фотографии, – холодно проговорила она.

Энсон сделал было шаг вперед, но словно спохватился и снова застыл. Он стоял как вкопанный, не сводя глаз с лица Камиллы.

– А вы...

– Да, это я. И вы должны уйти. Немедленно.

– Мне необходимо поговорить с вашей... Мне нужно поговорить с Рори...

Камилла с ледяным выражением подняла бровь:

– Только не сейчас. Все, что вы можете сказать, ждало уже сорок лет. Еще одна ночь ничего не изменит.

– Пожалуйста! – взмолилась Рори. – Уходите! Дайте нам сначала возможность поговорить с Солин. Она не должна узнать все это таким образом...

Едва эти слова слетели с ее губ, как откуда-то сверху донесся хриплый судорожный вздох, и тут же гулко стукнул и покатился по ступеням шелковый расшитый клатч.

Глава 44

Солин

Бывает горе страшнее смерти. Это скорбь по жизни, прожитой лишь наполовину.

Не потому, что ты не знаешь, что могло бы в твоей жизни быть, а потому, что как раз это постиг.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

Этого никак не может быть – однако это так.

Он, конечно, состарился, годы заметно размягчили его некогда крепкое подтянутое тело, добавили лицу морщин, а волосам – серебристых прядей, но я бы все равно его узнала где угодно.

Сорок лет я мечтала снова его увидеть – зная, что это невозможно, и все равно не переставая мечтать. И вот теперь он каким-то непостижимым образом оказался здесь! Живой и невредимый, и смотрит на меня, как будто это я – неожиданный призрак. К горлу внезапно подступают слезы и молитвы благодарности, но, когда я открываю рот, то не могу произнести и звука. Потому что я вижу, что что-то не так. Что-то ужасно, убийственно не так. Я вижу, как смотрит на меня Рори, словно кается в чем-то непростительном. Вижу сложенные у груди руки Камиллы и ее напряженный стан, как будто она готова ринуться в битву. И вижу ледяную отрешенность на лице Энсона. В единое мгновение я становлюсь ему чужой. Нет, даже не чужой – а врагом. Но как это могло случиться? Почему?

– Энсон?

Его глаза встречаются с моими. Взгляд слегка прищуренный и тяжелый. Я не вижу цвета его глаз, но хорошо чувствую их пронзительную холодность – точно стальной клинок вонзается мне в ребра. С таким взглядом он обычно говорил о *boche*. А теперь устремляет его на меня.

Каким-то образом я заставляю себя спускаться, с трудом делая шаг, затем другой. Однако он уже пятится к двери и даже вскидывает

ладонь, как будто не желая подпускать меня ближе. А потом он исчезает – выходит на улицу, оставляя за собой распахнутую дверь. И на мгновение мне чудится, будто я снова в Париже, сижу в кузове санитарной машины, глядя назад в квадратное окошко и видя, как он исчезает из виду.

У меня подкашиваются ноги, и я опускаюсь на ступеньку, точно подбитая птица, слишком потрясенная, чтобы вымолвить хоть слово или даже заплакать. Рори тут же пристраивается рядом, беря меня за руки, и снова и снова повторяет, что просит прощения, что ей невероятно жаль – как будто все это случилось по ее вине. Я смотрю на нее, пытаюсь что-либо понять по ее лицу. Вижу печаль, жалость и... Неужели это чувство вины?

– Я собиралась тебе рассказать. Мы как раз после открытия хотели тебя во все посвятить.

«Мы?»

Я перевожу взгляд к подножию лестницы, откуда на меня смотрит Камилла, обеими руками вцепившаяся в стойку перил. И в ее лице я вижу то же самое. То же чувство вины.

Но мне все равно ничего не понятно.

– Что именно вы собирались мне сказать?

– Что Энсон жив. Я не так давно об этом узнала и...

– Когда?

– Недели три. Может, чуть дольше...

Я перевожу взгляд на Камиллу:

– И ты тоже это знала? И ничего мне не сказала?

– Мы хотели тебе рассказать, – быстро говорит Рори, не давая Камилле что-либо объяснить. – Мы просто ждали подходящего момента, чтобы во все тебя посвятить. И мне ужасно жаль. Я даже представить не могла, что он сюда придет. Когда мы с ним расстались в Сан-Франциско, он мне ясно дал понять, что не хочет сюда приезжать.

– Ты летала в Сан-Франциско? Чтобы увидеться с Энсоном?

Рори, опуская голову, кивает.

– Но сначала я ездила в Ньюпорт. И Тия подсказала, как мне с ним связаться.

Ньюпорт... От этого слова у меня дрожь по коже пробегает. А еще – от имени Тия... Даже спустя столько лет оно по-прежнему

звучит для меня непривычно. Сознание слишком переполнено вопросами, я мечусь и спотыкаюсь об них, балансируя уже на грани паники. Весь мой мир перевернулся с ног на голову, и я совершенно ничего не понимаю.

– Я это случайно обнаружила, – начинает объяснять Рори, как будто от этого что-то может измениться. – Я попросила одного журналиста, моего давнего приятеля, найти какое-нибудь старое фото Энсона, чтобы сделать тебе сюрприз. Вот только сюрприз в итоге получился для меня. Один из снимков, который он добыл, был сделан всего пару лет назад. Вот зачем я поехала в Ньюпорт – чтобы узнать, тот ли это Энсон. А потом отправилась в Сан-Франциско, чтобы с ним поговорить. Мне необходимо было понять, что произошло после войны, почему он не искал тебя. А еще я рассчитывала убедить его приехать в Бостон, чтобы поговорить с тобой, но он ни в какую не соглашался. Я рассказала об этом Ти, и она попросила меня подождать и пока что ничего тебе не говорить. И я согласилась. Мы надеялись, он все же передумает. Мы и представить не могли, что он заявится сюда.

Я опускаю веки, как будто это может стереть то, что произошло. Слезы, которые еще мгновение назад мне было никак не выплакать, вдруг начинают течь потоками, поскольку на меня обрушивается осознание всей правды. Что Энсон – мой Энсон – все эти сорок лет был жив, но не желал иметь со мной ничего общего... И по-прежнему не желает.

– Есть еще кое-что, – осторожно добавляет Камилла. – Тебе необходимо узнать и остальное.

– Я не хочу знать остального, – говорю я, резко поднимаясь. – Я хочу домой. Пожалуйста, вызовите мне такси.

– Я сама отвезу тебя домой, – возражает Камилла, – но сначала нам нужно поговорить. Есть некоторые вещи...

– Я не желаю ни о чем разговаривать. – Мой голос становится странно монотонным, глухим и совершенно непривычным. – Я хочу побыть одна. – Я пытаюсь сморгнуть застилающие взгляд слезы, но они продолжают непрерывно катиться по лицу. – Пожалуйста. Такси.

Краем глаза я вижу, как Камилла бросает на Рори умоляющий взгляд. Она решительно настроена поговорить, раскрыть мне все то,

что держали от меня в секрете, и каким-то образом изменить все к лучшему. Но лучшего никогда уже не будет. И Рори это тоже понимает и, будто отвечая матери, едва заметно мотает головой. Она знает: что бы сейчас они мне ни сказали, это все равно ничего не изменит.

Спускаюсь по ступенькам, и мне кажется, будто лестница наклоняется, становясь опасно крутой. Крепко держусь за перила, боясь, что ноги могут меня подвести. Я прохожу мимо Камиллы и успевшей спуститься вниз Рори, наклоняюсь за сумочкой и быстро иду к выходу.

– Я подожду такси снаружи.

Чувствую, как они обе тревожно глядят мне вслед, словно ожидая, что я вот-вот разлечусь на миллион мелких осколков. Но мне нельзя себе это позволить. По крайней мере, пока. Потому что на этот раз, если я разобьюсь, то разобьюсь уже навсегда.

Глава 45

Солин

Всегда следует помнить о Законе Троиственности. Любое твоё деяние вернется к тебе твоекратно. Совершишь зло – и трижды налетит на тебя ветер зла. Сотворишь добро – и трижды добро найдет у тебя пристанище.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

30 октября 1985 года.

Бостон

Четыре дня...

Уже четыре дня я провожу словно в зимней спячке, живя лишь на кофе и тостах, потому что у меня нет сил что-нибудь приготовить. Я лишь медленно брожу с мутными осоловелыми глазами из комнаты в комнату или сворачиваюсь калачиком на диване, прижав к груди несесер Энсона.

Я снова сняла с телефона трубку. Не хочу слышать его звон. И мне неинтересно, кто мне звонит и зачем. Я и так уже это знаю и не нуждаюсь в их утешениях. Не сомневаюсь, что Рори хотела сделать как лучше, скрывая от меня правду. Ей не свойственна жестокость. Но она видит во мне лишь хрупкую беззащитную старуху, неспособную выдержать еще один удар. И, в сущности, так оно и есть. Возможно, у нее и были весомые причины переживать, сумею ли я после этого оправиться. Лично я совсем не уверена, что смогу.

Я все убеждаю себя, что это не имеет значения и тот факт, что Энсон где-то живет и здоров, ничего для меня не меняет. Но это неправда. Как раз изменилось все. Потому что я еще раз его потеряла. Вот только на этот раз у меня отняли его не *boche*. На этот раз он сам сделал выбор в пользу разлуки.

Его предложение руки свалилось тогда как снег на голову, он сделал его под наплывом чувств, когда наши эмоции были накалены до предела. А вдруг он пожалел об этом, как только мы расстались? И,

может быть, тихонько вздохнул с облегчением, когда вернулся домой и узнал, что меня нет. Узнал ли он о нашей дочери? О том, что она покинула этот мир, едва в него явившись? И что я даже не успела подержать ее на руках.

Моя Асия...

Все эти годы я представляла ее с ним, грезя о том, что где-то, каким-то чудесным образом они оказались вместе. Однако выяснилось, что все это время она была одна-одинешенька. Наверняка у него есть собственные дети и, возможно, внуки... и жена. Даже теперь, по прошествии стольких лет, мне больно. И все же глаза остаются сухими. Видимо, во мне наконец иссякли слезы.

Я совсем потеряла чувство времени, а часы над плитой уже два года как неисправны. Подняв на кухне жалюзи, выглядываю в окно. Небо свинцового цвета, по стеклу часто чиркает затяжной дождь. Я наконец сдаюсь: прекратив лелеять свои печали, иду к холодильнику, вынимаю оттуда яйца, сливочное масло и грибы. Шпинат в овощном контейнере стал склизким, но помидоры на подоконнике еще вполне годятся. Мне на самом деле не хочется есть, но у меня болит голова, и в желудке от пустоты подсасывает. Мне необходимо чего-нибудь поесть, а омлет не требует особой возни и сноровки.

Стоит мне поставить сковородку на плиту – слышится звонок в дверь, и на какое-то шальное мгновение меня пронзает стрела надежды: а вдруг он передумал? Я быстро выключаю конфорку, прокрадываюсь мимо зашторенных окон гостиной в прихожую и в ожидании застываю.

«Это не он. Это никак не может быть он».

Снова звонят, и тут же раздается частый стук дверного молоточка. Я сдерживаю дыхание, всей душой желая, чтобы тот, кто стучит, ушел прочь. Конечно же, это Рори. Или Камилла. Они за эти дни уже трижды являлись к моему порогу, и все три раза я их проигнорировала. Или, быть может, это Дэниел, который, несмотря на дождливую погоду вновь пришел меня проведать? Его я тоже видеть не хочу. Он и без того слишком много знает о моей жизни. Не хочу, чтобы устраивал мне перекрестный допрос по поводу всего остального.

– Солин? – слышится женский голос, приглушенный дверью. – Солин, это я, Тия.

Тия? После стольких лет? Пульс начинает гулко стучать в ушах, слюна во рту становится вязкой. Я приникаю к двери, взявшись за круглую ручку с защелкой. Это ошибка с моей стороны, я знаю. Но ничего не могу с собой поделать.

– Ты одна?

– Могу и одна, – доносится из-за двери. – Если тебе так хочется.

Я поворачиваю ручку и на несколько дюймов приоткрываю дверь, разглядывая узкий фрагмент незнакомого мне лица. Полные губы, переносица широковатого носа и претерпевшая характерное старение кожа человека, привыкшего слишком много бывать на солнце. А еще глаз – светлый, зеленовато-голубой, с золотыми крапинками вокруг зрачка. У Энсона точно такие же.

Я открываю дверь и встаю у порога, уперев руки в бока, вконец ошеломленная тем, что вижу ее перед своей дверью, ошеломленная вообще всем, что сейчас в моей жизни происходит. Даже теперь поразительное сходство между ней и Энсоном невозможно не заметить. И все же что-то еще приковывает мой взгляд к ней. Что-то, находящееся за пределами моего понимания.

– Зачем ты здесь? – Хрипло произношу я от многодневного молчания и от слишком долгих слез.

– Я хочу с тобой поговорить, – отвечает Тия. Голос у нее низкий и ровный, как будто она разговаривает с животным, которое может в любой момент испугаться и убежать. – О том, что произошло после того, как ты покинула дом моего отца.

Я не убираю ладонь с дверной ручки, с удовольствием наблюдая, как холодный дождь медленно впитывается в рубашку Тии. Неожиданно я начинаю на нее злиться.

– Я знаю, что произошло дальше. Твой братец вернулся домой, а мне никто об этом не сообщил.

– Прошу тебя, можно мы все просто сядем и поговорим?

«Мы все?» От этих слов у меня в груди становится тесно.

– Он, что... Кто с тобой?

– Только Рори и Камилла. Они в машине. Я понимаю, что ты злишься и тебе больно, и у тебя есть полное право на все это. Но есть еще кое-что, о чем ты должна знать, Солин. Кое-что другое.

В ее голосе теперь звучат странные зловещие нотки, и у меня внутри будто узел стягивается.

– Что... другое?

– Смилуйся! Я стою тут под дождем, к тому же крыльцо – не лучшее место для подобных разговоров. Разреши нам войти в дом.

Отпустив дверную ручку, я отступаю в сторону. Тия смотрит куда-то вдоль улицы и машет рукой. Видимо, это для них знак, что можно подходить. Отвернувшись от двери, на мгновение я встречаю свое отражение в зеркале прихожей. Я бледная как призрак, растрепанная, с тяжелым взглядом и тенями горя под глазами. Я провожу рукой по волосам, пытаюсь их как-то пригладить, и тут понимаю, что на мне нет ничего, кроме помятого халата, из которого я не вылезаю уже четыре дня.

– Мне нужно переодеться.

Когда я возвращаюсь, они уже сидят в гостиной. Рори с Камиллой – на диване. Тия с налипшими ко лбу и шее мокрыми волосами пристроилась на краешке кресла. Она оглядывает меня, с явным облегчением отметив, что я успела привести себя в порядок. Я лишь прошлась расческой по волосам да сменила халат на тонкий кардиган и слаксы. Задержавшись на миг на моих белых хлопковых перчатках, Тия отводит взгляд. И все же в том, как она смотрит на меня – как все они на меня смотрят, – чувствуется что-то непонятное. Смесь жалости и неловкости. И я уже жалею, что позволила им войти.

– Ну вот, вы здесь. Говорите то, что хотели сказать, и уходите.

– Мне кажется, тебе лучше сесть, – произносит Камилла и хлопывает ладонью рядом с собой по дивану. – Вот сюда, между нами.

– Я не хочу садиться. – Мой голос звучит вздорно, как у капризного дитя.

Рори умоляюще смотрит на меня:

– Пожалуйста, Солин, сядь. Нам нужно кое-что тебе показать. То, что поможет все это как-то... облегчить. Пожалуйста, сядь с нами на диван.

Я опускаюсь рядом с ней и напряженно кладу руки на колени. С чем бы они ко мне ни пришли, я хочу поскорее с этим покончить.

Рори подтягивает к себе черную нейлоновую сумку, доставая оттуда нечто похожее на фотоальбом. Я пытаюсь приготовиться – сама не знаю к чему. Она настойчиво сует альбом мне в руки:

– Открой.

Пытаясь в перчатках откинуть крышку переплета, я чувствую себя крайне неуклюжей. Рори тянется мне помочь – и вот я смотрю на старую черно-белую фотографию. Маленькая девочка со светлыми кудряшками и широко посаженными глазами в сапожках и дутом зимнем комбинезоне. Ей на снимке года три-четыре, и лицо ее кажется знакомым, хотя я ни разу не видела эту фотографию раньше. Я поднимаю глаза на Рори, не совсем понимая, что происходит и чего от меня ждут.

– Это Тия, – поясняет она, – в детстве.

Я перевожу взгляд на Тию, которая сидит, как-то странно замерев в кресле. Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Переверни страницу.

Там другое фото той же девочки, только немного постарше, в нарядном платье с рюшечками. Здесь я уже четко различаю черты Тии, ее широкие скулы и заостренный подбородок, россыпь веснушек у переносицы. Подняв взгляд, вижу три лица, старательно скрывающих свои эмоции, и чувствую, что начинаю терять терпение.

Камилла касается моей руки:

– Смотри дальше. Открой следующую.

Слыша, как потрескивает пластиковый кармашек для фото, я переворачиваю еще страницу. Там снова Тия, примерно в том же возрасте, только уже в другом платье. И все же что-то в ее облике изменилось. Лицо стало тоньше, скулы – выше и чуть острее. И вот опять – это неуловимое воспоминание, точно оборванная нить, за которую никак не ухватиться. Я чувствую раздражение и замешательство... и какой-то внезапный страх.

– Зачем мне рассматривать твои старые фотографии? – прищуриваюсь я на Тию. – Какое отношение они имеют ко мне?

– Всмотрись получше, – тихо отвечает она. – Там не я.

Я снова пристально смотрю на фото, затем возвращаюсь к предыдущей странице. Фотографии почти что одинаковые, и все-таки при более близком рассмотрении я замечаю, что вторая сделана относительно недавно. Призрачная ниточка начинает распутываться дальше... Невозможно! И тем не менее...

– Кто это?

Вопрос как будто замирает в воздухе, на несколько мгновений повисает тишина. Никто ничего не говорит и даже не дышит. Наконец я чувствую на своей руке ладонь Рори.

– Это я.

Мои глаза снова прикованы к снимку, следя за каждым изгибом и выпуклостью лица на фото. *Aurore*. Ну да, теперь я это четко вижу. Я бросаю быстрый взгляд на Тию, потом на Рори, затем опять всматриваюсь в фото.

– Не понимаю... Как?..

Рори легонько пожимает мне руку.

– Просто мы родственники, – осторожно произносит она. – Нас с Тией связывают... родственные узы.

В голове как будто электростатические помехи, мысли вытесняются шершавым белым шумом. В моей голове не укладывается то, что она только что сказала. Я даже не знаю, как сформулировать нужные вопросы, чтобы все прояснить. Но почему Рори не отпускает мою руку? Почему у Тии вид такой, будто ей страшно выдохнуть? И почему плачет Камилла?

– Родственные узы?.. – наконец выдавливаю я. – Это как?

– Я ее внучатая племянница. – Рори в упор смотрит на меня, ожидая, что я что-то скажу. Но поскольку я молчу, она с нажимом произносит: – Ты понимаешь, что это значит?

– Нет, – коротко мотаю я головой, чувствуя в себе странное оцепенение. Вот она, эта ниточка! Ждет, когда ее потянут. Но я не могу это сделать... или не хочу. Я снова и снова мотаю головой: – Нет, нет...

– Энсон – мой дедушка, Солин. А это значит, что ты... моя бабушка.

Я снова вглядываюсь в фотографию, не в силах даже вздохнуть.

– Это невозможно.

– Но это так. – Рори вновь переворачивает страницу альбома. – Твоя дочурка не умерла. Ее удочерили.

Я смотрю на следующую страницу. Там фотокопия документа. Помятая, но вполне читабельная. «*Сертификат Постановления об усыновлении (удочерении)*». В одной из граф значится имя Солин Руссель. В другой – фамилия Лоуэлл. А затем, ниже, имя Камиллы. Я верчу в голове эти имена, словно буквы из «Скраббл»^[57]. Они явно

что-то значат – непременно должны значить, – но я не в состоянии их соединить.

– Лоуэлл – моя девичья фамилия, – вставляет Камилла и снова заливается слезами. – Камилла Лоуэлл – так меня назвала удочерившая меня семейная пара. А до этого у меня было другое имя.

Я пристально смотрю на нее, и у меня тоже слезы застилают глаза, и ее лицо начинает расплываться. Это никак не может быть правдой! И тем не менее ее лицо – и все их лица – говорят об обратном.

– Ты...

– Асия, – шепотом произносит она. – Твоя дочь.

Я закрываю лицо руками. Поток рыданий накатывает так внезапно, что грозит меня задушить. Я чувствую обнимающие меня руки – я даже не знаю чьи – и начинаю покачиваться и громко стенать, издавая высокие, срывающиеся на визг звуки, охваченная этим неудержимым потоком горя и невыразимой радости. Я пытаюсь остановиться, успокоить себя, но эти стоны и рыдания продолжают нарастать, исторгаясь из меня, словно неукротимая буря. Я понимаю, что выгляжу глупо, но это неважно. На самом деле, для меня сейчас ничто прочее не имеет значения. Ни то, что Энсон не любил меня настолько, чтобы отправиться меня искать. Ни даже то, что я сорок лет провела без дочери, которая могла бы быть со мной. Главное – что сейчас она рядом. И Рори.

Мне вспоминается *Maman* и все то, чему она учила меня с детства, и я знаю, что она за меня сейчас радуется. Мы не в силах изменить то, что уже произошло, однако мы можем двигаться по жизни дальше – три поколения, связанные одной кровью и родственными отзвуками души, – и по возможности восполнять упущенные годы.

Я чувствую, как мне в ладонь кладут бумажный платок, и мало-помалу рыдания утихают. Я вытираю лицо, стараясь взять себя в руки. Обведя глазами остальных, я замечаю, что у всех лица заплаканные, но взгляд сам собой приковывается к Камилле. Я наслаждаюсь ее обликом – запоминая каждую черточку, впитывая столь драгоценный для меня контур, как будто вижу ее в первый раз.

– И все это время, – шепчу я ей, – все это время ты была совсем рядом... Моя Асия.

Рори быстро исчезает из комнаты и возвращается с полной коробкой платков. И в следующие пару часов я держу, не отпуская, руку дочери и слушаю рассказ Тии о том, как далеко зашел ее отец, чтобы настроить против меня Энсона.

Оуэн уже, оказывается, на том свете – и туда ему и дорога! Я никогда не прощу его за то, *что* он отнял у меня. Как не прощу и его сына за то, что позволил с нами так поступить. Тот факт, что Энсон смог поверить, что я способна на такое предательство, для меня больнее и горше всего. Потому что теперь я понимаю, что он никогда не был тем человеком, каким я его видела. Я потеряла его в то утро, когда, забравшись в кузов санитарной машины, смотрела, как исчезает его силуэт. А то, что столько лет спустя он внезапно оказался живым, ровным счетом ничего не меняет. Потому что Энсон – *мой Энсон* – давно мертв.

Глава 46

Солин

Влюбленные ранят друг друга по разным причинам, но в корне всех обид в конечном счете лежит страх. И это очень трудно – быть может, даже труднее всего – довериться, когда ты боишься. Раскрыть свою душу, решившись на риск прощения. И все же прощение – величайшая из магий. Прощение способно сотворить нечто совершенно новое.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

Они наконец ушли, и, долго простояв под горячим душем, я снова облачилась в свой халат, оставшись в одиночестве осознать эту новую и неожиданную реальность. Я свернулась, подобрав ноги, на диване, заново перебирая альбом со старыми снимками, который мне оставили Рори и Камилла. Я сегодня их пересмотрела уже, наверное, десятки раз, но, похоже, не могу перестать снова и снова переворачивать страницы, вбирая в сознание мельчайшие подробности каждой детской фотографии – как будто пытаюсь выгравировать их нежные личики на белых пятнах моей памяти.

Асия жива! И Рори – моя внучка.

Второй раз за считанные дни тот, кого я любила, воскресает из мертвых. Это кажется немыслимым и неправдоподобным – как будто в финале сказки, где принцессу целуют, и темные чары внезапно разрушаются. И ее долгому, мрачному сну наконец наступает конец.

Всех представительниц рода Руссель учили, что волшебные сказки не для них. Но что-то все же привело в действие эту странную цепочку событий. Не может такого быть, чтобы лишь чистая случайность привела Рори и Камиллу в мою жизнь или меня – в их существование.

Нам столько всего предстоит рассказать друг другу в ближайшие дни. Я наконец-то поделюсь с ними нашей семейной историей – поведаю о нашей *la magie*, о нашем наследии, которое всегда в них жило. Пожалуй, это будет довольно странный разговор – а может быть, и нет. Ведь с самого начала, с первой нашей встречи я почувствовала в Рори нечто особенное. И Камилла – моя Асия, – разумеется, тоже унаследовала этот фамильный дар. Как уж они распорядятся этим наследием, решать им, но они обязательно должны узнать про тех «Ткаательниц заклинаний», которые были до них, – про Эсме, Жизель, Лилу и других.

Мне вспоминается *Maman* и ее твердая вера в то, что мы неразрывно соединены с теми, кого мы любим. Что отзвуки наших душ всегда будут нас связывать – сквозь годы и расстояния, даже сквозь смерть. Быть может, это как раз и случилось у нас? Некое взаимопересечение отзвуков? И неожиданно я понимаю, что то, как именно это произошло, совершенно не важно.

Я закрываю глаза, чувствуя приятную тяжесть в конечностях, и вновь позволяю себе погрузиться в события минувшего дня. О многом предстоит поразмыслить, много упущенного надо наверстать, – но я с удовольствием оставлю все это на завтра.

На улице все так же льет дождь, ставший заметно сильнее, к тому же поднялся ветер, резкими порывами ударяя в окна. Одна из ставней, судя по звуку, болтается на ветру. Слышно, как она колотит в стену дома... Нет... это не ставня. Это дверь. Кто-то ко мне стучится.

Я подсакиваю с дивана, в голове словно туман. Рори обещала проведать меня попозже, однако у моего телефона по-прежнему снята трубка. Разумеется, Рори не могла не сдержать слово.

Я тороплюсь в прихожую, вожусь некоторое время с цепочкой, потом с задвижкой. Сильный порыв ветра выталкивает дверь и обдаёт меня целой завесой холодного дождя. Откинув с глаз волосы, я вижу его. Энсона.

Его силуэт заполняет весь дверной проем, и несмотря на годы, его ни с кем не перепутать, хотя мне и не видно его лица. Уличный фонарь светит ему в спину, плечи горбятся под ветром и дождем. Я смотрю на него во все глаза, дыхание становится стесненным и поверхностным. Сорок долгих лет я рисовала в воображении этот

момент – как увижу его еще раз, как скажу ему все то, что хотела бы сказать до нашего расставания. И вот теперь, когда он стоит на моем крыльце под проливным дождем, я не могу вымолвить ни слова.

Он проводит рукой по лицу, стирая с глаз струи дождя.

– Мне нужно войти. Это ненадолго.

Я отступаю, позволяя ему зайти в дом. Услышав стук закрывшейся двери, быстро оборачиваюсь, боясь, что он остался снаружи, однако он стоит в прихожей, напряженно вытянув руки по бокам. Его пиджак и рубашка промокли, волосы от дождя гладкие и прилизанные.

Я вдруг вспоминаю про свои голые кисти рук и тут же сую их в карманы, мучительно сознавая, что встречаю его в халате и босиком. Секунды бегут одна за другой, а мы все стоим, глядя друг на друга, и я ловлю себя на том, что пытаюсь увидеть себя его глазами. Сорок лет – очень долгий срок, и особенно долгий для женщины. Видит ли он во мне по-прежнему ту девушку, которую встретил однажды в коридоре американского госпиталя? Или за столько лет я стала ему чужой и незнакомой? Это, конечно, не должно иметь для меня значения – но почему-то все же имеет.

– Сейчас принесу тебе полотенце, – сдавленно говорю я.

Когда я возвращаюсь, на мне уже белые хлопковые перчатки. Энсон переминается между прихожей и гостиной, перед самым ковром. Я вручаю ему полотенце и отступаю назад, в гостиную.

Он пытается промокнуть рубашку, затем яростно вытирает волосы и наконец оставляет все как есть. Когда он протягивает мне полотенце, я продолжаю держать руки в карманах.

– Просто положи на кресло.

– Ты, я вижу, говоришь теперь без акцента, – безучастно замечает он.

– В моей жизни многое изменилось. – Мне больно видеть пустоту в его глазах, но я заставляю себя встретиться с ним взглядом. Он что, явился с извинениями? Или хочет объясниться? Нет, я вижу, что ничего подобного нет и в помине. С чем бы он, впрочем, ко мне ни пришел – мне нужно, чтобы он поскорее все высказал и ушел.

– Так и чего ты хочешь?

– Покончить со всем этим.

– Не понимаю. С чем именно ты намерен покончить?

– Вот только не изображай сцену. Тебе уже не двадцать. Какой бы фарс ты передо мною ни разыгрывала, сейчас этому наступит конец.

Голос у него такой же, как мне запомнился – низковатый, с хрипотцой, от которого во мне все взбудоражилось при первой нашей встрече. Но теперь в нем явно звучит презрение. Причем ко мне.

– Все, что между нами было, закончилось еще сорок лет назад, Энсон. В Париже.

– В самом деле?

У меня нет сил ответить. Я даже не могу нормально дышать. Мой взгляд фокусируется на маленьком шраме под его правым глазом. Раньше его не было. Еще один – под подбородком, с левой стороны. Тоже для меня новый. И еще один шрамик – почти у самых волос. Я вдруг понимаю, что стараюсь запомнить его лицо. Я создаю в памяти новый образ, чтобы наложить на прежний, который всегда носила с собой, – потом, когда он вновь уйдет из моей жизни. Вот только я не хочу помнить этого нового Энсона.

– Рори сказала, что летала в Сан-Франциско встретиться с тобой и что она сообщила тебе... обо всем.

– Сообщила. Должен признаться, это был для меня большой сюрприз. Не каждый день человек становится одновременно и отцом и дедушкой.

– Ты не сейчас вдруг стал отцом, Энсон. Ты был им уже сорок лет. И я к ее визиту не имею никакого отношения. Я вообще даже не знала... – Я резко себя обрываю, досадуя на то, что оправдываюсь перед ним. Чувствую, как снова начинают подступать рыдания, и стараюсь упрятать их поглубже. Я ни за что не стану плакать перед ним. – Покидая дом твоего отца, я считала, что ты погиб, что *boche* тебя расстреляли и закопали в лесу. И вдруг вчера я увидела тебя. Можешь себе представить, что я тогда испытала? И ты не просто стоял, а смотрел на меня свирепым взглядом! На меня! Как будто это я совершила что-то дурное. Тебе никогда не приходило в голову, что мне хотелось бы узнать, что ты живой? Что даже если ты не желал со мною быть, ты все равно обязан был для меня это сделать.

– Мне не приходило в голову, что тебе бы это было интересно.

Его ответ меня будто оглушает.

– Мы же с тобой собирались пожениться.

Он бросает на меня холодный взгляд и пожимает плечами:

– И что бы ты тогда сделала? Надо полагать, все бросила бы и помчалась обратно в Ньюпорт, чтобы нянчиться с человеком, который, вполне возможно, был навсегда прикован к инвалидному креслу?

«Да! – хочется мне закричать. – Да, именно это я бы и сделала! Я сделала бы, что угодно, лишь бы ты снова был со мной!»

Но теперь уже поздно для подобной мелодрамы. Отвернувшись, я прохожу к небольшому бару в углу гостиной и наливаю себе коньяк. «Живительная влага храбрости», – как называл его Мэдди. Как раз сейчас мне храбрость очень пригодится.

Стоя к Энсону спиной, я неловко открываю графин. Физически ощущая его взгляд между своими лопатками, в два торопливых глотка осушаю бокал. Жар от напитка скользит по моему горлу к животу. Я вновь берусь за графин и наливаю себе еще.

– Я всегда считала, что обязательно услышу, как ты зовешь меня, – говорю я, все так же стоя к нему спиной. – Что услышу твой голос в шепоте ветра. Или в дожде. Или во сне. Что просто услышу, как ты снова и снова повторяешь мое имя, будто пытаешься дотянуться до меня откуда-то, где бы ты ни был. Глупо, правда? – Долгое мгновение я жду ответа, пока молчание не становится невыносимым. – Могу я тебе что-либо предложить? Коньяк? Или, может быть, что-то покрепче?

– Я не пью... уже больше.

То, как он на миг заколебался перед словами «уже больше», было едва заметно, однако этого оказалось достаточно, чтобы я отставила бокалы и повернулась лицом к Энсону. И вновь я поражаюсь произошедшей с ним перемене. Не в его облике, нет – он по-прежнему довольно красивый мужчина, – а в его поведении, в манере держаться. Годы большинство из нас смягчают, сглаживая острые грани. Но с ним произошло нечто прямо противоположное. Время сделало его черствым и пугающе бесчувственным, снова напоминая мне, что это не тот мужчина, которого я полюбила.

Мне вспомнилось, как однажды он запьянел от одного-единственного бокала вина. Это вообще был один из редких случаев, когда я видела его пьющим.

– Не припоминаю, чтобы ты вообще когда-то был любителем выпить, – говорю я, чтобы как-то заполнить тишину, и тут же жалею

о своих словах. Я не хочу говорить о том, каким он был для меня когда-то.

– В этом отношении я изменился, – сухо отвечает он. – Даже более чем изменился. Употреблял, бывало, в медицинских целях. Так я, во всяком случае, себе говорил. Хорошо снимает боль. И притом удивительно эффективно, если начать принимать с утра пораньше. Пока дни не начинают пролетать мимо тебя. И тогда все становится куда сложнее.

– Боль у тебя... от ран?

Он останавливает на мне долгий взгляд. Настолько долгий, что кажется, он уже не ответит на мой вопрос.

– Разумеется, – кивает он наконец. – Впрочем, уже неважно.

Я сразу же понимаю, что он имеет в виду. Винить во всем следует меня. Не его отца – а *меня*. Из-за той чудовищной лжи, что возвел на меня его отец. Той лжи, в которую он, Энсон, предпочел поверить. И все же суровость его ответа находит брешь в моей обороне.

– Ты мне не расскажешь, что с тобой случилось?

Он холодно смотрит на меня:

– Зачем?

Я в ответ приподнимаю плечи, пытаюсь изобразить безразличие.

– Мне казалось, именно это и предполагалось в нашем сегодняшнем разговоре – что-то вроде вскрытия тела для установления причин смерти. – Бросая ему эти слова, я сама держу себя, как Энсон, бесчувственной и равнодушной, и ничуть об этом не жалею. – Мы оба знаем, как все началось, поскольку оба при этом присутствовали. Затем мы пошли разными дорогами, и издалека все выглядит довольно размытым. Ты не находишь, что после сорока лет неведения я заслуживаю того, чтобы узнать остальную часть истории?

Энсон опускается на подлокотник ближайшего к себе кресла, жестко вытянув вперед правую ногу, и тем самым сразу напоминает мне Оуэна.

– Однажды ночью я возвращался с переброски. Все произошло так быстро, что я даже не успел ничего заметить. Одну пулю получил в бок, другую – в плечо. Меня вытащили из машины и поволокли в лес. Я думал, меня убьют. Но вместо этого мне прострелили обе ноги и бросили в лесу. Не знаю, сколько времени я полз обратно к дороге, но у меня это отняло все силы. Я закрыл глаза и отключился. Когда

пришел в себя, какой-то немец в резиновых перчатках ковырялся в моем плече. Надо полагать, работники Красного Креста были для них отличными козырями в переговорах, хотя я так и не узнал, на кого они меня обменяли.

Энсон отворачивается, его взгляд омрачается.

– Очень паршиво себя чувствуешь, когда тебя вытаскивают, но ты при этом сознаешь, как много ребят там остается. Ты уже едешь домой, а они по-прежнему – лишь номера в долгих списках, часть ежедневной статистики. Потому что у их отцов оказалась не та фамилия.

Я с трудом подавляю дрожь, вспоминая, что рассказывали о лагерях для военнопленных: постоянный голод, принудительные работы, выматывающие допросы и ограждения под током. Я никогда не прощу Оуэна Перселла за то зло, что он нам причинил – мне, моей дочери, Энсону, – но я не смею корить его за то, что он потянул за все имеющиеся у него рычаги и связи, лишь бы вернуть сына домой.

– Долго тебя там держали?

– Шесть недель в тюремном госпитале, потом переправили в лагерь под Мосбургом. Там пробыл три с половиной месяца. Я был *kriegie*^[58] номер 7877.

– Ты был... кем?

– *Kriegie*. Укороченный вариант немецкого обозначения военнопленных. Мы все ходили под номерами. Мой номер был 7877.

В самой глубине груди я чувствую саднящую боль, как будто расшевеливают зажившую рану. Я так долго жила с осознанием его смерти, но теперь мне почему-то еще больнее – когда я знаю, какие страдания он перенес, и от того, что он чувствует себя виноватым за то, что сумел выкарабкаться.

– Твой отец... – Я тут же осекаюсь, но, вдохнув поглубже, продолжаю: – Пришла телеграмма, где говорилось, что ты пропал без вести. Твой отец обзвонил всех, кого только смог вспомнить, однако никто не знал, где ты можешь находиться. Говорили, что на тебя напали из засады и, вероятнее всего, убили. И тогда твой отец отослал меня прочь – зная при этом, что я ношу твое дитя. Он так и не сказал мне, что ты... – Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать слезы. – Я не знала, Энсон, что ты жив. Если бы я это знала, ничто на свете не смогло бы меня где-то удержать.

– Даже Майлз Мэддисон?

Имя Мэдди застаёт меня врасплох. И в голосе у Энсона чувствуются какие-то новые нотки – более жесткие и холодные, как будто он меня на чем-то поймал.

– Какое вообще отношение к нам имеет Мэдди?

– Не к *нам*, а к *тебе*.

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь.

Он в упор смотрит на меня, явно укоряя за что-то, – но я не понимаю за что.

– Объясни, пожалуйста, о чем ты говоришь.

Энсон снова складывает руки на груди и смотрит на меня с такой леденящей улыбкой, что волоски на моей коже встают дыбом.

– А что, если я скажу, что на самом деле тебя искал. Когда мой отец заявил, что понятия не имеет, где ты, то я нанял частного сыщика – мистера Генри Вэйла – чтобы тебя найти. И он нашел.

Мне кажется, будто в комнате нечем дышать. Это не может быть правдой. Просто никак не может быть! Если он все это время знал, где меня найти... Ошеломленно я делаю шаг назад, потом еще один, пока не оказываюсь снова возле бара.

– Ты знал, что я здесь, в Бостоне? Все эти годы? И даже не показался?

– Третий лишний, – пожимает он плечами. – Хотя, надо признать, фотографии были хороши. Мне показалось, вы прекрасная пара. Он, на мой взгляд, немного староват, но, может быть, ты предпочитаешь более презентабельных. Некоторых женщин это привлекает. Где он, кстати, теперь?

Совершенно сбита с толку, я качаю головой:

– Мы говорим сейчас о Мэдди?

– А что, был кто-то еще?

Мои нервы натянуты, как скрипичные струны. Я не вижу здоровой логики в его словах.

– «Кто-то еще» – что? И какие фотографии, Энсон?

– Те, что мне предоставил мистер Вэйл.

Я словно цепенею.

– Со мной?

– На самом деле, с вами обоими. Одна – где вы вдвоем в кухне, причем оба в халатах, готовите завтрак. Очень по-домашнему. Другая – где он кормит тебя каким-то пирожным в кафе, и ты практически у него на коленях. Но самая моя любимая, пожалуй, та, где вы вдвоем танцуете. Где он обвил тебя руками, а ты прижалась щекой к его щеке. Определенно, я не зря потратил деньги. И, полагаю, что он тоже.

Я так потрясена услышанным, настолько взбешена, что даже не знаю, с чего начать.

– Ты кому-то заплатил, чтобы меня найти? И чтобы за мной шпионить? С фотоаппаратом?

– Найти тебя оказалось не так уж и сложно. На это ушло меньше недели, насколько я помню. Но когда Вэйл мне сообщил, что ты в Бостоне и что ты путаешься с мужчиной, который годится тебе в отцы, я ему сказал, что он ошибся. Что та женщина, которую я ищу, любит *меня*. Тогда он раздобыл мне доказательства.

Откинув назад голову, я закатываюсь смехом. Видимо, события нынешнего дня ввели меня уже в несколько истерическое состояние, или, быть может, так подействовал коньяк – но неожиданно мне все это кажется ужасно комичным.

– Ты решил, что я... *путаюсь*... с Мэдди? Что мы с ним... – Я снова взрываюсь смехом. – Вот так доказательство!

Его лицо темнеет. Его злит, что меня это забавляет.

– Я не слепой, Солин.

– Боюсь, что слепой, Энсон. Точно слепой! Майлз Мэддисон был моим патроном и близким другом. А еще он был геем. Он дал мне работу, когда... после того, как родилась Асия. И дал жилье. Можно сказать, что я уже находилась на грани отчаяния, когда он меня спас. Порой мы с ним сцеплялись как кошка с собакой – и в то же время безумно друг друга любили. Но мы никогда не были любовниками. И даже будь он нормальной ориентации, между нами все равно никогда бы не могло что-то быть. Потому что я по-прежнему любила тебя.

– Если не считать того, что, насколько тебе было известно, я погиб.

Я непонимающе смотрю на него, возмущенная всей абсурдностью этой фразы.

– Ты думаешь, что это все меняет? Чья-то смерть? В моей жизни был только один мужчина, Энсон. И меня изумляет то, что ты этого не понимаешь. Но вот тот факт, что ты поверил наговорам своего отца, а не мне, что ты так легко подумал обо мне самое худшее, изумляет меня еще сильнее. Твой отец отобрал у меня дочь – мою новорожденную дочурку – и заставил меня поверить, что она умерла. При том что я уже потеряла тебя, он отнял у меня и ее – и еще кому-то заплатил, чтобы ее отдали чужим людям. Ведь он и у тебя ее забрал, Энсон. Но вместо того, чтобы узнать побольше о ней, ты явился ко мне с упреками в сторону Мэдди. В этот момент ты даже говорил, как твой отец!

Я делаю паузу, ожидая, что он мне что-нибудь ответит, но Энсон лишь пристально смотрит на меня, стиснув кулаки. От его молчания болезненный спазм перехватывает мое горло.

– Тогда мне казалось совершенно невыносимым то, что ты – его сын. Но теперь я вижу, что в тебе намного больше от него, чем мне представлялось. – Я проглатываю слезы, стараюсь говорить ровным, решительным голосом. – Возможно, судьба нам *обоим* оказала милость.

Видя, как напряглись его плечи, я понимаю, что задела Энсона за живое. И я этому рада. Некоторое время мы молча смотрим друг на друга в гневе и раздражении. Похоже, нам больше уже нечего сказать.

Энсон медленно поднимается, словно ему свело ногу.

– Я пойду.

Я киваю, уже не доверяя своему голосу. Я отчаянно хочу, чтобы он ушел, – и все же мысль о том, что он навсегда покидает мою жизнь, наполняет меня невыносимой горечью и мукой.

Он направляется было к двери, потом вдруг оборачивается.

– Да, чуть не забыл, – говорит он и сует руку в карман. – То, зачем я, собственно, пришел.

Мгновение пошарив пальцами в пиджаке, он вынимает уже сомкнутый кулак, потом вытягивает мою руку из кармана. Сначала я пытаюсь сопротивляться, но тут же вижу на своей, обтянутой перчаткой, ладони собравшуюся лужицей нитку гранатовых бусин – мамины четки.

В горле застревает всхлип, готовый превратиться в рыдания. Я вспоминаю тот момент, когда отдала их ему. И обещание, данное той ночью, когда была зачата наша дочь. Я поднимаю глаза, всматриваясь в лицо Энсона.

– Ты их сохранил?

– Я же обещал, что верну их тебе. Вот, вернул. Теперь все кончено.

От бесповоротности его слов меня словно окатывает ледяной водой, и я внезапно понимаю, *что* он имел в виду, когда сказал, что пришел «покончить со всем этим». Это означало, что он явился исполнить свою часть нашего уговора. И, не успев себя остановить, я заливаюсь слезами. Будто бы он сорок лет планировал, как лучше вырезать мне сердце! И не когда-нибудь – а именно сегодня, в тот самый день, когда я узнала, что наша дочь жива, он решил вскрыть другую рану. Что ж, да будет так.

– Подожди здесь, – хрипло говорю я. – У меня тоже есть кое-что для тебя.

Когда я возвращаюсь, Энсон стоит возле дивана, перелистывая фотоальбом, который мне оставила Рори. Я резко вырываю у него из рук альбом.

– Я предпочла бы, чтобы ты этого не трогал.

– Они обе так похожи на Тию...

На мгновение в его лице проступает та нежность, что была свойственна прежнему Энсону, которого я когда-то знала.

– Они похожи на тебя, – тихо отвечаю я. – Особенно Рори.

Уголки его губ слегка ползут вверх, на лице появляется неловкая улыбка, которая мгновенно исчезает.

– Я почему-то всегда представлял, что наша дочь будет похожа на тебя. Похоже, ничего не получилось так, как я задумывал.

– Точно, – киваю я, – ничего.

Я кладу на диван альбом и вручаю Энсону его дорожный бритвенный набор:

– Вот, это – твое.

Он берет несесер, медленно вертит его в руках. Наконец поднимает на меня глаза:

– Ты его хранила... сорок лет?

– Ты совершенно точно знаешь, сколько я его хранила, – сухо отвечаю я. – Я бы отдала его и раньше – но раньше ты был мертв.

– Солин...

Я отворачиваюсь, устав от этих препирательств, но Энсон хватается за запястье и разворачивает лицом к себе. И, кажется, только сейчас до него доходит тот факт, что у меня закрыты руки. Он вдруг замирает, и лицо его становится непроницаемым.

– Почему на тебе перчатки? Что у тебя с руками?

– В моем салоне случился пожар, – отвечаю я, с трудом выдерживая его взгляд. – Уже четыре года назад. Я пыталась спасти платье, и огонь перекинулся мне на рукава.

– И ты...

– Да, обгорела.

Морщинки вокруг его глаз слегка разравниваются, его ладонь ослабляет хватку.

– Прости. Я не знал.

Тепло от его пальцев просачивается сквозь перчатку, лишая меня способности думать. Я высвобождаю руку.

– Ты много о чем не знаешь.

– Солин...

– Ох, пожалуйста, не лучше ли тебе уйти... – вырывается у меня, будто рыдание. В голосе отчаяние, разбитость. – Ты сказал мне все, что хотел сказать, и сделал то, зачем пришел. Чего еще ты хочешь?

– Я хочу узнать, почему ты сохранила мой несессер.

– Мы же договаривались. Помнишь? – Я заставляю себя посмотреть ему в глаза, и горло точно забивается стеклянными осколками. – Ты сегодня пришел, чтобы исполнить свою часть. Теперь я выполнила свою. *C'est fini*. Все кончено.

– В самом деле? – тихо спрашивает он. – Для тебя теперь все кончено? Но для меня – нет. Да, я хотел с этим покончить. Когда я вернулся после войны домой и обнаружил, что ты уехала, когда я увидел твои фотографии с другим мужчиной и подумал... Я бы все тогда отдал, лишь бы покончить с этим. – Дыхание его становится хриплым, в ямочке на горле начинает часто биться пульс. – Я пытался вытеснить тебя алкоголем, затопить тоску в стакане, но от этого все стало только хуже. Ты была для меня точно яд. Твое лицо, твой голос отравой ходили у меня по жилам. Даже сейчас... – Он резко умолкает,

прочесывая пятерней еще влажные от дождя волосы. – За эти сорок лет не было ни дня, чтобы я не думал о тебе, Солин. Чтобы не спрашивал себя: нет ли какого-то способа...

Тут его голос обрывается, и Энсон закрывает глаза, словно застигнутый внезапной болью. Когда он снова поднимает веки, глаза у него воспалены, взгляд потускнел.

– Минут пять назад, когда ты спросила, что со мной тогда произошло, я тебе рассказал, как лежал на дороге, ожидая смерти. Я сказал, что отключился, но не сказал, как именно это произошло.

У меня сжимается горло. Я больше не хочу этого слышать, не хочу представлять его раненым и окровавленным, полным страха смерти.

– Прошу тебя, Энсон...

– Я вытащил из кармана эти четки и стал снова и снова произносить твое имя – громко, как молитву, – пока не увидел твое лицо. Потому что мне хотелось, чтобы я его увидел перед смертью. Если я снова смогу тебя увидеть, то значит, все нормально... можно уходить... Когда я очнулся в госпитале, четки лежали рядом со мной. И у меня было такое чувство, будто ты тоже рядом. Вот почему я хранил их все эти годы. Потому что все то время, пока они у меня находились, я чувствовал, будто по-прежнему связан с тобой. Будто то, что было между нами в Париже, на самом деле так никогда и не закончилось. И когда ты дала мне вот это... – Он опускает взгляд на футляр и пожимает плечами. – Я подумал, что, может быть, ты хранила его по той же самой причине.

Я не заплакала после его признания. Я всей душой хочу поверить ему, довериться вновь. Но боль всех этих сорока лет никуда не исчезла, она по-прежнему заполняет меня.

– Почему ты ни разу не пришел ко мне, Энсон? Ведь я же была здесь. Все это время я была здесь, пытаюсь научиться жить без тебя. Ты сказал, что хотел видеть мое лицо, но ты никогда не видел мою душу, если смог поверить, что я способна предать память о тебе с другим мужчиной. У меня никогда не было никого, кроме тебя. Ни тогда, ни сейчас. Ведь мы могли бы быть вместе – но ты позволил своему отцу победить. Он хотел, чтобы ты меня возненавидел, так оно и случилось.

– Нет, я не смог тебя возненавидеть. Я хотел. Пытался. Но в итоге возненавидел себя. Того, кем я стал после войны и госпиталей. Жестким. Озлобленным. Бóльшую часть времени проводящим с бутылкой. И ты была права, когда сказала, что я стал похож на него. Я сам такое допустил. Я оправдывал это войной... и тобою. Пока однажды не посмотрел в зеркало и не увидел там вместо себя *его*. Все, что я так в жизни ненавидел, – смотрело на меня из отражения. В тот вечер я впервые пошел на заседание «Анонимных алкоголиков». С тех пор я стал прокладывать себе дорогу обратно.

– Обратно к чему?

– К этому, – хрипло отвечает он. – К тебе.

Я не поддаюсь – не верю этим словам. Сказать слова – ничего сложного.

– Но когда Рори летала к тебе в Сан-Франциско... Когда она сообщила тебе...

Энсон отворачивается, как будто ему больно это вспоминать.

– За двадцать лет трезвости я ни разу так не нуждался в выпивке, как в тот вечер. Скажем, содовая не сильно помогает при подобных известиях. Все мои ошибки и вся давняя горечь, и моя треклятая гордость, и вообще все, с чем я, казалось бы, покончил... У меня было такое чувство, будто Рори со всего этого разом содрала нарощую корку. И мне невыносимо было это видеть. Она рассчитывала, что я сознаюсь в этом самом большом промахе своей жизни, – а я был еще не готов.

– А теперь?

– Теперь все изменилось. В прошлый раз, когда я увидел твое лицо – как будто весь прежний яд снова ринулся мне в жилы. Я решил прийти сегодня сюда, чтобы с этим покончить. Думал, верну тебе четки – и все будет позади. Но теперь я понимаю, что это никогда не закончится, и я не знаю, что мне с этим делать. Если только признать наконец свою вину... и сказать, что я всем сердцем раскаиваюсь. И в тех годах, которых мы с тобой лишились. И в том, что произошло с нашей дочерью. И в том, что я поверил в отцовскую ложь. – Он берет меня за руку, поглаживая тыльную сторону кисти через перчатку с такой нежностью, что у меня перехватывает дыхание. – И в этом тоже.

Чувствуя, что я не сопротивляюсь, он поднимает мою руку к губам. Костяшками пальцев я чувствую тепло его дыхания и, развернув ладонь, обхватываю его щеку – как будто это самый что ни на есть для нас естественный жест, как будто никаких лет не прошло. Память порой играет с нами шутки. И сердце тоже. И я поражаюсь тому, как простое прикосновение к щеке, осязание пальцами знакомых очертаний его лица способно стереть столько лет боли и потерь и сделать тебя таким восприимчивым и открытым.

Он накрывает мою ладонь обеими руками, как будто боится, что я сейчас отниму руку.

– Скажи мне, что ты хочешь, Солин, и я это сделаю. Если ты хочешь, чтобы я ушел, – я выйду сейчас в эту дверь, и ты меня больше не увидишь. Но если ты хочешь, чтобы я остался, я весь остаток жизни потрачу на то, чтобы вернуть тебе те годы, что мы упустили.

Слезы застилают мои глаза, лицо Энсона начинает расплываться перед взором.

– Мы никогда не сможем вернуть те годы, Энсон. Они ушли.

Кивнув, он опускает руки и отступает назад, чтобы я не могла его коснуться.

– По-видимому, да.

Глядя, как он подходит к входной двери, я чувствую, что у меня сжимается горло, и вспоминаю то утро, когда я покинула Париж. Если бы тогда я знала, что пройдут долгих сорок лет, прежде чем я увижу его снова, – разве бы я позволила нам разлучиться? И неужели я допущу это сейчас?

В голове снова проносятся слова *Maman*: «В жизни бывает пора, когда надо всеми силами за что-то держаться, а бывает время, когда надо это отпустить. И ты должна научиться распознавать разницу».

И внезапно мне действительно удается это понять.

Энсон уже поднимает ворот пиджака, готовясь вынырнуть из двери под проливной дождь, но тут я ловлю его за руку. Потому что у меня нет еще сорока лет, чтобы их просто потерять – и у него их нет тоже.

– Мы не можем вернуть те годы, Энсон. Но, может быть, нам удастся сделать что-нибудь с тем временем, что нам еще осталось?

Глава 47

Солин

31 октября 1985 года.

Бостон

Мы просыпаемся с лучами утреннего солнца, струящимися в окно спальни. Встретившись со мной глазами, Энсон робко улыбается, и на мгновение мне кажется, будто этих сорока лет и не прошло. Будто мы все те же двое, встретившиеся в людном коридоре американского госпиталя. Красавчик-герой и испугавшаяся крови волонтерка. Однако мы совсем уже не те. Время оставило на нас шрамы, превратив совсем в других людей. В тех, кому предстоит изрядно потрудиться, чтобы снова узнать друг друга. Но мы решили попытаться.

Есть множество пробелов, которые предстоит заполнить – прошедшие напрасно годы и пустые мечты, – и мы уже начали эти пробелы заполнять. Я рассказала ему о роде Руссель и о нашем необычном ремесле. А он поведал мне о тех лицах, что до сих пор преследуют его во снах и то и дело будят среди ночи. О призраках из Мосбурга. Нам еще много чего надо друг другу рассказать. У каждого из нас за годы накопилась своя доля мрачных теней, – но есть и светлые участки, и рано или поздно мы доберемся и до них.

Мы лежим среди сбившихся простыней, зардевшиеся и смущенные, и сбивчиво, неловко переговариваемся, стараясь сориентироваться в этой новой для нас реальности. Слишком много времени прошло с тех пор, как кто-то из нас просыпался от прикосновений любимого человека. Делить с кем-то ложе и тело, как и наслаждаться тем, что обычно следует за этим, – непривычная для нас обоих территория.

То и дело один из нас вдруг замирает и просто смотрит во все глаза на другого, или протягивает руку, отваживаясь на легкое касание, чтобы лишний раз убедиться, что все это происходит на самом деле, и внезапно я с полной ясностью сознаю, что так у нас могло бы быть – *должно* было быть – все эти годы, каждое утро, начиная с той первой нашей ночи. Мы могли бы подниматься с восходом солнца – молодые влюбленные с новообретенным удивлением пред открывающимся им

миром и друг перед другом. Нас обманом лишили этого утра. Однако у нас есть шанс, как говорит Рори, все переиграть – возможность прожить остаток жизни иначе, лучше, замечательнее.

Наконец мы встаем, и я готовлю кофе, пока Энсон садится за телефон у меня в кабинете, чтобы сделать несколько звонков. Затем я веду его в «*Bisous Sucrés*» за круассанами, а потом мы проходим пару кварталов до парка Коммон. Деревья уже почти что облетели, и земля усыпана слоем пергаментно-сухих листьев. Утренний воздух слегка пощипывает холодом. Мы прогуливаемся вокруг Лягушачьего пруда и наконец находим себе скамеечку на солнце. Мы не переставая разговариваем, один за другим заполняя скопившиеся за сорок лет пробелы, пока в нашей беседе не возникает внезапное затишье. Я наблюдаю, как малыш двух-трех лет вперевалочку пытается догнать пару уток, а мама следует за ним по пятам.

– Я люблю здесь бывать, – со вздохом говорю я. – Это местечко напоминает мне Париж и то время, когда мы сбегали с тобой в парк, чтобы перекусить на природе. Я частенько прихожу сюда по воскресеньям с кофе и круассаном. Потому что оно всегда напоминает мне о нас. Вот почему мне захотелось сегодня сюда прийти. Чтобы показать тебе.

– Я здесь уже бывал, – отвечает Энсон, и голос его становится неожиданно печальным.

– В парке Коммон? – Мне даже в голову не приходило, что вопросы его бизнеса могли привести Энсона в Бостон, хотя, наверное, в этом нет ничего удивительного. – А когда?

Глаза его затуманиваются невеселыми мыслями, и он отворачивается.

– Бывало, я возвращался домой, – тягостно говорит Энсон, – и начинал тосковать по тебе так сильно, что боялся снова запить. И тогда я садился в машину и приезжал сюда, и бродил здесь часами, надеясь, что хотя бы мельком увижу тебя.

Это признание меня будто оглушает.

– И видел?

– Нет.

– А если бы это случилось?

– Не знаю, – пожимает он плечами. – Мне хотелось бы думать, что мы непременно оказались бы вдвоем на этой вот скамейке,

что каким-то непостижимым образом мы обязательно должны были здесь оказаться. Но я в этом не уверен, и мне даже немного страшно об этом думать.

Я переплетаю наши пальцы, глядя ему в глаза.

– Знаешь, Рори однажды спросила меня, верю ли я в то, что определенным событиям неминуемо суждено случиться. Я тогда засомневалась в ответе, но теперь знаю точно. Каким-то удивительным образом, вопреки всему, мы снова нашли друг друга – причем с помощью внучки, о существовании которой ни один из нас даже не подозревал. Мне трудно это объяснить. Я знаю только, что мы действительно здесь, вдвоем, на этой вот скамье. И остальное уже не имеет значения.

Энсон отвечает мне долгим поцелуем, и я вспыхиваю, как девчонка-школьница, внутри у меня словно трепыхаются крылышки бабочек.

Когда мы наконец размыкаем уста, он улыбается мне по-мальчишески, своей широкой американской улыбкой.

– Надо не забыть поблагодарить нашу внучку, – говорит он с хрипотцой. Тут улыбка сходит с его лица, Энсон бросает взгляд на часы и внезапно становится очень сосредоточенным. – Кстати, о Рори. Я ведь тебе так и не сказал, зачем приходил в тот вечер в галерею. Я пришел встретиться с Рори, а потом... появилась ты. – Он на миг умолкает, нежно касаясь моей щеки, но лицо его остается предельно серьезным. – Рискую нарушить всю прелесть момента, но мне необходимо вернуться в отель. Я жду важного звонка, а потом мне понадобится поговорить с Рори. Лично. При встрече.

Глава 48

Рори

С чашкой свежесваренного кофе Рори уселась за стол в кабинете и раскрыла ежедневник. Закончив с раскрытием семейного прошлого, она наконец могла погрузиться в повседневные заботы по содержанию галереи. Бизнес пока шел неспешно, что, впрочем, и ожидалось в ближайшее время, и Рори планировала использовать этот период затишья для расширения контингента художников, а также на то, чтобы приступить к планированию нескольких мероприятий на весну, которые появились в ее задумках. А еще после всех треволнений последних дней ей не помешало бы немножко просто отдохнуть.

Она написала себе «напоминалку», чтобы купить благодарственные открытки, и тут же услышала с первого этажа мягкий перезвон, сообщавший, что кто-то вошел в галерею. Рори глотнула кофе и неторопливо направилась к лестнице. Нет нужды сразу набрасываться на посетителя. Пусть войдет, спокойно оглядится... Но когда она вышла на площадку, то вместо потенциальных покупателей увидела Солин... и Энсона.

Первоначально в ней всколыхнулась паника, однако чем дальше Рори всматривалась в них, тем больше понимала, что все замечательно. Даже более чем замечательно. Энсон, как само собой разумеющееся, держал ладонь на поясице Солин, а та с нежностью смотрела на него широко раскрытыми глазами.

«Мне кажется или она краснеет от смущения?»

Рори двинулась к ним по лестнице, не в силах сдержать улыбку.

– Если мои догадки верны, то что-то произошло с тех пор, как я видела вас обоих.

Солин взяла Энсона за руку:

– На самом деле, очень многое.

Невозможно было не заметить, какая разительная перемена произошла в Энсоне с момента их первой встречи в Сан-Франциско. Держа за руку Солин, он выглядел сейчас едва ли не юнцом, как будто груз сорока лет внезапно сняли с его плеч. Рори понятия не имела, что между ними произошло и как наконец все прояснилось. Она лишь

знала, что все получилось правильно, как будто круг наконец замкнулся.

– Мне теперь, наверное, нужно называть вас дедушкой? Или дедой? Или, может, деданом?

Энсон смущенно кашлянул, прочищая горло.

– Это мы обсудим как-нибудь потом. А сейчас нам надо поговорить совсем о другом.

Солин быстро взглянула на Энсона и вновь устремила глаза на нее.

– У нас есть кое-какие новости, Рори. О Хаксе.

– Новости?.. – повторила Рори, и комната вокруг как будто закачалась. – Какого рода... новости? – упавшим голосом спросила она.

Отпустив руку Солин, Энсон подошел к Рори вплотную.

– В тот вечер, когда мы виделись в Сан-Франциско, ты обмолвилась, что твой жених уже несколько месяцев числится пропавшим без вести. Я запомнил его имя и на следующий день решил связаться с разными людьми по телефону.

Рори крепко вцепилась в перила, ее ладонь внезапно стала липкой от пота.

– После войны, – продолжал Энсон, – когда врачи закончили наконец возвращать меня к жизни, я пошел работать в Красный Крест. Адвокатом заключенных. У Комитета имеются работники по всему миру, специализирующиеся на ведении переговоров и вызволению арестантов. Некоторые дружат между собой. А потому я взялся за телефон и поискал, у кого может оказаться какой-нибудь полезный контакт.

– И такой нашелся?

Энсон прищурился, глядя на нее:

– Может, ты лучше сядешь? Пока мы разговариваем?

– Нет. Просто скажите мне все, как есть. Пожалуйста!

– Пару месяцев назад органы Госдепартамента получили наводку. Некто заявил, что заметил двоих мужчин и женщину в селе близ суданского города Атбара в сопровождении двоих вооруженных мужчин. Они стирали одежду у колонки в самом центре поселка. Когда они закончили, им жестами велели вернуться в зеленый фургон без опознавательных знаков. Наши ребята восприняли эту наводку

скептически, и у них были на то причины. Едва ли в Судане найдется хоть одна живая душа, кто ни разу не слышал о похищениях людей – и, соответственно, о вознаграждениях. Как только возникает возможность урвать денег, отовсюду слетаются тучи обманщиков. Источник оказался сомнительным, а информация – тупиковой. Однако нашелся-таки один наш товарищ, который решил не упускать эту ниточку, и его старания увенчались успехом. Они нашли его, Рори. Точнее, нашли всех троих – живыми. Это все, что я знал, когда в тот вечер пришел к тебе в галерею. Что он жив. А пару часов назад мне позвонил один мой друг. Прошлой ночью их выпустили. Их, конечно, необходимо будет обследовать, и, если не возникнет серьезных медицинских проблем, через неделю-другую Хакс уже отправится в Штаты.

Рори тяжело опустилась на нижнюю ступеньку, закрыв лицо руками. Слезы сначала подступали беззвучно, собираясь тугим комком в горле, пока у нее не возникло ощущение, будто в ней сейчас прорвет плотину.

«Живой. В безопасности. Скоро домой...»

Наконец из той глубины черного отчаяния, в которую она так долго старалась не смотреть, вырвались громкие рыдания. *Домой!* Это слово как будто звучало у нее в крови, снова и снова с ликованием прокатываясь по артериям и венам. Хакс возвращается домой – после десяти месяцев бог знает чего! Ей доводилось слышать разные истории – всякий что-нибудь подобное да слышал! – о том, как люди возвращались из плена настолько искалеченными душевно и физически, что уже не могли вернуться к прежней жизни.

Рори подняла голову, утерев глаза рукавом:

– А они не сказали... Вы не знаете, он...

– Не знаю. Но если было бы что-то серьезное, мне бы это сказали. Это не означает, что ему не выпало тяжелых испытаний. И таким людям всегда необходим какой-то период адаптации. У кого-то более тяжелое состояние, у кого-то – менее. Однако есть специалисты, занимающиеся именно такими видами психологической травмы. И что еще более важно – у него будешь ты.

Рори молча кивнула, снова заливаясь слезами. Конечно же, у него будет она – а у нее будет он. И вместе они сумеют все преодолеть.

Спустя какое-то время Рори почувствовала, как рядом с ней на ступеньку опустилась Солин. Она снова промокнула лицо рукавом и улыбнулась сквозь слезы:

– Он возвращается домой!

– *Oui, ma petite*^[59]. Он возвращается домой. И наконец у тебя настанет счастливый финал сказки.

– Мне до сих пор не верится. Иногда я уже думала, что этому никогда не суждено случиться – и вдруг это происходит! Я знаю, что ему еще ко многому придется привыкнуть, со многим справиться, – но мне уже не терпится познакомить тебя с ним, а его – с тобой и Энсоном. И показать ему свою галерею. Ведь столько всего за это время произошло!.. – Она замолчала, чтобы перевести дух, потом робко улыбнулась. – Прости, я, наверное, путаюсь в словах, но мне кажется, что это какое-то чудо. И, кстати, о чудесах... – Она указала подбородком на Энсона, который отошел к одному из экспонатов, чтобы, по-видимому, не мешать им разговаривать. – Как *это* случилось?

Солин лукаво улыбнулась:

– О, *ma petite*, сейчас слишком долго рассказывать. И мы пока не понимаем, куда нас это приведет. Но точно знаем, что хотим это выяснить.

Рори захлестнула новая волна радости. После стольких лет разлуки, после таких душевных мук – примирение.

– Я так рада, Солин! Он никогда не переставал тебя любить. Это написано на его лице.

Солин улыбнулась шире, посмотрев на Энсона, который, наморщив лоб, переходил от одной картины к другой.

– Нам определенно есть что рассказать твоей матушке.

Рори кивнула, шумно шмыгнув носом:

– Можешь позвонить ей из моего кабинета, если хочешь, и во все ее посвятить. А я хочу уединиться на минутку с Энсоном, если ты не возражаешь.

Подождав, пока Солин поднимется на второй этаж, Рори отправилась искать Энсона. Обнаружила она его перед одной из своих работ. Услышав ее шаги, Энсон обернулся:

– Вот это – нечто совершенно потрясающее!

Рори выдавила взволнованную улыбку:

– Спасибо.

Некоторое время они просто молча стояли, глядя друг на друга, и на мгновение Рори испугалась, что она вот-вот снова расплачется.

– Я отправила Солин наверх, в кабинет, позвонить моей маме, потому что хотела минутку с вами поговорить. Чтобы сказать, как я благодарна вам за то, что вы сделали для Хакса. И для меня. Вряд ли я могла сильно расположить вас к себе, когда мы первый раз встретились, и все же вы... – Она умолкла на полупhrase, подавляя новый приступ слез. – Я даже не знаю, как вас благодарить. Я бесконечно вам признательна.

– Я внес лишь маленькую лепту в исход дела. Хотя я бы сказал, что мы квиты.

– Вы имеете в виду вас и Солин?

Энсон засиял, точно впервые влюбленный мальчишка.

– Пожалуй, то, как я попал в засаду в баре отеля «*Fairmont*», было самое лучшее, что когда-либо случилось в моей жизни.

У Рори полыхнули щеки. Для нее эта встреча тоже обернулась наилучшим образом. И для Камиллы тоже. Тем вечером в баре Энсон с ходу ей заявил, что в деле Хакса нет никаких шансов на счастливый исход. Как выяснилось, он ошибался, и Рори была бесконечно этому рада.

– Я до сих пор не представляю, как это случилось, но, похоже, после долгого отсутствия бабушки с дедушкой я вдруг обрела их в полном комплекте. Как думаете, можно мне теперь вас... тебя обнять?

Ее просьба явно застала Энсона врасплох. Шумно глотнув, он все-таки кивнул:

– Я тоже был бы этому рад.

Рори шагнула в его объятия, глубоко вдыхая его запах – аромат мыла и цитруса, с легким оттенком пены для бритья. Он был едва ощутимым и в то же время очень мужским – запахом комфорта и безопасности. Как же она прожила столько лет, не имея возможности его вдыхать? Судя по всему, ей уже очень нравилось иметь бабушку с дедушкой, хотя действительно придется хорошенько подумать, как бы называть их по-другому.

Несколько мгновений спустя они услышали стук каблучков приближающейся к ним Солин.

– Смотрите-ка! Вы, я вижу, вовсю уже наверстываете упущенное.
Рори подмигнула Энсону:

– Думаю, нам всем есть что наверстать. Так ты ей позвонила?

– Позвонила.

– И все ей рассказала? Не только насчет Хакса, но и вообще про все?

– Ну... почти.

– И как она? Рада?

Солин с хрипотцой усмехнулась:

– Ну а ты как думаешь? Она уже собралась звонить Тие, а потом приедет сюда. Говорит, что уже пора начинать планировать вечеринку по случаю твоей помолвки. Ну а потом и саму свадьбу.

Рори позволила этим словам улечься в сознании. «Планировать свадьбу». Ее свадьбу. От этой мысли ей даже захотелось себя ущипнуть, чтобы проверить реальность происходящего. Хакс возвращался домой – возможно, и не совсем невредимый, но домой, к ней. Да, конечно же, у них будет свадьба, хотя и не так скоро – ему все же понадобится время, чтобы восстановиться, – но она будет ждать этого столько, сколько ему потребуется. А уж насчет всего остального они подумают вместе.

Эта мысль наполнила Рори тихой радостью – подобно легкой серебристой ряби, расходящейся по поверхности пруда, которая потихоньку расширяется, пока не достигает берега.

Рори широко улыбнулась:

– Надо думать, в какой-то момент мне понадобится свадебное платье, – обратилась она к Солин, после чего повернулась к Энсону: – А также тот, кто поведет меня к алтарю.

Это по-прежнему казалось невозможным. Такое непостижимое стечение счастливых событий! Пересечение жизненных путей. Воссоединение влюбленных сердец. Восстановление семей. И все благодаря старой коробке, которую она нашла в закутке под лестницей в начисто выгоревшем здании. Благодаря коробке, полной счастливых финалов, и, возможно, легкому прикосновению *la magie*.

Эпилог

Солин

Для каждой заказчицы-невесты должно быть составлено особое, исключительное связующее заклинание, предназначенное для нее, и только для нее. Заклинание будет принадлежать ей вечно и никогда не может быть использовано повторно.

Эсме Руссель. Колдунья над платьями

17 мая 1986 года.

Лайман, штат Массачусетс

И вот наконец близится момент бракосочетания.

Я стою у окна, глядя на пологие лужайки и любовно ухоженные изгороди, на клумбы с цветущими розовыми пионами и на небо, такое пронзительно голубое, что режет глаза. Чтобы избавиться от этого жжения, я часто моргаю, боясь испортить праздничный макияж. На берегу озера виднеется симпатичная беседка, увитая бесконечными лианами плюща и украшенная легким белым тюлем, а перед ней – несколько рядов складных садовых стульев. Ожидается небольшое, очень камерное мероприятие, ограниченное лишь членами семьи и близкими друзьями.

Камилла надеялась устроить нечто грандиозное – с банкетным залом в отеле «*Park Plaza*», со струнным квартетом и гирляндами из душистых белых лилий. Однако ее предложения отклонили, и Камилле пришлось довольствоваться скромной церемонией в саду, на территории небольшого поместья в окрестностях Бостона.

Я смотрю на часы. Осталось еще несколько минут. Рори сейчас с матерью – невесту одевают к выходу. Хакс увел куда-то Энсона, чтобы поправить сбившуюся у того бутоньерку. И я осталась одна со своими мыслями – что случилось со мной практически впервые за долгие недели.

Во-первых, я не понаслышке узнала, сколь дорогостоящим делом является планирование свадьбы. И вдвойне обременительным – если

заниматься заодно дизайном платья и следить за его пошивом. Я очень переживала, доверяя кому-то другому свои эскизы, но в итоге осталась очень довольна тем, как они воплотились в реальность, и больше чем рада готовому изделию – платью из атласа цвета слоновой кости, с расширяющимся книзу, трапециевидным силуэтом, длиной почти до щиколотки, с запашным лифом и пышным тюлевым подъюбником. Быть может, платье и не для принцессы, но, безусловно, для еще одного счастливого финала.

Я вспоминаю о заклинании, которое мне удалось вшить в левый боковой шов. С моими плохо гнущимися и ноющими от усилий пальцами на это ушло две недели, и получилось, быть может, не так красиво, как бы мне хотелось, – но я его все же сделала. Надеюсь, что, учитывая обстоятельства, *La Mère*^[60] не скинет мне баллы за неаккуратность – чего я наверняка бы не сказала про *Maman*.

Я часто думаю о ней в последние несколько дней. Мамин голос снова звучит в моей голове, напоминая обо всех поколениях рода Руссель, об этой нити, тянущейся из далекого прошлого. О женщинах, обреченных на жизнь без любви, – как, по крайней мере, гласит семейная история. Нас всех с ранних лет учили, *что* нам положено иметь – а *что* не суждено. Наставляли не стремиться к тому, что предназначено другим, потому что, мол, где-то на этом долгом пути кто-то из нашего рода нарушил чьи-то чужие правила.

Но я пришла к убеждению, что мы сами создаем себе проклятия и несем их через всю жизнь, потому что кто-то нам сказал, что таков, мол, наш удел. Нас учили наследовать сердечные муки наших матерей и переживать их беды заново, воспринимая их терзания как свои собственные и передавая их следующим поколениям. И так и будет проворачиваться круг за кругом, пока одна из нас не скажет этому решительное «нет» – и проклятие наконец разрушится. Потому что мы открыли совершенно новую форму магии – ту, что сопутствует собственному выбору, когда с уверенностью говоришь: «Я буду заниматься чем-то другим, я стану кем-то другим, в моей жизни будет нечто совсем иное». Вот какой урок пыталась преподать мне *Maman* в ту ночь перед своим уходом. Что нет никаких проклятий. Есть лишь шаблоны, которые необходимо разрушать. Есть мечты, за которыми нужно стремиться. И есть магия, которую надо творить.

Снова смотрю на часы. Пора! Я еще раз повторяю про себя заклинание – на удачу. Слова его очень похожи на те, что я сочинила много лет назад и совсем для другого платья.

*Сквозь даль времен и расстояний,
Сквозь горечь тяжких испытаний
Пусть отзвуки двух душ, когда-то разлученных,
Звучат теперь навеки единенно.*

Сердце трепещет предвкушением торжества. Я натягиваю перчатки и беру из коробки в изножье кровати цветы. Едва ли не пара над землей, я выхожу в сад. Рори сияет – она исключительно прекрасна! Она моргает, стараясь не расплакаться, и кладет ладонь на сердце. Рядом с ней Хакс – с улыбкой человека, осознающего свое безумное счастье. Еще бы! Ведь судьба благополучно вернула его домой, к женщине, в которой он души не чает, и к тому же уже через месяц он займется новой медицинской практикой.

Камилла тут же вскакивает, едва успев промокнуть слезы. Тия дает знак музыкантам, и в воздух взвиваются первые ноты «Канона» Иоганна Пахельбеля. Я делаю шаг, другой... и наконец вижу впереди Энсона. Он улыбается мне с другого конца спускающейся вниз дорожки, и пока я медленно приближаюсь к нему, он не сводит с меня восторженных глаз. Мужчина, которого я люблю уже сорок лет. Единственный жених, о котором я когда-либо мечтала.

Наконец я кладу руку в его ладонь, и мелодия стихает. И неожиданно – точно легкий шепот, коснувшийся щеки, – я слышу голос *Матан*: «Пока ты хранишь в своем сердце его любимое лицо, он ни за что не пропадет навеки. Всегда будет возможен путь назад». И наконец мы этот путь нашли. Да, нам потребовались десятки лет, чтобы это мгновение настало, – и все же время ничего не значит. Потому что теперь мы знаем, что ни один из нас никогда на самом деле не отпускал это *любимое лицо*. Что где-то в самых потаенных уголках души мы крепко удерживали образы друг друга.

СНОСКИ

1

Прощай, Энсон, любовь моя. Это конец (*фр.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

«Плоды случайности» («Random Harvest») – американский драматический фильм Мервина Лероя, снятый в 1942 году по одноименному роману Джеймса Хилтона.

Сконы – заимствованная с севера Англии и Шотландии выпечка из недрожжевого теста (традиционно – из ячменной или овсяной муки), представляющая собой маленькие приземистые булочки со всевозможным наполнителем – ягодами, цедрой лимона, изюмом и пр.

Теория «плавильного котла» – теория формирования американской нации, объединившей в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из множества стран мира.

Корейская война – конфликт между КНДР и Республикой Корея, длившийся с 25 июня 1950 по 27 июля 1953 года. Часто этот конфликт времен «холодной войны» рассматривается как опосредованная война между США с их союзниками и силами КНР и СССР.

6

Идея ругательной банки: если человек выругался, он кладет в нее доллар.

Имеется в виду прибывший к берегам Америки в 1620 году корабль «Мэйфлауэр» («Mayflower»), пассажиры которого, также известные как «пилигримы» или «отцы-основатели», построили в Новой Англии Плимутскую колонию, которая считается началом не только британской экспансии в Новом Свете, но и возникновения Соединенных Штатов. Уцелевшие потомки поселенцев с «Мэйфлауэра» считаются неофициальной аристократией в стране.

Тарт «Тропезьен» – это французское пирожное из сахарной булочки-бриошь, разрезанной на две части и наполненной смесью двух кремов – ванильного и масляного.

Бабушка (*фр.*).

10

Un rêveur – фантазер, мечтатель (*фр.*).

11

Les choses de cœur – дела сердечные (*фр.*).

Sorcière – колдунья, ворожея (*фр.*).

«Радость моды» (*фр.*).

Магию духов (*фр.*).

Моя дeвoчкa, дoчeнькa (*фр.*).

Имеется в виду серия еврейских погромов, прошедшая в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года по всей нацистской Германии, в части Австрии и в Судетской области, которая осуществлялась военизированными отрядами и гражданскими лицами.

Радио Лондона (*фр.*).

Да, моя девочка (*фр.*).

Ma pêche – мой (сладкий) персик (*фр.*).

Бурные (или ревущие) двадцатые – эпоха послевоенных 1920-х годов (вплоть до Великой депрессии, начавшейся в 1929 г.) в США, Англии, Германии, Франции, характеризуемая бурным экономическим процветанием, появлением новых технологий, динамическим развитием искусства, его стремительной модернизацией и разрывом с викторианскими ценностями.

Mille feuille – «Мильфей» (*фр.*, букв. «тысяча лепестков»), французский десерт из трех коржей слоеного теста, проложенных кремом из взбитых сливок и свежими ягодами.

Café au lait – кофе с молоком (фр.).

Да (*фр.*).

Дорогая (*фр.*).

Bonne chance – доброй удачи (фр.).

Статус евреев (*фр.*).

Облава 16 июля 1942 года, вследствие которой по наводке немецких властей парижской полицией было арестовано и депортировано в лагеря смерти более 13 000 евреев.

Boche (*фр.*) – бош, немчура. Это уничижительное прозвище немецкого солдата или просто человека немецкого происхождения появилось еще во времена франко-германской войны 1870 года, а затем более широко использовалось французами, бельгийцами, люксембуржцами с Первой мировой войны и до окончания Второй мировой.

Имеется в виду Битва на Сомме, которую вели на французском театре военных действий армии Британской империи и Французской республики против армии Германской империи. Это одна из крупнейших битв Первой мировой войны и одно из наиболее кровопролитных сражений в истории человечества (там погибло и было ранено более 1 млн человек). Длилась битва с 1 июля по 18 ноября 1916 года.

Облава «Вель д'Ив» – крупнейшая серия массовых арестов евреев во Франции во время Второй мировой войны, проведенная полицией 16 и 17 июля 1942 года.

Здесь: сердце мое (фр.).

Вы говорите по-английски? (*фр.*)

Извините! (фр.)

Мне жаль (*фр.*).

Боже правый! (*фр.*)

AFS – American Field Service (Американская полевая служба), волонтерское движение, зародившееся в период Первой мировой войны, когда добровольческие амбулантные корпуса служили французской армии в качестве «иностранных санаториев». С началом Второй мировой войны *AFS* возобновила набор добровольцев – водителей санитарных машин и медицинского персонала – и, реорганизовав свою службу «Скорой помощи», отправила подразделения сначала во Францию, а затем в британские армии в Северной Африке, Италии, Индии и Бирме.

Измененная фраза из речи Авраама Линкольна в ноябре 1863 года на открытии Национального солдатского кладбища в Геттисберге: «... что эта нация, с помощью Божьей, обретет новое рождение милосердия и свободы, и что правительство народа, из народа, для народа никогда не исчезнет с лица земли».

Бедное мое дитя (*фр.*).

«The Wild boys» (*англ.*).

Надеюсь, ты проголодался (*фр.*).

Джон Пол Джонс (1747–1792) – знаменитый американский моряк шотландского происхождения, прозванный «отцом американского флота», национальный герой США. Первый известный военно-морской командующий в американской Войне за независимость.

Коричневое масло – это растопленное и подрумяненное сливочное масло, которое в процессе приготовления приобретает ореховый привкус и аромат.

Можете войти (*фр.*).

Бедная моя девочка (*фр.*).

В годы Второй мировой войны именно посыльные из «*Western Union*», крупнейшей в то время телеграфной компании Соединенных Штатов, доставляли в американские семьи скорбные извещения об их близких из мест военных действий.

АБОРТЫ (*фр.*).

Мамочки (*фр.*).

Имеется в виду крупная морская десантная операция, проведенная 6 июня 1944 года в Нормандии во время Второй мировой войны силами США, Великобритании, Канады и их союзников против Германии.

«Зачарованная игла» (*фр.*).

Имеется в виду мелодраматический американский телесериал, выходивший на канале *ABC* с 1981 по 1989 год.

Вот так! (*фр.*)

Не так ли? (*фр.*)

Здесь: чрезвычайное волнение (фр.).

Антидимаффационная лига (ADL) – международная еврейская неправительственная общественно-политическая организация, базирующаяся в США, созданная в 1913 году с целью противостояния антисемитизму и другим формам нетерпимости по отношению к евреям.

Невесты (*фр.*).

«Blackbird» (англ.).

«Скраббл» («*Scrabble*», *англ.*) – игра в составление слов из костяных или пластиковых квадратиков с буквами. Аналог известным у нас «Эрудиту» и «Словоделу».

Kriegie – разговорно-пренебрежительный вариант немецкого слова *kriegsgefangener* – военнопленный.

Да, малышка (*фр.*).

Здесь: Великая Мать (фр.).